

Влад Савин

ВРАТА ПОБЕДЫ

Ленинград-43

Сумерки богов

Врата победы

Военная фантастика
коллекция

Владислав Олегович Савин
Врата Победы: Ленинград-43.
Сумерки богов. Врата Победы
Серия «Коллекция. Военная
фантастика (АСТ)»
Серия «Морской волк»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40497214
Врата Победы: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-112410-6

Аннотация

От Ленинграда-43 через Сумерки богов к Вратам Победы. Уже понятно, ход Отечественной войны необратимо изменился. День Победы будет тоже 9 мая, но сорок четвертого года. Но каким будет послевоенный мир? Ведь каждая сторона стремится улучшить свое положение на игровой доске. Война – продолжение политики иными средствами, и в альт-истории Союзу противостоит Еврорейх – объединение под фашистским флагом почти всех стран континентальной Европы.

Содержание

Ленинград-43

5

Конец ознакомительного фрагмента.

458

Влад Савин
Врата Победы:
Ленинград-43. Сумерки
богов. Врата Победы

© Влад Савин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Ленинград-43

Благодарю за помощь:

Сергеева Станислава Сергеевича, Павлова Сергея, Лебедева Юрия, Бондаренко Александра Александровича, Николаева Михаила Павловича, Бурматнова Романа, Сухорукова Андрея и читателей форумов ЛитОстровок и Самиздат под никами Andy18ДПЛ, Андрей_М11, Комбат Найтов (Night), Superkashalot, Борис Каминский, Михаил Маришин, Тунгус, Сармат, Скиф, StAl, bego, Gust, StG, BVA, Old_Kaa, DustyFox, otikron и других – без советов которых, очень может быть, не было бы книги. И конечно же, Бориса Александровича Царегородцева, задавшего основную идею сюжета и героев романа.

Лазарев Михаил Петрович. Северодвинск (Молотовск)

Опыт боевого применения атомных подлодок в Великой Отечественной войне.

Не могло такого быть? Первая американская атомарина «Наутилус» вступила в строй в 1954-м, а наша «проект 627», она же «Ленинский Комсомол», в 1959-м. Но мы-то есть – попавшие в прошлое неведомо как. И не добраться до этих умников на коллайдере, чьими экспериментами в ткани мироздания образовалась дырка, в которую провалились мы, подводная лодка «Воронеж» Северного флота России, вы-

шедшая в 2012 году в обычный учебно-боевой поход в Средиземку и оказавшаяся в Атлантике июля сорок второго! А если бы добрался – поубивал бы их за это приключение или, наоборот, сказал бы спасибо за случай историю изменить?

Ведь субмарины этой войны по сути не были подводными! Ну что такое скорость выхода в атаку четыре узла, как у гребной шлюпки? Можно развить восемь, десять узлов, но не дольше чем на час, полностью разрядится батарея! Это при том, что эсминец развивает и тридцать, тридцать пять. Отчасти это компенсировалось невидимостью, вернее неслышимостью – гидроакустика только начала свой путь развития, и дальность обнаружения лодки измеряется сотнями метров! То есть вся тактика субмарин была: занять позицию на курсе заранее обнаруженной цели, выжидая, пока она сама впишется в прицел – а после отползать из района атаки, надеясь, что переполошившийся враг, прочесывающий море после твоего удара, тебя не заметит. Угадать место – нырок – напоз – и отползание не дыша. Что главное для лодки – свежий воздух и скорость! Чего больше всего не хватало подводникам этих времен, да и на дизелях более поздних проектов.

А мы свободно развиваем под водой тридцать узлов на долгое время. Обнаруживаем врага на недостижимой для него дистанции, сами оставаясь неслышимыми – тридцать лет совершенствования техники в условиях пусть и необъявленной холодной войны. Стреляем самонаводящимися тор-

педами с невероятного расстояния – и даже когда по израсходованию *родного* боекомплекта пришлось перейти на местные изделия, возможность легко занять выгодную позицию давала нам огромный перевес. И можем атаковать не только корабли, но и лодки под водой, что для этих времен было недостижимым!

Потому в этом времени атомарина в океане – это царь и бог. Только мелководье и мины могут быть реально опасны – но мы туда и не сунемся. А в открытом море, где есть глубина и простор для маневра, даже противолодочное авианесущее соединение, самый опасный враг субмарин этой войны, для нас не охотник, а очень вкусная дичь.

Немцы прозвали нас Полярным Ужасом – зная лишь, что в глубине скрывается смерть. В холодной воде Арктики человек в спасжилете живет в среднем лишь несколько минут, на открытом плотике в плохую погоду (а такая тут всегда) – несколько часов. Весь Арктический флот рейха сейчас ржавеет металлоломом на дна Баренцева и Норвежского морей. Но главный результат нашего появления здесь был не в этом!

Наша торпеда попала в «Лютцов», и это выглядело так, будто по фарфоровой вещи ударили кувалдой. У «Кельна» после взрыва просто исчезла кормовая половина вместе с орудийными башнями – а то, что осталось, быстро валилось на борт, задирая форштевень. И последними взорвались оба «нарвика» в голове конвоя.

А немцы в этот день подходили к Сталинграду. Исход

войны решался не на море – на суше. Будь мы стратегической «акулой» проекта 941, сотни ядерных боеголовок хватило бы, чтобы превратить в пепелище Германию вместе с половиной Европы. Мы же, потратив с пользой почти весь боекомплект, не промахнувшись ни разу, сумели всего лишь уничтожить фрицевский флот на севере. И это было очень мало¹.

И – этого не понимают многие авторы «попаданческих» романов, которые я успел прочесть в начале двадцать первого века – именно Победа сделала нас, живущих в СССР, такими, какие мы есть! Победа, добытая своими руками и давшаяся дорогой ценой – а не принесенная на блюдечке! Победа, достигнутая без советов всяких «попаданцев». Победа, сплотившая нас – русских, украинцев, белорусов, казахов, таджиков, грузин, эстонцев, все национальности Советского Союза – в единый, советский народ, ведь складывалась уже эта новая общность, чуть больше бы времени и меньше ошибок! Даже в позднесоветское время, двадцать с лишним лет именно общая Победа, память об общей судьбе, остается тем, что объединяет нас, живущих в так называемом СНГ. Потому – не надо менять историю, лишая ее содержания. Достаточно лишь чуть ее подправить.

И не надо так плохо думать о предках! Которые в иной реальности справились сами, без нас. А мы лишь чуть подтолкнули – информацией, и совсем немного оружием.

¹ Об этом предыдущие книги цикла. – *Здесь и далее примечания автора.*

Потому что гораздо важнее утопших фрицевских лоханок было, что здесь удался «Большой Сатурн» – окружение и разгром под Сталинградом не одной армии Паулюса, а всего южного крыла немецкого фронта, двух групп армии! Никого из нас не было там, предки сами сумели разработать и осуществить план, зная весь расклад, все карты, сыграв по-максимуму – а вот немцы, не сумев вовремя сообразить, что им надо думать не о победе, а об отступлении, потеряли всё. И наши в темпе вышли на Днепр; не было Харькова, потому что танковые дивизии СС, нанесшие тогда контрудар, остались все в донских степях, и битва за Днепр случилась в июне, а не осенью сорок третьего – потому что не было Курской дуги, и наш исходный рубеж для наступления уже был по днепровскому берегу, и меньшие наши потери повлекли более быстрое накопление боевого опыта в армейской массе, а у немцев – наоборот! Сейчас, в ноябре сорок третьего, фронт проходит уже по Висле, на советской земле врага не осталось. История пошла здесь совсем другим путем!

Мы же стали для СССР чем-то вроде «Летучего голландца» из романа Платова – длинной и тайной руки. И пусть за океаном гадают, куда делся груз урана из Конго, так и не доехавший до «Манхеттена»! И я даже не берусь предсказать, к чему приведет знакомство Курчатова и прочих научных светил с знаниями намного более поздних времен.

Впрочем, первый результат уже есть. Сегодня, 16 ноября 1943 года, в СССР впервые в мире запущен атомный реак-

тор.

Только не появится это сообщение в газетах. Даже здесь очень мало кому известно, что происходит на секретном объекте, официально именуемом «минно-торпедный арсенал номер два», за высоким забором, охраняемом бдительными бойцами НКВД. Такой пока наш советский Лос-Аламос – однако же первыми оказались мы! У американцев после провала того эксперимента под чикагским стадионом (в иной истории завершившегося успешно) ну просто косяком пошли проблемы. Еще несколько аварий, в том числе с пожаром, с жертвами, и все – с материальным ущербом. Явно неудачный результат экспериментов. И наконец, когда американцы резко ужесточили меры безопасности – кампания черного пиара в самой свободной и демократической американской прессе. Неужели независимые журналисты и в самом деле существуют – я-то был уверен, что это миф!

– Не существуют, конечно! – ответил наш «жандарм», товарищ комиссар ГБ третьего ранга Кириллов. – Но ведь и зависимые – от кого? Если, например, нефтяным баронам кинуть слух, что с развитием атомных дел их прибыли резко упадут? Как закинуть – это, простите, чисто технический вопрос. А дальше уже всё само пошло, мы лишь изредка маслица подливали.

Да уж! Если верить нашей информации, в США пошла мощная волна, что казенные деньги тратятся неизвестно на что и это вообще грандиозная афера! «Вы, яйцеголовые, мо-

жете дать гарантию, что будет результат? Ах, не можете – что значит нерешенные проблемы? А если их вообще не удастся решить, и во сколько это обойдется?» Причем это не только шум в газетах, но и разговоры в кулуарах очень даже влиятельных людей. Конечно, надеяться, что атомная программа будет закрыта, слишком оптимистично – но уж точно не ускорится!

А уж слух, что в действительности яйцеголовые делают там некий «белый радий», который по сути эликсир бессмертия – это вообще шедевр! Интересно, тоже наши запустили, или кто-то там сам додумался? Уже несколько лиц, причастных к «Манхеттену», или члены их семей были похищены гагстерами, требовавшими «принести им хоть грамм этого радия». Конечно, это были совсем мелкие фигуры или субподрядчики – но можно предположить, сколько головной боли это прибавило генералу Гровсу и безопасникам, вынужденным приставлять охрану решительно ко всем занятым в проекте?

Ну а мы тихо, незаметно копали. То есть двигались вперед, пользуясь информацией из 2012 года. Реактор был практически копией того, что был запущен в нашей истории в декабре 1946-го – семиметровый шар из графитовых блоков, с урановыми стержнями. Кстати, совершенно неправильно называть одним и тем же словом этот, пока еще экспериментальный стенд, предназначенный для получения опытных данных о физических процессах и управлении ими в на-

стоящем реакторе – и ту машину, которая после встанет на электростанцию или на корабль. Но у американцев пока нет и этого, как нет и информации, принесенной нами из «будущего». А значит, появляется реальный шанс их опередить!

В этот день я поверил, что Бомбу нам удастся взорвать раньше американцев. А значит, атомного шантажа СССР не будет.

– Вашими бы устами... – покачал головой Кириллов. – Точное оборудование мы, к сожалению, пока вынуждены покупать у них. Как товарищ Доллежалъ ни старается фактически с нуля новую отрасль промышленности создать, что-то уже у него получается, кое-чем мы сами себя обеспечиваем – но далеко не всем. Рано пока нам с союзниками ссориться, мы не всё еще от них взяли. И вот тут ваша легенда про «фтороход» очень пришлась к месту – американцы верят, что химическое оборудование, что мы у них заказали, это для выработки реагентов для вашего корабля. А вот когда поймут и перекроют... Нам, как в песне, «лишь бы еще год простоять, и еще год продержаться», дальше уже будет полегче. Кончится наконец эта война – и ресурсов выделим побольше.

Да, а миллионам наших людей с разоренных территорий еще годы в землянках жить, «по воле антинародного сталинского режима»? Вот только Анечкины слова не забуду: «Всем колбаса досыта – а после нас завоюют, и в концлагерь». Поверили однажды в дружбу мирового капитализма с

человеческим лицом – и что вышло? Никогда и ничьим искренним другом они быть не могут, по определению своему же собственному: «Человек человеку конкурент».

Так что простите нас те, по кому война прокатилась. Долг наш и помощь вам – это чтобы Бомбу и атомный флот удалось создать и быстрее, и дешевле. Чтобы никто не посмел двадцать второе июня повторить. Главное сейчас, чтобы никто извне нам не помешал, после и до внутреннего обустройства руки дойдут.

И пока это у нас получается. С тех пор как мы сюда провалились – из 2012 года в июль сорок второго – изменения видны уже невооруженным глазом, всего за год с небольшим! Фронт в этой реальности, согласно сводке Совинформбюро на сегодняшний день, проходит уже вне пределов СССР. На севере – Нарвик в Норвегии и вся ее территория до нашей границы, Финляндия из войны вышла, там теперь наши базы, авиация и флот. Прибалтика тоже наша, на Моонзундских островах остатки датского корпуса капитулировали в начале ноября. Дальше фронт идет по границе Восточной Пруссии, затем на запад к Висле, есть уже несколько плацдармов на ее западном берегу, в том числе Варшава (хотя судя по фотографиям, после восстания Коморовского дешевле будет отстроить город на новом месте, чтобы с вывозом мусора не напрягаться – там всё сровнено с землей, как после ядерного удара). По Рудным горам фронт снова на восток, в Чехии пока немцы, а вот в Словакии восстание вспыхну-

ло в октябре, правда с меньшим размахом, но наши успели поддержать, и теперь там слоеный пирог: немцы, венгры, какая-то шваль со всей Европы – и повстанцы вместе с нашими десантниками, на аэродромы поступает подкрепление, даже пара авиаполков перелетела, так что подавить немцам не удастся, а наши ведут бои за Карпатские перевалы, и как только прогрызут, немцам в Словакии придет северный лис. Южнее – Венгрия, где наши, вместе с румынами, которые теперь наш союзник, как в той истории, уже прошли через Карпаты. Отчего там стоим, непонятно – переговоры ведутся или просто тылы надо подтянуть? В Югославии наши прошли до Любляны, это самый север, уже у итальянской границы. Правда, там, как в девяностые, воюют все со всеми, наши совместно с отрядами Ранковича (не Тито!) держат основные города и железные дороги, а в горах творится черт знает что: сербские четники, хорватские усташи, какие-то «братья-мусульмане», а также огромное количество дезертиров и бандитов всех мастей режут друг друга с ожесточением и пленных не берут. Причем самый юг, Македонию, заняли союзные нам болгары, установили там свою администрацию-окупацию и открыто заявляют, что эта земля теперь их, наши не возражают, а мнением самих македонцев никто не интересуется. Братушки-болгары также захватили северные районы Греции (их земля с портом Дедеагач на Средиземке, отторгнутая злобной Антантой по итогу той войны) и упорно лезут, при нашей поддержке, в собственно Грецию; взяли Са-

лоники, фронт сейчас у той самой горы Олимп. Болгары же успели захватить европейскую часть Турции, кроме Стамбула и зоны Проливов – на эту территорию СССР ввел свои войска, «фашиствующие янычары» вынуждены были согласиться, чтобы избежать полноценной войны – после того, что Красная Армия устроила прежде непобедимому вермахту, военный авторитет Советского Союза взлетел на недосягаемую высоту, и биться с ним турки не решились – тем более что сами перед этим умудрились объявить войну Англии и захватить Ирак, Кувейт, Аравийский полуостров – словом, все азиатские владения бывшей Османской империи.

Ну, а в Европе сейчас Еврорейх – объединение под руководством Германии всех захваченных и союзных ей стран, включая Францию и Испанию. Правда, для французов Восточный фронт оказался в чужом пиру похмелье, на Днестре их погибло и попало в плен больше, чем в битве под Верденом в той войне – ну а испанцы благоразумно воюют в Европе с врагами рейха, но боятся лезть на восток – Франко всё ж не дурак, и понимает, что победы Гитлеру не видать, как своих ушей. И жалеет, наверное, что выбрал не ту сторону – но после того инцидента в Атлантике, когда англичане, как ему показалось, готовы были на его напасть... Пусть думает – от чьих торпед пошел на дно крейсер «Канариас», я не расскажу никому, если только сам Иосиф Виссарионович Сталин не позволит. «Вас там нэ было, товарищ Лазарев, вы поняли мэня?»»

Англичанам не везет больше всех. Добавив приставку «Евро», рейх мощно выплеснулся на запад. Сначала были захвачены Мальта и Гибралтар. Затем Роммель, получив подкрепления, повторно рванул к Каиру – и взял его, форсировав Нил. Немцы дошли до Ирака и остановились, до предела растянув коммуникации. Зато итальянцы, вообразив себя наследниками того самого Рима, ринулись завоевывать Африку – до Кейптауна, естественной границы жизненного пространства римской расы! Сейчас бои идут в Кении, причем англичанам очень плохо. Потому что пытаюсь остановить немцев у Каира, они так оголили Индию, что не могли сдержать натиск японцев. Рухнул бирманский фронт, причем самураи выпустили в Индию Чандру Боса, «индийского Бандеру», и это было всё равно, что шуку кинуть в пруд – поскольку был этот деятель тогда весьма популярен, призывая к независимости, вот только, в отличие от Ганди, был очень даже сторонником насилия по отношению к белым колонизаторам и всяким их пособникам. Сейчас в Индии творится, примерно как в нашу Гражданскую: несколько воюющих сторон, иностранные интервенты (японцы и остатки англичан) и великое множество мелочи сам за себя. А если считать, что англичанам в последнее время очень не повезло и на море... Нет, к этому наша атомная подлодка «Воронеж», непонятно чьей волей попавшая в 1942 год, прямого отношении не имела, только косвенное и краем².

² Об этих событиях читайте предыдущие книги цикла.

Такая вот политика, в которую мы затесались. Вообще-то мы должны были уйти в Полярное, Главную базу СФ, сегодня утром «для выполнения особо важного задания». Но остались здесь, опять же по приказу из Москвы.

Потому что наш мех, инженер-капитан первого ранга Серега Сирый, оказался до зарезу нужен Курчатову в этот исторический момент. А то дело, которое нам должны были поручить, оказалось вроде как отложенным. Что за дело, товарищ Кириллов, играющий здесь роль ока и руки государевой, наш бессменный куратор с тех пор, как мы появились и вышли на связь с руководством СССР, пока не оглашал, сказав лишь: «Меньше знаешь – крепче спишь». И перевел разговор на события в Португалии, которая в этой истории играет ту же роль, что Италия у нас – не было здесь «Хаски», высадки союзников на Сицилию и Аппенины, зато был «Веллингтон», когда Испания открыто примкнула к Еврорейху, Черчилль вспомнил о событиях более чем столетней давности. Но сейчас положение американцев очень похоже на наш Севастополь июня сорок второго: полгода там шли вялотекущие потягушечки, но теперь немцы взялись за дело всерьез. И очень похоже, что янки очень скоро скинут в море – вот только мы-то тут причем?

Сирый Сергей Николаевич, инженер-капитан 1-го ранга, командир БЧ-5 АПЛ «Воронеж».

Северодвинск, 16 ноября 1943 года

Ну, вот и выпустили атомного джинна из бутылки. Слабенький он пока, и едва заметен невооруженным глазом – ну, да это ничего, быстро подрастет!

С Курчатовым сработались великолепно. В смысле, он тут главный, на «арсенале-два», у меня лишь иногда советы спрашивает, чтобы перед местными товарищами не светить – из всей атомной команды он один знает, кто мы и откуда. И кстати, пообщавшись с ним, понял я, отчего его за глаза Генералом называют – не только ученый, но и организатор, умеет четко приоритеты расставить, задачи по исполнителям распределить и жестко требовать отдачи. Сразу и с восторгом ухватился за «сетевые графики» – ну не применяли еще в этом времени этот метод, очень удобный и для планирования и контроля: и узкие места хорошо видны, и заметно, кто отстает. Причем график может быть многоуровневым: стрелка с числом – сделать это за такой-то срок – у исполнителя развернута в свой график, по смежникам, комплекующим и частным задачам. А так как Лаврентий Палыч в курсе и идею отлично понял, то не удивлюсь, если этот метод сейчас активно внедряется во всех наркоматах, как сейчас министерства называются. Ведь чрезвычайщина, она по большому счету как тришкин кафтан – позвонил, накрутил кому-то хвост: «Всё бросай, занимайся этим», – главное вытянул, всё остальное в провале, и что после с ним делать? А тут – четкий порядок работы повседневной, без гонки, но и без простоев.

Хотя Курчатову всё равно не позавидуешь: два направления тянет. Физические процессы – ну, это понятно, его. Собственно машины, технология конструкционных материалов – это Доллежалъ. И третье – биология-медицина – тоже пока на Курчатове висит (и наш док, Князь, ему в помощь), обещали прислать кого-то из медицинских светил, но нет пока. Ну и, конечно, «самый эффективный менеджер» товарищ Берия – главный над всем. Но у него задача макро: сверху обеспечивать наше взаимодействие с другими наркоматами, чтобы без бюрократии и проволочек – но и с учетом того, что лишних ресурсов у СССР нет, что нам идет – от фронта отрываем! Ради будущего фронта – холодной войны. Или, не дай бог, Третьей мировой.

Демократы взвоют лет через пятьдесят? Так, надеюсь, не будет тут никакой *перестройки*. А я не Сахаров, чтобы рефлексировать: «Ах, как плохо!» Что делает СССР сильнее, то хорошо – и точка! Вот кем бы я был там, в 2012-м? Еще отслужил бы лет десять, ну пятнадцать по максимуму – и дальше кто? Кап-два на пенсии, отставной козы барабанщик, кому на гражданке моя специальность нужна – сторожем на автостоянке работать или вахтером в режимной учреждении сидеть? Реально знаю такие случаи. Здесь же Лаврентий Палыч, услышав от меня такое, похоже, едва сдержался, чтобы пальцем у виска не покрутить – вы там, потомки, совсем одурели? Получил бы я там погоны кап-один, может быть, лет через пять (а может и нет) – тут же реально адмираль-

ство светит, когда атомный флот по-настоящему развернется. Кто сам не служил, тот не поймет: контр-адмирал в сравнении с кап-раз – это не просто следующее звание, это уже уровень новый! А там, чем судьба не шутит, как в нашей истории РикOVER был у штатовцев бессменным «командиром БЧ-5» всего их атомного флота сорок лет, по именному президентскому указу – так, может, и я здесь так же? И до полного адмирала дослужусь?

Чем конкретно я тут занят, пока на Севмаше стоим – этого я вам не скажу, поскольку подписку давал. Намекну лишь, что книжка по проектированию реакторов, которую мы местным товарищам передали (случайно ведь у меня оказалась!), и мой специфический опыт (всё ж на атомаринах пятнадцать лет, как Держинку в Питере окончил, так и тянул, ну не хотелось совсем на гражданку: бизнес – это точно не мое) оказались очень даже востребованы. Позволяет иные подводные камни обойти, и тупиков избежать, и указать, где и что искать – что очень ускоряет процесс. Даже пару раз лекции читал по спецпредмету – тут филиал ленинградской Корабелки открылся, причем на машфаке есть особая группа по атомной специальности – атомного флота, кроме нас, нет еще, а кадры уже готовят! И представляю, какая головная боль у НКВД, чтобы сам факт нашей атомной программы скрыть не только от немцев, но и от союзников, ведь столько уже посвященных! Правда, студенты здесь тоже особые – не гражданские ребята восемнадцати лет, а сплошь с боевыми

медалями – слышал, что с Ленфронта отзывали, кто из той же Корабелки и с судостроительных заводов воевать ушел. Так что – сознательные, и болтать не будут.

Ну, а прочее особого упоминания не заслуживает. Провалились бы мы в век девятнадцатый (тьфу-тьфу!), была бы местная экзотика. А так бытовые условия – вы что, питерских коммуналок не видели? Хотя у нас квартиры отдельные – жилье нам дали в трехэтажном доме, фактически на территории завода, вернее особой его части, что именуется бригадой строящихся кораблей. Дом, какие я в Питере в двухтысячные видел, в Волковой деревне между улицами Салова и Мгинской (друг у меня там жил, на дембеле) – только печное отопление и плита первоначально напрягали, этого я уже не застал. Вот юмор, атомным «котлом» командую, а как обычную плиту разжечь, не умею, тут тоже, оказывается, тонкости нужны: сначала растопка (газеты или береста), затем тонкие щепочки, и уже после поленья – вот ей-богу, чем обед разогреть, проще пробежаться до столовой или до «Белых ночей»! А снабжают нас очень даже неплохо, правда, американская тушенка в пайке надоела уже вконец! И еще рыбы много, причем не какой-то там, сегодня палтус был – слышал, что наши рыбаки вконец уже осмелели, ловят и в Баренцевом, и в Норвежском море, будто войны и нет совсем: «...поскольку снабжение воюющего СССР провизией есть важнейшая государственная задача», – как в «Правде Севера» прочел. Приятно сознавать, что в этом и наше-

го труда доля есть – берег до Нарвика наш, немцы на север не суются, и выходит, что весь наш СФ занят сейчас тем, что охраняет идущие к нам конвои и тех же рыбаков. До того дошло, что флот возвращает в Рыбтрест мобилизованные траулеры – но пушки и военные команды с них не снимает, мало ли что.

Так и живем, служим. Что еще делать? По мне, так самое приятное – это вечернее чаепитие между своими и философские беседы. Ну, еще научные, с Курчатовым или кем-то из академиков – но это специфика, интересна лишь для владеющих предметом. Жалко, что библиотеку Сан Саныча увезли в Москву (наверное, сам Сталин ее сейчас читает), компы под замком, в кабинетах с охраной, а Интернет появится лет через пятьдесят – уж точно не доживу!

– Петен, наверное, сейчас Адольфов порог обивает, просит дозволения восстановить линию Мажино. Гитлер вопит: «Против кого?» – а Петен, вот юмор, и сам не знает, то ли против нас, то ли вовремя соскочить хочет.

– А ведь когда мы к Берлину подойдем, на западе фронта не будет. Вот интересно, бесноватый также предпочтет в бункере самоубиться? Или рванет в бега, к «другу Петену», «другу дуче», «другу Франко»? Или сразу к «другу микадо», чтобы не достали?

– Нужен он им, как же! Сами повяжут и выдадут нам – в обмен на прощение. Или чтобы хоть не сильно били за весь их Еврорейх.

– Так он же не один прибежит, а со своими эсэс! Те, кто Варшаву разрушал – им точно в плену не светит.

– А сколько их там – пара дивизий, ну корпус. И не средневековье: чтобы армию содержать, промышленность нужна. Когда мы до Рейна дойдем, думаете, французы будут гореть желанием помирать за рейх? Тут дело не только, что на рабстве далеко не уедешь – как они на французских заводах будут «тигры» и «фокке-вульфы» выпускать?

– Лицензию бесплатно, какие проблемы?

– В нашей истории французы после сорок пятого вооружили трофейными «пантерами» пару своих танковых полков. Так через год учений мирного времени – списали: запчастей нет, а налаживать производство посчитали дорого. Дешевле оказалось «шерманы» из амерских излишков купить, с гарантийным обслуживанием. И это, повторяю, в мирное время. О том, что у немцев сейчас будет то же самое, что у нас в девяностые – «разрыв хозяйственных связей с отпадением территории» – вообще промолчу. И всего несколько месяцев времени. Как они успеют?

– Наши же в сорок первом могли заводы тысячами вывозить?

– Ну, чисто теоретически... Хотя всё равно сюр – это ж всю Германию надо с места снять и во Францию вывезти. Где-то разместить несколько десятков миллионов эвакуируемых и заводы, наладить для них снабжение. И при этом еще воевать – причем союзники, думаю, тоже будут не в восторге,

а значит, бомбить начнут, куда там Дрездену! Так что Адольфу проще уже сейчас веревку мылить.

– Нет, мужики, думаю, что Сталин уже распорядился этого гада брать непременно живым, чтобы после показательно повесить. А рядом будут болтаться все его прочие «г», и еще дуче с Петеном. В назидание тем, кто впредь подумает на СССР напасть.

– Так их генерал Паттон уже в сорок пятом брался за полгода до Сталинграда дойти.

– Паттон? Что-то не помню в истории такого полководца.

– Ну как же, Сан Саныч? Лучший их танковый генерал, которого будто бы немцы больше всех прочих боялись. В его честь у них даже танки были названы, от М46 до М48: Паттон один, два, три.

– Генерала Паттона знаю, полководца такого не помню. Это кого и когда он разбил, какие победы одержал? Единственное серьезное дело было, в котором он участвовал, это под Фалезом – так и там он не сам командовал, а передаточным звеном работал. И мудрено там было амерам не выиграть, имея превосходство в силах в разы!

– Ну так называют же его...

– Так они в девяностые и Шварцкопфа своего, который в Ираке «Буря в пустыне», называли лучшим полководцем всех времен и народов! Вот ей-богу, сам по телеящику слышал.

– Ну, так это реклама, как у них везде. Не раскрутишь –

не продашь.

Сидим, чай гоняем. Все здесь, кроме командира. Обычно он тоже присутствует, но сейчас у него с Анечкой личные дела, совет им да любовь – ну и правильно, уйдем завтра в море, когда еще свидимся, а то и вовсе нет, тьфу-тьфу! А командир наш в той, прежней, жизни в веке двадцать первом так и не женился – и вот, здесь свою Единственную нашел, Аню-партизаночку, а по службе – лейтенанта ГБ и охранительницу нашей Тайны. Дел производственных обсуждать совершенно не хочется, на то казенное время предусмотрено – ну, а личных пока ни у кого нет, чтобы настолько серьезно. Хотя у старпома, Петровича, что-то намечается с одной из Аниных помощниц – но о том пока молчу. У других тоже на берегу женщины знакомые есть, но пока... А у меня – вот даже не знаю! Есть тут у Курчатова студенточка одна, тоже из ленинградских – как-то незаметно мы с ней разговорились, оказывается, буквально по одним улицам ходили, у меня сестра в Питере на улице Декабристов живет... жила – там, в 2012 году. А эта на Маклина, рядом. После на другие темы разговор перетек, умная оказалась. Чтобы женщина, и в это время – про формулу Эйнштейна знала? «Так у Перельмана было о том написано, в «Занимательной физике», разве вы не читали, Сергей Николаевич?» И внешность – как раз тот типаж, который мне нравится, ну как подбирали специально! Так что стали мы встречаться в нерабочее время, провожал я ее, и в «Белых ночах» поужинать, ну а танцы в

ДК по воскресеньям – это само собой!

И вот вчера идем, снежок уже под ногами хрустит – выпал наконец, а то сплошная мокрая гадость с неба сыпалась. Настенька такая веселая, раскрасневшаяся... И элегантная вся. Тут женщины даже молодые нередко как старухи ходят, в ватниках и платках, а она, как барышня старорежимная, в шубке, шапочке и с муфтой – я подумал, вот вкусы и мода распространяются! Как сказал наш Петрович: «Товарищи женщины, будьте нарядными и красивыми, это наш боевой дух повышает, больше фрицев потопим», – так сначала Аня и ее стервочки наряжаться стали, затем и заводские. Настя же вроде как студентка, из ленинградских эвакуированных, а не из «сержантш-секретарш» флота. Улица Ломоносова, по нынешним меркам окраина, темно уже, фонари редко-редко, и никого вокруг – смена на Севмаше еще не наступила. И вдруг навстречу вываливаются трое, перегораживают улицу с явно недобрыми намерениями. Ну что делать, разного народа сюда нагнали, не одни комсомольцы-добровольцы и «враги народа», но и самые обычные уголовники в большом количестве. Мне быть ограбленным и избитым совершенно не хочется, тем более в присутствии Насти – я хватаюсь за кобуру «стечкина», который мне особым приказом предписывается всегда носить за пределами базы, «во избежание вашего убийства или похищения агентами абвера или союзников». И у тех в руках что-то блеснуло – тоже оружие достали.

И тут выстрел, совсем рядом. Ё-мое, у Насти в муфте пистолетик был, совсем крохотный – но один из гопников с во-ем валится наземь, остальные замирают, бросают ножи. Сзади слышен топот, и через минуту подбегают двое парней, одеты в здешнее штатское (то есть в военной форме без погон), в темпе укладывают оставшихся разбойников мордами вниз, обыскивают – ну да, у двоих были ножи, а у подраненного ТТ. Затем один обращается к Насте: «Товарищ младший лейтенант госбезопасности», – и просит разрешения сбежать на какой-то «маяк» тут рядом и вызвать по телефону патруль, этих забрать. А кто-то из лежащих грабителей шипит соседу: «Я ж говорил, «стервочка», ты не поверил, теперь всем Норлаг».

Ну, Лазарева, ну стерва! Оказывается, она тут целую команду успела набрать как Настя, действительно студентка-ленинградка, и повоевать успела, но «Родина желает поручить вам важное задание»... Общую беседу наш главный охранитель комиссар ГБ Кириллов проводил, а Анечка после ставила задачу конкретно. Это что ж выходит, у нее по каждому из нас записано, кому какие нравятся – брюнетки, блондинки, худенькие, полные, высокие, маленькие, и что там еще? А то вспоминаю сейчас, что кроме Насти со мной и другие внешне похожие как бы по делу пересекались, а после вдруг куда-то пропали!

– Так, Сергей Николаевич, не было приказа! Товарищ Лазарева так и сказала: «Присмотрись, если он тебе не по-

нравится, неволить не будем, другую найдем». Я ж не какая-то... Сергей Николаевич, мне нравилось с вами, честно!

Тьфу! Мы ж теперь секретносители сверхуровня, под нас ввели ОГВ – «особой государственной важности», выше чем «сов. секретно». И теперь вопрос: можно *мне* здесь познакомиться, чтобы девушка была красивая, умная, добрая, любящая – и не из ГБ? А то рехнуться можно, что скажешь слово не подумав – и загремишь в солнечный Магадан? Это сейчас мы такие незаменимые, а лет через десять? Да и мало ли кто после Сталина и Берии придет! И Кириллов тоже не вечен – мало ли кого и с какой паранойей на этот пост завтра назначат? А главное, ну какая же это любовь – по приказу, ко всем чертям!

А она лишь плачет. И говорит, что если я захочу, она уйдет, и я больше никогда ее не увижу, ну если только ту, кто следующей будет, тоже прогоню. Тогда Лазарева, может быть, разрешит ей снова попробовать. «А вы, Сергей Николаевич, такой интересный, умный», – и дальше лепет, что она готова мне обед готовить, и стирать, и убирать. А я, как старый циник, думаю: она что, в самом деле влюбилась? Это в меня-то – и староват уже, за сороковник, и ростом не вышел, и лицом не Киркоров – или ей за провал от Лазаревой такое обещано, что проще на колени встать и на всё соглашаться?

Да, теперь окончательно ясно, отчего наш командир Петрович и «жандарм» меж собой Анечкину команду «в/ч

Дом-2» называют. Ксюша-телеведущая, узнав, от зависти удавится – здесь ведь играют всерьез! И что мне с этим делать?

А, к чертям! С Курчатовым вроде закончили, через пару-тройку дней уходим в Полярный. И ночевать мне безвылазно на борту до отхода – ну кому я поручу всё проверить, самому спокойнее! Так Насте и скажу – пусть ждет, пока вернусь, если ей охота. И у меня время будет подумать.

Война ведь идет. И стрелку истории мы так перевели, что дальше с нами будет, одному богу – и товарищу Сталину – известно.

А в это время в Кремле

...горело ярким светом окно. И москвичи говорили, что как раз там в своем кабинете сидит сам товарищ Сталин и размышляет, что сделать для Победы. И конечно же, чтобы жизнь всех советских людей стала еще лучше, счастливее и веселее.

Когда об этом доложили самому Сталину, он лишь усмехнулся в усы и сказал: «Пусть верят». И велел не гасить в той комнате свет до утра. Хотя и в самом деле очень часто засиживался допоздна в кабинете. И мог при этом позвонить по «вертушке» любому из наркомов – отчего уже в знакомой нам истории среди сотрудников центрального аппарата в Москве еще долго после его смерти считалось дурным тоном приходить на работу раньше десяти-одиннадцати, при-

выкнуту уходить в шесть было куда легче.

Окна кабинета Сталина выходили вовсе не наружу, а в кремлевский двор. И люди из двадцать первого века правильно предположили бы, что это сделано ради безопасности, чтобы нельзя было выстрелить сюда издали – но не из снайперской винтовки, а из пушки. Ведь РККА была детищем Троцкого, многие красные командиры – герои Гражданской, были его выдвиженцами, как комбриг Шмидт, который прямо на съезде за шашку хватался, с матерной бранью грозя «этой собаке Сталину уши отрезать», а сколько было тех, кто думал так же? «Вы не посмеете, не решитесь нас расстрелять – а мы вас посмеем», – так сказал не он, Сталин, а Троцкий, перед самой высылкой – эх, добрыми были, если бы тогда одного его сразу, может, после и врагов было бы поменьше?

Это у древних китайцев было – что официальную летопись свершений правителя записывали уже после его смерти. Что ж, товарищ Сталин оценил уникальность ситуации – держать и перечитывать посмертную оценку потомками себя и своих деяний. Он был равнодушен к брани: собака лает, караван идет. Но ему было невыразимо больно видеть, что его наследники сделали со страной, с его делом, ради которого он не жалел ни себя, ни других. Мы служилые люди, мы – тягло. Мы уйдем – держава останется. И всё пошло прахом!

И сам он непростительно расслабился. Решил после Победы, что всё самое главное уже сделано, дальше пойдет по на-

катанной колее и законам исторического материализма. Расслабился, старый дурак; и ладно бы только свою жизнь прозевал, если не врет протокол, что отравили меня, – Никитку прозевал, который всё в трубу спустит, целый заговор прозевал, бдительность утратил. А настоящая битва, оказывается, победой в этой войне лишь начинается! Ну, теперь не дожидетесь!

Кадры у нас решают всё! На Лаврентия положиться можно – к моей смерти он непричастен (иначе его бы в этом и обвинили, а не в английском шпионаже), и понимает теперь, что надолго меня не переживет. И Первым ему не быть – дров наломает со своими нацзакидонами как бы не хуже Никитки. Хотя, кажется, сейчас он хорошо понял, что будет, если национальным элитам дать волю. И как там написано, уже тяготился мной, боясь, что станет ненужным, и... Так не будешь ты ненужным, наш «самый эффективный менеджер», и атомный проект Бомбой не завершится, нужен будет еще атомный флот, а еще реактивная авиация, компьютеры, космос – так что дело тебе найдем. И сам Лаврентий это тоже понял, после откровенного и местами неприятного разговора. Он нужен мне. Так же, как я ему. Вот только, если я что-то понимаю в людях, все те, из «особого списка», кто в событиях июня пятьдесят третьего принял активное участие, у него под прицелом – и если я умру, все они проживут очень недолго. А там и кое-кто полезный для дела есть, жалко.

Настоящая война начнется после Победы? Она уже начи-

нается! Если понимать под ней игру против нас наших пока еще союзников. Что их министры говорили Молотову – наше продвижение в Европу беспокоит их больше разгрома рейха! Твердят о дружбе, о союзнических обязательствах против общего врага – а сами готовы предать, как предавали всегда. Джентльмен ведь всегда хозяин своего слова – хочу даю, хочу беру обратно!

Сначала предали Чехословакию – интересно, отчего те, кто там, в будущем, кричат о преступности Пакта тридцать девятого года, молчат про Мюнхен? Затем предали Польшу, пообещав, но не вступив в бой. Потому что им было надо, чтобы Германия бросилась на СССР, ну а после... Представим, что получилось бы, и Гитлер напал бы на нас не в сорок первом, а в сентябре тридцать девятого?

Девяносто процентов всех сил Германии ведут яростные бои на Востоке, особенно упорные бои развернулись за Москву – всё очень похоже на 1941 год, вот-вот советская столица падёт. На Дальнем Востоке начинается наступление Квантунская армия – захвачена Монголия, советская оборона в Забайкалье прорвана, вскоре японцы занимают Приморье и быстро продвигаются в Сибири.

В это время английская армия в несколько этапов переправляется в союзнические французские порты, при необходимости вскоре к ним присоединяется американская группировка. Сил, способных помешать высадке, у Германии нет в принципе. Под угрозой сокрушительных авиаударов оказы-

ваётся вся территория Германии.

Территория Франции надёжно укрыта линией Мажино. Франции и Англии даже нет необходимости объявлять войну – она уже формально идет с 1939 года.

И Германия получает ультиматум: «Полностью прекратить боевые действия, расформировать большую часть своих дивизий, передать флот и вооружение расформированных частей англо-французским войскам». Если немцы отказываются, то после сокрушительных воздушных ударов промышленные районы Западной Германии стремительно заняты союзными войсками, имеющими подавляющее превосходство. В любом случае судьба Германии была бы решена.

Все цели выполнены. Русский вопрос, который несколько столетий вызывал на Западе приступы ярости, решён окончательно. Русские показывают полнейшую неспособность защитить свою несправедливо доставшуюся им огромную территорию. Этим должны заниматься «цивилизованные страны», поэтому часть Дальнего Востока переходит к Японии, часть – к США. Прибалтика и Крым становятся протекторатом Англии, там теперь будет базироваться английский флот – и так далее.

Всё верно написал историк из 2012 года! И судьба Германии в этом случае тоже оказывалась бы незавидной. Рейх сделал свое дело – и должен уйти. Бывшего союзника отбрасывают, использовав по полной. Кто говорит о предатель-

стве – «реалполитик», джентльмены! Точно так же, когда будет уничтожен вышедший из повиновения фашистский пес, посмевающий броситься на хозяина, станет ненужным и СССР. И даже Британская империя, которую США выжмут как лимон и приберут к рукам. Вы предаете всех – ну так не обижайтесь, если и мы будем следовать своим собственным интересам.

Но вы ошиблись, слишком увлекшись войной чужими руками. Была такая держава, Византия, которая тоже предпочитала дипломатией и золотом стравливать между собой соседей – и что стало с ней после? Как и Генуя с Венецией, где впервые родилось то, что после стало *протестантской этикой* – за несколько веков до протестантизма: «Генуэзец за грош прибыли родного отца и брата в рабство продаст, и еще будет хвалиться выгодной сделкой», – предпочитали тратить золото, а не жизни своих граждан, и где они теперь? Мы уже на Висле и готовы к броске на запад – а вас еще нет даже в Нормандии. Заплатив страшную цену кровью, мы научились сражаться, и помощь от наших потомков лишь ускорила процесс. У вас же воевать с немецкими фашистами как-то не выходит! И выучиться вы уже не успеете.

Предают слабых. Сильного предать боятся. Запад составлял свои планы в расчете на гораздо более слабый СССР. Зачем Франция строила линию Мажино с двадцать девятого и всё начало тридцатых? Потратив астрономическую сумму – и это во время Великой депрессии, когда лишних денег

в казне быть не могло, сэкономили на всем! И не было никакой угрозы с Востока – рейхсвер представлял собой нечто символическое, без авиации, танков, тяжелой артиллерии, а СССР в военном отношении был на уровне Польши. И никто не мог знать, что всё будет иначе, совсем скоро! Значит – всё же знали? Такие суммы закапывают в землю лишь в одном случае – когда уверены, что это будет нужно. Выходит, план поднять Германию и использовать ее как таран для окончательного решения русского вопроса, был принят уже тогда! И этот план имел все шансы на успех – если бы не индустриализация СССР.

Где бы мы были, слушая Бухарина: «Сначала ситец, затем машины»? Если бы не строились заводы, причем часто заранее была предусмотрена их работа на войну, «в перегруз» – избыточные для мирного времени размеры цехов, подъемно-крановое оборудование, подъездные пути, инструментальное производство. В отличие от прошлой войны и царских времен, в этой войне мы, в целом, сами обеспечили себя вооружением, причем в самое тяжелое время ленд-лиз и вовсе не поступал. У вас много станков, машин, всяких технических новинок – мы возьмем их и используем против вас. Ведь за свою прибыль капитал продаст нам даже веревку, на которой мы его повесим!

Мы уже стали гораздо сильнее. Было три периода, когда наша индустриализация получала мощную подпитку из-за рубежа. Первый – это их Депрессия. Читая, как потомки

в начале двухтысячных пытались купить «Опель», Сталин вспомнил, что в договоре с «Фордом», построившем у нас Горьковский автозавод под ключ, едва ли не самым незначительным для американцев пунктом было обязательство еще в течение десяти лет поставлять нам техдокументацию на все свои новые модели – потому что никто не был уверен, что даже такой гигант, как «Форд», переживет Депрессию и будет существовать через десять лет. Второй – это тридцать девятый и сороковой годы, когда СССР всё же успел получить из Германии большое количество оборудования, в том числе уникального и крупногабаритного. Третий, отсутствующий в иной истории, начался и идет сейчас, когда значительную часть грузов из США составляют станки и машины, готовые комплекты заводов, включая те, которых у нас не было, как получение высокооктанового бензина, химические производства. Удачным оказалось также открытие якутских алмазов, позволивших заметно поднять качество металлорежущего инструмента, и договор со шведами – шарикоподшипники и высокоточные станки. И конечно же, будущий Атоммаш. Работы по программе шли полностью по графику, обгоняя то, что было достигнуто в США. Пока мы не можем обойтись без их поставок – но еще пара лет, и нас будет уже не остановить!

Считаете нас азиатами, которых нужно изгнать из Европы (слова вашего генерала Паттона, сказанные в той истории весной сорок пятого)? Готовили план «Немыслимое»: пер-

вого июля 1945 при поддержке неразоруженных вами немецких дивизий начать *крестовый поход* на Восток, до той же линии Архангельск – Астрахань, к которой рвался Гитлер по плану «Барбаросса»? Паттон, считавшийся у союзников лучшим танковым генералом, уверял, что его войска легко дойдут от Эльбы до Сталинграда. И четыре воздушных армии одних лишь тяжелых бомбардировщиков готовы были поддержать это наступление. Отчего мы тогда штурмовали Берлин, а не окружили его, ожидая капитуляции, как в Бреслау? Потому что именно это взятие немецкой столицы произвело на союзников сильное впечатление – если их адмиралы и летчики рвались в бой, то среди сухопутных, за исключением Паттона, преобладала более трезвая оценка – блицкрига не будет! Погибнут миллионы американцев и англичан – а на очереди еще война с японцами, где русский союзник был бы кстати. “Хорошо, раз вы так считаете, что они должны нам помочь с Японией, пусть помогают, но мы с ними на этом кончаем дружбу”, – такими были слова их президента Трумэна. Хорошо, что у нас этот мерзавец сдох, так ведь нет гарантии, что не вылезет кто-то еще худший. И уже известно, что Черчилль, там бывший самым активным сторонником «Немыслимого», и здесь замышляет что-то подобное, уже проведя консультации со своим штабом и с королевской семьей.

Тогда нам удалось избежать новой войны сразу после Победы. Посмотрим, как это удастся сейчас. Поскольку глав-

ной задачей станет внутренняя – при соблюдении условия невмешательства извне. Успеть сделать по-максимуму и заложить фундамент на будущее, моим преемникам, чтобы эта *перестройка* не случилась и через пятьдесят лет. Ведь уже видны ее первые ростки, даже здесь!

...Нужно спасти Россию, а не завоевывать мир... Теперь у нас есть надежда, что мы будем жить в свободной демократической России, ибо без союзников мы спасти Россию не сумеем, а значит, надо идти на уступки. А всё это не может не привести к внутренним изменениям, в этом логика и инерция событий. Многого должно измениться. Возьмите хотя бы название партии, отражающее ее идеологию: коммунистическая партия. Ничего не будет удивительного, если после войны она будет называться „русская социалистическая партия“...

...большевизм будет распущен, как Коминтерн, под давлением союзных государств...

...скоро нужно ждать еще каких-нибудь решений в угоду нашим хозяевам (союзникам), наша судьба в их руках. Я рад, что начинается новая разумная эпоха. Они нас научат культуре...

...для большевиков наступил серьезный кризис, страшный тупик. И уже не выйти им из него с поднятой головой, а придется ползать на четвереньках, и то лишь очень короткое время. За Коминтерном пойдет ликвидация более серьезного порядка... Это не уступка, не реформа даже – це-

лая революция. Это – отказ от коммунистической пропаганды на Западе как помехи для господствующих классов, это отказ от насильственного свержения общественного строя других стран. Для начала – недурно...

...советский строй – это деспотия, экономически самый дорогой и непроизводительный порядок, хищническое хозяйство. Гитлер будет разбит, и союзники сумеют, может быть, оказать на нас давление и добиться минимума свобод...

...союзники плохо оказывают свое влияние, если бы они нажали по-настоящему, то можно было бы надеяться на кое-какие облегчения, на раскрепощение...

...у меня вся надежда на Англию и Америку, которые нанесут немцам решающий удар. Но очевидно, что и Англия, и Америка не хотят целиком поддерживать сталинское правительство. Они добиваются «мирной революции» в СССР. Одним из ее звеньев является ликвидация Коминтерна. В случае если Сталин не пойдет на все требования Англии и Америки, они могут бросить Россию в руки Германии, и это будет катастрофой...

...Я готов терпеть войну еще хоть три года, пусть погибнут еще миллионы людей, лишь бы в результате был сломлен деспотический, каторжный порядок в нашей стране. Поверьте, что так, как я, рассуждают десятки моих товарищей, которые, как и я, надеются только на союзников, на их победу и над Германией, и над СССР...

И вся эта мерзость – не из времен перестройки (которой, подумал Сталин, в этой истории не будет, очень надеюсь!), а из доклада НКГБ «Об антисоветских настроениях среди писателей и журналистов»³. Прорабы перестройки, бациллы, в малом количестве присутствующие даже в здоровом организме – мать их за... Вот только отчего, говоря вроде бы даже правильные слова о засилье бюрократии и необходимости перемен, все надежды связываете с Западом? И как, по вашему, должны «помочь» союзники – изменив у нас общественный строй? Мы ведь не колония и не протекторат – значит, речь идет или о войне, или о том, что случится в девяносто первом? И вам при этом безразлично, что станет со страной, с народом – вы или глупцы, или предатели, не видящие, или не желающие видеть!

Сталин почувствовал, как в нем поднимается гнев. Эти, избавленные народом от труда на заводах, в колхозах и шахтах, даже от обязанности защищать свою Родину с оружием в руках, но получающие паек и зарплату, еще смеют быть недовольными? Жалуетесь на несвободу, деспотизм, а сами – какие люди в списке: «бывший троцкист», «бывший эсер», «бывший участник троцкистской группы», «бывший кадет», снова «эсер», «примыкал к эсерам», даже «внук фабриканта Морозова» – и никто из вас не арестован, все вы пишете и с трибуны возглашаете славословие советской власти – а в кулуарах говорите вот это? А отчего, интерес-

³ Документ подлинный.

но, стенания о «страданиях народа в колхозах» исходят от этих «творческих интеллигентов» много чаще, чем от самих колхозников? Не повторяется ли семидесятилетней давности история с «Землей и волей», когда прекраснодушные идеалисты совершенно не представляли реалий жизни народа, но готовы были сломать, свернуть всё? И ведь не только какие-то безвестные – среди прочих в этом документе и такие имена, как Тренев, Федин, Пастернак, Новиков-Прибой, Михаил Светлов, Пришвин, Алексей Толстой, Довженко, Сергеев-Ценский. И даже наш детский поэт Корней Чуковский – который сказал про союзников: «Они нас научат культуре»⁴.

И что с этим делать? Разогнать Союз писателей, и сформировать *памяти Союза писателей батальон*? Чтобы поняли, что наше государство готово платить им, избавляя от прочей службы, не за талант сам по себе – а за то, что они посредством этого таланта творят на благо Советской страны и дела социализма. Как когда-то он сам сказал Михаилу Кольцову: «У вас есть пистолет, но вы же не собираетесь из него стреляться?» А этот романтик мировой революции даже не понял намек, что его бесспорные талант и заслуги – это, конечно, хорошо, и жалко терять такого человека, но если товарищ Кольцов по уши увяз в интригах с троцкистским подпольем в Испании и стал связным между ним и еди-

⁴ Имена из подлинного документа. И никто из них после репрессирован не был. Оцените «гнет сталинской диктатуры»!

номышленниками в СССР? Как там у Гумилева, «пассионарий», который за идею готов жизнь положить, что свою, что чужую – вот только если этих идей много, то выйдет еще хуже, чем в басне о лебеде, раке и щуке, их стараниями наш воз даже на месте не останется, на части разорвут! А за ними и безыдейные подпевалы полезут массовой, готовые предать.

А вот хрен вам после, а не оттепель! Нам не нужно абстрактное творчество ради самого себя – лишь то, которое идет во благо СССР. Талант – это всего лишь инструмент, и не больше. Никто не платит слесарю или столяру лишь за наличие инструмента, а только за вещи, изготовленные им. Причем нужные нам вещи – а не куда заведет творческая натура. Теперь это подтверждено экспериментально – когда после событий девяносто первого была дана полная свобода, какие высокодуховные шедевры, книги, фильмы, живопись были рождены ею? А этот Солженицын, в котором видели нового Льва Толстого, готового вот-вот осчастливить человечество чем-то уровня «Войны и мира» – с триумфом приехал, получил особняк и за четырнадцать лет не сотворил ни черта! Никитка, конечно, дурак – но ту выставку он бульдозерами разогнал совершенно правильно. Хотя и грубо – тут ведь такое можно было раскрутить!

Сейчас уже нет сомнений, что Гитлера мы победим, вопрос лишь, какой ценой. Поскольку эта война оказывается лишь дебютом, а вся партия еще впереди. Потомки очень ошиблись в своей пропаганде и в идеологии, что дальше бу-

дет вечный мир. Он может быть лишь с полной победой коммунизма. Просто война бывает и без стрельбы. И на стороне врага могут оказаться и наши, советские люди, лишённые ориентиров. Значит, идеология, пропаганда, все формы искусства обретают первейшее значение – и думать об это надо уже сейчас. А вплотную заняться сразу после Победы. И всякие инакомыслящие, колеблющиеся, «вольные художники» будут категорически не нужны – иначе проиграем. В тридцатые мы сумели избежать гибели, совершив индустриализацию. Теперь же нам предстоит битва за умы и души наших людей.

Озадачить товарища Пономаренко. Найти и вызвать Ивана Ефремова, творца мира «Андромеды», и Льва Гумилева. И работать, работать, работать!

Ведь товарищ Сталин еще никогда и ничего не забывал!

США. Этот же день

Кто в современном капиталистическом мире является самым-самым влиятельным?

Президент? Отчасти да. Но только отчасти. Президент Соединенных Штатов всё же не безвольная марионетка перед лицом «денежных мешков», как изображали на карикатурах – хотя так тоже было когда-то давно, в эпоху изначального, дикого капитализма. Президент устанавливает и охраняет порядок, и именно в этом качестве может приказывать любому Рокфеллеру – поскольку неподчинившемуся

придется идти не против человека в президентском кресле, а против всего класса капиталистов, чьи общие интересы выражает президент. Как правило, президент сам является выходцем из одного из богатых кланов – и не верьте в миф о «лесорубе Эйбе Линкольне, пришедшем в Белый Дом, бросив топор», на деле папаша Эйба был крупнейшим лесоторговцем в своем штате, ну а тот, чей портрет украшает пятидолларовую купюру, в молодости и в самом деле держал в руках топор, но вообще-то был преуспевающим адвокатом, до того как пошел в политику. Но именно выходцем, а не главой клана. Именно потому, что истинному главе совершенно не надо быть публичной фигурой и брать на себя ответственность.

Господа вроде Дюпонов и Рокфеллеров, чьи портреты на первых страницах газет? Основатели этих династий, безусловно, да. Но с тех пор очень много изменилось. Крупная фирма, такая как «Стандард Ойл», «Дженерал Моторс», «Дженерал электрик» – как правило, не собственность одного лица или семьи, а акционерное предприятие. Это ведь выгодно – продавая свои акции, ты привлекаешь в свое дело чужой капитал, и остаешься хозяином, если у тебя контрольный пакет. В идеале – пятьдесят один процент. Но выгоднее же продать больше – важно лишь, чтобы ни у кого не было больше, чем у тебя. Тогда и десять процентов могут быть контрольным пакетом, если все остальные доли совсем мелочь.

Так вот, в газетах и биржевых сводках любой может прочесть, кто владеет контрольным пакетом, например, «Стандарт ойл». Если вы очень любопытны, то можете найти и список прочих акционеров. Но узнать, являются ли они подлинными владельцами или чьими-то подставными лицами... А есть еще такая вещь, как *холдинг* – это компания, которая сама ничего не производит, а лишь владеет чужими акциями – и у нее есть акции свои, которыми тоже владеют... В общем, разобраться во всем этом хитросплетении постороннему человеку решительно невозможно. Так посторонний и не должен разбираться.

И в итоге оказывается, что фактически большинство акций всемирно известной корпорации принадлежит, например, не Рокфеллеру-десятому, а совсем другому человеку. И ему же может принадлежать контрольный пакет корпорации-конкурента, но это не волнует никого. И совершенно не обязательно, чтобы этот *мистер Икс* был публичной фигурой, скорее наоборот. Так что американцев (и не только их) можно поздравить: вами правит не демократия, а криптократия, тайное общество безликих. Для публики, разумеется – те, кто надо, отлично знают, кто есть кто. Ведь им же надо как-то договариваться друг с другом?

Так что в престижном гольф-клубе во Флориде был самый обычный день. Удивляли, конечно, беспрецедентные меры безопасности, количество охраны – но после ажиотажа с *белым радием*, когда любой человек, подозреваемый в том, что

имеет хоть какое-то отношение, мог стать мишенью для похищения или шантажа... Ученые авторитетно уверяли, что эликсира бессмертия не существует, и никто не спорил – о, конечно, это миф, если уж официально заявлено. Но имейте в виду, если вам удастся достать хоть миллиграмм, плачу любые деньги, окей? И находились отдельные ушлые личности, кто предлагал этот радий – вот только это было очень опасным занятием, потому что покупатели часто тоже были людьми не последними, и уже нескольких таких ушлых после нашли мертвыми, причем иных в весьма поганом виде или вовсе по частям, а еще больше продавцов пропали неизвестно куда, и оставалось лишь гадать, успели они сбежать быстро и далеко, или пока останки не нашли? И любая богатая и влиятельная персона спешила окружить охраной себя, свою семью и свой бизнес – а у частных детективных и охранных контор настали золотые дни.

И уж тем более ни у кого не возникало вопросов при виде группы оживленно беседующих джентльменов. Персонал клуба давно усвоил, что излишнее любопытство и длинный язык как минимум будет стоить потери места – а работа была непыльная, и платили очень хорошо. Сознательная же утечка информации легко могла привести к тому, что виновный становился жертвой несчастного случая или просто бесследно исчезал – были уже прецеденты. Да и мало ли какие дела могли быть у этих, без всякого сомнения, достойных людей? Хотя разговор временами носил очень напряженный харак-

тер.

– Что происходит? – резко спросил человек в ковбойской шляпе, похожий на техасца. – Я полагал, что предмет нашей встречи – это что должен будет наш президент предъявить русским. И вдруг слышу какие-то обвинения в свой адрес?

– Пока никто никого не обвиняет, иначе мы бы здесь не собрались, – ответил лощеный джентльмен, похожий на истинно английского аристократа, – но очень похоже, что кто-то, возможно один из нас, ведет свою игру, не согласованную с остальными. И этому кому-то очень мешает известный всем остров в Нью-Йорке. Хотя мы вроде как договорились и разделили доли в будущей прибыли.

– Ну, а я тут при чем? – спросил «ковбой». – И кстати, ваша доля в «Стандарт ойл» лишь ненамного меньше моей! И вам не кажется, что нас выводят на ложный след? Вы верите, что в ближайшие двадцать – тридцать лет атомный «котел» может встать на автомобили, самолеты, даже корабли – основные потребители нефти? Разве что на электростанции – но там в большинстве и сегодня сжигают не нефть, а уголь. Так что закрытие проекта точно не выгодно мне – настолько, чтобы ради этого затевать войну!

– Вношу ясность, как лицо, имеющее некоторое отношение к расследованию, – вмешался в разговор третий джентльмен, с военной выправкой. – Считаются доказанными три случая явных диверсий. Ровно половина – про остальные три инцидента даже умники не могут дать одно-

значный ответ, что и отчего пошло не так! Однако установлено, что явного взрыва или поджога там не было – из чего следуют выводы: или это действительно неудачный эксперимент и теория яйцеголовых в чем-то ошибочна, или же те, кто играют против нас, имеют свой проект, опережающий наш. И я бы дал девять шансов из десяти за первое – но один за второе всё же остается.

– Точно ли диверсии? – спросил четвертый, толстяк с сигарой, похожий на британского премьера. – Если даже сами ученые не могут знать, что происходит в «котле», какие реакции. Это не мог быть какой-то неучтенный эффект?

– Следы взрывчатых веществ и термита на обломках можно считать доказательством? – усмехнулся «военный». – Но в половине случаев их не обнаружено, а в лаборатории клянутся, что ошибка исключена. Также к диверсионным актам я бы отнес распространение слухов, идущих во вред. Причем четко отслеживается зависимость: сначала диверсии или «неудачи». Как только мы резко ужесточили полицейские меры, начались эти слухи в кулуарах и в газетах. Когда же вся информация была запрещена и распространение ее строжайше пресекалось... Тут я снимаю шляпу перед нашим противником, мгновенно отработавшим запасной вариант. Как можно запретить то, чего нет? В слухах про *белый радий* нет ни одного прямого указания на остров в Нью-Йорке, ни одного конкретного имени. Лишь намеки – и «ищите там, где больше всего засекречивают». А дальше, я подозреваю, ла-

вина пошла уже сама.

– И не удалось узнать, кто был первым? – удивился толстяк. – Зная ваших мальчиков, вот уж не поверю!

– Удалось, – сказал «военный». – Самым первым был репортеришка одной газетенки в Чикаго. Но вот незадача, он пытался продать «эликсир» некоему боссу мафии – в общем, тела так и не нашли. Вторым был, как выяснилось позже, знакомый этого репортера. Тоже исчез, причем незадолго до того его видели с высоким блондином, говорящим с британским акцентом.

– Ну, если это *кузены*, то беда невелика, – хищно усмехнулся «аристократ». – Как раз наш Фрэнки едет вместе с их Уинни, и объяснит по дороге, как нехорошо они поступают. Хотя странно, как они могут знать о предмете больше нас? И они ведь тоже в некотором роде заинтересованы, раз передали нам всю информацию?

– А мы разве собираемся выполнить обещание прибылью поровну? – спросил «военный». – И что, если Уинни догадался или узнал? Что до информации – то британцы не раз уже поступали с нами ну совершенно не по-джентльменски. Они честно сообщали нам всё – за исключением малой части. Правда, после оказывалось, что это была ключевая часть, меняющая весь смысл. Если они знали что-то уже тогда, но не сказали нам? Или решили проверить – за наш счет?

– Фрэнки разберется, – сказал «аристократ». – Но если

самое худшее? И против нас играют гунны? Ведь пропавший уран так и не нашли?

– По нашим сведениям, они отстают, хотя начали раньше нас, – ответил «военный», – и у них проблемы с тяжелой водой. Кроме того, они дробят силы на целых три команды.

– Вот вы сами и ответили! – вмешался толстяк. – Три команды. Независимые, а значит, идущая каждая своим путем. Что, если кто-то наткнулся именно на наш? Или они нашли что-то еще более эффективное – уж если наши ученые не могут разобраться, что там происходит, вы можете однозначно исключить эту возможность? Вдруг их Гейзенберг не блефовал, обещав своему фюреру «бомбу размером с ананас, но силой в тысячи тонн тротила»? И если они уже в шаге от появления такого в своих арсеналах? Нам тогда – сразу капитулировать, поскольку исход войны станет очевиден?

– Мы всё же не Англия и не Россия, – произнес «военный», – как они доставят бомбы?

– Да хоть в кармане, – бросил толстяк. – Или вы беретесь отследить всех таких «блондинов с акцентом»? Впрочем, они могут хоть ниггера подобрать – ведь проникнуть надо не на военную базу, а всего лишь в Нью-Йорк, Чикаго, Бостон или Филадельфию. А сколько будут стоить все эти «Нью-Джерси» или «Монтаны», если один снаряд даже их эсминца будет иметь мощность в тысячи тонн тротила? Думаю, тут и попадание не нужно. Черт побери, вы понимаете, что если это так, то мы все стоим на краю пропасти? И ни-

когда еще над Америкой не нависала такая опасность!

– Я бы не считал это настолько серьезным, – сказал «ковбой». – Или вы с нашими умниками мало имели дело? Если он обещал «размером с ананас» и через год-два – значит, хорошо, если сделает размером с бочку и лет через пять. Тоже результат хороший, с прибылью, но...

– Предупредить гуннов, что даже единичный случай использования ими такого оружия будет приравнен к применению боевой химии, – сказал «аристократ». – И если таковой последует, залить Германию ипритом. Правда, тогда я и британцам не позавидую – до них люфтваффе вполне дотянется.

– Это может немцев не напугать, – заметил военный. – Русские передали, что в полевых частях вермахта сейчас спешно вводят противогазы нового образца. Значит, не исключают возможность бросить на весы всё?

– Давайте сначала завершим с предыдущим вопросом, – вмешался толстяк. – Принято, что вина за эти события лежит на некоей иностранной державе? А ни на ком из присутствующих, пока не доказано обратное?

– Я за, – сказал военный. – С оговоркой, что если всё же положительное участие кого-то из присутствующих здесь будет доказано, он подвергнется санкциям со стороны всех остальных. Мы всё же патриоты, джентльмены, а сейчас идет война. И я бы очень не хотел видеть Гитлера, Сталина и даже Уинни – нашим президентом.

Все кивнули.

– Тогда наш разговор переходит к проблеме, ради которой мы собрались, – объявил «аристократ». – Так какие условия наш Фрэнки выдвинет Джо в Ленинграде?

– Уинни носится с идеей фикс о недопущении русских в Европу, – сказал «ковбой». – Пожалуй, в этом что-то есть. Потому что с Британией, ослабленной и опутанной нашими долговыми обязательствами, гораздо удобнее договориться, чем с этими непредсказуемыми русскими и их диктатором. Уинни всерьез намерен после капитуляции гуннов заменить Еврорею Евробританией. И желает взять с бедных французов совершенно фантастическую контрибуцию – после которой лягушатники будут как минимум до конца века ходить с протянутой рукой. Насколько это входит в наши планы?

– Отчего же только Франция? – спросил толстяк. – Если на то пошло, гунны нанесли Англии гораздо больший вред. Или там еще Жанну д'Арк забыть не могут?

– Уинни не уверен, что Германию не займут русские, – ответил военный. – И затем не захотят уходить, как французы из Саара после той войны. Тогда как минимум с ними придется делиться. А всяким там Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии, Испании в наполеоновских планах Уинни отводится та же судьба, что и французам: замена немецкой оккупации на свою и британский протекторат. И конечно, прибрать к рукам колонии. Новая Британская империя, но уже в Европе – этот план Уинни пока нигде не опубликован и счи-

тается секретным, однако в английском высшем обществе о нем говорят уже все.

– Железный человек из ушедшей эпохи, – сказал «аристократ», – покорить, захватить, присоединить. К его несчастью, время империй прошло – оказывается, содержание колоний может быть и убыточным. Гораздо выгоднее всемирная Латинская Америка – независимы и горды, но вся собственность наша. Думаю, что очень скоро Уинни предстоит испытать самое большое разочарование в своей жизни – на закате своих лет видеть конец созданной своим трудом империи.

– Это вы про Европу, или... – спросил «ковбой». – А не боитесь дать пример и нашим собственным ниггерам? Если и они потребуют.

– А за что боролся еще Эйб Линкольн? – ответил «аристократ». – И чем черные в Конго отличаются от них же в Алабаме? И отчего доктрина Монро должна ограничиваться лишь западным полушарием, почему бы не присоединить и юг? Мне кажется, африканским черным будет лучше побыть нашим задним двором, чем чьей-то колонией: по крайней мере, суверенитет, правитель из своих, флаг, герб и прочие атрибуты. И если кто-то из наших захочет – пожалуйста, уезжайте из Штатов в Конго, не держим. Что до Европы, ее очередь следующая. А после Британия, Россия, весь мир.

– Это понятно, – нетерпеливо сказал «ковбой». – Вопрос лишь в тактике. Иметь ли нам дело с существующими пра-

вительствами европейских стран? Или их преемники будут более предпочтительны?

– А отчего бы не использовать британцев, – предложил «аристократ». – Лучше получить уже готовый бизнес, а не создавать свой с нуля. После Нарвика высадка на обороняемый вражеский берег считается авантюрой, и оттого главная ставка Уинни на то, что ворота крепости откроют изнутри. А что мешает нам войти в восставшую Францию вместе с англичанами? И также предложить гуннам, из последних сил отбивающимся от натиска русских орд, почетную капитуляцию? Ну, а после – новые демократические правительства европейских стран, под нашим и британским покровительством, на мирной конференции определяют будущее Европы. И в отличие от первых двух пунктов плана, осуждения нацистской верхушки (куда желательно включить и господ вроде Круппа и Флика – зачем нам конкуренты?) и изгнания из Европы русских – которые будут единогласно одобрены – пункт третий бедного Уинни очень разочарует. Конtribusiция, оккупация, протекторат – ну, мы же не дешевые гангстеры, зачем грабить, если можно взять всё, причем по-дружески и законно? Америка уважает суверенитет европейских стран и призывает всех последовать ее примеру! Ну а возмещение военного ущерба может быть за счет передачи нам доли вашей собственности. Зачем местным своя промышленность – пусть покупают наши, американские товары, а что они изготовлены в Европе же на принадлежащих нам заво-

дах, это частности.

– Одно лишь дополнение, – заметил военный. – Чтобы этот план был успешен, надо точно выбрать момент начала. Когда немцы уже ослабят свои войска во Франции, но еще будут держать фронт против русских. Значит, важно координировать действия со Сталиным, «ради борьбы против общего врага». Точно знать, когда русские начнут наступление, когда планируют прорвать какой-то там *непреступный вал* и идти на Берлин. Чтобы успеть встретить их на Одере, Эльбе, или самое крайнее – на Рейне. Также добиться от русских обязательств вступления в войну против Японии – Всеевропейская конференция не должна быть раньше этого срока, чтобы русские еще считали нас союзниками. Ну и неплохо бы получить от дяди Джо гарантии относительно восточноевропейских стран и нерушимости границ на 1 сентября 1939-го иначе, как по решению всё той же Конференции.

– А если Сталин не согласится? – спросил толстяк. – Тогда что – война?

– Надеюсь, что русский диктатор не настолько глуп, чтобы воевать со всей Европой и нами, – ответил военный. – Тем более что Прибалтику, Галицию, Бессарабию, что там еще на июнь сорок первого, отобрать у него нереально – но наше признание законности принадлежности ему этих земель мы оформим как уступку, за которую потребуем признать наши сферы влияния в Европе. Ну, а дальше русским придется лишь тихо сидеть за своими границами и ждать, когда

мы придем их стричь. Впрочем, начало этому можно положить уже сейчас.

– Например, заключить торгово-кредитный договор на наших условиях, – вставил «аристократ», – и открыть свой рынок для наших товаров. Впрочем, о последнем они попросят нас сами, когда вплотную займутся восстановлением своей страны. Выбор у них невелик: или оставаться в крайней нищете, или принять нашу помощь. Умиравший от голода, получив обед в кредит, не думает о процентах. Да, еще одно. Мы должны решить, что делать с Китаем.

– А что с ним делать? – пожал плечами «ковбой». – Дать побольше обещаний Чан Кай Ши, или кто у них там сейчас заправляет. Думаю, другого сейчас мы для него не сможем сделать при всем желании, не так ли? – обратился он к «военному».

– Вы правы, – подтвердил тот. – По нашим данным, японцы намерены сполна воспользоваться полученной передышкой и начать новое наступление. А в связи со сложившейся на океанах обстановкой, в ближайшее время у нас не будет возможности помочь ни военными силами, ни снабжением. Разве что прислать еще нескольких инструкторов...

– Да и тем придется пару месяцев добираться до Китая через русскую территорию, – вставил толстяк. – По мне, не стоит давать даже этого. Эти так называемые китайские войска ухитряются проигрывать япошкам, имея многократный численный перевес! А мы этих японцев бьем с не такими уж

большими потерями! Так велика ли разница, захватит Япония Китай или нет?! Всё равно после ее поражения он вернется в нашу сферу влияния...

– Это и вызывает сомнение, – заметил «аристократ». – В настоящее время Китай номинально под нашим влиянием, но в случае, если японцы заставят Чан Кай Ши капитулировать, велика вероятность, что вместо нас Китай придут освобождать русские. После окончания войны в Европе им достаточно будет нескольких месяцев, чтобы перебросить войска на восток, а видя, как они справляются с гуннами, не приходится сомневаться, что японская армия им не противник. По всем нашим расчетам, если не изменить нашу стратегию на Тихом океане, то мы всё еще будем воевать на островах, в то время как войска Сталина уже будут в Пекине.

– Мы можем вывезти Чан Кайши из Китая и создать правительство в изгнании... – начал толстяк.

Но «ковбой» перебил его:

– Правительство, вывезенное из Польши, не особо помогло англичанам. Тем более что и у Сталина есть свой кандидат в правители Китая. Даже если русские официально уйдут из Китая, у нас возникнут лишние сложности с его ставленником. Но вы сказали об изменении стратегии? – он повернулся к «аристократу».

Собеседник кивнул.

– Да. Если говорить коротко, мы должны действовать быстрее. Не возиться с каждым гарнизоном мелкого остров-

ка, а собрав достаточно сил, в первую очередь уничтожить японский флот. Устроить им наш Перл-Харбор, но от которого они, в отличие от нас, уже не смогут восстановиться. А затем осуществить высадку в Китае... Или даже в самой Японии – в случае, если они не сдадутся после бомбардировок. После этого Китай упадет в наши руки без боя.

– Это рискованно! – недовольно отозвался военный. – Не говоря уже о том, как возрастут наши потери при новой стратегии.

– Сожалеть о потерях армии и флота – это дело Фрэнки, – отмахнулся толстяк. – Но по-моему, вы сгущаете краски. Во-первых, уверен, что разгромив Тиле в Атлантике, наш флот сможет так же легко разделаться и с любым японским адмиралом. А во-вторых, Чан Кайши же еще не капитулировал! Думаю, он вполне еще может продержаться хотя бы год, а там уж японцам будет не до него. А если у Китая будет официально поддерживаемое нами и британцами правительство, то и Сталину придется уйти из Китая, точно так же, как в Европе – чтобы не ввязаться в новую войну. И для того, чтобы убедить Чан Кайши в том, что лучше поддерживать именно нас, нам также необходима скорая победа над Тиле, – завершил толстяк, победно оглядев присутствующих. – Тогда Чан Кайши больше не будет сомневаться, что скоро мы придем на помощь, а значит, всякие мысли о капитуляции вылетят у него из головы!

– Принято, – подвел итог «ковбой». – Ну что ж, с этим

наш Фрэнки уже может ехать. Когда?

– Когда решится в Португалии, – мрачно произнес военный. – Согласитесь, что требовать что-то без громкой военной победы будет как-то... Если скорректированный план Уинни станет и для нас руководством к действию, то Португалия по большому счету и не нужна – но уйти оттуда мы не можем по чисто политической причине. И лицо потеряем, в том числе и перед Сталиным, и собственный электорат не поймет.

– А не вы ли уверяли, что и армия, и флот послали туда лучшее? – спросил «аристократ». – Так что проиграть мы не должны. Лучшие дивизии из числа переброшенных в Англию и всё, что флот мог в Атлантике собрать. Так что я надеюсь, мы выиграем эту битву – иначе кое-кому придется расстаться с погонами, за бездарность.

– Итак, кладем на обещанную победу две недели, – заявил толстяк. – Считая же с запасом – месяц. Значит, через месяц наш Фрэнки едет в Ленинград. И надеюсь, вы понимаете, джентльмены, что чтобы русские охотнее шли нам навстречу, от нас тоже потребуется кое-что?

– И с каких пор вы стали спрашивать нашего согласия на ваши сделки с русскими? Если посчитать, сколько заводов вы им продали.

– В этот раз товар из особого списка. Химическое оборудование, подобное тому, что идет в известное вам место в пустыне. По утверждению русских, для изготовления топли-

ва для их суперподлодки.

Повисло молчание.

– Вы точно уверены, что у русских нет своего подобного проекта? – наконец спросил военный. – Это оборудование, насколько я помню, даже к продаже *кузенам* запрещено!

– У них не было ничего еще два года назад, летом сорок первого, – решительно ответил толстяк. – И я консультировался кое с кем, и меня авторитетно заверили, что за два года, в условиях тяжелейшей войны, невозможно пройти такой путь, чтобы им для своей программы потребовалось именно то, что они у меня заказали! Так что с большей степенью вероятности это оборудование нужно им именно для их «моржихи». И они платят золотом и немедленно – отдельно за срочность. Я такой же патриот Америки, что и вы, но считаю, что и моя страна обязана не мешать мне получать честно заработанную прибыль. Кто-то здесь считает иначе?

И в этот же день, где-то в США.

Завод фирмы «Дюпон»

Профессия инженера в те годы по почету и доходам еще не уступала юристу и биржевому игроку. Гений Томаса Эдисона был примером для подражания, в американских университетах на технических факультетах учились в подавляющем большинстве белые американские парни, иностранцы были очень немногочисленны, и это также были белые – китайцы и индусы если и наличествовали, то в единичном чис-

ле. И эти парни были, без преувеличения, технической элитой, и Марк Твен не сильно погрешил против истины, приписав своему *янки из Коннектикута* все мыслимые технические таланты – похожие на него персонажи тогда встречались реально.

Эти парни не боялись сложной работы. Надо воспроизвести русскую фторохимическую установку, о которой известна лишь приблизительная схема? Но если точно известно, что это было сделано и работает – а как бы спроектировали подобную машину мы сами?

Пентаборан и трифторид хлора поступали из цистерн в реактор (не атомный, а химический). Продукты их взаимодействия, разогретые до высокой температуры, шли в теплообменник, превращая воду, протекающую по трубкам, в пар, идущий на обычную корабельную турбину. На первый взгляд, установка казалась простой и эффективной. Факт ее работоспособности был уже проверен, теперь предстояло экспериментально показать преимущества в сравнении с традиционным двигателем, определив мощность и расходные показатели. Действительно ли субмарина с такой установкой может развивать под водой большую скорость, длительное время?

В случае утвердительного ответа, предстояли испытания уже в море. Для чего предполагалось достроить как *фтороход* одну из новых подлодок типа «Балао», заменив дизель-электромоторные отсеки на реактор и турбину. Эти ис-

пытания должны были дать опыт эксплуатации такой установки в море – оценить надежность, удобство, сложности обучения экипажа. И наконец, при успешном завершении и этого этапа, закладывалась уже серия быстроходных подводных лодок. Оптимистичный прогноз отводил на всю программу срок в два года, так что субмарины имели все шансы успеть еще на эту войну, ведь стояли же на верфях новейшие линкоры «Монтана» со сроком готовности – год сорок пятый – сорок шестой!

Но это было бы после. А пока – первый прогон машины с выводом на проектную мощность шесть тысяч лошадиных сил, развиваемую стандартной турбиной с эскортного миноносца типа «Джон-Батлер». Пока шесть – но на чертежах была уже более мощная установка с турбиной на тридцать тысяч, от эсминца типа «Самнер». Эта же конструкция была лишь простым и дешевым прототипом, ей никогда не довелось бы работать на корабле.

Поскольку установка была экспериментальной, автоматика управления ею пока отсутствовала. Зато к каждому клапану и рубильнику было приставлено по человеку, должному включать и выключать по команде старшего инженера-испытателя. Впрочем, отчего на военных кораблях личный состав БЧ-5 составляет несколько десятков (на эсминцах) и даже сотен (на крейсерах и линкорах) человек, а на торговых судах, даже самых крупных, вахта в машинном отделении не больше десяти, а обычно и меньше? Именно затем, чтобы

всё работало даже при отказе автоматики из-за боевых повреждений и оперативном переключении на дублирующие режимы, предусмотреть которые не может никакой автомат (по крайней мере, до появления бортовых компьютеров).

Запуск успешно. Стрелки на циферблатах резко качнулись вправо – обороты, давление, температура! Звука почти не было – у турбины замкнутого цикла нет выхлопа в атмосферу и, в отличие от дизеля, нет возвратно-поступательных движений, воспринимаемых конструкцией. Машина уверенно набирала обороты. Всё шло точно по плану – на вид.

Трифторид хлора воспламеняет железо, молибден и вольфрам. Воспламеняет со взрывом дерево, бумагу, почти любую органику. При контакте взрывает метанол, ацетон, эфир. С водой реагирует очень бурно, с выделением большого количества тепла. Пентаборан же воспламеняется при контакте с воздухом, легко образует взрывоопасные соединения, детонирующие при ударе, взрывается при контакте с водой – а также является чрезвычайно токсичным веществом нервно-паралитического действия, сравнимым по силе с боевой фосфорорганикой. В известной нам исторической последовательности, пентаборан применялся как топливо для ракет, в паре с трифторидом хлора (окислителем) – но именно эти работы вызвали тщательное изучение всех физико-химических свойств этой «сладкой пары» чрезвычайно опасных веществ, и были найдены меры безопасности при работе с ними. В 1943 году пентаборан и трифторид хлора уже умели

получать в лабораторных условиях, однако их особенности были еще мало известны. В техническом задании на разработку оборудования была оговорена устойчивость к агрессивным средам – уже знали, что трифторид в обычных условиях не реагирует с никелем, но не знали, что и никель теряет стойкость с ростом температуры и давления. И не знали еще, что категорически нельзя применять тефлон. И что для материалов, имеющих только защитное покрытие (никелированных, а не никелевых), малейший дефект приводит к очень быстрому проеданию материала на всю глубину, в отличие от других, менее агрессивных аналогов, что просто дали бы пятно коррозии, которое могло месяцами ни на что не влиять. Уже были испытания малой, «лабораторной» модели, они прошли успешно, что успокаивало, и настраивало на оптимистический лад. Но нет корабельных турбин столь малой мощности – и оттого в той, почти игрушечной модели, заряженной буквально несколькими литрами химикатов, давление и температура были намного ниже (а до семисот пятидесяти градусов по Цельсию никель сохраняет устойчивость к трифториду хлора). Мало было и время работы. И главное, там трубки были цельноникелевыми. Возможно, если бы и на «игрушке» провели бы длительный цикл испытаний, дефект всё же выявился бы, коррозия всё равно ведь шла, только медленнее. Но заказчик торопил, и было принято решение сразу делать полупромышленную установку. Ведь это всё то же самое, лишь размером побольше?

Сначала послышалось шипение. Через секунду сбоку из трубы возле теплообменника ударил факел, как струя огнемета – стремительно растущая в размере, так как пламя дополнительно расплавляло брешь. Помещение цеха-лаборатории не было стерильным, не только стены, но и сама установка снаружи покрашены масляной краской, здание было из кирпича, но перекрытия и внутренние перегородки деревянные. Всё вспыхнуло мгновенно, как политое бензином. Техник-испытатель, ответственный за клапаны подачи, не терял времени, но клапаны оказались слишком тугими, и их было два на него одного, он так и умер: стоя, с руками на маховике. А старший инженер даже не успел крикнуть: «Бежим!» Из четырнадцати испытателей в живых не остался никто.

А когда взорвались цистерны, и с трифторидом, и с пентабораном, по несколько тонн каждая, начался локальный Армагеддон.

Атлантический океан, 43 °с. ш, 14 °з.д. 16 ноября 1943 года

Дер эрсте батальоне марширен, дер цвайте батальоне марширен... В реальности же самый дотошный план, где, казалось бы, учтено всё, в неизменном виде живет до первого столкновения с действительностью. Исключения крайне редки – как распространенная легенда, что Наполеон, узнав, что Австрия объявила ему войну, тут же продиктовал

весь план будущей кампании, закончившейся для австрийцев Ульмским разгромом, и все события, их время, место и результат, полностью совпали с действительностью. Так то были Наполеон и австрийцы – и то, источник этой легенды неясен, то ли сам Бонапарт, то ли кто-то из его маршалов – ну, а записать задним числом можно всё, бумага стерпит. Аналогично Франция сорокового года, где самым горячим сторонником версии, что гениальный план арденнского прорыва был творением единолично Манштейна, являлся сам Манштейн (в знакомой нам исторической реальности).

План нужен – но в дополнение к нему огромное значение имеет личность за штурвалом, которая может, заметив отклонение, оперативно всё подтянуть, отработать уже подготовленный вариант. Иначе будет, как в ту войну Бонапарта с австрийцами, идиотизм австрийского командующего фельдмаршала Макка, который накануне битвы под Ульмом никак не отреагировал на известие, что французы *уже* перешли Дунай и вот-вот атакуют – потому что был исключительно занят составлением своего плана победного форсирования того же Дуная с уничтожением противника, и был тот план, как писал Макк *уже после*, в своих мемуарах, «настоящим шедевром военного искусства, где была учтена каждая мелочь, предписан маневр каждого батальона». Написано это было уже после поражения – что сказать, если кто-то дурак, то это надолго.

И уж конечно, никто на войне не застрахован от случай-

ной пули или снаряда. Которые могут внести существенные дополнения в план, каким бы совершенным он ни был.

Конвой вышел из Англии 13 ноября. Всего через двое суток после известия, что немцы начали наступление в Португалии. Сорок четыре транспорта под охраной более четырех десятков кораблей охранения, в числе которых старый линкор и целых восемь эскортных авианосцев. Рядом эскадра прикрытия, два новых линкора, «Саут-Дакота» и «Алабама», легкий авианосец «Монтерей», четыре крейсера, двенадцать эсминцев. А за ними, с задержкой на двое суток, вышел флот. «Не эскадра, – думал вице-адмирал Френк Дж. Флетчер, глядя с мостика «Нью-Джерси», – но флот, по боевой мощи превосходящий весь флот такой страны, как Италия или Франция, да и у Англии сейчас осталось всего три тяжелых авианосца и те недомерки, а здесь параллельным курсом идут три красавца типа «Эссекс», лучшие авианосцы мира, способные выпустить в воздух силу, которая разотрет в порошок любую эскадру, какую только можно встретить в этих водах! И сам «Нью-Джерси» – это, без сомнения, самый лучший, самый мощный линкор, превосходящий любой корабль своего класса в британском, немецком, итальянском флоте. Русские, правда, сообщили, что, по их сведениям, последние японские линкоры «Ямато» – это вообще что-то чудовищное: семьдесят три тысячи тонн, восемнадцатидюймовые пушки и полуметровой толщины броня – к этим сведениям, вызвавшим в штабе ажиотаж, близкий к панике, Флет-

чер отнесся спокойно. Поскольку и типу «Айова», к которому принадлежал «Нью-Джерси», даже в серьезных справочниках вроде британского «Джена» приписывались бортовая броня в сорок пять сантиметров и 35-узловая скорость (в реале бронепояс в полтора раза тоньше, а ход в тридцать узлов в процессе службы был зафиксирован лишь однажды, у одного корабля) – значит, правило «чтобы боялись» знакомо не только нам, но и японцам. О том, что сама «Айова» полгода назад была потоплена, причем этим же противником, германским линкором «Шарнгорст» под командой того же Тиле, который будет сейчас ждать у португальских берегов, адмирал старался не думать. Там была цепочка маловероятных случайностей, которая больше не повторится – а главное, зачем лезть врукопашную, когда у тебя есть кольт, а у противника нет? Без малого триста самолетов на авианосцах растерзают гуннов, не дав им вступить в морской бой – и остается лишь сожалеть, что лавры выловить из воды проклятого пирата Тиле достанутся парням с «Алабамы» и «Саут-Дакоты», которые будут добивать подранков.

С этими мыслями Флетчер вышел из боевой рубки, по прозаической причине... впрочем, точная причина отсутствия адмирала на посту в критический момент так и осталась неизвестной историкам, да так ли она важна? Примем же за факт, что командующий эскадрой покинул пост, совсем ненадолго. Однако это имело очень неприятные последствия.

Случайность звалась U-123, возвращавшаяся из похода в Южную Атлантику. Критичным оказалось еще то, что эскадра шла в режиме скрытности, не поднимая воздушные патрули, эта задача была возложена на четырехмоторные «галифаксы» с британских баз, должны с повышенной частотой просматривать океан впереди по курсу. Расследование позже показало, что в график патрулирования вкралась ошибка или небрежность – виновных британцы так и не нашли. И отдельные лица даже позволили себе оскорбительные высказывания в адрес английского союзника, что это была не просто халатность... но эта склока имеет лишь косвенное отношение к этому рассказу.

Хорст фон Шредер, командир U-123, был опытным моряком. В иной исторической реальности он получит Рыцарский крест в мае сорок четвертого, станет вице-адмиралом бундесмарине, и умрет в покое в 2006 году, в возрасте восьмидесяти семи лет. Но история уже перевела стрелку, сначала послал ему королевскую дичь, о которой может мечтать подводник – вражеский линкор и три авианосца, – ну а после... Что ж, жизнь такова, что ничего не дает бесплатно.

U-123 шла под шнорхелем. Подводники очень не любили этот режим – при волне, когда труба перекрывалось захлопкой, дизеля начинали сосать воздух прямо из отсеков, ощущение было ну очень поганое! Но с недавних пор эти воды – вблизи от базы, но также и рядом с Англией – стали очень опасными, так что лучше потерпеть, но с большей гаранти-

ей вернуться живыми. И если в самом начале была случайность, что американцы, совершая противолодочный зигзаг, сами выскочили на пересечение курса, то капитан-лейтенант Шредер, имевший на боевом счету восемь судов (одно, правда, было шведским, другое и вовсе испанским), увидев в перископ столь жирные цели, времени не терял.

Дистанция – шестнадцать кабельтовых, скорость цели – двадцать три узла. На такой скорости плохо работает акустика даже у БПК конца века, куда там эсминцам этих времен! Считалось, что большой ход, непредсказуемая смена курса и патрули береговой авиации, сообщающие, что лодок в этом районе нет, являются достаточной защитой. Действительно, встреча могла произойти лишь случайно, еще большей случайностью была сама возможность выйти в атаку – но бывает, что и на игральных костях выпадают одни шестерки. И как раз такой случай выпал сейчас, словно прилетела шальная пуля!

Еще одним обстоятельством, благоприятным для немцев и совсем наоборот для янки, было то, что в носовых аппаратах были заряжены четыре парогазовые G7a, оставляющие на воде след, но гораздо более быстрые. Чтобы скрытно стрелять с большой дистанции по тихоходным транспортам, лучше подходили электрические G7e, и Шредер вовсе не был безрассудным человеком. Встретив у Фритауна конвой, он не рискнул прорывать кольцо кораблей охранения, а дал залп с предельной дистанции, с какой был шанс попасть... ну не

попали, но шанс точно был! После были еще случаи – короче, на борту остались как раз те демаскирующие торпеды, которые, как положено, зарядили в аппараты – такой порядок. Зато они имели скорость в сорок четыре узла против тридцати у электрических, что при стрельбе по быстроходной цели было решающим.

Заход на колонну авианосцев. Первый уже миновал угол стрельбы, зато второй вписывался хорошо. И сразу залп всеми четырьмя носовыми, время до попадания – две минуты с небольшим. А дальше азарт сыграл с капитан-лейтенантом Шредером очень злую шутку, ведь он заходил в атаку под дизелями со шнорхелем, рассудив, что при переходе на электромоторы восьмиузловый ход съест заметную долю заряда батарей, который будет очень нужен после, когда придется отрываться от преследования. Он оказался прав, в смысле, что именно благодаря этому рывку успел всё же выйти в положение для атаки – но когда уже после залпа отдал приказ перейти к полностью подводному ходу, услышал крик акустика: «Эсминец слева, пеленг 20, быстро приближается!» Будь на месте U-123 старая добрая «семерка», шанс спастись был бы хороший – но «девятка» слишком громоздка и неповоротлива, погружается медленнее. Впрочем, даже успеет она погрузиться, спасение было под вопросом: эсминец бы прошел прямо над лодкой, сбрасывая бомбы – и если асдики этих времен часто давали ошибку на расстоянии – слишком много неизвестных параметров добавляет гидрология, – то

с обнаружением лодки под килем, чтобы установить точную глубину подрыва глубинных бомб, эти приборы уже справлялись хорошо. Лишь новая лодка «тип XXI» могла бы успеть уйти в сторону и нырнуть глубоко – но Шредеру уже не придется вступить в командование одной из первых лодок этой серии, как это случилось в иной истории, судьба перевела стрелку.

Эсминец «Буш», идущий во фланговой завесе, заметил лодку почти сразу после пуска торпед. На «флетчерах», в отличие от эскортных кораблей, не было «хеджегогов» – залповых ракетных бомбометов, стреляющих вперед по носу. И потому действия командира были: курс прямо на лодку, приготовиться к бомбометанию. Но субмарина еще болталась около поверхности, когда «Буш», разогнавшийся до тридцати узлов, врезался ей в борт. О чем думал Шредер, задержавшись с погружением, или виной тому была какая-то неполадка, осталось неизвестным – спасшихся с U-123 не было. У эсминца разбит носовой отсек и вышла из строя гидроакустика, осадка «свиньей» и максимальный ход чуть за двадцать – но повреждения точно не смертельны, а до Англии не так далеко.

Конечно, эсминец одновременно с выходом в атаку доложил об обнаруженной угрозе. Поднял на мачте сигнал «атакую подлодку» и дублировал ратьером. Что должны были делать авианосцы, получив это известие? Стандартные действия, известные еще с прошлой Великой войны – это по-

ворот, приводя предполагаемое место подлодки себе за корму, и самый полный ход. И что, каждый из авианосцев начал немедленно действовать так? Сейчас!

Ведь корабли шли в общем порядке. Кильватерной колонной – а слева от них, параллельным курсом, такая же колонна из «Нью-Джерси» и крейсеров. И маневрировать самостоятельно – это как минимум превращение порядка в кучу, а максимум – угроза столкновений. Потому – доклад адмиралу, который и должен оценить ситуацию и принять решение: поворот на такой-то новый курс, «все вдруг», то есть одновременно, или «последовательно», то есть сохраняя прежний порядок, по-сухопутному строй. Именно так действовал другой американский же адмирал у Нарвика, когда «Воронеж» изображал там немецкую лодку. Но там было время – а вот здесь его не оказалось.

Эскадра шла в радиомолчании. И командир эсминца не сумел быстро решить, стоит ли его нарушать, прибегнув к УКВ, или поступить как велено, по-уставному. Но флагман, «Нью-Джерси», шел в дальней колонне, и потому, чтобы сигнал был на нем принят, оказавшиеся по пути корабли (авианосцы), четко его отретировали (повторили, передали на флагман). И, подготовившись к повороту, стали ждать приказа адмирала, с указанием нового курса и порядка маневрирования. Тем более что сигнал говорил: «Обнаружил подводную лодку, угроза торпедной атаки, атакую, дистанция и пеленг». А не «атака с подводной лодки», то есть уже

видны следы торпед – с авианосцев же их поначалу не видели, расстояние всё же и волна. Ошибся сигнальщик, за что был после наказан. И ситуация, в общем, ординарная – наши парни вовремя обнаружили угрозу и гоняют гуннов или джапов, которым сейчас будет не до атаки, шкуру бы свою спасти!

Именно так поняли обстановку и в рубке «Нью-Джерси». А адмирала нет – и добро бы он ушел отдыхать, своим приказом оставив ответственного: «Пока меня нет, исполнять все его приказы», – так ведь тут он, только где-то ходит, вот сейчас вернется. Ну совсем как случай у нас: подлодка К-21, лето сорок второго, у берегов Норвегии, вахтенный помощник докладывает: «Командиру просьба выйти наверх!» – «Мля, ты сам должен был приказать срочное погружение, когда немецкий самолет заходит в атаку!» А время идет, две минуты с секундами. И на немецких подлодках прицеливание ведет не глаз-алмаз командира, у каждого свой, как бывало у нас в иной реальности всю войну – а довольно точный прибор управления торпедной стрельбой. И неприятности последовали.

Адмирал Флетчер появился в начале второй минуты. Выслушал доклад, приказал «к повороту». В это время на авианосце «Банкер-Хилл», идущем вторым в колонне, уже видели следы приближающихся торпед. И уворачиваться было поздно – корабль был внутри веера расхождения залпа, рассчитанного автоматом торпедной стрельбы для гаранти-

рованного поражения цели. Авианосец не катер: тридцать с лишним тысяч тонн, быстро курс не изменить.

Попала всего одна торпеда, оборотная сторона стрельбы веером. Одна – но в корму, в румпельный отсек. Перо руля оторвало, рулевая машина накрылась – в походных условиях не лечится. В принципе, авианосец боеспособен, может сохранять ход, управляться машинами, и так же свободно выпускать и принимать самолеты – вот только с поворотливостью стало совсем плохо! А корабли в одном строю, вы не забыли? И что с этим делать – выделять инвалида в отдельный отряд, придав ему эскорт?

Оправдывают ли эти неприятности гибель сорока восьми человек экипажа U-123? Так ведь зависит от того, что будет после, сумеют ли ими воспользоваться. Насколько это скажется на действиях авиагруппы в будущем сражении?

И это было только начало.

История Второй мировой войны. Т. 6, ч. 2, гл. 11.

Битва за Португалию. Изд. Института военной истории министерства обороны СССР, 1994 (альт-ист.)

Португалия была последней европейской страной, подвергшейся немецко-фашистской агрессии. Это произошло в мае 1943 года как итог сговора между двумя фашистскими диктаторами, Гитлером и Франко. Гитлеру была нужна Испания на стороне Еврореиха и захват Гибралтара, что в значительной степени снижало бы активность британского фло-

та в Средиземном море. Португалия была в экономическом и военном плане много слабее Испании, но ее нейтралитет был закреплен договором 1939 года между Франко и Салазаром, гарантом которого были англичане, давний португальский партнер и покровитель. Но с выбором Испанией своего места на стороне Еврорейха стало очевидным, что в таком случае Португалия послужит плацдармом для английского вторжения, если не немедленно, то в ближайшей перспективе. Потому договор превратился в клочок бумаги, и Португалия была обречена.

К счастью для португальцев, в первый момент основные силы немцев на Пиренейском полуострове были сосредоточены против Гибралтара. В помощь своему испанскому союзнику Гитлер выделил всего лишь две горнострелковые дивизии (7-я, в июне прибыла 5-я), наступательных же возможностей испанской армии оказалось явно недостаточно, несмотря на значительную численность – танковых и моторизованных соединений в ее составе не было совсем. Также испанцы, считая собственно португальскую армию слабым противником, не проявляли должной быстроты в наступлении, продвигаясь основательно и неспешно. Тем самым они совершили грубую ошибку, позволив союзникам сформировать португальский плацдарм.

В планах союзного командования в случае успешного завершения североафриканской кампании было развитие успеха посредством высадки на Сицилию, а затем в мате-

риковую Италию (эта несостоявшаяся операция носила название «Хаски»). И для ее осуществления уже были выделены находящиеся в Англии войска и транспортный тоннаж. Также второе наступление Роммеля в Тунисе началось еще в апреле – и американская сторона, договорившись с британцами об «ответственности» за западный участок фронта, в действительности начала отвод войск из Алжира в Марокко – и в мае значительные сухопутные силы уже находились в районе Касабланка-Рабат. В результате, когда в Португалию началось вторжение, первые американские части успели прибыть уже 17 мая, всего через сутки после того, как испанско-немецкие войска пересекли границу.

Первыми прибыли части морской пехоты США. Высадка производилась на участках Фару-Сагреш и Синес-Лиссабон. Португальская армия практически не оказала сопротивления, а уже вечером 17 мая было объявлено о присоединении Португалии к антигитлеровской коалиции. Следует отметить, что хотя Португалия считалась американской зоной, там поначалу были и британские сухопутные войска, хотя и в меньшем числе.

К концу мая фронт установился по линии, в целом отходящей на несколько десятков километров от португальско-испанской границы. На севере наступающим так и не удалось преодолеть горный хребет от города Браганца до Барка-Д'Альва, дальше шли бои за Гуарду, запирающую вход в долину реки Рио-Мондего, южнее оборонялся Корвино,

державший долину Рио-Зеросо, снова горы у Кастело-Бланко, затем местность становилась более ровной, подходящей для действия танковых и моторизованных войск, самые яростные сражения шли у Порталегре, за которым всего в полутора километрах был Лиссабон, затем границу снова прикрывали горы от Бадайоса до Мауры, перевал у города Серпа был захвачен, но американцы удерживали Байо, не позволяя выйти на равнину. Дальше фронт шел по горному хребту до Аямонте на южном побережье. После первых попыток прорыва началась вялотекущая позиционная война – вопреки опасениям союзного командования, немецкий 14-й танковый корпус (в составе 10-й танковой, 29-й моторизованной, и в оперативном подчинении, 42-й егерской дивизий) штурмовавший Гибралтар, был позже послан не в Португалию, а в подкрепление Роммелю под Каир. Существует точка зрения, что испанцы не стремились к победе, помня об обещании Франко Гитлеру «после завершения португальской кампании послать испанские войска на Днепр». Это выглядит правдоподобным, учитывая, что за исключением «Голубой дивизии» и очень небольшого участия в североафриканской кампании, в эту войну испанских войск не было нигде вдали от своей территории – Франко, желая использовать союз с Гитлером в своих целях, соблюдал прежде всего свои интересы. Что до немцев, то у них этот театр приобрел прозвище *португальский курорт* – в сравнении с тем, что в эти же дни происходило на Днепре и в Белоруссии. Верховное командо-

вание в Берлине, ОКВ и ОКХ, взирало на это с олимпийским спокойствием – впрочем, после катастрофы на Востоке, когда советское наступление казалось неудержимым, выделить значительные силы для отдаленного и второстепенного театра не представлялось возможным.

Всё изменилось осенью 1943 года. Тому было несколько причин. Во-первых, фронт на Востоке, казалось, стабилизировался по Висле и Карпатам. Во-вторых, сильная армия Роммеля, дойдя до *естественного предела* продвижения на Ближнем Востоке, не имела дальнейших задач. В-третьих, к этому времени Еврорейх начал испытывать острую нехватку минеральных ресурсов – и Португалия, богатая вольфрамовыми и оловянными рудами, представляла ценную добычу. В-четвертых, Гитлер надеялся на вывод из войны западных союзников – или, по крайней мере, на лишение их единственного плацдарма в континентальной Европе. В-пятых, требовалось дать боевой опыт дивизиям, сформированным из остатков частей, разбитых на Восточном фронте.

Для операции «Дакар» была создана группа армий «Лузитания» под командой фельдмаршала Эрвина Роммеля, прибывшего на должность вместе со своим отлично слаженным штабом. Подчиненные ему войска включали 5-ю танковую армию (танковые корпуса «Тропик» и «Крит»), 10-ю горную армию (49-й и 51-й горнострелковые корпуса), 1-й парашютно-десантный корпус (1-я и 4-я парашютные дивизии) и 75-й армейский корпус, играющий роль резерва. Всего же насчи-

тывалось двадцать дивизий, из них три танковые, пять моторизованных, две горнострелковые, две егерские, две парашютные, шесть пехотных.

Главной ударной силой, бесспорно, были 15-я и 21-я танковые дивизии, входящие в корпус «Тропик», сохранивший даже эмблему Африканской армии. Эти две дивизии прошли с Роммелем весь его африканский путь – Тобрук, Эль-Аламейн, отступление, Тунис, второе наступление, Каир, Суэц, Багдад – отличались огромным опытом и высочайшим боевым духом, вера их в своего фельдмаршала была просто фанатичной. Следует отметить также 60-ю моторизованную дивизию «Фельдхеррнхалле», укомплектованную исключительно добровольцами, лучшими членами СА, а также 719-ю пехотную дивизию, сформированную из добровольцев Берлина, Потсдама и Антверпена (дивизионная эмблема – заяц, сидящий «столбиком»), и еще 1-ю парашютную дивизию (ранее была 7-й воздушно-десантной, старейшая и опытнейшая десантная часть вермахта). Вторая из названных парашютных дивизий, 4-я, была недавно сформирована и только завершила подготовку, зато у нее был опытнейшей командир, генерал-майор Хайнрих Треттнер, блестящий организатор, с личным опытом проведения десантов в зону Коринфского канала и на Крит.

Огромный боевой опыт, в том числе и Восточного фронта, имели очень многие немецкие командиры всех уровней. Командующий 5-й танковой армией генерал-полковник

Ганс-Юрген фон Арним был командиром 17-й танковой дивизии в Смоленском сражении (после снят с должности и понижен в звании за самовольное отступление от Москвы). Другой армией, задействованной в операции «Дакар», 10-й Горной, командовал генерал Карл Эгльзеер, прежде комдив 4-й горнострелковой дивизии, с которой прошел весь боевой путь до Тамани, откуда был вывезен раненый, едва ли не последним самолетом. Заново сформированным 49-м горным корпусом – взамен погибшего в Крыму – командовал *papa* Юлиус Рингель, прозванный так вследствие огромного уважения подчиненных, бывший комдив 5-й горнострелковой дивизии, разгромленной под Ленинградом – пополненная и переформированная, эта дивизия тоже была здесь, вел ее бывший заместитель *папы*, теперь генерал-лейтенант Макс-Гюнтер Шранк. Пехотной 362-й дивизией, воссозданной из остатков, уцелевших после битвы на Днестре, командовал генерал-майор Ганс Голльник, бывший комдив 36-й моторизованной, уничтоженной на Восточном фронте. Командир 29-й моторизованной дивизии генерал-майор Вальтер Фрис участвовал во всех кампаниях вермахта, начиная от Польской и кончая Сталинградом. Командир 305-й пехотной дивизии (восстановлена из остатков уцелевших после Сталинграда) генерал-майор Винценц Мюллер, бывший начальник штаба 17-й армии, также как и комдив 4-й горнострелковой дивизии, едва успел эвакуироваться с Тамани. И даже дивизии, заново сформированные из остатков разби-

тых на Восточном фронте, как например 34-я пехотная, почти полностью погибшая на Днестре, всё же имели какое-то количество прежних офицеров и унтеров, носителей ценного боевого опыта.

Оттого боевой дух был высоким. После русского пекла, Португалия казалась райским местом. Еврорейх выглядел еще достаточно сильным, а что до временных неудач, то, как сказал еще один ветеран Восточного фронта генерал-полковник Антон Достлер, командующий 75-м армейским корпусом: «Мы были слишком гуманны к русским – надо было вообще не оставлять позади живых». Теперь же этот генерал, прославившийся не столько воинскими успехами, сколько крайне жестоким отношением к военнопленным и гражданскому населению, горел желанием применить свой опыт и здесь.

Войска были хорошо оснащены. Все три танковые дивизии были более чем наполовину вооружены «Пантерами», следует упомянуть также тяжелый танковый батальон «Фельдхернхалле» (не путать с одноименной мотодивизией!), сформированный из остатков личного состава 503-го батальона, погибшего на Висле, имеющий помимо «Тигров» взвод новейших тяжелых танков «Королевский Тигр», проходивших фронтовые испытания. Мотопехота танковых дивизий была полностью оснащена полугусеничными бронетранспортерами, как и первые батальоны в полках моторизованных дивизий. Артиллерия включала в себя тяжелые

артполки 170-миллиметрового и 210-миллиметрового калибра, на железнодорожных транспортерах. Также, помимо двух десантных дивизий, наличествовала отдельная моторизованная парашютная бригада полковника Рамке – которая могла быть использована или в качестве полностью моторизованной пехоты, или десантироваться в полном составе, с учетом сравнительно незначительных потерь транспортной авиации на африканском театре военных действий.

Оборотной стороной привлечения к операции столь большого числа лучших войск Германии была необходимость сразу после ее завершения отбыть на Восточный фронт, а потому накладывались жесткие рамки как на время, так и на допустимый уровень потерь.

Следует отметить, что немцам удалось в значительной части скрыть развертывание своих войск. Так формирование «воссоздаваемых» дивизий (34-й, 94-й, 305-й, 362-й) в южной Франции совсем не привлекло внимания разведки союзников, как и вывод во Францию же «на отдых и пополнение» и других частей из приведенного списка. И африканский корпус Роммеля, спешно выведенный из Ирака, разгрузился в Марселе. Также часть тылов группы армий была завезена к фронту под видом «текущего обеспечения» испанско-немецкой группировки. В союзных штабах подняли тревогу, лишь когда было обнаружено выдвижение в Испанию значительного числа немецких войск и смены ими испанцев на линии фронта. Это произошло 4 ноября, а 11 ноября на-

чалось немецкое наступление. И значительно усилить свои войска в Португалии союзники уже не успевали.

Со стороны англо-американцев, в Португалии на 11 ноября была развернута 7-я армия США, под командой генерал-полковника («трехзвездный генерал») Уильяма Худа Симпсона, отличившегося великолепно организованным, быстрым и без потерь выводом войск из Туниса с последующей организацией обороны вокруг Касабланки. В состав армии входили 5-й и 7-й корпуса, которыми командовали соответственно генерал-лейтенант Ллойд Фридендол, характеризуемый как «знающий командир, неплохой организатор, но нуждающийся в волевом вышестоящем командующем, из-за своей склонности к панике в сложной обстановке» – из-за этой своей особенности он уже проиграл уступающим в силе войскам Роммеля у Кассеринского прохода в Тунисе – и генерал-лейтенант Уэйд Х. Хейслип, штабист корпусного уровня еще с прошлой Великой войны, участник Сен-Мийельской битвы, но пока не имеющий реального боевого опыта этой войны. Из дивизионных генералов следует отметить генерал-майора Эрнеста Хармона, командира 1-й бронетанковой дивизии «Старые Железнобокие», одного из лучших американских танкистов, имеющих прозвище «маленький Паттон», он славился тем, что мог противостоять неверным, на его взгляд, шагам вышестоящих начальников – что не помешало разгрому его дивизии у Кассерина. Второй дивизией, «Голова Индейца», командовал генерал-майор Уолтер М.

Робертсон, отличившийся в дальнейших событиях этой войны, но на указанный момент еще не имевший боевого опыта – дивизия его однако была очень сильная, считалось, что она, в не слишком сложных условиях, способна самостоятельно выполнять задачи корпуса. Третья дивизия «Скала на Марне», командир генерал-майор Люсьен К. Траскотт, уже успела получить африканский опыт. Напротив, 104-я пехотная дивизия была совсем еще необстрелянной, предполагалось, что она достигнет боеготовности лишь в следующем году, но обучение ее было ускорено в связи со срочной переброской в Европу. Новой была и 10-я горнопехотная дивизия, завершившая обучение лишь в сентябре 1943-го, однако ее личный состав был хотя бы привычен к местности, добровольцы из шахтерских семей умирающих городов в Аппалачах и из числа жителей Скалистых Гор. Еще в составе Седьмой армии были 85-я пехотная «Дивизия Кастера», примечательная лишь наличием в составе некоторого количества индейцев, 45-я аризонская пехотная дивизия «Громовая Птица», командир генерал-майор Трой Г. Мидлтон, артиллерист, считался очень талантливым и перспективным, этот пост был его «стажировкой» перед принятием командования над 8-м армейским корпусом, готовящимся к высадке во Франции; 36-я техасская пехотная дивизия, командир которой, генерал-майор Фред Л. Уокер, отличался способностью исполнять приказ вышестоящего командования любой ценой, невзирая на потери и реально сложившуюся об-

становку – до тех пор, пока приказ не будет отменен.

Таким образом, двадцати немецким дивизиям противостояли всего восемь американских – учитывая их несколько большую численность, средства усиления, и значительное количество отдельных частей, соотношение сил было примерно двенадцать к двадцати. Но боевой опыт ограничивался в лучшем случае короткой африканской кампанией, а у значительной части командиров и войск отсутствовал вообще.

Однако боевой дух и решительность американцев тоже можно было назвать высокими. Как пишут в мемуарах участники тех событий, «мы были полны решимости победить этого плохого парня Гитлера и не сомневались, что мы его одолеем!»

Томас У. Ренкин, бригадный генерал Армии США, в ноябре 1943-го капитан, командир роты «А» 610-го противотанкового батальона. Из письма к У. Черчиллю, использованного им в работе над «Историей Второй мировой войны». Текст опубликован в Приложениях к изданию: Лондон, 1970. Действие происходит 16 ноября 1943-го, к западу от Порталегре (альт-ист).

Мы сделаем это! Где этот плохой парень, которого мы должны победить?

Именно с таким настроением мы пришли сюда. Все в мире, кроме нас, воюют за свои эгоистические интересы – за

аннексии, контрибуции, колонии. Плохой парень Гитлер хочет всех сделать своими рабами, ну а русские большевики – отобрать у всех собственность и отдать нищим. И только Америка сражается за высокие идеалы свободы, демократии, самого лучшего мирового порядка. Наше процветание и богатство не есть ли лучшее доказательство, что Господь благоволит к нашей стране – как бы иначе он терпел такое?

Я ушел в армию после колледжа, в двадцатом веке профессия инженера гораздо лучше оплачивается, чем проповедника, кем был еще мой дед. Считаю, что техника, оружие, машины – это всё по части науки, но вот вопросы души и веры по-прежнему в компетенции Церкви, так было и будет всегда. Русские погрязли в безбожии, европейцы в разврате и удовольствиях, Гитлер вообще предался врагу рода человеческого, устраивая черные мессы с кровавыми жертвами, и лишь одна Америка остается истинно христианской, богобоязненной страной – значит, с нами Бог, и мы не можем проиграть! И воля его – всё равно что звезда шерифа на нашей груди: творить на всей земле Закон и Порядок, ну а все, кто смеют быть против – это преступники, подлежащие наказанию, разве может быть иначе? А потому мы их непременно одолеем!

Португалия – это примерно как наш Техас, где я жил одно время. Или скорее, Нью-Мексико, где я тоже бывал – земля здесь не пастбищная, а сухая, каменистая, даже там, где нет гор. И копать в ней окопы – это сущее наказание; впрочем, у

нас было много времени, пока мы сидели в обороне. Тем более конкретно нам этим заниматься не приходилось: мы всё же не пехота, а истребители танков. В моей роте, одной из трех нашего батальона, двенадцать противотанковых самоходок «Хеллкет» – «адская кошка», «ведьма» – очень злая и кусачая девочка, легкая и быстрая, с пушкой сильнее, чем у «Шермана», но тонкой броней, ей не нужно было лезть в открытую драку, а лишь больно кусать издали. По уставу, танки с танками не воюют, так что если враги прорвутся, это будет наша работа. И не слишком обременительная: за всё лето мы видели здесь вражеские танки всего один раз. И мы тогда расстреляли их, как на полигоне, сожгли десяток за пару минут, даже состязались друг с другом, кто успеет раньше. Танки были хуже наших «стюартов», не говоря уже о «шерманах» – тихоходные, неповоротливые, с броней еще слабее нашей, пушка примерно как британская двухфунтовка – как сказали нам пленные испанцы, бывшие русские Т-26. И я подумал тогда: «Надеюсь, русские продержатся еще с год, пока мы не выручим их». Правда, в последнее время им удастся как-то побеждать, но как писали газеты, ценой огромного напряжения и потерь, и я был уверен, это правда, потому что надо быть безумцем, совершенно не ценящим жизнь, чтобы идти в бой на этих жестянках. Но потерпите, мы уже идем – возьмем Берлин где-нибудь через год, ведь мы же самые лучшие – а может даже, гунны капитулируют раньше, как в ту, прошлую войну? И на земле установится вечный и всеобщий

мир, где больше не будет войн – ну разве что с теми, кто не приемлет идей демократии, но ведь таких останется немного? Слышал, что и русские начинают понемногу принимать наши ценности – надеюсь, они не будут слишком тянуть, а то не хотелось бы прийти и учить их, как Гитлера, хорошим манерам, мы ведь в этом мире справедливый и добрый шериф, окей!

Это совсем не было похоже на прошлую Великую войну, о которой рассказывал отец. Колючая проволока, сплошные линии траншей – теперь это архаизм! Если бы командование решило, прибыли бы саперы с бульдозерами, экскаваторами, привезли бы типовые, изготовленные в Штатах на заводе, бетонные детали и броневые колпаки, и в установленный срок построили бы *под ключ* мощный укрепрайон, мало уступающий линии Мажино. А так, строго по уставу, пехотинцы рыли окопы положенного размера – чтоб накрыть плащ-палаткой, глубиной в ярд; где стояли дольше, углубляли в полный рост. Блиндажей не стоили, с гораздо большим комфортом располагались в постройках какой-нибудь деревни рядом. Проволоки не было вовсе, как и минных полей – зачем, если завтра, или когда-нибудь, будем наступать? Всё было по уставу, как нас учили.

Ведь главное на войне что – огонь, маневр и связь. От каждого взвода был телефон, местность впереди пристреляна, и когда испанцы начинали атаку, сразу открывали огонь наши тяжелые батареи. «Серенадой», отработанным методом

по четкому графику, когда снаряды рвутся стеной, сметая там буквально всё. Ну, а если враг всё же прорвется, его танки и бронемшины, потому что пехота никак не могла бы выжить в этом аду – то их должны были встретить и уничтожить мы, быстро выдвинувшись на подготовленный рубеж. Но за всё время, как я сказал, это было лишь однажды. А так мы и стояли в готовности, даже не выстрелив ни разу. Парни даже ворчали, вроде и война, а что дома рассказать, когда вернемся – ни славы, ни наград!

Все изменилось одиннадцатого числа. Сначала нас бомбили. Дед слышал от прадеда и рассказывал мне об ужасном боевом крике краснокожих, «от которого хребет проваливается в задницу», так вой «штук», пикирующих на тебя, это еще страшнее. Затем был воздушный бой, кто в нем победил и с каким счетом, мы не поняли, один сбитый спускался на парашюте почти нам на головы, по нему с азартом стреляли, не попали, и на земле едва не подняли на штыки, если бы он не крикнул – оказался наш. У нас обошлось без потерь, а вот пехоте, говорят, досталось, и хуже всего, что пообрывало телефонные линии, так что связисты долго бегали с катушками. А наши 155-миллиметровые стреляли так, что салют на День независимости показался бы школьным фейерверком. Затем мимо везли раненых, их было много, очень много. И это был лишь первый день.

Мы стояли не на передовой, а милях в десяти в тылу. С расчетом, чтобы нас не достала их артиллерия – а мы могли

бы после быстро выдвинуться при вражеской угрозе. Впереди гремело непрерывно, уже не испанцы, а сами гунны пробивали нашу оборону – много позже я встретил своего приятеля, тоже артиллериста, но противотанковой роты в пехотном полку Третьей дивизии, у них были 37-миллиметровые пушки на «Доджах», и он рассказывал, это было страшно, когда они, как на учениях, выскочили на поле против немецких танков, и их всех расстреляли в минуту, от роты осталось пять человек! Спасала лишь наша артиллерия – но и у нее были проблемы. Авиация гуннов, которой мы прежде даже не видели, вдруг стала очень активной, и наши тяжелые батареи были для нее приоритетной целью. Связисты просто не успевали чинить линии, а раций было недостаточно. У немцев тоже были большие пушки, причем еще более крупного калибра, чем наши сто пятьдесят пять. И самое страшное, пошел слух, что кончаются снаряды – что немецкие субмарины и авиация устроили на море настоящий террор, и транспортам трудно прорваться, очень многие потоплены.

Но персонально нас это не касалось. Мы всё так же сидели в отдалении от передовой. Нас даже не бомбили, хотя летали постоянно – но зенитки, стоявшие рядом, палили во всё, что мимо летело, я лично видел, как сбили троих, правда, один снова оказался наш. Однако мы надеялись, что будет, как в мае, когда испанцы так же рвались к Лиссабону, но их удалось остановить.

В тот день, 16 ноября, всё началось с того, что наша артил-

лерия огонь не вела, по крайней мере на нашем участке. Не знаю, отчего солдатское радио говорило, что гуннам, которые накануне летали очень интенсивно, удалось отбомбиться метко и хорошо. Затем пришел приказ нам выдвинуться вперед, на указанный рубеж, так как немцы прорвали фронт. И мы задержались совсем немного, на четверть часа, ну может, минут на двадцать. Но не случись этого, мы остались бы гореть в той долине все до одного! Как те парни из Первой бронетанковой.

Дорога спускалась к югу с гряды холмов – невысокой и не слишком крутой, но на танке въехать трудно – и поворачивала налево, где-то с милю или чуть меньше шла по долине какой-то речки внизу, а затем снова взбегала в холмы, это место было плохо видно с перевала. Мы задержались, и оттого колонна Первой дивизии, «железнобоких», успела выскочить на дорогу впереди нас – «шерманы», не меньше батальона, пехота на грузовиках – они должны были, после того как мы остановим немцев, добивать и оттеснять назад уцелевших, ликвидируя прорыв. Местность была совершенно открытой, желто-серая выжженная земля, лишь изредка были видны одиночные кусты и деревья. И пыль, очень много пыли от движущихся машин, целое облако, так что трудно было смотреть. И железные остовы по обочинам – сгоревших от вчерашней бомбежки. За последние дни «фокке-вульфы» совсем обнаглели – гонялись даже за одиночными машинами. Оттого в каждую колонну теперь старались

ставить зенитные самоходки, эрликоны на полугусеничных бронетранспортерах. От налетов это всё равно не спасало: выскочит, сбросит бомбы, обстреляет, и исчезнет – но колонны без зениток немцы могли утюжить до полного истребления, летая почти по головам. Наши истребители встречались в воздухе гораздо реже. Что очень нервировало – когда постоянно ждешь удара с воздуха, как воевать?

Мы даже не сразу поняли, что колонну внизу обстреливают. В облаке пыли мелькали вспышки разрывов, и тянулся черный густой дым. «Шерманы» стреляли, пытаясь развернуться в боевой порядок, но пыль и дым мешали им тоже, ну а нам ничего нельзя было разобрать. Я скомандовал «стой», безумием было лезть в эту свалку – и к тому же мы были уверены, что крутые «железнобокие» разберутся сами. Но дымов становилось всё больше – те, кто выдвигались вперед, из облака пыли и дыма уже горящих, сами становились мишенями, они тоже стреляли, но мы не видели, в кого. Мы поняли, что что-то идет не так, лишь когда хвост колонны, развернувшись, пытался уйти на перевал и натолкнулся на нас, нам кричали из машин, что впереди гунны, танки, их много, сейчас они будут здесь – «и убирайтесь с дороги, пока и нас и вас не поубивали!»

Мы не испугались. Просто не думали, что нас тоже могут убить, ведь мы же хорошие парни, проиграть не можем! «Ведьма» – очень хорошая боевая машина, с достаточно сильной, меткой и скорострельной пушкой. Один взвод и зе-

нитка успели развернуться на перевале, уйдя влево с дороги, там была небольшая площадка прямо на гребне холмов. Ну а восемь машин заняли позиции на обочине дороги, пытаюсь укрыться за камнями. У нас на корпусе было всего полдюйма брони, только от пуль и маленьких осколков, нам был смертельно опасен даже пулемет 50-го калибра! И полтора дюйма на башне – выдержит снаряд двухфунтовки, если повезет. «Ведьма» всё же была девушкой, а не громилой, она умела лишь наносить, а не получать удары. Но мы не бежали от боя, готовые встретить врага шквалом огня!

Впереди что-то горело и взрывалось, из пыльного и дымного месива навстречу нам выскочило еще несколько машин, танков не было ни одного. Затем наши «засадники» сверху начали стрелять, у них был лучше обзор, а мы по-прежнему не различали впереди ничего, кроме какого-то непонятного движения, нельзя было разобрать, где гунны, а где наши. Ведь не больше десятка грузовиков и джипов успели проскочить назад мимо нас, а где все остальные?

Выстрелы впереди, в ответ – но не по нам. Зато наверху сразу потянулся черный дым, за ним второй – двух «засадников» уже подбили! А мы так и не вступили в бой! Ну где же гунны, бронебойный снаряд в казеннике, рука на спуске, мы вглядывались в дым, в злом ожидании – только покажитесь! Кого тут убивать? «Третий, я Первый, да кто там у вас?» – «Танки гуннов, просто огромные, мы их не пробиваем!» – «Сколько?» – «Видим пока десяток».

Сверху наш третий взвод вел бой. И никто не отступил. Даже зенитчики поливали вниз очередями – черт, значит, там кроме танков у гуннов еще и пехота есть? Не будь этого, мы бы, наверное, рванули в дым, вперед, разобраться с теми вблизи, в конце концов, мы все же круче 37-миллиметровых на «Доджах»? Но нас учили, что мы не танкисты, а истребители танков, и оттого мы ждали. Наверху выросли еще два черных столба, затем вниз по дороге скатилась последняя «ведьма». И голос в радиии: «Парни, там просто ад!» А ребята сгорели, все.

Дым впереди, ярдах в пятистах. Вижу какое-то шевеление, и стреляю – и сразу туда начинают бить все остальные «ведьмы». Но движение не прекращалось, и вот показался танк, огромный и серый, с покатой броней и чудовищно длинной пушкой. Нам показывали силуэты как новых немецких танков, «тигров» и «пантер», так и более старых, «тип 3» и «тип 4», однако этот был ни на что не похож, разве что на сильно выросшую «пантеру». Мы стали стрелять, и я видел, как на его броне вспыхивали искры от попаданий наших снарядов, но ему, казалось, не было до того никакого дела. Вот гунн повел пушкой – и одну из «ведьм» просто разорвало на куски, взорвался боезапас. А затем из дыма появился еще один такой же, и это было ужасно. Я сам всадил в первого из бронемонстров четыре снаряда подряд, эффект был, словно от бумажных шариков. А из дыма вылезали еще танки, это были «тигры» – один, второй, третий. О господи,

шесть «ведьм» уже горят!

Мне было очень страшно! Так, как никогда ни до, ни после. Больше всего хотелось выскочить из машины и бежать, не помня куда. Но я делал всё, как автомат, стараясь не думать, что вот сейчас будет удар, взрыв, и меня не станет. И мне, то есть всему моему экипажу, очень повезло, что нас выбрали последней мишенью. Гунны даже не слишком спешили – медленно поворачивали свои чудовищные пушки, сами стоя на месте, у нас под прицелом, и выстрел, один из нас горит!

Кажется, я приказал водителю: «Назад!» И почти сразу мы наехали на камень, размотав гусеницу, помню страх от мысли: «Это уже конец». Но приказ покинуть машину я отдать не успел, когда долину накрыло. Артиллеристы всё ж наладили связь, наверное, получив информацию от бежавших, не знаю. Но я видел вблизи, что такое «серенада», и это был ужас! Как будто земля встает дыбом, начинается землетрясение в двадцать баллов! Всё дрожало и прыгало – а когда улеглось, впереди не было никого живого, только дым и пыль, в еще большем количестве.

Гунны отступили – и один из тех двух громадных танков тоже остался на месте, со сбитой гусеницей, как мы. В долине вообще всё разнесло в хлам, иные из груд железа нельзя было опознать, что это было вообще. Уничтоженных гуннских танков оказалось шесть, считая тот огромный, и еще там, оказывается, сзади были бронетранспортеры с пехотой,

вот ей досталось хорошо! Когда стихло, мы были хозяевами поля боя, мы одни – пока не подошли «железнобокие», еще один батальон. А те шесть «тигров» записали на наш экипаж, дома в Штатах после всё было по полной программе – но это было потом. А я всё не мог забыть парней, мою бывшую роту «А», всю оставшуюся там – но офицер по работе с личным составом дружески посоветовал мне выбросить из головы, им всё равно не поможешь, а сам будешь страдать от депрессии, так что получи награду и радуйся, что сам жив, выиграл джек-пот.

Помню еще пленных гуннов, экипаж того поврежденного «тигра». Они дисциплинированно сдались в плен – но держались нагло, не скрывая своей уверенности, что очень скоро мы и они поменяемся местами. Я присутствовал при допросе – и помню, когда старшего из гуннов спросили про «огромные серые танки», он ответил, что это новая модель, «Тигр-Б», специально сделана для русского фронта, чтобы была хоть какая-то возможность уцелеть – здесь же несколько штук прислали на испытания, проверить на более слабом противнике. Так мы считаемся у гуннов слабее каких-то русских? Немец в ответ усмехнулся и ответил, что на Остфронте за подбитый русский Т-54 сразу дают Железный крест второй степени, а кто уже его имеет, то и первой. Здесь же Крест положен не меньше чем за пять «шерманов», причем уничтоженных в одном бою, так что делайте выводы. А сколько русских танков он лично подбил? Только один, сам же горел

дважды, и в последний раз под Варшавой из всего экипажа спасся он один. Т-54 вооружен и бронирован на уровне «тигра», но это массовый средний танк, и когда на тебя наступают их целая орда, правильной тактикой, при умелом взаимодействии с артиллерией, авиацией и пехотой – это страшно! «У вас, янки, есть правило, что танки с танками не воюют – так теперь это стало актуальным и для Остфронта, открытый бой с русскими танками – проигрыш изначально, лишь бить из засад и укрытий – это какой-то шанс, да эти «Тигры-Б», считается, смогут выходить на Т-54 лоб в лоб. Но тяжелый танк не может быть оружием глубокого прорыва, так что те легендарные германские танковые рейды сорокового и сорок первого годов безвозвратно ушли в прошлое, а вот русские, похоже, лишь входят во вкус. И одна надежда, что с ними удастся заключить мир, как, впрочем, и с вами, что-то эта проклятая война стала слишком дорого обходиться!»

Что стало с ними дальше, не знаю. Последующие дни помню смутно, вдруг оказалось, что гунны всё же прорвались, и мы отходим к Порту, поскольку Лиссабон уже отрезан. Помню разговоры о подвиге *рядового Джона Доу* – говорю так, потому что слышал эту историю не единожды, с разными именами – как этот парень спрятался в окопе, укрывшись плащ-палаткой, а когда «тигр» проехал мимо, выстрелил ему в борт из базуки – может быть, какая-то из этих историй и была правдой. Моему экипажу так и не нашлось новой машины, так что отступали как удастся, на попутных, а иногда

даже пешком. Как добрались наконец до Порту, но вместо кораблей домой или в Англию нас отправили в окопы, сказав: «Дурачье, по морю всё равно не выберетесь, вас потопят. И вообще, уход из Португалии для Америки невозможен по политическим мотивам!»

Сейчас, много лет спустя, я знаю, что судьба сначала жестоко посмеялась над нами, жаждущими подвигов и побед, а затем подарила жизнь. Мы встретились в лобовом бою с самым страшным противником, какой мог быть – теперь известно, что «тигров» у немцев в Португалии было не так много, а «королевских», с которыми мы столкнулись, так вообще считанные единицы. У нас не было шансов – но всё же «ведьма» была не так плоха, ее пушка уверенно пробивала броню «пантеры», и мы имели достаточную подготовку и боевой дух, нам не хватало лишь опыта. Нашему экипажу повезло дважды – сначала остаться в живых после того боя; затем, чисто по случаю, оказаться не южнее, а севернее прорыва гуннов к побережью, ведь мы были приписаны к Пятому корпусу и должны были оборонять Лиссабон!

Авиаудар Дулитла семнадцатого числа был лишь отсрочкой, а не спасением. Наша Пятнадцатая воздушная армия разнесла в пыль немецкие аэродромы, после чего активность гуннов в воздухе резко снизилась – но и у нас почти не осталось самолетов, так что всего лишь удалось избежать немедленной катастрофы. Мы получили всего лишь несколько дней, еще и благодаря упорству парней из Пятого корпуса,

они всё же брали с гуннов достаточную цену, потери у немцев были серьезные, и Роммель не решился наступать одновременно и на севере и на юге. Семнадцатого-восемнадцатого у них были все шансы ворваться в Порту, не встретив почти никакой обороны. Но генерал Хейслип, старый служака, вспомнил прошлую войну – махнув рукой на устав, мы вгрызались в землю, как кроты, почти не делая перерывов, падая от усталости, рыли траншеи и блиндажи, сооружали завалы, ставили мины и натягивали колючую проволоку, которая оказалась пригодной не только для ограждения полевых складов. У Хейслипа было пристрастие к саперам – благодаря которому Седьмой корпус был обеспечен строительной техникой в изобилии – а кроме того, несомненный талант заставлять подчиненных работать на пределе человеческих возможностей. Помню эпизод, который видел сам: немцы ведут беспокоящий обстрел, на поле и на склоне время от времени встают разрывы – и тут же работают бульдозеры, скреперы, экскаваторы, кабины которых обложены мешками с песком и обшиты стальными листами. Такой обстрел мог продолжаться по нескольку часов, и мы никак не могли позволить себе на это время прекратить работу – решив, что риск попадания не слишком велик, а осколки вреда не нанесут.

Мы успели за те два или три дня, что нас почти не трогали – главные силы гуннов были брошены на Лиссабон, где добивали наших при поддержке с моря гуннского флота, ко-

торым командовал все тот же проклятый Тиле! Затем немцы занялись нами. Их горные егеря подошли к Порту с востока уже двадцатого числа, а по приморской дороге, по которой мы только что отступали, шли их танки, и это было страшно. Двадцать четвертого я был ранен, и в госпитале молился богу, чтобы гунны не ворвались сюда – все говорили, что они не соблюдают никаких конвенций, и уже слышали, что в Лиссабоне тысячи наших раненых просто свалили на землю и раздавили танками! Мы знали, что что-то подобное было на Коррехидоре в сорок втором, но ведь япошки – это желтомордые макаки, совсем иной расы, здесь же такое творили белые люди, внешне неотличимые от нас. И они шли на нас, как боевые машины, как саранча, не зная страха и усталости, убивать нас было их работой, которую они были намерены сделать хорошо. Я помню, как уже двадцать шестого в разговоре впервые прозвучало страшное слово «капитуляция», всего лишь как один из возможных вариантов. Нас сдерживал лишь страх, что они сделают с нами то же, что в Лиссабоне – это хорошо, что генерал Достлер, отдавший приказ, был повешен в сорок шестом, вызывает лишь удивление, что его не казнили немедленно, как только поймали. А тогда мы очень боялись даже не самой смерти, а быть убитыми как бараны на бойне, не в бою. Некоторые из нас просили морфий, чтобы в последний момент умереть без мучений, другие держали под подушкой кольт, чтобы успеть захватить с собой хоть кого-то из гуннов. Мы слушали, как приближалась ка-

нонада – а затем вдруг стала стихать. После мы узнали, что русские начали наступление, и гунны спешно перебрасывали войска, забыв про Португалию, спасая границы рейха.

Ну а мне больше не довелось встретиться с врагом лицом к лицу, взглянуть на него через прицел в этой войне. Мне довелось вытянуть выигрышный билет, нужны были герои, и наш Фрэнки, как раз тогда встретившись в Ленинграде со Сталиным, рассказывал про подвиг «железной роты» 610-го батальона, которая погибла, но остановила прорыв немецких танков, «совсем как двадцать восемь ваших русских героев под Москвой», и в газетах было мое фото, парень из той роты, лично подбивший шесть «тигров». А я получил, что положено – сначала госпиталь, затем отпуск, и с Рождества до конца февраля дома. Я был героем – все почести, шум в газетах, поездки, приемы, речи, как надо бить плохого парня Гитлера. Затем штабная должность у Мидлтона, у вас в Англии, я был уже подполковником, когда мы высадились на континент, и успел еще получить на погоны полковничьего орла. После был короткий мир, и Китайская война – не хочу сейчас рассказывать об этом.

Видит Бог, я не лез в герои, это решили за меня. Я получил награду еще и за тех, кто остался в той долине – и за тех, кто погиб в Лиссаоне, и за тех, кто оборонял Порту. Но для воодушевления нации нужно, чтобы герой был конкретен – наверное, именно так думали Чины в штабе, кто подписывал мне наградное представление, разве не знали они, как было

дело? А если Большие Боссы решили, что всё было так – ведь глупо спорить и отказываться от того, что дают?

Берлин. Штаб ваффенмарине. 18 ноября 1943 года

– Итак, гросс-адмирал, я выполнил свое обещание. Знали бы вы, чего мне это стоило, гнев фюрера был ужасен! И он требовал крови – а так как назначенный главным виновным предатель Кумметц пребывает сейчас в безопасности в русском плену, пришлось объявить изменниками нескольких чинов его штаба, самовольно покинувших Нарвик. Однако расследование не закрыто, и очень может быть, что у предателей и заговорщиков найдутся сообщники и здесь. Я очень внимательно вас слушаю – так что вы обещали мне рассказать про русскую сверхподлодку?

– Что ж, герр рейхсфюрер, поскольку мой вывод покажется вам безумным, то начну издалека. Первый вопрос, если это всё же русская подлодка, а не змей Ермунгард, то где и когда она была построена? Сразу отбросим все верфи вне России – во-первых, отчего тогда мы не видим подобных кораблей во флоте иной страны, во-вторых, не представляю, с чего это любое иностранное государство стало так помогать русским большевикам, и сей факт остался неизвестным.

– Однако русские заказали крейсер «Ташкент» в Италии.

– Лидер эсминцев, всего в три тысячи тонн. Если же считать размер русской суперподлодки в восемь тысяч, согласно справочнику Джейна – чему можно верить, ведь британцы

имели большую возможность видеть вблизи корабль своего союзника, – и считая, что подводный тоннаж при постройке обходится дороже в разы, то эта субмарина обошлась русской казне не дешевле линкора, и для своей постройки потребовала бы не меньших судостроительных мощностей. И время постройки не меньше чем два с половиной – три года. А скорее всего, гораздо больше.

– Отчего же? Три года – это очень большой срок.

– Идеальный срок, за который в мирное время на лучших русских заводах в Ленинграде строили их большие лодки «тип К», которые намного проще и меньше «моржихи». К тому же мы знаем точную дату вступления этой сверхсубмарины в состав русского флота: после разгрома конвоя «PQ-17», но до провала «Вундерланда». Если же отнести на ее счет необъяснимые потери нашего флота в норвежских водах еще в конце июля сорок второго – вот вам дата, в пределах двух-трех недель. Отсюда следует, что лодку достраивали уже в военное время, крайне тяжелое для русских, да еще на плохо оборудованном заводе. Что не могло не отразиться на сроках постройки – итого считаем, что этот корабль был заложен в тридцать восьмом – тридцать девятом, никак не позже.

– Что подтверждает ваше высказывание о невозможности постройки этого корабля в демократических странах в мирное время. Сколько шума в газетах и дебатов в парламенте в свое время было при постройке вдвое меньшего «Сюркуфа».

Мы бы обязательно знали, хоть что-то – тем более если речь шла о постройке не для себя, а для большевиков.

– Именно так, герр рейхсфюрер! Добавлю, что ни одно государство не будет бездумно тратить средства, достаточные для постройки линкора, не будучи уверенно в полезности такого шага. До того всегда должны быть какие-то опытовые работы, исследования, постройка малых моделей, да хоть на стандартную подлодку новые машины поставить и проверить, как это будет работать! И это должно быть сделано и результат получен, уже на момент закладки большого корабля. То есть русские начали работы в этом направлении где-то в середине, а то и в начале тридцатых? И никто ничего о том не знает?

– Положим, русские хорошо умеют хранить секреты. Даже 22 июня мы, как оказалось, не подозревали о многих тузах в их рукаве.

– Допустим. Тем более в информации, которую удалось достать, мелькало имя Бекаури, был у русских такой сумасшедший гений. Очень может быть, что его не расстреляли в тридцать седьмом, а упрятали в какое-то закрытое заведение, оставив возможность изобретать. Но остается всё же вопрос, на каком конкретно заводе была построена русская сверхлодка? Судя по датам и географии, это могут быть лишь Ленинград и этот город на их севере... но про него скажу позже. Что касается Ленинграда, то тогда не понятно, как «моржиха» оказалась на севере именно в июле со-

рок второго? Спустили в сороковом, недостроенной провели вокруг Скандинавии, и два года доводили? Смысл? Проще ведь на Балтике и довести до боеготового состояния! Перегнали еще до войны, уже полностью готовой? А отчего тогда она не участвовала в боевых действиях первый год, когда русским действительно было там очень тяжело? Я не говорю уже о том, что провести такого монстра по относительно мелководным Датским проливам и Северному морю в военное время так, чтобы никто не заметил – задача очень трудная.

– Русские распространяют сведения, что «моржиха» была построена на севере, в Молотовске, вместо снятого с заказа линкора «Советская Белоруссия». И что работы шли именно под видом этого линкора.

– Тогда вопрос, а отчего в составе русского флота нет, кроме этой подлодки, ни одного корабля, построенного там? Я мог бы с трудом, но согласиться с этим – если бы не наши инженеры, побывавшие в Молотовске в сороковом. Их заключение, что оснащение этой верфи на тот момент было абсолютно недостаточно для сколько-нибудь значительного строительства! Всё было в планах, в постройке, но не в рабочем состоянии – один из свидетелей даже повторил слова, о «скелете великана, пока еще без мускулов и сухожилий»: русские, по своему обычаю, широко размахнулись, но совершенно еще не были готовы снимать плоды, и это, повторяю, осень сорокового! «Белоруссию» оттого и сняли со строи-

тельства, что даже у Сталина хватило ума понять: справиться с этой работой в том месте нельзя, лишь бессмысленные расходы!

– Ну и какой же вывод?

– А вы попробуйте представить всю картину. Эта подлодка возникает у русских словно ниоткуда, причем сочетает в себе сразу несколько невероятных вещей. «Что самое главное для подводника – свежий воздух и скорость», – очевидно, что это у «моржихи» есть в избытке, никто не видел ее на поверхности, зато под водой она может идти со скоростью эсминца, причем длительное время. А еще она поразительно тихая для таких размеров и скорости. При этом гораздо лучше «видит» и «слышит», расчет на противодействие подобным себе? Может стрелять торпедами не только по кораблям, но и по субмаринам. Вооружена кроме торпед еще и чем-то вроде самолетов-снарядов, способных нанести смертельную рану линкору или попасть в выбранный дом на берегу. И не требует дозаправки – если то донесение нашего агента в Мурманске было верным. Каждое из подобных технических решений само по себе требует длительной отладки, отработки, а тут мы имеем отлично работающий конечный продукт, возникший из ниоткуда – как?

– И это всё, что вы хотели мне сказать? Этими вопросами уже занимались привлеченные мной инженеры из Управления Вооружений. В вашем присутствии, между прочим, вы не забыли? И мой друг, группенфюрер Рудински, который...

Впрочем, вы знаете, к каким выводам он пришел.

– При всем уважении к господам, которых, кстати, рекомендовал вам я, осмелюсь заметить, что они великолепные, но узкие специалисты. А герр Рудински, при всех его талантах, не инженер, не моряк, не кораблестроитель. И всех нас сбил с толку сам факт существования этой подлодки: если она есть, то вопрос откуда – второстепенный. И Рудински, как истинный материалист и эмпирик, увидел это первым!

– Вы смеетесь, Дениц?

– Нет, всего лишь имею в виду то, что Рудински первым заметил тот факт, что задача появления этого объекта в нашем материальном мире решения не имеет. Но сам не сумел осознать – вместо этого, не будучи по образованию инженером, сделал совершенно ошибочные выводы. Я же могу предложить совершенно материалистическую версию, которая, по крайней мере, не более безумна, чем проснувшийся змей Ермунгард. Для этого мне потребовалось всего лишь отрешиться от всех шаблонов – чему очень способствовала обстановка заключения в одиночной камере – и взглянуть на картину в целом.

– Ну и к каким же выводам вы пришли, гросс-адмирал?

– Замечу еще один факт. По донесению нашего агента, командует субмариной человек, абсолютно никому на флоте не известный; люди из экипажа «выглядели странно», хотя в чем конкретно это выражалось, не уточнялось. Так как агент всё же не имел личных контактов ни с кем из них, но слы-

шал, что говорили другие. «Наши и не наши», «не отсюда», «странные» – и это было мнение не одного, разных людей! А затем все эти разговоры как-то очень быстро прекратились. Что было дальше, неизвестно, агент был разоблачен.

– Выводы?

– Они не отсюда. Они пришли. На этом корабле. Русские по национальности и языку – но не здешние.

– В тайное общество белоэмигрантов, решившее вдруг помочь своим заклятым врагам, да еще имеющее такие возможности, поверить еще сложнее, чем в мистику.

– Я не сказал ничего про эмигрантов. Я имею в виду совсем других пришельцев. Что, если слова про подводные силы Коммунистического Марса были правдой?

– Бред.

– Зато безупречно всё объясняет. Согласитесь, что у гипотетического межпланетного корабля и субмарины много общего, а при массе в несколько тысяч тонн взлет и посадка с воды и из-под воды технически проще, чем с суши – не нужны шасси, взлетная полоса, и посадка может быть более грубой. Также и требования к экипажу подводной лодки и космолета достаточно близки. Наконец, это предположение сразу снимает вопрос со скоростью и автономностью «моржихи», не нуждающейся в заправке топливом – уж если горючего хватило добраться сюда от Марса, то совершенно не проблема без дозаправки болтаться полгода от Мурманска до Нарвика.

– Шизофренический бред тоже бывает безупречно логичен. Кроме исходной посылки. Отчего же пришельцы стали помогать русским, какой их интерес? Да и экипаж сверхподлодки выглядел как самые обычные люди, такие же, как мы.

– А вот про это, герр рейхсфюрер, спросите своих колдунов из «Аненербе». Которые накопили кучу сведений про «наших предков, сошедших с небес», «летающие колесницы древних ариев», и их ужасное оружие, стирающее с лица земли целые страны и города. Что, если легенды не вральи и прародина человечества вовсе не Земля? И если ваш Рудински оказался прав, и русские – это истинные арийцы, потомки древней расы, мы не больше чем полукровки, ну а англосаксы – местная порода, унтерменши. Потому пришельцы воюют против нас, но не мешают нам побеждать недочеловеков. Есть еще версия, что на их планете действительно коммунизм, и пришельцы делают здесь то же самое, что их «добровольцы» в Испании шесть лет назад. Наконец, мне как-то довелось разговаривать с русским эмигрантом, бывшим офицером еще царского флота, так он рассказал, у русских есть легенда о счастливой стране Беловодье, куда уходили люди за лучшей жизнью, эту легенду помнят уже несколько веков – что, если за ней скрывается память о действительных событиях? И потомки тех ушедших решили вернуть долг планете-матери. Замечу, что все три версии вполне могут не исключать друг друга. И в любой из них мы имеем дело с государством, а не с частной инициативой. Развитие науки

и техники требует все большей централизации власти, и маловероятно, чтобы те, кто научились летать между звездами и планет, жили бы при феодализме с баронскими дружинами. Как трудно поверить и в то, что частные лица могут владеть боевым кораблем.

– А отчего не предположить, что пришельцы хотят просто завоевать нашу планету? И это лишь первый отряд армии вторжения.

– Это было моей четвертой версией, герр рейхсфюрер. Но по здравом размышлении я даю ей весьма малую вероятность. Отчего мы тогда не видим вторжения инопланетных армий, истребляющих всё? Потому что пришельцев мало – можно предположить, что столь дальний полет вовсе не дешевое занятие. Как обеспечивать армию вторжения, способную оккупировать целую планету, везти все тылы с невообразимого далека? Логичнее поступить, как бельгийцы в Конго полвека назад: срамливая между собой местные племена, завоевали территорию размером с Францию, имея меньше двух тысяч белых солдат! Но тогда не сходитесь выбор стороны: пришельцам разумнее было бы выбрать нас! Ведь именно наша доктрина, в отличие от русской, предусматривает мировое господство – сразу напрашивается план, помочь завоевать, но не удержать, ну а дальше мы опомниться не успели бы, как оказались у пришельцев на вторых ролях. Есть еще одна версия, столь же маловероятная, что для чужаков наша война не больше чем любопытное зрелище, гладиатор-

ский бой. Но тогда им совершенно незачем вмешиваться, помогая одной из сторон – или подбросили бы что-то обеим, чтобы горело жарче, или, что вероятнее, просто наблюдали бы.

– Вы с Рудински как стоворились показать картину страшной. Вместо восставшего арийского бога – пришельцы, превосходящие нас, они же коммунисты, русские по крови, и очень вероятно, истинные арийцы. Может быть, у вас есть и предложение, как мы можем справиться с этой угрозой?

– Глупо было с самого начала воевать с русскими на истребление во имя идеи арийской расы! Если я прав и пришельцы считают русских своей ветвью – легко понять, отчего они вмешались. А теперь нам остается лишь молиться и надеяться, что потеряно не всё. Я вижу наш шанс лишь в том, что пришельцы относятся к англосаксам без всякого почтения – и скорее всего, лет через двадцать – тридцать, когда вырастет новое поколение, забывшее про ужасы этой войны, всё повторится снова. И если пришельцы умны, они позволят нам жить, чтобы использовать нас, как мы фольксдойчей, тоже полукровок, в установлении своего мирового господства. Есть вариант для нас: попробовать пойти на союз с англосаксами, и это будет смешно – в войне за господство арийской расы мы будем сражаться на противной стороне! Но я совершенно не уверен, что тогда не появится еще одна «подлодка», или целая эскадра, или что-то другое, столь же разрушительное. И Рудинский окажется прав – всё кончится

установлением арийского господства, вот только это будем не мы, нас вообще не будет, потому что предателей карают строже, чем врагов. Я не политик, а моряк, герр рейхсфюрер! Вам решать – что выбрать.

– Что ж, Дениц, я внимательно вас выслушал. Скажите, вы никогда не завидовали лаврам Уэллса? Писателю не слишком нужно заботиться о достоверности, ваша же гипотеза порождает больше вопросов, чем ответов. Например, с кем они воевали там, у себя – на Марсе, в Беловодье, или где-то еще? С какими-нибудь теми, со щупальцами, которые управляют боевыми треножниками и пьют человеческую кровь? Стреляя в них торпедами в глубинах своих морей? Долетев до нас, не могут навести орднунг на своей же планете?

– Герр рейхсфюрер, а почему на своей планете? Если их корабль может летать и в космосе – оставим пока на совести умников рассуждения, что космические лучи за пределами атмосферы убьют всё живое, в конце концов, этого никто не проверял. То и его «торпеды» – это идеальное оружие против себе подобных, быстрые и самонаводящиеся снаряды огромной разрушительной силы, которым всё равно, двигаться под водой или в космической пустоте.

– Еще один аргумент против, Дениц. Если доказано, что по берегу они стреляли чем-то вроде реактивных снарядов, для двигателей которых необходим воздух. А наши акустики слышали шум винтов их торпед. В то время как пришельцам проще использовать что-то универсальное, как вы правиль-

но заметили, одинаково подходящее для воды, атмосферы и пустого пространства. Зачем им вместо этого ставить на свой корабль, на котором всё же нет лишнего места, узкоспециализированное оружие, причем для каждой среды свое?

– Ну, мало ли какие у них могут мотивы!

– Они обязаны прежде всего быть рациональными. Цели следует достигать наиболее кратчайшим, дешевым, простым путем. Вы же напрочь отказываете им в логике. Для войны в наших морях этот корабль несомненно избыточен и слишком сложен для быстрого воспроизводства в нашем мире. Если они так желают победы своим, то им лучше было бы захватить побольше исходных материалов и образцов – новые технологии, станки, машины, приборы. Но ничего подобного в СССР мы не видим – все новые образцы их вооружения не выходят за известные нам пределы нашей, земной, техники и науки. Русские инженеры, американское и советское оборудование, обычное русское сырье. Политическая воля и организаторские способности Сталина.

– Всё, кроме самой подлодки. Остаюсь при своем мнении, герр рейхсфюрер, она и ее экипаж – не отсюда. В нашем мире у русских не было никакой возможности построить ее!

– В этом я, может быть, с вами и соглашусь, *гросс-адмирал*. Ваша профессия сыграла с вами дурную шутку: вы видите всё слишком узко и через шоры вашей специальности. Увидев некоторое сходство между субмариной и гипотетическим межпланетным кораблем, вы начали и всё остальное

подгонять под результат. У меня же по должности взгляд должен быть шире, и кроме того, я достаточно пообщался с моим другом Рудински, чтобы сразу замечать несоответствия. Однако меня интересует не само знание, а его практическое применение. Что нам надлежит сделать, чтобы нейтрализовать эту угрозу? Или хотя бы предвидеть, что можно ждать в дальнейшем? Даже ответить на один вопрос: не появится ли здесь еще одна «подлодка» или что-то ей подобное?

– Если я прав, то экипаж этой сверхлодки – еще большая тайна русских, чем сам корабль. Попробуйте это проверить, и хорошо бы заполучить кого-то живым, если они участвуют в боевых операциях на фронте – очень странный, кстати, шаг с их стороны! И я уверен, что рейху надо скорее заключить мир. Ясно, что продолжение войны не принесет нам никаких выгод, но еще можно надеяться спасти приобретенное и выйти в лучшем положении, чем были в тридцать девятом.

– И с кем же мы должны заключить мир? С русскими или англосаксами?

– А кто сейчас для нас наибольшая угроза? Вот только боюсь, что Сталин ответит нам то же, что Фош в восемнадцатом. Но мир на западе тоже неплох. Однако ни в коем случае нельзя прекращать наступление в Португалии. Во-первых, с показавшим силу легче идут на переговоры, во-вторых, нельзя оставлять в чужих руках плацдарм для вторжения. Но там всё не так просто, как нам кажется.

– Отчего же? Вы сомневаетесь в гении Роммеля? Еще пара дней, и Лиссабон падет.

– В войне на Западе бесполезны победы на суше, без побед на море. В отличие от Остфонта, где наоборот. Помните Францию сорокового, мы разбили ее, растоптали, растерли в пыль, и что? Так и Португалия станет нашим успехом, но не победой – если мы не выиграем наш Трафальгар.

– Ну, мы всё же посильнее того корсиканского неудачника.

– И находимся точно в таком же положении! Этот континент, именуемый Европой, не может выжить без выхода вовне. И такова география, что Англия и русские с разных сторон сжимают наше горло, наша война с одним из них означает, что другой может диктовать нам условия – что изменилось со времен Наполеона? Мы, как и он, попытались разорвать это кольцо на востоке – что вышло, видите сами. Оттого разорвать его на западе – это наша последняя надежда. Или мы погибнем, даже если сумеем каким-то чудом заключить мир – потому что нормально развиваться нам не дадут.

– И что же вы хотите сказать, гросс-адмирал?

– Всего лишь то, что ключ к нашей полной победе в Португалии находится в руках не Африканского Лиса Роммеля, а нашего славного берсерка Тиле.

Атлантический океан у побережья Португалии.

Утро 18 ноября 1943 года

В абсолютной тишине, охватившей адмиральский салон «Фридриха Великого», Мори Танабэ встал. Положил правую руку на эфес самурайского меча. И поклонился. Низко и почитательно. Гайдзину.

Худое, типично европейское лицо. Впалые щеки, горящие глаза. Белая, а не желтая кожа. Стремительные движения, резкая мимика, быстрая лающая речь. Никакого сходства, абсолютно никакого, но тем не менее, чем дольше Танабэ разглядывал Августа Тиле, тем сильнее ему казалось, что из-под европейских черт лица адмирала вот-вот проглянут скулы и холодный прищур легендарного Хайхатири Того.

Мори еще раз посмотрел на карту, снова оценивая уже увиденное. Несведущему человеку мешанина красных, черных и синих линий, обилие надписей и вклейки таблиц показались бы бессмыслицей – но потомственный воин, самурай, на время оттеснивший боевого морского офицера, без труда вычленил главное – даже не самую боевую задачу, а красоту и проработанность замысла. Проявление высочайшего совершенства, сравнимое, пожалуй, лишь с идеальной законченностью Меча.

Обмануть врага. опередить врага. Направить врага на ложный путь.

Там, где ты слаб – демонстрировать силу, оберегая себя без боя.

Там, где ты силен – показать свою слабость, провоцируя

противника на выпад.

И ударить, стремительно и неотвратно. В тот самый момент, когда враг не ждет твоего удара, когда он еще только строит свои планы. Когда ему еще кажется, что он переиграл тебя, сломил тебя. Когда он сам готовится нанести решающий удар.

Так взлетает катана самурая, стоящего к врагу спиной. И враг умирает, не успев даже понять, что он уже мертв. Когда ему кажется, что он еще побеждает.

И меч возвратится в ножны, прежде чем рассеченный надвое враг опустится на землю, орошая ее своей кровью.

А ведь сначала было лишь желание мести. Эти гайдзины ничем не лучше других, но так сложилось, что они воюют с гайдзинами-янки, а «враг моего врага – это союзник». Танабэ не мог забыть, как у острова Мидуэй погибали его друзья, не имея возможности нанести удар в ответ. Эта удача досталась ему, тогда простому пилоту с «Хирю» – но гайдзинов было слишком много. И тогда Мори Танабэ поклялся своей самурайской честью страшно отомстить янки, хотя бы ради этого пришлось вступить в союз с владыкой ада! И демоны услышали его, будто вселившись в самурая – десять гайдзинов отправил он в преисподнюю, после расстреливая парашютистов, или плотики на воде, а смерть будто обходила его стороной. После Мидуэя и Гуадаканала осталось мало опытных пилотов, и Танабэ быстро стал командиром эскадрильи, затем ему пророчили место командира сентая (пол-

ка) – и вот, вместо битв, это путешествие в Европу, его выбрали только потому, что он мог изъясняться по-немецки.

Мори приходилось видеть раньше и янки, и англичан, ведь он родился и вырос в Нагасаки, это крупный порт. И он хорошо помнил презрение с высокомерием тех и других, японцы были для них чем-то вроде обезьян. Здесь же Тиле, после их представления узнав, что Танабэ участвовал во многих битвах тихоокеанской войны, вызвал его и стал с интересом спрашивать о тех сражениях, тактике авианосных эскадр, и как ее применяют янки. И как-то так вышло, что он стал кем-то вроде советника Тиле – и потрясением для самурая было, что оказывается, этот европеец умеет входить в состояние *сатори* – слияния с Единым, когда открывается Истинный Путь – у самураев это было редким даром, и уж совсем редчайшим, когда по своему желанию, это считалось милостью богов!

Запад есть запад, восток есть восток? Наблюдая за европейцами вблизи, Мори понял главное их отличие: состязательность ума. На Востоке считалось, если решение уже найдено, достаточно лишь повторять его, идя по проторенному пути – открывать новое дозволено великому мудрецу, патриарху, главе Школы. Пытаться узнать, нет ли другого, более короткого пути – это было совершенно непонятно в Китае и Корее. Но само собой подразумевалось европейским мышлением. Вот почему китайцы изобрели порох первыми – и за полтысячи лет их пушки остались такими, как были в Евро-

пе во времена столетней войны англичан с французами: железная труба, наглухо закрепленная в дубовой колоде – установленные на корабле, они расшатывали корпус при стрельбе и не могли наводиться. И китайцы вовсе не желали учиться у *варваров* – Опиумные войны были почти в одно время с визитом «черной эскадры» Перри в Японию, но если страна Ямато бросила все силы на строительство заводов и броненосцев, на создание современной армии, в Китае после полного его разгрома продолжался сон.

Потому Япония имеет полное право владеть если не всем миром, то хотя бы Азией. Ум японцев близок к европейскому касаясь права и свободы творить. Как рассказывал наставник: когда один самурай желал отомстить за убитого отца, но знал, что враг – великий мастер меча и непременно победит, тогда он придумал искусство «мгновенного удара», в первую же секунду, когда бой еще не успел начаться – когда меч, вылетая из ножен, уже идет на удар. Япония знает много таких примеров – и победитель определялся по европейскому правилу «практика – критерий истины», как сказал здесь какой-то мудрец. История показала, что европейский Путь влечет большую силу. Значит, и Япония одна способна стать сильнее своих соседей, и разве это не справедливо, когда миром владеет сильнейший? А покорив весь Восток и поставив себе на службу его ресурсы, Япония уже будет достаточно сильна, чтобы бросить вызов оставшейся половине мира, кому жить, а кому уйти – но это случится очень нескоро.

И если жизнь – это битва, так ли необходимо осквернять ее ненавистью? Даже в битве ум должен быть холодным и спокойным, как зеркало воды в безветрие. Следует уважать своего врага, если он того заслуживает. И какое значение имеет то, что его придется убить, или самому быть убитым – все мы когда-нибудь завершим свой земной путь. И умереть сегодня достойно – куда лучше, чем через много лет позорно. А умереть в битве, на высшем порыве, слившись с Единым – это лучшее, о чем может мечтать самурай. Делай что должно, что требует от тебя честь – а остальное в руках богов!

И первый удар в этом поединке уже был нанесен. Изначально эта операция задумывалась не более чем помощь наступающей армии, высадке десанта у Лиссабона. Переход был коротким, от Уэльвы на самом юго-западе Испании – парашютистов, должных в этой битве исполнять роль морской пехоты, приняли на борт не только транспорты и быстроходные десантные баржи, но и тральщики, эсминцы и даже крейсера. Как в Малайе, подумал Танабэ, где даже крейсера перевозили и высаживали десант, причем одни и те же подразделения несколько раз подряд, и на необорудованный берег. И янки не сумели помешать – впрочем, их наличные силы флота в Португалии были откровенно слабы, включая лишь противолодочные корветы, тральщики, катера, несколько старых эсминцев, этого было явно недостаточно, чтобы противостоять объединенной армаде, в которой

только линкоров было целых семь. Малые канонерки, артиллерийские катера, ночью пытались атаковать отряд десантных барж, но были отбиты с потерями, один лишь миноносец Т-23 доложил о двух потопленных катерах. А самолетов в воздухе не было, кроме четверок мессершмитов из Уэльвы, периодически сменяющихся на первом отрезке пути – после мыса Сан-Винсент их сменили «охотники» Ме-410.

Десант был высажен без потерь. Янки ждали удар с запада, по Лиссабону – а эскадра вошла в залив Сатубаз, южнее, при этом Лиссабон оказывался защищенным от вторжения заливом и долиной реки Тежу, стратегически этот ход казался бесплодным, но не в данной конкретной обстановке. Танки Роммеля рвались с востока, бои шли уже у Монтемор-у-Нову, до Лиссабона оставалось чуть больше полусотни километров по относительно ровной местности – и выделить еще пару дивизий, чтобы надежно запечатать плацдарм, янки не могли. Сила американцев была в огневой мощи, в шквальном огне артиллерии и ударах с воздуха – оборотной же стороной этого был колоссальный расход боеприпасов, которых уже стало не хватать, а их авиация в Португалии была уже большей частью перемолота и испытывала нехватку бензина. Но мнимая защищенность Лиссабона оставляла американцам надежду переломить всё – если дойдет и разгрузится конвой. Большой конвой, идущий из Англии на юг, был обнаружен еще три дня назад, пятнадцатого числа. Самолет-разведчик был сбит истребителями, но успел

передать радиограмму. Существовала вероятность, что конвой идет не в Португалию, а в Индийский океан, но не настолько же глупы гайдзины, чтобы не отреагировать на явную угрозу потери Португалии и всех своих войск там? По предполагаемому курсу конвоя были посланы еще разведчики, два из них исчезли, не успев ничего сообщить – но это молчание тоже могло сказать многое, если знать предписанный разведчику район поиска и контрольное время выхода на связь. Пока было похоже, что конвой идет мористее, не приближаясь к берегу. Но и он сам, Танабэ, на месте их адмирала спланировал бы так же – резко повернуть уже на широте Лиссабона. И Тиле, казалось, был даже рад, получив это известие еще на берегу, до выхода эскадры. Впрочем, Мори уже знал, что этот адмирал-«берсерк», как называли в Европе тех, кто умеет достигать сатори, взял себе обет убить сто тысяч гайдзинов-янки – наверное, они очень сильно оскорбили его честь?

Однако же долг самурая не бросаться в битву очертя голову! Погибнуть со славой – это честь, но погибнуть, убив еще больше врагов – честь много большая. Было известно, что в Англии находятся три американских тяжелых авианосца, а в охране конвоя разведчик заметил только один, и легкий, где остальные? Что они стоят на якорях, когда идет решающая битва, верилось слабо, значит?.. Один раз янки уже сделали это, у острова Мидуэй!

Тиле, которому Танабэ поспешил высказать свое мнение,

отнесся предельно серьезно. Не было причин отменять уже утвержденную операцию – но разведчики искали врага, а кто предупрежден, тот вооружен! И он, Мори Танабэ, лично показывал на карте квадраты моря, где с наибольшей вероятностью могли находиться американцы – используя все свои знания и опыт. И вот только что пришло известие: враг обнаружен. Высотный разведчик Ю-86 с двенадцати километров нашел и сфотографировал ордер американского ударного соединения, триста миль на запад-северо-запад отсюда!

Никто в немецком штабе не знал про последний успех U-123. Как и про гибель U-220 и U-233 из прикрывающей завесы лодок, обнаруженных и потопленных охранением эскадры – не сумевших атаковать и не успевших ничего передать – а также про британскую лодку «Си-Ровер», имеющую несчастье оказаться в опасной близости. Американцы, зная про «море, кишашее смертоносными немецкими субмаринами», бомбили всё, что засекала акустика. Поврежденная «Си-Ровер» сумела всё же всплыть, и была уже на поверхности расстреляна эсминцем «Эрбен», в вахтенном журнале которого затем появилась запись: «Потоплена немецкая подводная лодка, четверо спасенных отчего-то говорят по-британски». Командир «Эрбена» после не подвергся никакому взысканию – на протесты англичан было заявлено, что в сумерках нельзя было различить британский флаг.

Право решать сейчас принадлежало Тиле. Формально – эскадра выполнила поставленную задачу, высадив десант и

обеспечив ему поддержку. И можно было отойти в Гибралтар, американцы не успели бы ударить, они были слишком далеко. Ну, а десант вполне мог продержаться до соединения с наступающими войсками Роммеля. Можно еще было отступить, не потеряв лица.

Хотя существовал и альтернативный план, утвержденный еще на берегу. В случае появления американского конвоя в пределах досягаемости, принять меры к его уничтожению. Проблема была лишь в том, что янки успели ответить. В ночь на семнадцатое и семнадцатого утром их авиация ударила со всей силой, сначала по системе ПВО в северной Испании, а затем по авиабазам Ла-Корунья, Саламанка, Виго. В Саламанке были уничтожены огромные запасы горючего и авиационного вооружения, тесные стоянки между холмами и морем в Ла-Корунье стали могилой почти сотни юнкеров из 4-й бомбардировочной эскадры, в Виго была приведена в негодность великолепная двухкилометровая полоса. Также понесла большие потери 301-я истребительная эскадра, осуществляющая ПВО, истребители 4-й и 27-й эскадр пострадали меньше, а 4-я и 101-я штурмовые эскадры (на ФВ-190), успевшие перебазироваться на полевые аэродромы у португальской границы и даже отчасти на захваченной территории Португалии, не понесли урона совсем. Но потери ударной авиации были невосполнимы – хотя удалось спасти самые ценные части: 100-ю бомбардировочную (До 217 с управляемыми бомбами) и 1ю группу 6-й эскадры (новей-

шие Ю-188). Коротко сказать, Тиле сохранил какое-то воздушное прикрытие, особенно у своих берегов, и даже «рапиру» для дальних точных ударов (6-я и 100-я), но напрочь лишился «длинного меча». Это при том, что американцы могли поднять в воздух, по примерной оценке, до семисот самолетов с двенадцати авианосцев, считая эскортные!

– Мы принимаем бой, – сказал Тиле. – Наш долг перед рейхом – уничтожить возможно больше врагов!

Во взгляде его Мори увидел холод, смерть и спокойствие. Неужели этот европеец снова вошел в сатори и им движет сейчас не слабый человеческий разум, а подсказка и воля богов?

И тогда Мори Танабэ, потомственный самурай, за которым стояли десятки поколений славных предков еще со времен Токугавы, встал и поклонился – в знак полной поддержки и повиновения. И принял решение: когда они вернутся со славной победой из предстоящего сражения, он сделает то, что должно.

Адмирал – не гайдзин! – Тиле будет носить самурайский меч.

Над Атлантикой, к западу от Лиссабона, 18 ноября 1943 года

Юкио Такаши любил летать. Стать одним целым с грозной железной машиной, подобием небесного дракона, повелителя стихий. И служить Божественному микадо ради про-

цветания родной Японии – что еще надо самураю для истинного счастья?

Что делает он здесь, так далеко от своей страны, когда идет война? Одни гайдзины дерутся насмерть с другими гайдзинами, и есть старое правило, что враг моего врага – это друг, по крайней мере пока. Британия когда-то была первым и лучшим другом Японии – теперь же воины Ямато рубили головы британским пленным в Сингапуре и Малайе, не щадя даже раненых и медперсонал. Ведь Япония – это очень маленькая и бедная страна, ей так не хватает земли прокормить собственное население – и если рядом лежат удобные территории, принадлежащие кому-то другому, это вопиющее нарушение гармонии, а чем больше силы, тем больше аппетит! Проклятые гайдзины готовили Японии участь Китая, Индии, Вьетнама – но японцы, в отличие от прочих народов, оказались слишком хорошими учениками, а силу гайдзины ценят и боятся. И хотя великий мастер меча Миямото Мусаси, случалось, выходил на поединок с учебным деревянным боккеном против катаны и побеждал – плох тот самурай, кто не ценит качество оружия для победы в сражении! Да, Япония весьма преуспела в создании современного вооружения, но во многом еще гайдзины существенно превосходят – и к счастью, готовы продать свои секреты в обмен на ценное сырье. Захваченная в самом начале Ост-Индия была очень богата рудами, минералами, каучуком. Захват Суэца и победа в Индии открыли прямой путь из Японии в рейх, первый кон-

вой пришел в Геную 20 сентября – разгрузившись, он отправился назад, и сейчас, наверное, подходит к родным берегам, груженный машинами, станками, точными приборами, радиоаппаратурой и, конечно же, оружием. Нет, Япония не собирается попадать в зависимость от милости гайдзинов – всё это будет тщательно изучено, разобрано, скопировано, чтобы в дальнейшем делать уже самим.

Среди прочего, там были сто истребителей Фокке-Вульф 190, сто Me-109G, и пятьсот моторов БМВ-801, с техдокументацией и лицензией на их производство. Мощные и надежные моторы – это как раз то, что больше всего не хватало японским самолетам: те, что стояли на прославленных, но уже устаревающих «зеро», были почти вдвое слабее. Теперь японские конструкторы сумеют, с помощью прикомандированных немецких коллег, не только воспроизвести эти моторы, но и научиться делать еще лучшие. А «мессеры» и «фокке-вульф», помимо исследований, попадут и во флотские сентаи (авиаполки). Вторые, к сожалению, только берегового базирования – для авианосцев они, по ряду причин, не подходят.

Такаши сейчас сидел в кабине Me-155 (палубный вариант Me-109 «Густав»), час назад взлетевшего с «Цеппелина». Пятнадцать японских пилотов решено было оставить у гайдзинов в гостях, поскольку так можно было лучше и быстрее изучить их самолеты – если всё будет по плану, они вернуться домой со следующим конвоем. Юкио Такаши

был опытным летчиком, больше года тихоокеанской войны – нет, к Перл-Харбору он не успел, попав на авианосец «Секваку» уже после, но участвовал во многих других славных делах: Ост-Индия, Коралловое море, Гуадаканал. В это не поверил тот глупый гайдзин, обучавший его пилотированию «мессера», всё спрашивал: «А где ж твои Железные кресты, или как там у вас называются награды», – и очень удивился, узнав, что в Японии не принято награждать во время войны, а только после ее завершения победой, так что ни один японец за эту войну никакой награды пока не получил. «Мессер» Такаши не понравился: явно тяжеловат в маневре, хотя стрелка указателя скорости уверенно уходит за цифру 600 даже без форсажа, но тогда элероны перестают работать, и самолет становится неповоротливым метеором. «Фокке-вульфы», которые изучали товарищи Такаши, нравились им больше: тоже тяжелы, конечно, даже еще тяжелее, чем «месс», зато в воздухе устойчивы, не вздрагивают при стрельбе, и залп бортового оружия – четыре пушки и два крупнокалиберных пулемета – может развалить в воздухе В-17, не говоря уже о средних бомберах! В плюс, конечно, что оборудование кабины гораздо богаче, приборов больше, а рации даже сравнивать было нельзя (тем более что не на всех «зеро» они и были). Но дальность была самым слабым местом. Опытные пилоты «зеро» могли, манипулируя с режимом работы мотора, держаться в воздухе двенадцать, даже четырнадцать часов, пролететь над океаном три

тысячи километров (немецкие гайдзины не верили – у бомбардировщиков «Юнкерс» дальность была меньше). Но даже номинально, радиус действия «зеро» превосходила таковой у «фокке-вульфа» больше чем вдвое!

Это миссия была очень важна – настолько, что сам Мори Танабэ, их командир здесь, хотел выполнить ее сам. Но главный из гайдзинов, Тиле, категорически ему запретил: «Вы нужны мне здесь». Тогда командир сам назвал его, Юсио, как лучшего из оставшихся. В этом походе «Цеппелин» был забит истребителями, являясь, по сути, не ударным, а легким авианосцем, на которые обычно и возлагается ПВО эскадры. Сорок семь истребителей, считая три сверхштатных, на палубе, взятых в запас. И пять пилотов-японцев сверх летного состава палубной эскадры – те, кто изучал мессершмиты.

Командир сказал: надо найти конвой. Который, если он, Мори Танабэ, прав, идет сейчас точно с запада навстречу. Доложить его место и скорость – ну, а после всё в руках богов. «И постарайся всё же вернуться, ты будешь нужен стране Ямато живым, для будущих сражений». Дистанции поиска – двести миль, для этой модели «месса» предел, особенно с учетом того, что под самолетом подвешены топливный бак и 250-килограммовая бомба. На последнем настоял Такаши, считая, что самураю нельзя идти в бой безоружным. Он был очень хорошим пилотом и мог выжать даже из этого истребителя максимальную дальность, регулируя мотор и подбывая режим полета, скорость и высоту. Конечно, с подвешен-

ным грузом «месс» еще терял в маневре. Но лишь трус скажет, что без оружия легче бежать!

Такаши дотронулся до рукоятки меча. Как смеялись немцы поначалу, видя, что самурай берет с собой в полет эту бесполезную железку! Глупцы – только незнание спасло их от участи быть зарубленными на месте, ну что вы хотите от гайдзинов? У них есть лишь мечи, но никогда не было Мечей – каждый самурай знает разницу: оружие, сделанное Мастером, отличается от утилитарной ремесленной поделки не только качеством – прочностью и остротой – но прежде всего тем, что Мастер вкладывает в изделие душу, дающую владельцу прибавку к силе, ловкости, мастерству, удаче. Если дешевых мечей, выкованных ремесленниками, самурай мог сменить и пару десятков за свою боевую карьеру, то настоящий Меч столетиями переходил в роду от отца к сыну! Этот же Меч был сделан триста лет назад для далекого предка Юкио – и самурай знал, что если он вернется домой живой, но без Меча, это будет много большим позором, чем смерть. А еще Такаши помнил, что его отец, которого он никогда не видел, командир батальона императорской армии, ушедший на войну за полгода до его рождения и смертельно раненный в сражении с русскими большевиками под Читой двадцать три года назад, последним своим приказом велел вынести с поля боя не свое тело, а этот Меч.

И потому Такаши знал: пока с ним Меч, он не умрет позорно. А смерти со славой самурай не боялся. Как рассказы-

вал ему наставник, обучавший его благородному искусству фехтования, славную историю времен Корейской войны эпохи Хидэеси. Одному самураю в битве отсекли ногу ниже колена, но он перетянул рану поясом и оперся обрубком на труп убитого им врага. Враги набегали спереди, самурай их рубил, когда выросла гора трупов, враги должны были обегать сбоку – а самурай их рубил. Враг подбегали сзади – самурай их рубил. Наконец, когда куча мертвых тел возвышалась уже со всех сторон, враги должны были заскакивать на нее – а самурай их рубил. Куча становилась всё выше – и наконец, самурай умер стоя, задохнувшись под горой трупов убитых им врагов. И это была самая достойная смерть для самурая, намного более почетная, чем умереть на склоне лет в своей постели.

Пока что от руки Такаши умирали гайдзины. Двенадцать самолетов, сбитых им раньше от Цейлона до Рабаула, и четырехмоторный патрульный бомбардировщик с британскими опознавательными знаками, попавший ему в прицел неделю назад. Тридцатимиллиметровая пушка была гораздо сильнее привычного вооружения «зеро», и теперь Такаши мечтал, чтобы когда он вернется домой, ему в прицел попал В-17, и не один, а целый десяток гайдзинов падали бы в море. Но для этого надо было в совершенстве овладеть самолетом. Что ж, для самурая учиться владеть оружием – это и долг, и честь! Самолет был с немецкими опознавательными знаками, другого на борту «Цеппелина» не нашлось, а перекрашивать на

один полет было глупо. К этому Такаши относился философски: когда-то, чтобы спасти Японию, пришлось одеться в европейский мундир – значит, это чести не марает.

Вот уже и пустой топливный бак, кувыркаясь, полетел в воду – треть топлива выработана, а конвоя всё еще нет. Юсио внимательно оглядывал горизонт, не зная, что приговор ему уже вынесен, его самолет уже блеснул отметкой на экране чужого радара, с дальноточностью которого не мог сравниться острый самурайский глаз. И целых восемь «хеллкетов», взлетев с палубы «Монтерея», шли ему навстречу – и командир эскадрильи решил потренировать парней, вылетел лично. Американский радар SK на предельной стомильной дистанции давал погрешность в несколько миль, но в ясный солнечный день это не имело значения – выйдя на большой высоте в указанный район, американцы быстро обнаружили самолет Такаши и бросились в атаку.

Командир эскадрильи был очень самоуверен. Потому что был и в самом деле хорошим пилотом, тактиком, командиром – но еще не имел никакого боевого опыта. Нас восемь на одного, так зачем мудрить? Как сказал какой-то там древний грек, пришел, увидел, победил – сейчас завалим этого, и домой! Зачем изощряться, заходить со стороны солнца, атаковать с разных сторон – просто постреляем по мишени! Нас же восемь!

Такаши тоже увидел врагов. И что немаловажно, успел заметить курс, каким они пришли. Восьмером на патрулиро-

вание не летают – значит, эти янки шли за ним, что такое радары, ему уже было известно. Но он еще не выполнил задание, не обнаружил конвой, не доложил – значит, умирать ему было нельзя! Он толкнул от себя РУД, выводя мотор на максимальную мощность. Янки разделились, четверка осталась вверху, а четверо пошли в атаку – не слишком опытные пилоты, начали стрелять с чересчур большой дистанции, Такаши сумел увернуться: сначала скольжение, затем полубочка, и вниз с разгоном. Два американца вцепились всё же ему в хвост, и тогда Юкио, пытаясь оторваться, сделал какую-то напрочь неправильную, «кривую» фигуру пилотажа (если бы он знал, что только что открыл один из приемов русского аса Покрышкина, то был бы удивлен). Ведущий «хеллкет» успел проскочить вперед, а ведомый четко вписался в прицел и тридцатимиллиметровый снаряд накоротке – это страшно, и попал, наверное, не один – у янки просто отлетело крыло, и он закувыркался вниз, летчик выпрыгнуть не успел, по крайней мере Такаши этого не видел.

Американцы обозлились. Спасало лишь, что у них явно не было боевого опыта – пилотировали хорошо, но мешали друг другу, не умели еще координировать работу четверок и пар. Или же наваливались толпой, четверо одним строем, увернуться от такого было легче. Юкио крутился, как никогда, было бы легче, если сбросить бомбу, двести пятьдесят кило лишнего груза – но он знал, что у этих радиоискателей дальность действия небольшая, всего несколько десят-

ков километров, а значит, конвой совсем рядом! И трудно, но можно еще потерпеть, и бросить уже не в океан, а по цели – еще немного, еще чуть-чуть. Он крутился, оттягивая бой в направлении, откуда прилетели американцы.

Как его не сбили, знают одни боги. Или же они были явно на его стороне: Такаши ощущал упоение боем, полное единение с машиной, он видел всю картину вокруг, мысли работали вдвое, втрое быстрее – наверное, это и есть сатори, о котором он много слышал, но ни разу еще не испытал? Не просто бой – а тот, на который поставлено всё. Как у одного из тех ста самураев, которые, по легенде, встретили в поле десять тысяч врагов и шли на последний свой бой с радостью, что сейчас погибнут и попадут в волшебные сады солнцеликой Аматерасу – ведь для этого нужно всего лишь убить побольше врагов, а их много, хватит на всех, и гнаться за ними, искать не надо, сами навстречу бегут. Он уже не сможет вернуться, стрелка бензиномера показывает много меньше половины, в бою мотор жрет горючее в разы быстрее. Но до конвоя хватит, ведь не может же он быть слишком далеко!

И он наконец увидел белые штрихи на воде. С высоты кильватерный след корабля, идущего большим ходом, заметен дальше, чем сам корабль. Зрение у Юкио было великолепным, других и не брали в пилоты. Он ясно различил много черточек, суда конвоя, идущие на восток – всё как сказал Танабэ! Но ближе к нему, в другой стороне, была эскадра. Цель была достигнута, и, отбиваясь от наседавших «хеллке-

тов», Такаши включил радию и выкрикивал свое донесение: квадрат моря, конвой, курс восток, скорость десять, эскадра к северу, удаление двадцать, два линкора, авианосец, полтора десятка эсминцев и крейсеров. Он говорил по-японски – зная, что там, на узле связи, у аппарата обязательно должен быть кто-то из своих.

Ему повезло зацепить еще один «хеллкет», с дымом отваливший в сторону. Остальные обозлились вконец, желая отомстить, но это было им скорее помехой: два янки едва не столкнулись, пытаясь одновременно атаковать. И этот клубок, кружащийся вокруг одинокого мессершмита, очень мешал своим же зенитчикам, когда же командиру эскадрильи и управляющему полетами с «Монтерея» удалось наконец навести порядок, Такаши был почти над авианосцем.

И когда «хеллкеты» брызнули в стороны, Юсио уже входил в пике. Бензина осталось меньше десяти процентов, до берега не дотянуть, и никто не будет спасать его в этих водах. Зато бомба так и болталась под брюхом, не доставленная по адресу, и это был непорядок, как сказали бы немцы. А он, Такаши Юсио, сейчас попадет в сады Аматарасу, это лишь гайдзины умирают навечно, потому что лишь в одной Японии народом на земле правит прямой потомок богов!

Кто-то из американцев успел в него попасть, машина вздрогнула. Но самолет слушался рулей, а всё прочее было уже не важно. С авианосца навстречу летели трассы – вот в самолет ударило еще раз. Как больно, и вроде запахло ды-

мом. Наверное, эрликоны, от сорокамиллиметровок истребитель бы развалился в воздухе, как тот янки сегодня. Три секунды – последние три секунды жизни. А вдруг гайдзины правы, и никаких садов Аматарасу нет? Тогда остается один лишь долг самурая. И радость, что он умрет не один.

Став океаном,
Сожалеют ли воды реки,
О своих берегах?

Он всё же изменил свое решение, рванув рычаг сброса бомбы. То же просветление сказало ему, что промаха быть не должно. И нажал на гашетку, поливая фигурки на палубе остатком боезапаса. Он был великолепным пилотом, сумев совершить невероятное – попал с пикирования прямо в люк носового самолетоподъемника. Предки Юкио Такаши были бы бесспорно довольны своим сыном, а потомки простили бы ему утраченный родовой меч.

Последующее расследование так и не сумело дать внятный ответ на вопрос, отчего в ангаре «Монтерей» самолеты стояли полностью снаряженные и заправленные, а торпедоносцы «Авенджер» были и с подвешенными торпедами. К тому же очагов поражения оказалось три – бомба тоже не пролетела мимо, взорвавшись в ангаре, но ближе к корме, и пулеметные очереди пикирующего мессершмита подожгли стоящий на палубе «хелкет». «Монтерей» был совсем новым кораблем, вступившим в строй в июне, его команда хотя

и прошла полный курс боевой подготовки, но не была еще в настоящем сражении, когда огонь в отсеках – это не тренировка, а всерьез! Потому растерянность в первые секунды имела место – ну а после в ангаре начались взрывы и огненный ад.

Американцы не были трусами и неумехами. И отчаянно пытались спасти корабль. Но мгновения, когда пожар вышел из-под контроля и вызвал взрыв боеприпасов, оказались решающими. Крейсер «Коламбия» встал к авианосцу борт о борт для оказания помощи, подал пожарные шланги, высадил аварийную партию, стал принимать с «Монтерея» раненых и обожженных. И тут раздался сильнейший взрыв, буквально разорвавший авианосец пополам – причем людские потери на крейсере оказались едва ли не больше.

Имеет ли история эластичность? Ведь всё происшедшее почти полностью повторило случившееся в иной реальности в октябре сорок четвертого с однотипными кораблями – авианосцем «Принсентон» и крейсером «Бирмингем» – от единственной японской бомбы в двести пятьдесят килограмм.

Результатом же было, что конвой остался почти без истребительного прикрытия. Поскольку на эскортных авианосцах в подавляющем большинстве были лишь старые «уайлдкетты», к этому времени использующиеся в качестве противолодочных штурмовиков.

И это был еще не финал.

Подводная лодка U-1505. Атлантический океан.

День 18 ноября 1943 года и следующая ночь

Гестапо раньше казалось для корветтен-капитана Адальберта Шнее некоей абстракцией. Оно есть, ловит врагов рейха, иностранных шпионов, коммунистов, евреев и прочих расово неполноценных – но он-то тут при чем? Затем настал февраль, когда вдруг оказалось, что кое-кто из тех, кого сам Шнее считал достойными людьми, на самом деле враги, замыслившие подлое убийство фюрера посредством бомбы в самолете (при чем здесь флот, было непонятно, но ведь гестапо знало, что делает?). Также было замечено, что вероятность попасть в ряды врагов была больше, чем выше чин и ближе к Берлину – и решение сменить штабную должность на мостик одной из новейших субмарин выглядело мудрым шагом. Не помогло...

Обработка «внешняя» – всё же, как после узнал Шнее, с приказом «без непоправимого вреда здоровью». И унижительная «внутренняя», когда тебя морально втоптывают в грязь, показывая, что ты не офицер кригсмарине, а унтерменш, пыль, абсолютно бесправное существо. И бесконечные допросы об изменнических планах уже казненного Редера, арестованного Деница, предателей Шнивинда и Кумметца, а также тех, кто пропал без вести в русских морях. Позорное обвинение в трусости: «Вы знаете, что положено, герр бывший корветтен-капитан, за неисполнение приказа? Так

отчего вы не потопили изменнически перешедшую к русским U-1506? Когда и при каких обстоятельствах вы были завербованы Свободной Германией?»

И вдруг всё завершилось. Выпустили, подлечили, срочно доставили в Киль, где уже стояла U-1505, пришедшая из Тронхейма. «Дело не прекращено, а приостановлено, и вам дается шанс – вы обязуетесь в каждом походе добиваться значительного успеха, иначе ваше поведение будет расценено как трусость перед лицом врага. Есть вопросы?»

Дело было совсем не в гуманности. У португальского побережья собиралась гроза, и нельзя было надеяться на успех в бою при командире неопытном или не знакомом с этим типом субмарин. В кригсмарине пока что успели поднять флаг всего семь «двадцать первых». И это была еще достаточно сырая конструкция, U-1501 страдала таким множеством «детских болезней», что осталась на Балтике, посылать ее в бой было просто опасно, ее сестра U-1502 уже погибла там при погружении; U-1503 пропала без вести у Нарвика, вероятно потопленная русским Ужасом – но возможно также, погибла от аварии, у нее и U-1504 обнаружился дефект, фланцы и сальники систем, вынесенных вне прочного корпуса, под большим давлением текли, отчего глубина погружения этой пары лодок была ограничена – лишь начиная с U-1505 добились более или менее надежного качества, хотя от всех недостатков избавиться так и не удалось; U-1506 была при непонятных обстоятельствах захвачена русскими (в измену

экипажа Шнее не верил). Итого в распоряжении Атлантического командования ваффенмарине находились всего три новых лодки: U-1504 (ограниченно годная); U-1507, только пришедшая с Балтики, завершив ускоренный курс боевой подготовки; и наконец, U-1505, единственная с боевым опытом, у Нарвика потопившая американский авианосец, под командой его, Шнее, ученика великого Кречмера. А Чинам в Берлине тоже нужен успех, чтобы завтра не записали в изменники!

Переход в Эль-Ферроль прошел без помех. Эта база уже использовалась 12-й флотилией, но переселяться туда полностью из Бреста, Лориана и Сен-Назера подводники не спешили, жизнь во Франции была явно веселее, француженки более приветливыми и доступными, а бетонные убежища могли укрыть от английских бомб, в то же время форсирование Бискайского залива, еще недавно бывшее опасной лотереей, с вступлением в войну Испании стало ненужным, теперь лодки шли вдоль баскского берега под прикрытием своей авиации и катеров, в Ферроле пополняли запасы до полного, и уходили в Атлантику. Но из Киля в Ферроль пришлось идти вокруг Англии, и Шнее страстно желал, чтобы ему попался британский конвой, а то кригс-комиссар смотрит недовольно, еще заявит по прибытии, что командир решимости не проявил, и что тогда? Однако приказ пока был о перебазировании, а не об охоте за англичанами!

Приказ выйти в море был шестнадцатого, утром. Узнав о

цели, Шнее выругался – если разведка не ошиблась, то сейчас этот конвой уже почти на широте Ферроля, но гораздо западнее, и уходит на юг, какие шансы его перехватить, если скорость новых лодок в надводном положении даже меньше, чем у «семерок»? И американцы уже кое-чему научились, внаглую преследовать себя над водой не дадут, да при таком охранении несколько авианосцев в эскорте – это очень серьезно! Но что бывает за неисполнение приказа, помнилось слишком хорошо.

Дважды были замечены британские самолеты, потому вдаль от испанского берега шли под шнорхелем или ныряя на глубину – разница была невелика, восемь узлов в первом случае, шесть во втором, зато гораздо лучше слышно. Утром восемнадцатого числа, в месте с координатами 42 °с. ш, и 13 °з. д, акустик U-1505 доложил командиру, что отчетливо слышит шум винтов множества кораблей, не транспорты, пеленг 280, и сигнал такой четкий, будто они совсем близко, «мы скоро должны их увидеть, если не видим уже!» Под перископом, однако, ничего не обнаружилось, и что интересно, у поверхности сигнал пропал и снова появился на глубине шестьдесят. Что ж, все опытные подводники знают, что в море есть свои туманные зоны и зоны отличной видимости, вернее слышимости. И можно иногда заметить конвой или эскадру за сто или двести миль!

Это явление, в иной реальности изученное наукой уже после этой войны, в пятидесятые (а как вы думаете, что дела-

ли в океане целые флотилии «мирных исследовательских судов»?) получило название *акустический канал*. Звук в воде распространяется не прямолинейно, отклоняясь в сторону меньшей солености и низкой температуры. Оттого, например, на широте Португалии, где поверхность океана прогревается хорошо, имеет место отрицательная рефракция, когда луч гидролокатора, посланный с эсминца в сторону вероятного нахождения подлодки, искривляется ко дну, и лодка у поверхности останется незамеченной. Бывает и положительная рефракция, когда вода наверху холоднее, чем в глубине, тогда сигнал локатора уйдет к поверхности, не обнаружив лодку под собой. Наконец, бывает случай, когда холодная вода по какой-то причине оказывается зажатой между слоями более теплой, и тогда сигнал будет распространяться внутри этого слоя, многократно отражаясь от границ, на очень большое расстояние – как правило, это состояние нестабильное, и поймать его можно, если повезет. И для U-1505 сегодня выпала счастливая карта, позволившая ей обнаружить американскую эскадру и взять на нее пеленг. Корветтен-капитан Шнее не был ученым-океанологом, но еще с прошлой войны подводники знали по опыту – такие явления есть.

Конечно, скорости лодки и авианосной эскадры были несоизмеримы. И в открытом океане противники бы благополучно разошлись, не увидев друг друга, а сигнал пропал бы еще раньше, ведь зона акустического канала не может быть слишком протяженной! Но здесь действие разверну-

лось на ограниченном пространстве, пара сотен миль по меркам океана – это ничто. К тому же были обстоятельства за, о которых Шнее и не подозревал. Эскадра сопровождала конвой, плетущийся впереди со скоростью, едва превышающую десять узлов – и чтобы не обогнать, шла противолодочным зигзагом. Потому Флетчер, тщательно обдумав, решил отправить покалеченный «Банкер-Хилл» назад, в Англию, под охраной крейсера «Сент-Луис» и четырех эсминцев, включая «Буш» с разбитым носом – трудноуправляемый корабль связывал бы маневр всего соединения, ставя его под угрозу атаки из-под воды.

А еще с суши приходили панические сообщения, казалось, что Лиссабон вот-вот падет. Из штаба передали, есть вероятность, что придется разгружаться по запасному варианту, в Порту, на севере. И на берегу почти не осталось авиации – очень не хотелось бы тратить на это подготовленных палубников, но возможно, если будет вопрос жизни и смерти, понадобится нанести по берегу бомбовый удар, иначе этих бешеных гуннов остановить невозможно! И эскадра, имея до того генеральный курс юго-юго-запад, повернула на восток, навстречу приближающейся U-1505.

Казалось, опасности нет. Эсминцы носились вокруг, прошупывая море гидролокаторами. А прямо по курсу эскадры летали «авенджеры», вооруженные не только глубинными бомбами, но и новинкой – самонаводящимися противолодочными торпедами «Фидо», сбрасываемыми в воронку

на месте погрузившейся лодки. Субмарина, находящаяся в секторе по курсу эскадры, неизбежно должна была быть замечена! Возможности «семерок» и «девяток» были хорошо известны, семьдесят-восемьдесят миль под водой полностью разряжали батареи, отчего те лодки заходили на цель над водой и ныряли лишь перед атакой, а еще они были «слепые», без радара – как бы они нас обнаружили? Утром пролетал разведчик гуннов, которого не могли достать истребители – но с тех пор эскадра прошла почти сто миль и изменила курс. Но эсминцы очень старались не пропустить врага, не бывшие еще в бою экипажи особенно горели желанием исполнить свой долг. Результатом пока были вышедшие из строя сонары на трех эсминцах – если на одном локатор удалось кое-как отремонтировать, два других оказались безнадежны, всё же новая техника была еще слишком нежной для столь интенсивной работы.

И никто не предвидел «двадцать первую» лодку с дальностью хода в триста сорок миль на шести узлах, упрямо сближающуюся с целью на глубине в шестьдесят метров по устойчивому пеленгу. Не встречались еще союзники с этим типом лодок, сведения об их возможностях, добытые разведкой, были отрывочны и недостоверны. Эти данные, вместе с экземпляром самой лодки, были у русских, но... Рассказывают, что в иной реальности некий советский офицер, сообщивший англичанам о факте захвата нашими моряками-балтийцами немецкой субмарины U-250 с акустическими тор-

педами – после чего последовало обращение Черчилля к Сталину передать образец – подвергся репрессиям за разглашение государственной тайны, притом что британский премьер был прав, говоря, что «этими торпедами уже было потоплено несколько кораблей и транспортов из состава конвоев, идущих в Россию», то есть интерес СССР всё же присутствовал. Здесь же северный маршрут работал бесперебойно, зато советское руководство, зная о том, что будет после этой войны, вовсе не спешило знакомить вероятного противника с тактико-техническими данными своих будущих «613-х». А на официальный запрос британской миссии последовал ответ, что захваченная лодка принадлежит к уже знакомому «типу семь» и технического интереса не представляет. А объект, пришвартованный к стенке завода в секретной зоне рядом с К-25, в иной реальности носившей имя «Воронеж», для посторонних не имел никакого отношения к истории с трофеем – опытовая подлодка Северного флота, на которой ученые проверяют какие-то решения; вон, сам товарищ Базилевский с нее не вылезает, вместе с конструкторами; и вообще, меньше знаешь – крепче спишь!

Вице-адмирал Флетчер не подозревал, что предписанный им поворот выводит эскадру почти на контркурс с U-1505. Не совсем точно, всё же лодка оставалась заметно севернее – но теперь вполне успевала занять позицию впереди. Корветтен капитан Шнее был очень опытным командиром, имея на счету тридцать потопленных (считая и те, у Нарвика). И за-

метив, как изменилась скорость «ухода» пеленга, сумел правильно угадать маневр противника. Лодка шла малошумным и экономичным шестиузловым ходом, всё это время, больше пятнадцати часов, ни разу не показавшись на поверхности, у «семерок» уже разрядились бы батареи, у «двадцать первой» оставалось еще энергии две трети от первоначального.

Шумы винтов эсминцев передовой завесы. Но локатор работает лишь на одном, и тот в стороне. На U-1505 в отсеках тишина, как при бомбежке. Вот эсминцы уже позади, а прямо по носу шумы винтов больших кораблей. Можно было стрелять по акустике – и прежде Шнее так бы, наверное, и поступил, но сейчас ему была нужна победа, а не просто успех. Эсминцев рядом не было, можно рискнуть. Тем более на поверхности была уже ночь.

Доклад от акустика, контакт, пеленг слева, пеленг справа, большие корабли. Редкие облака и узкая полоска луны – но достаточно света, чтобы разглядеть в перископ цель, особенно если знаешь направление. Две цели слева, в кильватер друг другу, чуть лишь довернуть – и в прицеле! Справа тоже были слышны шумы винтов, но не было ничего видно, и положение не такое удобное для атаки. Находилась U-1505 практически внутри ордера, почти на траверзе головного корабля слева! И дистанция до него – меньше мили!

Считалось, что новейшие американские радары за несколько миль засекали головку перископа? В открытом море, может быть – но вы представляете, внутри ордера ко-

раблей сколько будет «паразитных» отраженных сигналов от их корпусов и надстроек? Тут даже гораздо более поздняя система компьютерной обработки и селекции целей не справилась бы со стопроцентной надежностью. И никакие радиодетекторы бы не помогли, ведь все эти фантомные цели, не отвечая, определялись бы как враг! И не было тогда ни компьютерной обработки, ни даже записи сигнала – лишь радиометрист у экрана, его глаз и опыт, да и привычные нам индикаторы кругового обзора только-только стали появляться, часто можно было встретить и старые, когда пеленг и дальность выдавались в виде «пилы» на осциллографе, и чтобы представить обстановку наглядно, надо было в темпе переносить картину на планшет. Так что U-1505 могла бы даже в позиционное положение всплыть, выставив из воды рубку – ее визуально заметили бы раньше, чем радаром, если бы не ночь. Но корветтен-капитан Шнее был слишком опытен и осторожен, и погибать под глубинными бомбами ему хотелось не больше, чем в подвале гестапо.

Влево, курс 185! В торпедном всё готово, в уравнительную уже принят балласт по весу всех торпед в залпе. Условия просто полигонные, большая цель почти перпендикулярным курсом, скорость – пятнадцать узлов, дистанция – восемь – девять кабельтовых! Данные введены в автомат стрельбы, решение отработано – полный залп всеми шестью! И сразу принять балласт в цистерну быстрого погружения, нырять на двести метров!

Наверху взрывы – один, второй, третий, четвертый! В первые минуты американцы не разобрались, что залп был сделан изнутри ордера, и эсминцы бросились искать противника справа и впереди по курсу атакованных авианосцев, ведь по правильной тактике, U-бот должен был сейчас или удирать в океан в том секторе, или затаиться, пропуская эскадру вперед. Но «асдики» первых моделей плохо брали цель на глубине больше ста восьмидесяти метров, а «двадцать первая» была гораздо тише «семерки». И лодку не засекали.

Доклад из торпедного отсека: «Аппараты перезаряжены». Но всплывать сейчас под перископ для атаки было бы самоубийством. Эсминцы словно взбесились, шум их винтов и визг гидролокаторов были слышны со всех направлений. Так что Шнее разумно решил, что долг перед рейхом он выполнил, потопив... кто конкретно попал под его торпеды, он точно не различил, но не меньше тяжелого крейсера, а может быть, авианосец или линкор? В любом случае четыре попадания торпедами – это очень серьезно; по крайней мере, шум его винтов прекратился. Очень хотелось подвсплыть и сделать «дуплет», хотя бы по акустике – но жить хотелось больше. И кригс-комиссару тоже, поскольку он не возражал.

Потому U-1505 очень осторожно отползала в сторону, где, как казалось, активность врага была меньшей. Через несколько часов эсминцы остались далеко за кормой – но только под утро Шнее отдал приказ всплыть под шнорхель, чтобы наконец зарядить батарею. Он не стал сообщать на бе-

рег об атаке, помня, что первое правило подводника, очень способствующее выживанию, – это пореже выходить в эфир. Когда они вернутся, кригс-комиссар подтвердит факт атаки и его, Адальберта Шнее, достойное поведение. А если они не вернутся, то будет уже всё равно.

Оставалось лишь израсходовать оставшиеся семнадцать торпед. И потому U-1505 продолжала двигаться на юг. Хорошо бы встретить конвой на Лиссабон, хотя бы на обратном пути – пусть порожнем, кто будет разбираться? Или подвернется еще кто-то легкой добычей, пусть даже нейтрал. Хотя какие теперь нейтралы – после того как Испания и Португалия вступили в войну, а шансы встретить здесь шведа или какого-нибудь аргентинца исчезающе малы!

Но в любом случае долг перед фюрером и рейхом за этот поход выполнен. Что весьма ободряло – можно уже не слишком рисковать.

Те же место и время

«Йорктаун» затонул под утро. Авианосцы типа «Эссекс» были прочными и живучими кораблями – однако же в иной истории им доводилось принимать удар максимум одной авиационной торпеды. Здесь же торпед было четыре, причем большего калибра – и две из них с неконтактными взрывателями, сработавшие под днищем, в обход противоторпедной защиты. Экипаж сделал всё, чтобы спасти корабль – но когда пожар окончательно вышел из-под контроля, а крен

стал опасно расти, адмирал Флетчер сам приказал командирю авианосца «снять парней, пока не стало слишком поздно».

Сначала «Банкер-Хилл», затем «Йорктаун». А прежде был «Лексингтон» у Нарвика, а до того еще «Айова» – хотя про нее сведения смутные, среди немногих спасшихся не было ни одного офицера. Но если информация верна – то это стандартная тактика гуннов: сначала атаки субмарин, затем их авиация и линкоры добивают уцелевших! И тактика успешная – еще до начала сражения мы лишились половины палубной авиации. А если учесть качество авиагрупп на эскадренных крейсерах – то и больше, чем половины!

Будь это обычный конвой, Флетчер безусловно высказался бы за прекращение операции, обратившись напрямую к высшему штабу: «Наши силы опасно сократились еще до сражения, операцию разумно прекратить, чтобы лучше подготовиться после». И конвой повернул бы назад, в Англию – поймали бы этого ублюдка Тиле в следующий раз, никуда бы он не делся. Но в Португалии погибала армия, сотни тысяч американских парней – и убивали их такие, как Тиле. Флетчер знал, что русские считали немецких фашистов даже не людьми, а чем-то вроде зверей. И был сейчас полностью с этим согласен – как назвать тех, кто приказывал рубить винтами спасавшихся с потопленных кораблей? А эти слухи о черных мессах, где эсэсовцы открыто поклоняются дьяволу и приносят ему кровавые жертвы, пленных – в том числе, наверное, и американцев? Если повернуть сейчас и плохие

парни победят – вернувшись домой, экипажам кораблей лучше не сходить на берег.

Значит, надо идти. Четыре линкора, из них три новейших, один полностью боеспособный авианосец, да и двести машин на эскортниках чего-то стоят – достаточно, чтобы драться с этим ублюдком Тиле как минимум на равных. Мы не «Рамилиез», и здесь не Индийский океан: три против семи – это не то, что один против трех! И палубная авиация у нас всё же сильнее! А ради того, чтобы Тиле сдох и парни с «Ай-овы» были наконец отомщены, стоит и рискнуть головой. Ведь адмирал, в отличие от сухопутного генерала, не посылает в бой, а ведет туда, сам находясь на линии огня.

И потому есть хороший шанс увидеть Тиле висящим на рее. Если его не сожрут акулы прежде, чем мы его выловим!

Первый «Лексингтон» погиб в Коралловом море в апреле сорок второго, второй с этим именем – у Нарвика, месяц назад. Первый «Йорктаун» погиб у Мидуэя, второй здесь. В этой реальности никогда больше в составе ВМС США не будет кораблей, названных «Лексингтон» и «Йорктаун». Моряки – это очень суеверный народ.

Утро 18 ноября 1943 года.

Район Порту, северная Португалия

Небо на высоте кажется ярко-синим, отливающим чернотой – с земли такое можно увидеть лишь в горах вроде Гималаев. Белые облака, прозрачное безмолвие – и три де-

сятка странных металлических птиц: четким строем двухвостые силуэты, квадрат с крыльями. Две эскадрильи дальних истребителей «лайтнинг», уже заслуживших прозвище «король воздуха» в боях над Тихим океаном. Восемь километров до земли – на этой высоте «лайтнинги» не имели соперников.

Четыре часа назад они взлетели с аэродрома в Корнуолле. Тысяча километров – бензина хватило бы еще на воздушный бой или пару часов патрулирования на крейсерском режиме – и домой. На крайний случай можно было сесть здесь – но штабные предупреждали: «Тогда у вас все шансы отсюда не выбраться». Эти проклятые гунны еще в первые дни, одиннадцатого и двенадцатого, внезапными авиаударами сожгли больше половины складов горючего, а после переключились на аэродромы. Тут, наверное, было полно шпионов и от джерри, и от союзных им испанцев – хотя могла сработать и их авиаразведка, точно так же, как мы сами готовили вчерашний удар. Славное было дело: как показали фотографии, на земле сгорело не меньше эскадры юнкерсов, а как их истребителям досталось! Вот только гунны за шесть дней успели свести нашу авиацию практически к нулю, а у них самих что-то еще сохранилось – наземные войска настаивают, чтобы их прикрыли. И генерал Дулитл (тот самый, герой налета на Токио весной сорок второго), сейчас командующий Пятнадцатой Воздушной Армией США в Англии, отдал приказ. Небо было чистым. Нигде не было видно бомбардиров-

щиков с черными крестами. Но в наушниках – голос авианаводчика с земли: «*Бандиты* штурмуют позиции Десятой горнопехотной в квадрате. . .» Командир прикинул курс и отдал приказ. Строй «лайтнингов» повернул и стал снижаться. С земли доносилось: ««Коршуны», где же вы, скорее!» Они вышли точно, вот впереди и далеко внизу уже видны самолеты гуннов – «фокке-вульфы», снующие над землей подобно мухам, несколько «худых», чуть выше и в стороне; трассы и разрывы зенитных снарядов – и что-то на земле горит. ««Коршуны», спасите, нас мешают с землей!» – «Парни, атакуем!»

Тактика была отработана еще в Северной Африке. «лайтнинги» ранних модификаций очень плохо пикировали, что-то происходило с аэродинамикой, даже умники не могли понять, но самолет из пике не выходил. Потому группа разделилась: одна эскадрилья с пологого пикирования атакует «фоккеров», идущих над самой землей, вторая эскадрилья прикрывает, оставаясь чуть выше и отбивая «мессов». Первый удар был успешен, хотя один из американцев не вышел из атаки, врезавшись в землю – то ли то самое, непонятное науке явление, то ли просто не рассчитал просадки при выходе. «Фоки» не успели увернуться, сразу восемь их было сбито в первые же секунды – а в Me-109, пытавшихся помешать, вцепились «лайтнинги» прикрывающей эскадрильи. Но немцы были слишком опытными воздушными бойцами, только двое попали под удар, остальным же удалось

навязать второй эскадрилье, потерявшей высоту, маневренный бой, а «лайтнинг» у земли по всем параметрам проигрывал и «мессу», и «фоку». И штурмовики, оставив в покое парней внизу (хоть какая-то помощь), тоже ринулись в драку. Первая эскадрилья всё же успела вырваться, на скорости проскочив вперед и уйдя на высоту, не повезло лишь четверым. Зато во вторую немцы вцепились намертво, имея и численный, и качественный (на этой высоте) перевес. И падали тяжелые двуххвостые самолеты на дымящиеся после бомбежки португальские холмы один за другим.

За десять сбитых «фоккеров» и двух «мессов» американцы заплатили двадцатью своими. Из ударной эскадрильи вернулись одиннадцать, но из прикрывающей сумел вырваться лишь один – каким-то чудом. Правда, погибли не все – двое сумели посадить избитые машины в расположении американских войск, и пятеро, выпрыгнув с парашютом, также были подобраны солдатами Десятой горнопехотной, еще четверо оказались в немецком плену.

И через час «фокке-вульфы» с бомбами снова появились над позициями злосчастной Десятой дивизии. А затем в атаку пошли немецкие горные егеря, поддержанные артиллерией – чтобы сбить американцев с перевала.

До Порту осталось меньше тридцати километров.

Аэродром в Корнуолле. Вечер 18 ноября 1943 года

Да, такой подставы он не ожидал! Ну что стоило держать

свой язык за зубами – и чего добился, ирландский дурак? Всего лишь поговорил в штабе насчет снабжения своей эскадрильи – может быть, и не следовало орать на того Чина такими словами? Решив, а что собственно могут сделать ему, завтра отбывающему на линию огня? Ну и получил в ответ. Кто ж знал, что этот говнюк с большими погонами окажется настолько злопамятным и подлым?

– Вместо перевооружения на новые «Мустанги» и перелета на Тихий океан, для вас есть другая миссия, капитан О’Бэрри. Никоим образом не понижение, даже наоборот. Ведь командир отдельной эскадрильи – это как бы более высокий ранг?

Формально это было так. Правда, «проверяющий», это звучит не так как «командир». Но фактически (и по жалованию, что приятно) он командовал эскадрилей, а тот, кто официально назывался «комэском», был старшим лишь над своими людьми, если можно так их назвать. Нет, О’Бэрри вообще не был убежденным расистом из «Хижины дяди Тома», каждое утро жаждущим забить плетью кого-то из невольников. Он просто знал, что черный не равен белому – так же, как обезьяна не равна человеку. Но сейчас перед ним стояли пятнадцать чернокожих пилотов. «Господи, в какую же задницу я попал!»

– У вас есть какие-то вопросы, капитан?

– Сэр, камуфляж британского типа будет неэффективен в местности будущей дислокации эскадрильи.

– Капитан, я вас не ограничиваю. По правде сказать, командование уже списало ваших ниггеров и всю эту партию устаревшего металлолома, которую они считают своими самолетами. Можете хоть в попугаев раскрашивать.

– Сэр, это билет в один конец?

– Этого требует от вас Америка, капитан! Скажу вам честно, мало кто надеется, что вы вообще прорветесь туда. Если по пути придется вести бой, то топлива не хватит даже с подвесными баками в экономичном режиме. Можете сообщить своим подчиненным, что на подлете их постараются прикрыть. Им совсем не обязательно знать, что на плацдарме у нас осталось около двух десятков истребителей. Впрочем, даже если бы их было больше, в момент подлета их не подняли бы. Подробности узнаете на месте... когда и если долетите. И напоследок бесплатный совет, капитан: вежливое обращение со старшим по званию – это основа любой армии. Надеюсь, что теперь вы запомните это на всю оставшуюся жизнь.

Разномастные «киттихоки» были наименьшим из зол. Впрочем, эти черные совсем как обезьяны – любят яркие цвета. Машины в хорошем состоянии, как доложил инженер, но безнадежно устарели. Те же Р-40, которые сейчас у нормальных белых парней, – это следующая модификация, «Уорхоки». А ведь могли и совсем старье, «Томахоки» дать – говорят, что партию этого хлама британцы умудрились спихнуть русским вместе с пушечными «Харикейнами», от кото-

рых отбрыкивались всеми копытами сами британские пилоты⁵. Впрочем, так всегда было заведено: белым сливки, черным – объедки со стола. «Вот уж не думал, что сам окажусь в положении черномазых!»

– Господа пилоты, – капитан О’Бэрри словно выплюнул это обращение, – нам предстоит дальний перелет в Португалию, на один из аэродромов на плацдарме. Предупреждаю сразу, горючего, даже с подвесными баками, будет в обрез. Если кто-то отстанет, искать, а тем более ждать его не будем. Нашим же маршрутом – взлет через десять минут после нас – пойдет «Каталина» с грузом. Так что, если очень повежет, попавшего в беду над морем могут заметить, и если не будет опасности для летающей лодки, даже подобрать. Летим строем колонна из пар с уступом по триста футов влево и превышением каждой пары над впередиидущей на триста футов. Дистанция между парами по пятьсот футов. На месте нас встретят аборигены посадочной площадки. Надеюсь, силуэт «Тандерболта» вы с «Фокке-Вульфом» не спутаете. В течение всего перелета сохраняем радиомолчание. Исключение – обнаружение иных самолетов на пути или пытающихся перехватить. Старт завтра в три часа ночи. Взлетаем в свете прожекторов с огнями. Этим мы защитим себя от перехвата на начальном этапе. Да, и еще, не вздумайте бросать баки

⁵ Реальная история. Весной 1943 года британцы поставили нам по ленд-лизу последнюю партию «Харикейнов», на которых уже категорически отказывались воевать английские летчики.

вне боя. Боюсь, они нам могут пригодиться, – затем капитан спросил: – Кто из вас лучший пилот?

Услышав фамилию, покачал головой. Тот самый, кто над Брестом сбил какого-то немецкого аса, как доложила радиоразведка – вот только про него ходили разговоры, что он завалил в хвост и своего ведущего, прежнего проверяющего, за то, что тот накануне набил ему морду. Дело даже хотели передать в трибунал, но толком никто ничего не видел и не знал, одни лишь слухи. Да и смысл заниматься судьбой того, кто всё равно завтра сдохнет, но с выгодой для Америки?

Сегодня там погибла эскадрилья из 55-й группы. А у них пилоты и самолеты не чета этим. Хотя этот Джимми или Джонни умудрился как-то сбить их аса, про которого даже было написано в немецком журнале – образчик добыла разведка, надо же знать психологический портрет своего врага? «Белокурый рыцарь рейха» Эрих Хартман – ну и счет у него, однако! Хотя если русские летают на «Харикейнах» и «Томахоках», и ведь их собственные самолеты наверное еще хуже, если они берут такое старье – тут трехзначный счет набить просто! Если у гуннов все пилоты с опытом охоты на легкую дичь, а не боя с настоящим противником, то мы еще можем с ними потягаться! Вот только не имея за спиной этого... черт знает, что ему придет в голову? Пойдет ведущим замыкающей пары!

И написать письмо домой. Очень может быть, что не вернусь. Поскольку в Португалии ад, приятель из штаба шеп-

нул: жо... полная. Теперь полегче, поскольку гуннов бомбанили очень хорошо, но у нас авиации там не осталось почти совсем – будь иначе, зачем бы гнать туда эскадрилью старых «киттихоков»? Да просто потому, что этих не жалко – даже тут, в Англии, их не подпускают к другим подразделениям и держат на аэродроме, используемом британскими ПВО. Если этих ниггеров завтра не станет, никто даже не вспомнит – единственно упомянут в рапорте в списке принятых мер. А про меня скажут: «Вот уж компанию нашел себе О’Бэрри, даже для того, чтобы сдохнуть!»

А, ладно, чему быть, того не миновать. Может быть, эти ниггеры мне еще майорские погоны заработают? Как в старые времена, когда всё, чем владел раб, принадлежало хозяину. «Это тот, который сбил полсотни гуннов? Ах, не он, а вся его эскадрилья? Плевать – не черных же награждать за всего лишь работу?» Может и набьют мне всей толпой хоть шестую часть того, что у Хартмана есть?

Следующая ночь (на 20 ноября).

У побережья Португалии

Когда мотор начал вдруг терять обороты, Джимми почти не удивился. Три «киттихока» уже покинули строй раньше, гораздо дальше от цели. Вот и его машина стала медленно, но верно терять высоту, и даже появившийся на горизонте берег уже не радовал. Да, их будущий аэродром располагался у самой линии прибоя. Взлетная полоса оканчивалась деся-

тиметровым обрывом, под которым плескалось море. Но до этого места надо было еще добраться. Красноносый с белым рулем направления самолет всё больше отставал от строя, уже сомкнувшего ряды. Вероятно, капитан О'Бэрри уже похоронил в мыслях очередного подчиненного, но сам Джимми еще не был с этим согласен. Сбросив давно опустевший бак он заметил, что скорость снижения упала, давая ему дополнительные, хоть и призрачные шансы добраться до берега. Не будучи морским пилотом, он даже не задумывался, как он будет садиться потом. Пока его интересовало только побыстрее сменить неприветливую воду под плоскостями на твердую землю, куда не страшно прыгать с парашютом. «Аллисон» под капотом несколько раз чихнул, ощутимо вздрогнул и вдруг запел своим обычным голосом. Джимми не верил своим ушам – его молитвы снова сбылись, и он вновь не пропадет. О том, что может ждать одиночку в зоне господствующей вражеской авиации, чернокожий пилот предпочитал не думать. От своих он отстал уже сильно, и теперь все штурманские расчеты приходилось делать самостоятельно. Но это были мелочи. Вот уже скоро должен показаться аэродром.

Они вылетели позже, чем предполагалось, здесь был уже рассвет. Над знакомыми по карте очертаниями берега какая-то непонятная чехарда точек. Джимми прибавил оборотов двигателю и стал набирать высоту. После памятного боя над немецким портом ни дня не проходило без изучения

хоть каких-то сведений о противнике. И сейчас негр в кабине поношенного самолета в непривычной для американских ВВС окраске рвался вверх, чтобы получить хоть какое-то преимущество. Тот раскрашенный для кино «китти-хок» упал в море у Бреста – но Джимми достаточно запомнил понравившуюся ему окраску, чтобы теперь, добыв нужный колер у такого же чернокожего тыловика эскадрильи и еще какого-то англичанина-интенданта, весь вечер перекрашивать свой истребитель в «счастливые» цвета. И капитан, увидев в самый последний час до вылета, ничего не сказал, лишь махнул рукой. А вот взгляд его Джимми очень не понравился – неужели нас уже внесли в список потерь?

Тем временем в зоне посадочной площадки поднимался уже четвертый столб дыма. Пара свободных охотников подловила пришедшую на последних каплях эскадрилью капитана О'Бэрри, и теперь, сбив замыкающую пару еще при заходе на посадку, увлеченно расстреливала на земле не зарулившие в капониры самолеты. Желание побольше записать на свой счет и подавляющее превосходство в воздухе над плацдармом сыграло над немцами предательскую шутку. Джимми даже не надеялся попасть, он просто дал очередь перед носом ведущего «фоккера» в надежде сорвать атаку. Судьба улыбнулась пилоту, ошибшемуся в определении скорости цели: единственная из длинной очереди попавшая во врага пуля полдюймового калибра, сделав аккуратную дырку в остеклении кабины, разнесла немцу голову, и

«фокке-вульф» врезался в землю на окраине аэродрома.

Второй «фоккер» направился было к Джимми. И вдруг метнулся в сторону, поспешив выйти из боя. Только он исчез из вида, как мотор «киттихока» снова зачихал и остановился. Но полоса была уже близко и прямо впереди. «Господи, помоги мне еще раз, только бы проскочить над обрывом!» Кромка его мелькнула, как показалось Джимми, не дальше чем в паре футов – и вот самолет катится по полосе.

Когда он вылез из кабины, увидел парней из своей эскадрильи, стоящих группой в молчании. А где капитан? Убило его, уже на земле, когда он в укрытие бежал. И Боб, Рэнни и Джош сгорели вместе с машинами, а Том чудом успел выскочить, и от Мэтти, Джина и Сэма вестей нет, но вроде бы они снижались над морем, может, их «Каталина» подберет? Половины эскадрильи уже не было – а ведь они еще не вступили в бой!

Подошел какой-то майор, спросил, кто старший. И как-то получилось, что парни вытолкнули вперед Джимми. Майор ухмыльнулся.

– Ну что ж, курица тоже птица, как и ниггер – человек. Если уж нет никого другого. Два часа вам на размещение, обустройство и отдых, а после получайте боевую задачу. Летать и сбивать – пока не собьют вас. А уж немцев над этим местом будет больше, чем ворон над свалкой, это я вам обещаю. Если собьете все вместе хоть десяток гуннов – считайте, что вы затраты на свое обучение уже окупили. И удачи

вам, черные парни – а то, похоже, она от вас отвернулась.

На краю аэродрома в наскоро отрытых траншеях лежали бочки с бензином. А запасных подвесных баков не было. И значит, никто из них вернуться домой уже не мог.

Авианосец «Цеппелин», столовая летного состава.

Следующий день

Эрих Хартман чувствовал себя героем. «Белокурый рыцарь рейха», – слова под его портретом на обложке берлинского журнала. Еще месяц назад какой-то важный Чин из министерства пропаганды расспрашивал всех о подвигах, совершенных во славу фюрера и рейха – и заинтересовался подвигами Хартмана на Восточном фронте. Ну, а Эриха, как говорят, понесло. И виной тому был не один лишь выпитый шнапс – русских, посмевших унижить его, истинного германского рыцаря, хотелось смешать с грязью, хотя бы в воображении.

«Шестьдесят сбитых, числящихся за мной официально – это только русские асы. Прочих даже не считал – собью и лечу дальше. Сколько их было – ну где-то по трое-четверо на каждого аса. Я подал рапорт о переводе на «Цеппелин» потому, что в России уже не мог найти противника – услышав меня в эфире, русские в панике разлетались. Или даже прыгали из еще исправных самолетов, и все с грязными штанами, как сообщали наши солдаты, бравшие этих *иванов* в плен. Вот отчего у меня такой позывной».

Что он там рассказывал дальше, Хартман не помнил сам. И вот, в руках свежий номер журнала! Белокурый рыцарь рейха, сбивший на Восточном фронте триста русских самолетов и скромно умалчивающий о своих победах! Герой, результатом обогнавший Мельдерса, Удета, Рихтгофена. Не имеющий себе равных, без всякого сомнения величайший ас всех времен и народов! Германия непобедима, пока у нее есть такие защитники! И пусть каждый, кто служит в люфтваффе, мечтает стать таким, как Белокурый рыцарь!

Командование всё поняло правильно. Эриху намекнули, что должность командира эскадрильи будет его – сразу, как только откроется вакансия, и очень вероятен и следующий чин, и Дубовые листья к Кресту – но это уже, как только Хартман совершит еще один подвиг, и будьте уверены, он не останется незамеченным! Рейху нужны герои, на которых надлежит равняться! Куда менее приветливо встретили новый статус Хартмана его товарищи по эскадрилье – завидуют, что делать, не всем же быть символом и национальным героем! Потому, войдя в столовую, Эрих удивился, увидев, что барон фон Рогов, командир первого звена его эскадрильи (и, по неписаному порядку, первый кандидат на пост комэска), приветливо машет ему рукой, приглашая к своему столику, где как раз оставалось свободное место. Отношения между Хартманом и этим надменным пруссаком (с подачи которого за Эрихом и закрепился позывной «Засранец») были напряженными, и это еще мягко сказано. Но явно выра-

жать свое презрение тоже было опасно, и Хартман принял приглашение. Не зная о разговоре, бывшем в этой же компании несколько минут назад.

– Слышали, наш Засранец теперь герой, – презрительно произнес барон, – а это значит, Гюнтер, что из числа сбитых тобой, и тобой, Карл, и вот ими, и мной что-то будет записываться на его счет, а не на наш. Не вру, приказ уже есть, не подлежащий огласке. А еще там предписывается Засранца на самые опасные дела не посылать. И как вам это нравится, камрады?

– Он точно сбил на Остфронте триста русских? – спросил обер-лейтенант Ралль.

– В журнале боевых действий эскадры записано всего девять, – ответил Рогов, – те, чьи обломки нашли на земле. Мой знакомый в штабе шепнул. Даже если кого-то не нашли, не сосчитали – думайте сами, сколько у него может быть реально. Интересно, как скоро до пятисот дойдет? А то и до тысячи – вот уж будет «лучший ас всех времен», и «капуста» на Крест, и вертела, и стекляшки. А то и специально для него придумают – тьфу!

– Смотри, чтоб не услышало гестапо, – предостерег третий собеседник, лейтенант Эттель, – но раз вы нам это говорите, я полагаю, у вас есть план?

– Есть! – усмехнулся барон. – О нет, бояться не стоит, вполне безобидная шутка. Но Засранцу кровь попортит. Говорить буду я – вы лишь поддакивайте. Тот же мой штабной

друг рассказал, что...

– ...что над Порту появился русский ас, – говорил Рогов уже Хартману, присоединившемуся к ним. – Туда перелетела свежая эскадрилья янки. И с ними русский. Успел уже сбить кого-то из 101-й эскадры.

Это было правдой. Вернувшийся пилот рассказывал, как он чудом избежал гибели – хотел атаковать истребитель, сбивший его ведущего, и тут понял, что это не янки, а русский. «Я на Остфронте был почти год, много их видел. Красные звезды, красный кок винта, белая стрела-молния на борту, оскаленная морда медведя и много-много мелких звездочек – список побед. Моего ведущего свалил одной очередью, с запредельной дистанции. Я не самоубийца с русским асом драться один на один – и повезло, что он за мной не гнался, наверное, шел на последнем горючем, но проверять это совершенно не хотелось». Очень скоро солдатское радио разнесет эту весть... но вот дальнейшие слова барон придумал сам, хотя они казались очень похожими на правду:

– Твоя популярность достигла уже и русских, Эрих. Они восприняли как оскорбление – и прислали своего аса найти персонально тебя. Разведка перехватила радиопереговоры – этот русский будет искать лишь тебя одного, чтобы убить. Но думаю, для тебя это не будет большой проблемой, если ты сбил их шестьдесят. Говорю тебе, чтобы ты был готов, ведь кто предупрежден, тот вооружен.

И тут Хартман почувствовал липкий ледяной ужас изнут-

ри – совсем как тогда под Орлом, в прицеле у русских Ла-5, за секунду до того, как вывалиться из обреченного истребителя.

– Но право же, не стоит беспокоиться, – продолжал Рогов, с интересом наблюдая вместе со всеми за выражением лица Эриха, – ведь ты же сам говорил, что русские не умеют драться в воздухе, одних лишь их асов сколько на твоём счету? Конечно, на такую миссию, учитывая твой опыт, русские пошлют не кого-то, а сверхаса, но тем более чести от такой победы и вреда врагу. И мы все с тобой вместе, дорогой друг, конечно же морально – мы же не можем быть тебе постоянным и персональным эскортом? Отдельные несознательные личности уже делают ставки на исход вашего поединка – но, Эрих, я поставил на тебя, потому что верю в твою победу, ты только не подведи!

Сидя после в своей каюте, Хартман пил шнапс и смотрел в стенку. Ну отчего судьба так несправедлива – дав пряник, тотчас же грозит лишить всего? Если это ас уровня Покрышкина – эта фамилия уже была известна на Восточном фронте – то лишь увидев его, надо скорее выпрыгивать из самолета, не дожидаясь, пока тебя будут убивать! Хотя может быть, не всё еще потеряно – надо лишь всячески избегать миссий над берегом, особенно на севере. Только бы не попасться этому русскому – и жизнь снова прекрасна, когда ты без пяти минут гауптман, комэск, кавалер Рыцарского креста с Дубовыми листьями – всё это куда приятнее похорон в

море или безвестной могилы на этой проклятой португальской земле!

Возле Лиссабона. Утро 21 ноября

Когда-то и Португалия была великой державой. Одной из двух, между которыми папа римский разделил мир, провозгласив, что все новооткрытые земли к востоку от меридиана мыса Ферро, крайней западной точки Старого Света, должны принадлежать португальской короне, ну а к западу – испанской. И сотни каравелл уходили в дальние моря (и сам тип каравеллы, первого по-настоящему мореходного парусника, изобрели португальцы) – флот Англии и Франции вместе взятых был меньше числом!

Но это было очень давно. И размеры сохранившихся остатков португальской колониальной империи сейчас уже не имели значения. А вот отсутствие современных береговых батарей на входе в Лиссабонскую бухту, формой напоминающую бутылку с горлышком в море – имело значение самое прямое. И не надо ссылаться на отсутствие денег в казне – если тоже не сильно богатая Норвегия всё ж имела у своей столицы довольно серьезную береговую оборону, три года назад сорвавшую первый штурм немцев с моря, потопив тяжелый крейсер «Блюхер» с первой волной десанта. Ту операцию, в конечном итоге завершившуюся победой рейха, разрабатывал адмирал Кранке, теперь стоявший на мостике «Гнейзенау». И потому то, что происходило сейчас, имело

явный оттенок дежа вю.

Большой корабль входил в залив. Старый французский линкор «Прованс» постройки еще той, прошлой войны – но десять 340-миллиметровых пушек и одиннадцатидюймовая броня. В сопровождении старых французских эсминцев «Ле-Марс», «Ле-Палм», «Ле-Борделейз» и в окружении сво-ры французских же миноносцев (тип «Ла-Байонезе», девять-сот тонн, две пушки-«сотки» и зенитные автоматы – страш-ный противник для малых торпедных кораблей, способных угрожать линкору), немецких «раумботов» и быстроходных барж. Расположение импровизированной береговой оборо-ны (нескольких американских сухопутных тяжелых батарей) было хорошо известно по данным воздушной разведки; од-ного авиаудара и десятка залпов с линкора хватило, чтобы всё смешать там с землей. И в Лиссабоне не было достаточ-ного числа американских войск, всё было брошено на восток против танковых дивизий Роммеля, уже захвативших плац-дарм на этом берегу реки Тежу, и юго-восток против выса-женного вчера немецкого десанта. Кто же знал, что эти бе-шенные гунны сумеют повторить на бис! А впрочем, просто не было сил надежно прикрыть все направления.

Только это были не немцы (ну, кроме небольшого числа собственно штурмовых отрядов). Когда к уже захваченным причалам стали швартоваться баржи и транспорты, с них по-шли в бой два французских полка и батальон танков Со-муа-35. Поскольку место, им отведенное в плане «берсерка»

Тиле было незавидным – а своих солдат было просто жаль. И зачем, если лягушатники должны были справиться не хуже?

Несколько эскортных кораблей, катеров и тральщиков янки ничего не могли сделать, были потоплены огнем линкора и миноносцев. Но бой на берегу оказался упорным, американцы бросили в бой солдат тыловых подразделений – всех, кто оказался под рукой. Надежда на скорую помощь давала им боевую ярость – они знали, что помощь идет, и уже близко, но если Роммель ворвется в Лиссабон раньше, чем конвой успеют разгрузить, останется лишь сдаться или погибнуть. А выгрузить полсотни океанских транспортов иначе, чем в специально оборудованной гавани, было невозможно.

Порту. Штаб 7-го армейского корпуса армии США.

27 ноября 1943 года

– Майор Смит, вы обвиняетесь в злостном неисполнении приказа и нанесении побоев полковнику Вульффу. Что вы можете сказать в свое оправдание?

– Ваша честь, если бы была такая возможность, я его бы еще и пристрелил. Из-за его бездумного бездарного приказа был потерян практически полностью мой дивизион, погибли мои парни и мы потеряли плацдарм в Лиссабоне. А *этот* еще смеет утверждать, что *это была война* и на войне умирают. Я даже не жалею о содеянном. Если бы мы остались тогда на своей позиции, десант гуннов был бы на дне, а это французское корыто вообще бы не доползло до входа на

фарватер. И конвою ничего бы не мешало зайти в порт.

– Расскажите подробнее.

– Когда мы высадились в Португалии, мой дивизион был выделен в прикрытие города и порта от возможной атаки с моря. Нам предложили самим выбрать место расположения дивизиона исходя из требований к размещению орудий и их дальности, указав лишь район. Я выбрал и согласовал место северо-восточнее Синтры, это такой городок на склоне горы на берегу около Лиссабона. Там была удобная равнина, поросшая редкими деревьями и кустарником, что облегчало маскировку орудий и размещение тыловых служб в самом городке. ПВО заняло господствующие высоты. В районе монастыря мы расположили наш артиллерийский радар. Что позволило нам иметь дальность обнаружения целей до двадцати двух миль против обычных шестнадцати, хотя стрелять мы могли только на четырнадцать. Но со своей позиции мы полностью перекрывали вход в бухту, восточные окраины Лиссабона и даже на шесть миль от берега в море на запад. Это была очень удобная позиция – нас прикрывали горы, а мы могли стрелять через них. Да и обнаружить нас там было непросто.

Потом нам добавили еще одну батарею «Лонг-Томов», эти орудия были новыми – практически сразу с завода. В итоге мы стали первым четырехбатарейным дивизионом. Состав там был из опытных артиллеристов. Командовал ими капитан Полянский, я знал его отца. Еще в военном училище он

у нас преподавал.

Так как они прибыли к нам сильно позже и мы уже разместились, то я указал им позиции сильно севернее нас, на берегу реки. Эта позиция мной рассматривалась как запасная для третьей батареи, но пришлось ее отдать под четвертую. Я, конечно, не ожидал, что вновь прибывшие без боевого опыта (а только имеющие хорошую подготовку) солдаты смогут всё правильно организовать, но был сильно удивлен, когда через два дня посетил их позицию. Всё было оборудовано и замаскировано даже лучше, чем у моих «стариков». Ну что сказать, всё строили они сами, а не негры из строительной роты, как позиции остальных трех батарей. Заставить этих черномазых что-то сделать как надо – это целая проблема, если не пообещать тут же повесить.

Итак, я продолжу.

Все время нахождения на позиции мы занимались ее оборудованием, мы даже забетонировали основания под орудия и установили поворотные станки на рельсах. Были определены и даже частично пристреляны ориентиры практически по всем секторам и на дальность. Наша позиция позволяла прикрыть достаточно большой район около Лиссабона. Где-то на южном полуострове были еще батареи, но где точно они располагались, я не знаю. Слышал только, что гунны выбили их полностью в первые дни бомбардировок. А нашу даже не нашли.

Двадцатого к нам в расположение прибыл с инспекцией

этот полковник, что он инспектировал я так и не узнал, но он увидел подчиненных мне строителей-«ниггеров», играющими в футбол вместо работы (я уже говорил, что заставить их работать можно только плеткой), хотя практически всё по оборудованию позиций было сделано. Полковник ворвался в мой штабной кабинет и потребовал немедленно снять дивизион с позиции и переместить его на восток, так как тут мы, по его мнению, прохлаждаемся, а там гунны могут прорваться и уничтожить тут всех. Слова, которые он при этом произносил, я не буду приводить, их не произносят в приличном обществе. Я потребовал письменный приказ от начальника штаба дивизии. После этого он пообещал, что обеспечит мне большие проблемы с продвижением по службе. Я снова повторил свое требование о письменном приказе. В ответ он обозвал меня трусом и свиньей. В кабинете мы были одни. Я не выдержал и ударил его в лицо, разбив ему нос. Полковник упал, потом поднялся, пригрозил, что у меня будут большие проблемы, и ушел, громко хлопнув дверью.

Где-то через пару часов мне посыльный доставил приказ. По которому я должен был выдвинуться на восток от Лисабона на шестьдесят километров в местность Виндаж-Новаж к вечеру текущего дня, где поступить в распоряжение полковника Малькольма для поддержки обороны в районе Монтемор. В приказе указывалось, что переместиться должен весь дивизион в составе трех батарей (так было написано). Нас должны были включить в существующую систему

обороны, и поэтому наш радар мы могли сразу не брать, да и на его демонтаж и сборку требовалось два дня. Зато мы брали с собой большинство боеприпасов и топлива, хотя их и так было не много, также мы забирали почти всё ПВО дивизиона, оставив лишь одну батарею прикрывать наши тыловые подразделения в городе и артиллерийский радар. Видимо, про нашу четвертую батарею никто не вспомнил, а полковник не видел ее позицию, он вломился в мой кабинет прежде, чем успел там побывать.

Нам даже не выделили ПВО на маршрут, как я потом уже узнал, что инициатором и составителем приказа был *этот* полковник, но о прикрытии на маршруте он не побеспокоился. Я, конечно, мог отказаться от выполнения такого приказа, но на самом деле парням требовалась наша помощь – гунны очень сильно давили на нашу оборону. В результате нас почти сразу после переправы через реку атаковали «фоккеры», и мы потеряли треть дивизиона, а также много боеприпасов и топлива. Второй раз нас атаковали уже на подходе к Вендажу, там нас прикрыло местное ПВО, но хвосту моей колонны всё равно досталось – в итоге на место прибыло только семь орудий из двенадцати, причем едва с половиной боекомплекта.

Потом мы лихорадочно занимали и оборудовали позиции и отражали атаки гуннов. Мы смогли их там задержать более чем на сутки, но у нас закончились боеприпасы, и мы вынуждены были отходить, выведя из строя последние три

уцелевшие пушки. Если бы мою колонну прикрыли на всем марше и мы достигли бы точки в полном составе, мы смогли бы еще на сутки задержать гуннов, а там, как знать, может, и удержать плацдарм. Нам повезло в отступлении примкнуть к одной из боевых групп Второй дивизии, отброшенной сюда, на север. И вот я здесь. А оставшаяся четвертая батарея в это время одна отражала высадку немецкого десанта в порт. Мне рассказали, что они вели огонь до последнего снаряда и их уже потом сровняли с землей орудия линкоров этих макаронников. Очень жаль этих отважных парней, для меня было честью находиться с ними в одном строю...

– Майор, могу сообщить вам, что капитан Полянский не погиб. Но говоря неофициально, нам всем было бы гораздо лучше, если бы вы сами указали полковнику Вульффу на его оплошность и наличие у вас четвертой батареи! Полянский оказался слишком хорошим артиллеристом. И лучше бы он не геройствовал, черт побери! Прочтите его свидетельские показания.

Том Полански, капитан 244-го батальона полевой артиллерии

Мы прибыли в Португалию в конце сентября. Практически одновременно с нашими новыми орудиями, так как их везли прямо в Лиссабон, а мы добирались через Англию. Мы поступили в распоряжение командира дивизиона полевой артиллерии майора Смита, очень хотели попасть на фронт, а

нас оставили в тылу. Майор сказал: «Парни, войны хватит на всех, и если вас поставили сюда, то надо с честью выполнять свой долг и приказы командования». В этом он не ошибся...

Нам определили позицию чуть в стороне от основных позиций дивизиона, и мы начали ее готовить, как нас учили. Маскировали, копали, укрепляли, готовили основания под рельсы, и снова укрепляли, маскировали – казалось, этому не будет конца. Один из командиров расчетов, второй лейтенант Николас, предложил даже сделать легкие щиты, из которых можно собрать подобие дома, совершенно скрыв внутри орудие, а при необходимости быстро их откинуть в стороны и стрелять. Он неоднократно обращался с этой идеей и ко мне, и к командиру дивизиона, но всегда получал ответ, что по уставу мы используем маскировочные сети, а не занимаемся строительством домов.

Когда мы наконец закончили работы, то могли вести огонь по любой точке на удалении двадцать три километра, круговым обстрелом, причем перенести огонь могли за минуты, так как орудия были поставлены на поворотные круги, как у британцев. Еще нас подключили к дивизионной системе управления огнем и артиллерийскому радару. Командовал там второй лейтенант Джек Корвокат, он был совершенно сдвинут на предмете своего обожания – станции РЛС. Об этом он мог говорить часами – ну как же, он закончил Принстонский университет! И часто смотрел на нас свысока, когда мы обращались к нему с вопросами, и не дай бог в чем-то

усомниться о возможностях его радара. Я даже был свидетелем одного его спора с полковником ВВС у штаба нашего дивизиона. Уж не знаю, с чего началось, но похоже, наш лейтенант доказывал, что их станцию обнаружения лучше расположить на горе около нас, тогда дальность позволит накрыть зонтиком весь юг плацдарма. А самолетом до этой горы лететь чуть ли не полчаса – за это время не только истребители взлетят, антенну можно успеть сложить. Спор закончился обещанием полковника посадить нашего лейтенанта под арест на трое суток за нарушение субординации. А летчики свою станцию поставили где-то далеко на востоке, и ее в первый же день гунны разбомбили. А наш лейтенант, как только отладил свою станцию, то потом включал ее очень редко, объясняя, что запеленговать ее для немцев ничего сложного, а потом ее тоже разбомбят, и мы будем слепы и глухи. Он часто использовал различные умные слова при разговорах с нами, видимо для того, чтобы еще больше выделиться – высшее образование свое показать. Но на это никто почти не обращал внимания. Злые языки утверждали, что он как-то связан с контрразведкой, но за руку его никто не поймал. А вся его аппаратура работала очень хорошо, и это нам потом очень помогло.

Еще, чтобы обеспечить корректировку стрельбы по входящим в порт судам, у дивизиона был оборудован наблюдательный пост в развалинах старого форта. Направление туда считалось наградой, можно было вдоволь покупаться, пока

сменщик дежурит на связи. Наше начальство об этом знало, но никого за это не наказывали.

У нас уже даже стали ходить разговоры, что это не война, а какой-то курорт. Даже самолеты почти не летали. Хотя против нас тогда воевали в основном только испанцы.

Но всё резко изменилось с началом наступления гуннов. Их штурмовики и бомбардировщики целыми днями совершали налеты и даже ночью бомбили порт. А потом почти весь дивизион отправили на восток, а нас оставили. Майор, правда, пообещал, что как только они там укрепятся, он нас вытащит к себе. Еще при формировании моей батареи у нас была нехватка тягачей. Даже чтобы притащить все наши орудия, пришлось брать три тягача из дивизиона. Конечно, пока орудия стоят на позиции, тягачи и не нужны, но вот если куда-то придется двигаться, то мы не сможем все орудия увезти своими силами. Кстати, и снарядов нам оставляли не много, их и так было мало – суда приходили редко. После ухода дивизиона у нас оставалось по полсотни снарядов на ствол, и то, видимо, потому, что мы могли такое количество сразу при перемещении забрать собой на новую позицию.

А утром на следующий день с наблюдательного поста поступил доклад, что к берегу приближается большая группа кораблей. Мы все ждали, что это тот самый конвой, и сейчас, получив подкрепление, мы отбросим гуннов от Лиссабона, а может быть, и выведем их из Испании. Ведь нам говорили, что у гуннов не так много сил, а испанцы совсем не вояки –

стоит только посильнее нажать на них, как сразу бегут.

Но это были гунны. Когда поступил второй доклад, что подходящие к берегу корабли начали обстреливать порт, я даже не поверил, но с НП все подтвердили, и я сразу приказал включить наш радар и всем занять боевые позиции. А сам связался со штабом – и мне показалось, что дежурный там был сильно удивлен, узнав, что мы находимся на этой позиции и полностью готовы к бою.

Дальше мы сделали то, чему нас учили: ориентиры у нас были заранее установлены, и даже часть была пристреляна. Главной мишенью мы выбрали самый большой корабль – после я узнал, это был старый французский линкор – и не попасть в такую крупную цель было невозможно, тем более всю нашу стрельбу корректировали и по радару и наблюдатели, до которых от кораблей было не больше двух-трех миль. Когда такая большая туша еле-еле ползет повернувшись в нам боком, тут только успевай стрелять. Как положено, мы провели пристрелку, а затем перешли на беглый огонь – и добились, по докладу с НП, больше двадцати попаданий, линкор даже остановился и горел. Тогда мы перенесли огонь на корабли поменьше и успели подбить четыре: два утонули, два горели, стоя на месте. А затем с НП передали: господи, он стреляет по нам!

Сэр, вы даже не представляете, что значит находиться под огнем *таких* орудий, когда от каждого взрыва сотрясается земля, и тринадцатитонные «Лонг-Томы» летают в воздухе,

словно пучок соломы от ветра. Здесь я понял разницу между морской и сухопутной артиллерией: у нас никогда не было и нет таких калибров! Линкор дал по нам целых три залпа, и очень точно, нашу позицию буквально перепахало, как плугом! А когда всё завершилось – в живых осталось едва две дюжины парней, и половина ранены, орудия разбиты все и радар – но лейтенант Корвокат отделался лишь синяками и царапинами, хотя его буквально выбросило из фургона взрывной волной. Из машин уцелел один грузовик и «Додж», так что мы первым делом доставили раненых в госпиталь – а после никто ничего не знал, что делать, была полная неразбериха, на улицах стреляли, эти гунны или французы всё же высадились в порту, и у них были танки! Мы старались держаться вместе, ведь мы пока оставались одним подразделением – вот только пушек для нас не было, пришлось по-пехотному. В ночь на 23 ноября мы снова оказались на берегу, почти в том же месте, где была наша батарея. И положение было уже хуже некуда, гунны заняли Лиссабон и вылавливали уцелевших, причем нередко даже не брали в плен, а убивали на месте – а раненых, захваченных в госпитале, они выбросили наружу, на землю, и проехали танками. Двое моих парней, направленных в разведку, видели это в бинокль с соседнего холма, это был ужас – и там ведь были наши раненые, с батареи! Значит, всё верно было в том русском фильме про фашизм, мы видели его еще в Англии – что для истинного наци любой неариец – это животное, хуже чем ниг-

гер для уроженца Алабамы. И мы твердо решили, что в плен нам сдаваться нельзя.

Русские в таком случае уходили «в партизаны», в лес. Но тут не было лесов, лишь редкие кусты и горы, и местное население, говорящее на незнакомом языке. Я впервые пожалел, что, пробыв в этой стране полгода, так и не научился объясняться с аборигенами, ну кроме буквально десятка слов – так что мы даже еды не могли спросить. И пришлось заняться банальным воровством – в какой-то деревушке мы позаимствовали рыбацью лодку, нас осталось шестеро, мест хватило на всех. Спорили, куда плыть, на север или в Марокко – решили на север, мы всё же не моряки, у берега как-то спокойнее, из всех приборов у нас один компас нашелся. В море трупы плавали в спасательных жилетах – мы, наверное, больше десятка видели за всё время, и это были наши, с того не дошедшего конвоя! Нам повезло остаться незамеченными гуннами с берега и не наткнуться на их катера, мы просто плыли всю ночь вдоль побережья, сколько смогли. Утром нас атаковал пролетающий мимо «мессер», мы не придумали ничего лучшего, чем прыгать в воду и нырять, увидев, как он нацеливается на нас. Но Корвокат был ранен, а Николас утонул – и самое главное, у лодки было пробито дно, она быстро заполнялась водой, а до берега было не меньше мили – так что когда мы, забравшись снова в лодку и втащив Корвоката, затыкали дырки чем попало, выплескивали воду и судорожно гребли, то истово молились Господу нашему,

даже те, кто не сильно в него верил. И вероятно, он услышал нашу мольбу – когда с берега нас окликнули, это оказались уже наши...

Итальянцы, сэр? А разве они тоже по нам стреляли? Я совсем не помню этого – ну разве что когда мы уже отъехали, то слышали разрывы тяжелых снарядов где-то в стороне. Такой же морской калибр – теперь я ни с чем его не спутаю. Но мы тогда даже не подумали, что это имеет какое-то отношение к нам.

– Вы так и не поняли, что произошло, майор Смит? Тогда прочтите вот здесь – где этот умник Полански на вопрос, был ли он прежде знаком с морем, простодушно отвечает, что нет, он из Невады, и артиллерист, а не моряк: «Но разве это важно, мишень плавает или стоит на земле?» Он слишком хороший артиллерист, на свою и нашу беду – сумел положить снаряды по навесной точно в палубу этого французского корыта, с пробитием, в машинное отделение! А теперь я спрашиваю вас, Смит, кто виноват, что эта бронированная лохань в двадцать пять тысяч тонн весом потеряла ход точно на фарватере, в самом узком месте, где ее и застал авианалет? В результате вход в порт оказался заблокирован – и конвой, что от него осталось, не мог войти!

Формально вам будет вынесен приговор за неподчинение приказу и драку со старшим по званию. По сути же – за то, что из-за излишнего усердия вашего подчиненного мы все

оказались в такой жо...! Победителей не судят – так, я слышал, говорят русские. Только победителей, майор Смит, а проигравших – совсем наоборот!

Так что выбирайте. Или вас отправят в Англию – для вступления приговора в законную силу. Если вы туда долетите – гунны устроили настоящую охоту за транспортными самолетами – но если всё же вы там окажетесь, то можете смело надеяться остаться живым до конца этой войны, хотя и в очень некомфортных условиях и с неприятными последствиями, хе-хе. Или же вам придется повоевать в пехоте, как Поланскому – у нас нет для вас вакансии командира даже батареи, как, впрочем, нет и лишних пушек. А в пехоте потери огромные, особенно в офицерском составе, и всё говорит о том, что гунны вот-вот начнут решающий штурм. И очень может быть, что завтра нас бросят под гусеницы, как в Лиссабоне – а если мы выживем, нам придется еще долго сражаться, пока над развалинами Берлина не взовется наш флаг, а Гитлера наш расстрельный взвод не поставит к ближайшей стенке. Но ваша воинская честь, а также послужной список, майор Смит, останутся незапятнанными. Так что вы выбираете?

– Конечно, пехоту, сэр!

Атлантика, на широте Лиссабона. Утро 21 ноября 1943 года

В ту Великую войну маршал Жоффр невозмутимо выслу-

шал известие, что немцы на Марне прорвали фронт и идут на Париж. Потому что уже был готов план контрнаступления, отданы приказы, войска приведены в движение, и оставалось лишь молиться и ждать, решая чисто технические мелкие проблемы.

Адмирал Спрюэнс, герой Мидуэя, был также спокоен. Лишившись «Банкер-Хила», «Йорктауна», «Монтерея». А там, куда они шли, творился ад – вчера немцы вышли к морю у Марина-Гранде, и португальский плацдарм оказался рассечен на две части. Но если Седьмой корпус в Порту еще мог держаться, имея к тому же поддержку с воздуха, с английских аэродромов, то положение Пятого корпуса на юге казалось безнадежным. «Если вы не разгрузитесь через сутки, будет поздно! Немцы форсируют реку Тежу. У нас большие потери, кончаются боеприпасы. Первая дивизия, «железнобокие», практически уничтожена. Завтра утром самое позднее танки Роммеля ворвутся в Лиссабон».

Но Спрюэнс, получая эти известия одно за другим, был спокоен. Потому что знал: сегодня вечером эскадра вместе с конвоем войдет в Лиссабонский порт – и весы военной удачи качнутся в другую сторону. А если появится еврейховский флот, то сначала по нему будет нанесен авиаудар, а затем быстроходное линейное соединение пойдет преследовать и добывать поврежденных, превращая поражение в разгром. И это будет Мидуэй европейского театра войны.

Адмирал Спрюэнс был спокоен – до сегодняшнего дня.

Немцы высадили десант прямо в порту Лиссабона – и весь план летел к чертям, разгружать конвой будет негде! Десантников поддерживает огнем вошедшая в бухту эскадра, в составе которой линкор. И генерал Симпсон просит помощи у флота, уверяя, что своими силами исправить положение он не может.

Что ж, это значит, что наша сторона – не белые, а черные, чей ход не первый, а ответный. Придется слегка подкорректировать план, сил должно хватить – пусть осталась лишь одна авиагруппа, зато в ней много опытных пилотов, прошедших Гуадаканал! И эскадрильи с эскортников в поддержку, оставив лишь минимум для ПВО и ПЛО. Всё учтено и рассчитано, у немцев мало бомбардировщиков – хорошо поработал Дулитл три дня назад! Хотя и у нас на юге плацдарма в воздухе полный крах – аэродромы выбомблены, авиации практически не осталось, немцы делают в небе всё, что хотят. Но как известно, сухопутная авиация плохо воюет над морем, так что на удалении от берега преимущество наше. А после тихоокеанских авианосных сражений здешние воздушно-морские батальи вызывали лишь смех!

Также Спрюэнс не мог считать серьезным противником вражеские линкоры. Флот Тиле – это сборная солянка совершенно не сплывающих между собой отрядов – насколько известно, итальянские и немецкие корабли не взаимодействовали друг с другом *никогда*. И из семи линкоров – грозной силы на бумаге! – лишь один внушает к себе уважение –

«Фридрих», бывший «Ришелье». Пожалуй, его можно считать равным «Саут-Дакоте». Итальянцев же можно было вообще не брать в расчет, на Средиземном море они *ни разу* не принимали бой с британскими кораблями, всегда спешили уйти – Сокотра была исключением, но там слишком уж не равны были силы, будь «Нью-Джерси» на месте старого «Рамилиеса», Спрюэнс не сомневался бы в победе! Ну, а остальные четыре противника были линейными крейсерами, недомерками, коим следует держаться подальше от «больших серьезных парней» вроде «Саут-Дакоты» или «Нью-Джерси». Мы всё же не покалеченная «Айова» под флагом неудачника Мак-Кри – на «Алабаме» и «Дакоте» по-настоящему боевые командиры и экипажи, закаленные сражениями Тихого океана!

Проблемой было отсутствие надежной разведки. Высотные «лайтнинги» из Англии не доставали до Лиссабона (с расчетом в оба конца) даже с подвесными баками, а приземлиться в Португалии значило с высокой вероятностью остаться тут навсегда. На аэродромы в Марокко ночью совершен налет большой группы Ю-188, гунны понесли потери, но и те авиабазы до полудня как минимум выведены из игры. Так что сведения о противнике здесь и сейчас – только те, что получены из Португалии, от наших, флотских представителей при штабе Симпсона, которые с дотошностью сводили вместе всё, что удалось узнать армейцам. И флот тоже вступал в боевое соприкосновение – так что ка-

кая-то информация была. Но всё равно выходило – если мы бьем «в ответ», то нашего хода ждут, время и место выбираем не мы.

Однако же штаб соединения, тщательно просчитав все возможные варианты, выдал вердикт: атака имеет все шансы на успех. Впрочем, Спрюэнс знал, что выбора у него нет – гибель армии по его вине ему не простят. Сам командующий перешел на «Нью-Джерси» – еще вчера вечером отряд Флетчера присоединился к конвою. Главной целью удара, конечно же, был «Цеппелин», после уничтожения которого американское превосходство в воздухе стало бы подавляющим. А Тиле, однако, хитер! Высадив десант в порту, он может спокойно отходить в Гибралтар, так как полностью выполнил свою задачу, сделав невозможной ни разгрузку конвоя, ни эвакуацию. Что ж, даже если так, мы поймаем его в следующий раз. А сейчас – спасаем наших парней!

В 08:00 строго по плану начали взлетать ударные эскадрильи. Три с «Интрепида» – две пикирующих бомбардировщиков и одна торпедоносцев. И пять эскадрилий торпедоносцев с эскортников. И шесть истребительных – в прикрытие. Черт бы побрал этого сумасшедшего гунна (хотя кто-то из радистов клялся, что слышал в эфире японскую речь – наверное, психика не в порядке после гуадаканальского ада), в результате конвой остался без новых истребителей, утонувших вместе с «Монтереем»! Спрюэнс был опытен и осторожен – и только одна эскадрилья «хеллкетов» ушла

на восток, навстречу восходящему солнцу, вторая же стояла на палубе «Интрепида» в готовности отразить ответный удар, а еще оставалась сильная группа на «Сэнгамоне», двенадцать «хеллкетов» собственной эскадрильи и четыре севших с «Монтерея» (еще один разбился при посадке, у другого пилот прыгнул с парашютом, не решившись рисковать). А вдруг десант гуннов имеет еще одно назначение – максимально ослабить ПВО конвоя и эскадры и ударить всем, что осталось? Тридцать четыре «хеллкета» и две дюжины «уайлдкетов» должно было хватить, чтобы отбить любую воздушную атаку, на какую, по оценке штаба, были способны немцы!

Американцы допустили одну ошибку. Ну не встречались еще палубные пилоты, в отличие от армейских, с немецкими истребителями – события весны этого года в счет не идут, авиагруппа «Карда» погибла полностью, вместе с кораблем. Никакая теория и цифры не заменят реального опыта и наработанных тактических приемов – и на Тихом океане «лайтнинги» и «корсары» первоначально терпели поражения в боях с японскими «зеро», пока не подобрали ключик, соответствующую тактику – и противопоставить этому самураям оказалось нечего. Был еще Нарвик, когда «хеллкеты» с «Йорктауна» вроде бы на равных дрались с «фокке-вульфами» – но вот реальная боеспособность старых «уайлдкетов» против немцев доселе была неизвестна. А из семидесяти восьми истребителей прикрытия шестьдесят были имен-

но «уайлдкетами» (эскадрильи на эскортных авианосцах были уменьшенного состава, по двенадцать машин).

Но – сто восемь торпедоносцев, тридцать шесть новейших пикирующих бомбардировщиков «хеллдайвер» и семьдесят восемь истребителей. По тихоокеанской мерке, очень большая сила – половина того, что было у японцев при атаке на Перл-Харбор. И лишь чуть больше было у самого Спрюэнса в его победном сражении у Мидуэя.

И эскадра в составе «Алабамы», «Саут-Дакоты», трех крейсеров и десяти эсминцев уже ушла на восток, торопясь к месту боя. В момент авиаудара они будут в ста милях от места сражения, четыре часа хода. Конечно, тактически выгоднее было авиации атаковать перед самым началом сражения линкоров – но время атаки выбирали не мы. Впрочем, четыре часа – это ничтожно мало, чтобы исправить повреждения от бомб и торпед – эскадра расчистит путь, жаль, конечно, что этот бандит Тиле успеет удрать, но ничего, попадетя в следующий раз. И конвой придет и разгрузится точно по расписанию!

При конвое помимо «Нью-Джерси», «Интрепида» и «Теннеси» оставались четыре крейсера, шестнадцать эсминцев, восемь эскортных авианосцев и тридцать шесть малых кораблей охранения. Казалось, что этого достаточно, чтобы не бояться неожиданностей, если таковые и последуют.

И гораздо большее беспокойство доставляла мысль: продержатся ли там наши парни на берегу?

Немецкий разведчик, встреченный над морем на полпути, был сбит «хеллкетами». Но он успел увидеть воздушную армаду и послать радиосообщение. Немцы среагировали на удивление быстро – и еще над океаном, хотя и в видимости берега, американцев встретили полсотни «мессеров» 4-й истребительной эскадры и столько же «фоккеров» 101-й штурмовой, затем появились еще. Воздушный бой начался на подходе, внезапного удара не получилось. Старые истребители с эскортников оказались самым слабым звеном: как обнаружилось, они не могли противостоять немцам, уступая и в скорости и в маневре. «Хеллкеты» рванулись в бой – но помимо того, что их было мало, также выяснилось, что они могут драться с «фоками» в лучшем случае на равных, всё же лишняя тонна веса для истребителя – это очень много! Правда, «коты» обеих пород, что «дикие», что «адские», были прочными машинами с завидной живучестью – но не настолько, чтобы вынести залп пушек «фокке-вульфа», это было слишком даже на Восточном фронте для русских Ил-2. И янки на Тихом океане привыкли совсем к другому противнику с другой тактикой, ну не получалось здесь переигрывать на вертикалях, у немцев скороподъемность и пикирование были не хуже. Кроме того, немцев было больше, и они брали числом.

«Авенджеры» упорно рвались к цели. «Уайлдкеты», поняв, что в активном воздушном бою у них шансов нет, ушли в глухую оборону, лишь отсекая немцев, пытавшихся про-

рваться к бомбардировщикам. Где-то наверху кружились «хеллкеты», изрядно убавившиеся в числе, на них наседало вдвое большее количество «мессеров». И часть «худых» на самом верху не вступали в бой, высматривая зазевавшихся, тогда следовала молниеносная атака с высоты, и еще одна огненная комета падала в океан. Едва треть американских истребителей оставалась в строю, когда впереди на поверхности моря наконец мелькнули черточки вражеских кораблей. И понеслись навстречу трассы зениток и вспухли в воздухе черные клубки разрывов. «Авенджеры» с торпедами снизились к самой воде, с бомбами остались на той же высоте, пикировщики полезли вверх – и истребители не сумели прикрыть все три группы. И еще три «хеллдайвера» и четыре «авенджера» рухнули в волны, кто-то из «котов» пытались по уставу уйти в сторону, ведь нечего было делать истребителям под зенитным огнем, своих подопечных можно было встретить и после – и попали под удар немцев! И снова падали в море толстые горбатые самолеты, не их это был бой – ведь пилоты на эскортниках лишь числились истребителями. Да, они проходили в свое время полный курс боевой подготовки, но имели гораздо меньше практического опыта воздушных боев, чем настоящие истребители с «Интрепида».

Но свою задачу истребители выполнили до конца. До цели дошли десять «хеллкетов», семнадцать «уайлдкетов» – и семьдесят четыре «авенджера» и двадцать девять «хеллдайверов». То есть ударные эскадрильи сохранили три четвер-

ти своей силы. Теперь и для проклятого пирата Тиле настал черед платить по счетам!

Пилоты противолодочных эскадрилий не были трусами. Не их вина, что им пришлось сейчас идти в непривычный для них бой и с плохим оружием. Американские авиаторпеды Mk-13 мало того, что требовали сброса с малой скорости и малой высоты (сто узлов и сто футов), так еще были очень ненадежны, плохо держали глубину, часто не срабатывали даже при попадании. Только летом этого года появилась улучшенная модель Mk-13A, «ring-tailed», лишенная этих недостатков, ее можно было бросать с предельной скорости «авенджера» и восьмисот футов высоты. Но приоритет был за Тихим океаном и эскадрильями на больших авианосцах, противолодочники же, имея на борту комплект торпед «неприкосновенного запаса» на крайний случай, перевооружались в последнюю очередь – никому и в голову не приходило, что эскортники могут участвовать в эскадренном бою, особенно когда рядом целых трое «больших парней» класса «Эссекс». Зная об этой особенности своего оружия, большая часть «авенджеров» с малых авианосцев несла не торпеды, а бомбы, эта тактика была уже отлично отработана против подводных лодок здесь, в Атлантике – заход на цель с пологого пикирования, градусов тридцать, максимум сорок пять, и с высоты пятьсот футов сбросить «пачку» бомб, четыре штуки, с временным интервалом, заданным специальным прибором в зависимости от скорости

самолета. Как минимум одно попадание было гарантировано... при отсутствии противодействия цели! Ведь даже когда U-боты этой весной стали при появлении самолета не идти на срочное погружение, а встречать врага огнем зенитных автоматов, пришлось вводить совместные группы «авенджеров» и «уайлдкетов»: истребители атаковали первыми, выбивая зенитные расчеты, затем следовала собственно атака. Еще этот метод применялся на Тихом океане – с успехом, если учесть, что основным средством ПВО японских кораблей был 25-миллиметровый автомат, скопированный с французского «гочкиса» образца еще 1930 года, с низкой скоростью стрельбы из-за обойменного питания, плохой баллистикой и отсутствием какой-либо системы управления огнем. Но американские пилоты были храбры, самоуверенны, и горели желанием отомстить, почти никто из них не свернул с боевого курса.

Те, кто шел в Лиссабонский залив, отработали великолепно. Старый французский линкор не имел противоторпедной защиты, и двух попаданий хватило, чтобы «Прованс» лег на борт – глубина здесь была недостаточной, чтобы корабль затонул. Также был потоплен эсминец «Ле-Палм», два миноносца, один транспорт с десантом, другой с танками, так и не успев разгрузиться. На берегу не упустили шанс, американцы стали теснить лишенных поддержки французов назад к причалам. Но это была лишь половина дела.

Огонь немцев был страшен. У японцев даже на крейсерах,

не говоря уже об эсминцах и прочей мелочи, не было ничего подобного «фирлингу», а также 37-миллиметровым автоматам, лишь их новейшие эсминцы «Акицуки», специально спроектированные как корабли ПВО, могли бы считаться достойным противником. А крупный японский калибр, 127 мм, числящийся универсальным, на деле не являлся таковым из-за низкой скорости наведения и опять же устаревшей СУО. У немцев же сейчас на «Шарнгорсте» и «Гнейзенау» 88-миллиметровые зенитки в ходе модернизации были заменены еще более мощными 105-миллиметровыми, эти пушки, в спаренных установках, стояли и на «Фридрихе» (бывший «Ришелье»), и на «Дюнкерке» со «Страсбургом», заменив там 130-миллиметровые универсалы в броневых башнях, слишком неповоротливые для зениток. И были «бофорсы», имевшие у немцев обозначение Флак-28. И шестидюймовые противоминные орудия немецких линкоров и «Цеппелина» стреляли по низколетящим торпедоносцам, и небезуспешно – три «авенджера» рухнули в волны, наткнувшись на этот огонь, опасны были не только разрыв и осколки, но и водяные столбы.

Не повезло итальянцам, обстреливавшим полуостров с запада и первыми попавшим под удар. Номинально их зенитная батарея была достаточно сильна, но вот с надежностью и качеством были проблемы. Результат: два торпедных попадания в «Литторио». ПТЗ не пробита, и линкор сохранил ход в двадцать пять узлов, вот только получить еще по тор-

пеле в те же места крайне нежелательно. Одно попадание в «Литторио-Венето» – и еще многие клянутся, что видели, как две или даже три американские торпеды прошли под килем, не взорвавшись. Одно попадание в крейсер «Евгений Савойский», только что отремонтированный после боя у Сокотры – ну карма такая у корабля – и здесь всё гораздо серьезнее: еще одно боевое воздействие противника – и надо будет снимать экипаж. Одно попадание в эсминец «Берсальере» – потерял ход, дай бог дотащить до Гибралтара, если никто не помешает. Два бомбовых попадания в «Венето» – разрушены кормовой мостик и катапульта, пожар, но вроде не опасный. Горит крейсер «Сципионе-Африкано», крен на левый борт, взрывы. Тысячефунтовая бомба прямо у борта «Литторио», но, кажется, ущерба нет. И самолет вместе с бомбами едва не влетел в «Филиберто», рухнув буквально в десятке метров за кормой, взрывом у крейсера поврежден руль.

У французов, маневрирующих у входа в залив: одна бомба в «Страсбург», разрушения и пожар в надстройке, в целом же линкор сохранил боеспособность. Два попадания в крейсер «Гаррисольер» – опасности потопления нет, но повреждена одна орудийная башня и система управления огнем. Опять же как утверждают свидетели из экипажа, торпеда прошла под килем «Дюнкерка», не сработав. И большое количество близких разрывов и осколочных повреждений – вот только от них на «Могadore» вышла из строя СУО, очень

капризная была конструкция! И затонул лидер «Касссард», каким-то образом подвернувшийся под бомбу так «удачно», что прямо в артпогреб – взрыв, корпус разорвало надвое, причем почти никто не спасся.

Но главное сражение развернулось на правом фланге, где в открытом море находился немецкий отряд. Спрюэнс всё же остался верен тихоокеанской тактике, когда именно авианосец считался приоритетной целью: две эскадрильи с «Интрепида» – одна пикировщиков, вторая торпедоносная – ударили по «Цеппелину». Но и немецкие истребители были эшелонированы по высоте, они перехватывали «авенджеров», прижимающихся к воде, и крутились наверху на пути пикировщиков. По команде старшего группы, все уцелевшие «хелкететы» рванулись в бой, отчаянно пытаясь отвлечь палубных «мессов». А противолодочные эскадрильи – прости-те, парни, но если главная задача не будет выполнена, то выйдет, что все, кто не вернется сегодня, погибли зря! Особенно трудно было тем, кто старался прикрыть торпедоносцев – на малой высоте «хелкет» явно уступал немецким истребителям. Но всё же бомбардировщики прорвались!

«Цеппелин» получил четыре торпеды и почти десяток бомб, это было слишком много даже при хваленной немецкой живучести и высокой выучке команды. Авианосец горел и заваливался на борт, и палубные истребители, увидев это, входили из боя и тянули на последнем бензине к берегу, уже захваченному немецким десантом – но были и такие,

кто продолжал атаковать, а после выбрасывался с парашютом. И их атаки, как правило, оказывались наиболее эффективными – по самолетам, выходящим из боя часто с повреждениями, потерявшими строй. Что еще страшнее, тут появились «мессера» 27-й эскадры, опоздавшие к началу, но совершенно свежие и с полным боекомплектом. И это было самое кровавое, как всегда на войне – преследование и истребление отступающих в беспорядке! Из девяноста «авенджеров» эскортных эскадрилий вернулись на авианосцы лишь семнадцать. Из шестидесяти «уайлдкетов» – тринадцать. На «Интрепид» пришли назад шесть «хеллкетов», семнадцать «хеллдайверов» и девять «авенджеров». Всего в итоге было потеряно сто шестьдесят самолетов – и некоторые из вернувшихся пришлось сбросить за борт, как не подлежащие восстановлению, другие нуждались в ремонте, и в экипажах были убитые и раненые. Немцы потеряли свой единственный авианосец – но палубная авиация соединения TF-52 утратила больше половины своего потенциала.

И это был еще не конец битвы.

Линкор «Фридрих Великий».

21 ноября 1943 года, после боя

За борт свешивалась доска. Из «аварийного леса», предназначенного для срочной заделки пробоин. Кок опорожнил вниз котел с камбуза, и вскоре в волнах мелькнул плавник акулы.

– Швайне! – сказал Тиле. – Ну что, сам прыгнешь, или тебе помочь?

Желтомордый японец, стоящий рядом, обнажил свою железку и вдруг коротко, без замаха, держа за рукоять обеими руками, ударил ближнего из американцев. «Полет ласточки» – когда человека разрубает наискось, от плеча к бедру. Тут же подбежали матросы, выбросили останки за борт, акулам. Палубу мыть не стали – значит, кровь здесь прольется сейчас снова.

– Свинья, не слышу ответа!

Хартману казалось, что это кошмарный сон. Что не на него сейчас смотрят и грозный адмирал-берсерк со своей свитой, и его, Хартмана, товарищи по эскадрилье, и свободные от вахты из команды, и эти желтомазые, и даже шестеро пленных янки, только что выловленные из воды. А он, Эрих Хартман, никакой не швайн, а Белокурый рыцарь, легенда и мечта рейха! Ведь нельзя же убивать его, человека, арийца, европейца, только за то, что ему, как и всем, дорога жизнь?

– Ты... – «берсерк» выплюнул слово из лексикона гамбургских матросов, – что, не знаешь, в чем смысл жизни палубного истребителя? Так я отвечу – сдохнуть, дважды, трижды, если потребуется – но не пропустить врага к своей палубе! Война, знаешь ли, тут иногда убивают! И если ты испугался сдохнуть в бою с честью – то сдохнешь с позором сейчас!

За что?! Я же не в кустах просидел весь бой, а на высоте,

смотрел, как лучше ударить. И конечно, чтобы не попасть под удар самому! Когда прямо на меня шла целая орда американских «толстяков», он благоразумно отвалил в сторону – не самоубийца же он принимать бой против целой эскадрильи? А после я сумел всё же подловить одного, не из бомбардировщиков, а «хеллкет» замыкающей пары, янки даже не успел понять, откуда к нему пришла смерть! И потом, когда американцы уже удирали, там два «авенджера» шли парой, один явно подбитый, второй же отчего-то его не бросал. Они показались верной добычей, еще двоих на боевой счет – вот только лезть под их пулеметы не хотелось, стрелял издали. До чего же живучая машина этот бочкообразный самолет, ведь он, Хартман, никак не мог промазать, наверняка всё же попал! И добил бы – но черт принес откуда-то тех, из 101-й эскадры... хотя дать очередь у них перед носом – это моя добыча, не трогать! – наверное, был всё же перебор. Так ведь я и не собирался попасть, просто чтобы поняли! Но эти, вероятно, приняли меня за янки – пришлось спешно удирать самому, что стало с той парой торпедоносцев, я так и не видел. Но всё равно, я же дрался, и даже сбил сегодня одного! За что же?

И тип из министерства пропаганды тут же, с кинокамерой. Снял расправу с американцем, сейчас так же заснимет, как он, Эрих Хартман, ступит на доску или этот желторылый нашинкует его своим мечом? Меня, героя рейха – и кригс-комиссар смотрит, не возражая, и люди из СД! «Я не хочу

умирать, не хочууу!!!»

– Танабэ-сан, – Тиле глянул на японца, – говорит, что в его стране с трусами поступают именно так. Даже с теми, кто искусен во владении оружием. Но что с того, если трус побежит от боя? Это хорошая традиция, и я думаю, ее было бы полезно ввести и в ваффенмарине.

Это же дикость! Какой-нибудь семнадцатый век! Мы же цивилизованные европейцы, а не азиатские дикари, дешево ценящие свою жизнь! Если «берсерку» так хочется кого-то убить, есть же вон те, американские унтерменши! Как смотрят, тоже радуются моему унижению, а ведь здесь, для поднятия боевого духа команды, должны стоять они, а не я! Я герой рейха, мой пример вдохновляет, что станет с арийскими боевым духом, если я умру так?

– Запомни раз и навсегда, «рыцарь», – при этом слове адмирал скривился, – если такое еще раз повторится, то тебе лучше не возвращаться. Прогуляешься до конца этой досочки, если, конечно, свои же при посадке не прибьют, так что можешь сам в воду прыгать – всё едино. А коли есть желание попасть в тёплые объятия американо-еврейских унтерменшей, сдать и сбежать захочешь – то мне интересно, что они придумают персонально для тебя? После того, что мы им учинили, они сделают с тобой такое, что Танабэ-сан с его саблей покажется тебе добрым и любящим отцом. Так ты понял, как себя впредь вести, или сам сейчас прыгнешь, чтоб не мучиться?

Он сказал «впредь»?!. Значит, его не будут сейчас убивать? Жизнь снова прекрасна – ну а вину легко искупить. Всего лишь сбить еще десяток унтерменшей! И эти смотрят, ухмыляются – ненавижу! Всех – и этих янки – лично бы поубивал! И желтомордого, и тех, кто завидует моей славе, и этого больного на голову адмирала! И обязательно отплачу, когда представится случай – ведь истинно германский рыцарь не прощает унижения!

Мори Танабэ читал это на лице Хартмана. Что ж, если этот презренный гайдзин решится перейти к делу, то проживет очень недолго. А всё же эти европейские гайдзины – презренный народ, хотя среди них встречаются такие великие воины, как Тиле-сан – но что это за порядок, когда нельзя тут же покарать труса? Хорошо хоть адмирал разрешил провести этот маленький спектакль, сценарий которого придумал он, Танабэ!

Всё было срежиссировано. Даже тот американец, попавший под его меч, не был случайной жертвой. В его взгляде угадывался воин, он не был сломлен и давал пример другим – ну, а вон те офицеры немецкого кемпейтай проявили явную заинтересованность в информации от пленных. Значит, надо было сломать волю янки, и лучший способ это сделать – убить одного из них у всех на глазах, причем выбрать самого сильного духом. И это вовсе не месть за непокорность, а знак уважения, даже оказанная честь достойному врагу: разве принять смерть от древнего клинка работы

самого Мурамаса – это позор для идущего по пути бусидо?

Тем более что этот меч не пил крови уже давно. В последний раз это было под Владивостоком в двадцатом, и там были не воины, а русские крестьяне, даже женщины. Что делать – если Меч долго не вкушает крови, то он теряет свою силу. Может быть, очень скоро придется еще раз накормить его кровью этого белоголового гайдзина, который смотрит на него, Мори, как на злейшего врага. Не понимая, что ненависть туманит разум и лишает сил.

«Убил и не моргнул, азиат! – подумал Тиле. – Верно говорят, что у них жизнь стоит дешевле горстки пыли. Но мне нужно, чтобы все на борту поняли: отступать нельзя! Если я потерплю поражение, фюрер мне не простит... и высоко же тогда придется падать, как Редеру и Деницу! А для победы мне надо, чтобы все эти асы дрались как дьяволы, а не искали случая набить свой счет, плевав на остальное. Что мне твои триста сбитых, если янки с торпедами прорвались? И нет больше «Цеппелина»!»

Авиагруппу «Цеппелина» можно списать всю. Даже тех, кто, как было указано как раз на этот крайний случай, тянул до заданной точки на южном плацдарме, десантники должны были там подготовить полосу, но не было ни запасов бензина и патронов, ни ремонтной базы – просто место спасения, сейчас туда спешно шлют транспортные юнкерсы со снабжением и аэродромным персоналом, но ближайшие несколько часов рассчитывать на боеспособность группы не прихо-

дилось. Десятерых точно сбили над эскадрой, или прыгнули сами, израсходовав бензин – причем среди них двое японцев! Всё было так, как сказал еще до боя этот самурай: «Берегитесь, чтобы не было как у Мидуэя, отвлекетесь на избивание торпедоносцев – пикировщики прорвутся поверху», – и одна эскадрилья, и все пятеро японцев были там, на верхнем эшелоне. Кто ж знал, что этот «герой рейха» с позывным «Засранец» рванет в сторону, увидев американцев, идущих на него в лоб? А за ним и остальные – ну как же, если «лучший ас всех времен и народов», значит, и нам не грех – только японцы остались. Позор – желтомордые одни сражались с честью, когда бежали истинные арийцы! Но что они могли сделать впятером против двух эскадрилий? Только один из них после выпрыгнул, и еще этот их главный Мори Танабэ, когда всё уже завершилось, возник откуда-то рядом с «Фридрихом», посадил свой мессершмит на воду и ловко перебрался в плотик прежде, чем истребитель затонул. Отчего не прыгал – оказывается, железку свою спасал, без нее вернуться для желтолицых страшный позор, тогда надо после самому резать себе живот. Так зачем тогда с собой это таскать – говорит, духи предков, присутствующие в Мече, оберегают его и дают удачу в бою, о чем могут подтвердить те десять гайдзинов, кто никогда уже не осквернят этот мир своей ничемной жизнью.

– Что?! Мори-сан, вы один сбили десятерых?!

– Нет, Тиле-сан. Но насколько я знаю, в экипаж «авендже-

ра» входят трое, в экипаж пикировщика двое. Два торпедоносца, пикировщик и два истребителя уничтожены мною в этом бою, на большее не хватило патронов и бензина. Ваш Me-155 отличный самолет, и очень жаль, что иногда столь совершенное оружие попадает в руки труса.

И еще этот самурай просил лично отрубить голову недостойному! На что Тиле согласия не дал. Хотя у него не было сомнений в том, что Хартман заслужил это – но, черт побери, он же теперь «национальный герой Германии», что скажут в Берлине? И тем более чтобы он принял смерть от руки неарийца? Но устроить спектакль, чтобы Засранец оправдал свое прозвище перед всей командой – никто запретить не мог!

Что делать дальше? Строго говоря, задача выполнена – десант высажен успешно, вход в порт заблокирован, сами янки потопили это древнее французское корыто так, что фарватер почти закрыт – по крайней мере, доложить в Берлин можно и так. И никто бы не упрекнул его, адмирала Тиле, если бы сейчас он скомандовал отходить в Гибралтар. Но не было и запрета на продолжение битвы!

Сколько там в конвое «жертвенных барашков» – двадцать, тридцать тысяч? Тиле представлял, как они барахтаются в воде у борта, кричат и протягивают руки в надежде, что их спасут – унтерменши, цепляющиеся за свою жалкую жизнь! В последний раз, когда такое было у Бреста, Тиле чувствовал себя полубогом: стоя на мостике, он едва сдержи-

вался, чтоб не хохотать, прыгать, махать руками, как дикарю у костра, на котором жарится его добыча. И он почти физически ощущал, как жизни этих существ за бортом, оставляя их тела, вливаются в него, наполняя энергией. Отказаться от такого было всё равно что смертельно проголодавшемуся встать из-за накрытого стола. Сколько еще не хватает до заветных ста тысяч?

Но никому об этом лучше не знать. Даже людям из «Ане-нербе». Пусть все считают своего адмирала непобедимым берсерком, жаждущим боя. Надеюсь, проклятый демон не оставит его сегодня своей непобедимостью? Ну, а когда он, Тиле, вберет в себя жизненную силу ста тысяч жертв – то уже демон станет играть по его правилам!

«А если я подчиню себе эту силу, кто сможет меня остановить? И место Редера будет уже тесно – всего лишь гросс-адмирал? Нет – Великий, Непобедимый и никогда не ошибающийся Вождь! Фюрер арийской нации Тиле – а отчего бы и нет? И демон у меня в услужении – если я сам не стану таким же сверхсуществом! Тогда рейх снова пойдет от победы к победе – и падите на колени, унтерменши, и на западе, и на востоке – может быть, тогда вас и пощадим! Фюрер – нет, настоящий живой бог на земле, которому будут приносить кровавые жертвы, сотни тысяч, миллионы недочеловеков – а он будет вбирать в себя их жизненную силу, становясь еще сильнее!

Но для этого надо – всего лишь – взять жизни еще

нескольких десятков тысяч человекоподобных? Будет!

План не отменен с гибелью «Цеппелина». Ведь янки тоже понесли большие потери, и наверняка среди тех, кто ушли, тоже многие с повреждениями, да и все просто смертельно устали. Я же могу пока рассчитывать на поддержку 4-й, 27-й, 101-й эскадр с берега – их потери пока уточняются, но примерно десятка четыре самолетов, правда многих летчиков спасли. Но прикрыть меня в ста милях от берега смогут – а большего и не надо.

И бросить, наконец, в бой 6-ю и 100-ю эскадры! С потерями не считаться. Если в итоге будет победа – *моя* победа! И мой, новый мир!»

Сто тридцать миль к западу от Лиссабона.

21 ноября 1943 года

Адмирал Спрюэнс мог похвалить свою прозорливость – ответный налет немцев последовал. И последствия могли бы быть тяжелыми – если бы удара не ждали.

От англичан уже поступала информация, что немцы имеют управляемые бомбы с высокой точностью попадания, именно так еще весной они потопили «Герцога Йоркского» и при штурме Гибралтара нанесли смертельные повреждения «Нельсону» и «Родни». Потому на перехват десятка больших двухмоторных бомбардировщиков (это были «дорнье» из 100-й эскадры) взлетела полная эскадрилья «хеллкетов». И шесть самолетов были сбиты, а оставшиеся поспе-

шили ударить, сбросив бомбы в море. А если бы прорвались и не промазали?

Зато не промахнулись другие. Тройка необычно скоростных для своих размеров бомбардировщиков (Ю-188 6-й эскадры) с истинно гуннским коварством пристроилась в десятке миль за возвращавшимися после удара – спикировав затем на конвой, они сбросили бомбы и ушли на полном газу, без потерь. Эскортный авианосец «Коррехидор» получил попадание – только одна полутонка, но фактически гражданскому кораблю, лишенному брони, этого хватило – после пожара и взрывов, он затонул вместе с десятью «авенджерками» и четырьмя «уайлдкетами».

А главное, немцы успели хорошо рассмотреть и сфотографировать ордер конвоя и сопровождающей эскадры. И конечно же, зафиксировать координаты, курс и скорость цели. Также один из возвращавшихся «дорнье» прошел почти над «Алабамой» и «Саут-Дакотой» – и сумел избежать ожесточенного зенитного огня. И эта информация была без задержки передана Тиле, на борт «Фридриха», послужив последним, завершающим штрихом.

Если ты слабее, то у тебя одна лишь надежда – опередить, перехитрить, переиграть. В этом и состоял План.

Дж. Б. Олдендорф, адмирал ВМС США.

Протокол показаний в сенатской комиссии по военным и морским делам, после сражения у Лиссабона

21 ноября 1943 года

Не отрицая своей вины в случившемся, заявляю, что если бы командиры на войне были наделены даром предвидения, война стала бы из искусства банальным ремеслом. И хотел бы увидеть критиков на моем месте в тот самый момент, располагающих всего лишь той информацией, которая имелась у меня, с такой же степенью достоверности!

Мной предоставлен полный отчет об всей фактической стороне дела. Если вам интересны мотивы, которыми я руководствовался, принимая то или иное решение... Начнем с того, что никоим образом не могу нести ответственность за разделение оперативного соединения TF-52 на два отряда: 52.1, в который входили «Нью-Джерси» и «Интрепид»; и 52.2, вверенный мне – «Саут-Дакота» и «Алабама»! Насколько мне известно, это решение было принято адмиралом Раймондом Спрюэнсом, моим непосредственным начальником, причем после уведомления о том по радио Штаба морских операций – без последующих возражений с его стороны! Основанием для него послужили доклады пилотов, участвовавших в атаке, а также данные воздушной разведки, проведенной после, и расшифровка перехваченных радиосообщений противника. Была достоверно установлена гибель авианосца «Цеппелин» и наблюдались торпедные и бомбовые попадания в другие корабли – и радиообмен врага свидетельствовал об отходе его сил к Гибралтару. Отмечу, что с военной точки зрения такое решение немцев казалось

весьма оправданным. Так как авиагруппа «Интерпида» понесла большие потери, то было решено послать вперед быстрый отряд, не связанный скоростью конвоя, для преследования и добивания противника – считая, что часть его кораблей ограничено боеспособна и не в состоянии развить полный ход. Да все на эскадре горели желанием сквитаться с проклятыми гуннами за наших парней, погибших на «Элизабет»! И считали, что будет очень несправедливо, если им опять удастся унести ноги.

Да, мы знали, что авиации у нас на плацдарме практически не осталось, и прикрыть нас с берега нечем. Но мы прикинули: а сколько авиации должно остаться у немцев, после всех этих боев? Выходило, тоже не слишком много, и в подавляющем большинстве лишь истребители. В отчете это указано. И над нами барражировало звено «хеллкетов». Одиночек бы отразили – а массированного налета ждать не приходилось.

Да, мы получили после сведения от воздушной разведки о действительном положении противника. Но, во-первых, радиограмма была получена и расшифрована слишком поздно – когда мы уже обнаружили итальянскую эскадру и вот-вот должны были открыть огонь. Во-вторых, там сообщалось лишь о еще двух отрядах кораблей южнее, но не западнее – что не противоречило нашей уверенности на тот момент, что гунны удирают, а не выдвигаются для атаки. Тех нам было уже не догнать – но в наших силах было расправиться с той

частью их сил, что перед нами. Черт побери, мы ведь отрезали им путь к Гибралтару, они *должны* были принять бой!

И лично у меня не было сомнений в его исходе! После получения донесения от воздушной разведки о противнике в указанном квадрате, я попросил упомянутых выше истребителей – врагов в воздухе всё равно не было в данный момент! – провести доразведку. Враг был опознан как два линкора типа «Литторио», ну а репутация итальянцев известна по Средиземному сорок первого, считалось, что мы справимся с ними легко! И мы занимали чертовски выгодную позицию: берег там, с севера на юг, в тридцати милях южнее – Лиссабон, они шли на юг, а мы надвигались практически с запада, под прямым углом, и их опережали, в момент обнаружения был пеленг 45, дистанция 15 миль. Они просто не успевали бы проскочить у нас под носом – ну, а на севере им нечего делать, там ближайшая база – Эль-Ферроль, это вдоль всего португальского побережья! А уходить в океан для них было еще глупее, тут уж точно мы их перехватим. Тем более летчики обнаружили, что они прикрывают отряд своих «инвалидов», они дальше вдоль самого берега едва ползли, а кого-то даже тянули на буксире. В общем, ситуация была такая, что не принять бой было просто нельзя! И повторяю, не было на тот момент никаких доводов против.

Атаки их эсминцев мы не опасались. Днем, при отличной видимости и идеальном состоянии моря, волна балла в два, не больше. Это было бы самоубийство – впрочем, я на месте

их адмирала всё же рискнул бы, чтобы «приоткрыть дверь», шанс был, хотя и самый малый. Но для этого надо было идти до конца, под огнем, стиснув зубы и не замечая, как рядом горят и тонут товарищи – нет, макаронники на такое не способны!

Мы резко пошли на сближение, а итальянцы замешкались, делая поворот. И мы успели сократить дистанцию до десяти миль. Уже можно было стрелять – но я решил выждать до восьми, чтобы не тратить впустую снаряды. Помня, что в море еще два отряда врага, и возможно, придется иметь дело и с ними. Ордер наш и противника был, как по схеме – «Саут-Дакота» и «Алабама», строем пеленга, «Балтимор» был впереди, сместился вправо с нашего курса, став почти перед «Денвером», а «Уичита» оставалась слева, и эсминцы все по четыре за каждым из крейсеров. Итальяшки же удирали на север – у берега хромали три подбитых (крейсера «Савойский», «Филиберто», «Сципионе» – идущий до того на буксире эсминец «Берсальере» затопили, сняв экипаж), ход у них был не больше пятнадцати узлов, мы же разогнались до двадцати четырех, и ясно было, что им не уйти. А главные их силы, «Венето» и «Литторио», имея по носу у себя, дальше от нас, «Горицию» с парой эсминцев. Два крейсера типа «Гарибальди» (это были «Гарибальди» и «Абруцци»), бывший их авангард, ставший арьергардом, удирали левее, вместе с четырьмя эсминцами, пристраиваясь в кильватер их фланговому прикрытию, малому крейсеру типа «Сци-

пионе», («Помпео Магио») с тремя эсминцами. Ход их главных сил был примерно двадцать, но они шли змейкой, прикрывая подбитых.

Да, я решил поторопить события, послав крейсера вперед. Исключительно потому, что помнил о еще двух отрядах противника – и считал своим долгом закончить эту стычку как можно быстрее. Тем более положение благоприятствовало. Когда их линкоры начали очередной галс влево, так и напрашивалось вбить клин в образовавшуюся щель. Чтобы отсечь и добить калек – не тратя на них шестнадцатидюймовые снаряды.

Да, я предвидел, что крейсера окажутся на дистанции обстрела с линкоров. Но простите, итальянцы не были известны как меткие артиллеристы. Вы можете видеть на схеме положение на 13:15. Дистанция от «Балтимора», идущего головным, до переднего из подбитых – восемь с половиной миль. До «Венето» – девять с половиной. От «Саут-Дакоты» в этот момент до «Венето» было девять – что говорит о том, как сильно итальянцы уклонились к западу, и продолжали держать курс норд-вест. Это уже была дистанция прицельного огня, и я приказал начать обстрел. Наша стрельба была выше всяких похвал! Уже на пристрелке добились двух попаданий в «Венето»! В левый борт, ближе к корме – но как показали пленные, в главный бронепояс. А макаронники отвечали, но не по нам, а по «Балтимору». И это был чистый случай – в конце концов так попасть! Всего одно попадание –

дальше им стало не до того.

Это ведь война! А на войне, случается, и убивают. И что – не посылать солдат в атаку? Пятнадцатидюймовое попадание в башню (вторую, носовую возвышенную) и критический пожар в погребе – но это была всего лишь случайность, как шальная пуля. И замечу, что выучка экипажа «Балтимора» была выше всяких похвал – пожар быстро погасили, хотя аварийная партия понесла большие потери. И при этом крейсер продолжал стрелять по врагу из всех стволов – кормовая башня и пятидюймовки! Именно его снаряды, а не «Денвера» потопили «Сципионе» – выловленные из воды пленные показали, что смертельные попадания были восьмидюймовыми. Да и огонь с «Венето» очень скоро прекратился – эсминец «Бенкрофт» наконец поставил дымзавесу, прикрывшую с запада, а в сторону берега стрелять это совершенно не мешало. Да, признаю, надо было сделать это в самом начале боя. Но кто ж знал, что макаронники сумеют так быстро попасть?

Дальше всё было рутинно-предсказуемо какое-то время. Мы догоняли итальянцев, накатываясь на них фактически строем фронта, курсом 350. Мы отжимали их линкоры в открытое море, чтобы наши крейсера сумели расправиться с инвалидами без помех. И они успешно делали эту работу, хотя на «Балтиморе» вторая башня вышла из строя окончательно, а в первой были серьезные проблемы. Но у итальянцев уже затонули «Сципионе» и «Савойский», один «Фили-

берто» еще держался, но весь горел. Минус три крейсера тоже отличный результат! Да и в их линкоры мы попали еще несколько раз, и «Алабама» тоже. На «Венето» был виден пожар, но хода он не сбавлял.

И тут итальянские линкоры довернули еще влево, даже не вест, а зюйд-вест! С нашей же стороны логичным было также взять влево, обрезая им корму – и огонь всем бортом! Дистанция быстро сократилась до семи миль. Считаю, что с их стороны это была не храбрость, а вполне разумное решение. Линкоры типа «Венето» имеют великолепное вертикальное бронирование, и в то же время никуда не годную артиллерию: разгар ствола и падение кучности происходит буквально в ходе одного боя! Следовательно, им выгоден именно бой накоротке, когда легче попадать, а броня держит. Согласен, что такое не в итальянском характере – но может найтись хотя бы один, и как раз тот, кто на мостике? Да и не было у них другого шанса – лишь попробовать прорваться мимо нас!

Да, как раз в этот момент, 13:55, мы получили вторую радиограмму. Требующую от нас всё бросить и спешить к конвою – авиаразведка доложила, что немецкий отряд, двигаясь на запад, уже находится в опасной близости от соединения TF-52.1. Но мы физически не могли это выполнить, взгляните на карту и схемы нашего маневрирования! Как раз в этот момент итальянцы были от нас по пеленгу 285, запад-северо-запад, почти между нами и конвоем! Мы могли выполнить этот приказ, лишь разбив их. Так что я ответил: «Пола-

гаю свое место наилучшим для выполнения главной задачи».

Поначалу всё шло по-прежнему. Итальянцы промахивались – даже по падению их снарядов было видно, как садится у них меткость. И первое серьезное попадание было в «Венето», ход его заметно упал, был виден крен. И тут... Да, никто не ожидал от итальянцев такого – мог бы решиться разве что японский адмирал! – что они повернут еще, выходя нам на контркурс!

У меня нет другого объяснения этому их поступку, кроме отчаяния загнанной в угол крысы и трезвой оценки своей огневой мощи. Ведь пока с начала боя они добились всего двух попаданий – то, в «Балтимор», и еще одно, в «Алабаму», разрыв на бронепоясе, без последствий. А мы вогнали в них не меньше десятка снарядов – и только на сближении, в «Литторио», с моей «Саут-Дакоты» четыре! В 14:20 было попадание в барбет третьей башни «Алабамы». И как выяснилось позже, «Литторио» почти одновременно получил то же самое, но броня удержала, погреб не взорвался. Ну, а дальше попадания пошли одно за другим, дистанция быстро сокращалась! У итальянцев на обоих кораблях были видны пожары, у «Алабамы» выбило кормовую башню, мы тоже горели. На контркурсах нас бы быстро разнесло вдаль, но «Литторио» стал сильно терять ход, мы попали ему в машину. Это была, по словам матросов, «дикая резня в упор». «Алабама» кренилась на левый борт и села носом, у нас кормовая башня не стреляла – но итальянцы выглядели еще страшнее, было

очевидно, что им не прорваться. У всех у нас в рубке не было страха, одно лишь ожесточение: еще немного, еще один снаряд в цель, и всё! Нам казалось, что сейчас итальянцы спустят флаги. «Литторио» едва полз, даже за шесть миль видно было, как он глубоко осел, наверное, принял уже тысячи тонн воды. И тут сообщение с «Алабамы»: пожар на корме всё не удается взять под контроль, огонь перекинулся в погреб! Нам досталось меньше, лишь не стреляла кормовая башня, остальные повреждения не критичны.

Но первым взорвался «Венето». В 14:55, уже когда расходились. Рвануло в носу, первая или вторая башня, или оба погреба сразу, с мостика и боевой рубки не спася никто, их адмирал погиб. Мы еще стреляли, и видно было, что «Литторио» совсем плох. А на «Алабаме» всё никак не могли справиться с пожаром! Отчего сразу же не затопили погреб? В предоставленных вам документах есть доклад механика «Алабамы», ему повезло остаться в живых. В момент попадания и начала пожара, корабль уже имел крен на левый борт и дифферент на нос, и это на циркуляции влево. Затопить погреб – это принять еще минимум около тысячи тонн воды (сам погреб и сопутствующие отсеки). Еще неизвестно, что было опаснее – после такого можно было просто опрокинуться! И контрзатоплением отсеков правого борта и кормы вопрос не решить – не хватило бы запаса плавучести. К тому же трюмный дивизион тоже понес потери, не хватало людей, часть оборудования была повреждена. Взгляните, там

приведены все цифры и расчеты.

«Алабама» взорвалась в 15:10. Причем никто в нее в этот момент не стрелял. Эсминец «Саттерли» успел подобрать выживших, их было довольно много для такой катастрофы, почти две сотни, из более чем двух тысяч человек экипажа. Да, я знаю, что в Перл-Харборе погибших было всего две тысячи четыреста – но это же война! И макаронникам досталось больше. «Литторио» затонул в 15:30, у нас на глазах. Уже вне нашего обстрела – очевидно, так был избит, что все старания экипажа были бесполезны.

До того еще была атака их эсминцев. Девять вполне современных кораблей. Выпустили торпеды с предельной дистанции и бросились наутек. Мы наблюдали несколько попаданий пятидюймовыми в три эсминца и лидирующий их крейсер, но этого было недостаточно, чтобы сбить им ход. Одна торпеда всё же попала, но ПТЗ выдержало, корабль серьезных повреждений не получил.

Дальше бой стих как-то сам собой. Итальянцы смещались теперь к югу, и мы за ними, даже сумели подобрать с воды нескольких пленных с «Венето», после мы узнали, что «Бенкрофт» выловил и кого-то с «Литторио». От них мы и узнали подробности боя при взгляде «с той стороны», протоколы допроса перед вами. И там записано, что они никак не ожидали встретить нас – Тиле бросил своих союзников фактически как приманку.

В эту минуту, в 15:30, мы получили третью радиограм-

му. Где сообщалось, что немцы атакуют конвой и положение очень серьезно, TF-52.1 ведет тяжелый бой! Но нам очень мешал «Балтимор» – разделившись наконец с последним из итальянцев, заставив его выброситься горящим на берег, крейсер сам получил два попадания в нос, и еще затопленные погреба носовых башен, осадка «свиньей», и переборки едва выдерживали напор воды – ход не превышал тринадцати узлов. И мы никак не могли его бросить – еще в 15:25 радары обнаружили групповую цель курсом прямо на нас – «хеллкеты» опознали два линейных крейсера типа «Дюнкерк» в сопровождении крейсеров и эсминцев. Бросить «Балтимор» означало бы просто убийство – и, снова соединившись в общий ордер, мы начали выдвижение к конвою. Французы следовали за нами, сохраняя дистанцию в пятнадцать миль, но до времени не решались атаковать.

Мы подошли к конвою не с северо-востока, а почти прямо с севера. Когда бой там вступил в свою кульминацию. И всё же успели к финалу!

Из протокола допроса капитано ди корвето Франческо Урбино, старшего артиллериста линейного корабля «Литторио»⁶

Мы совершенно не хотели воевать с *американо*, сеньоры!

⁶ В итальянском флоте, «капитано ди корвето», это звание, соответствующее нашему капитану 3-го ранга. Соответственно, «капитано ди фрегато», это по нашему, капитан 2-го ранга.

Но что мы могли сделать, имея рядом этих грубых и злых тевтонов? Представьте, когда мы стояли в Гибралтаре, этот варвар Тиле открыто нам угрожал! На совещании, где присутствовали наш адмирал и командиры кораблей, он прямо заявил, что надеется, что итальянский флот выполнит свой долг, иначе все виновные будут сурово наказаны: «И не надейтесь на заступничество вашего дуче, который сидит в Риме лишь постольку, поскольку наш фюрер его поддерживает!» Это возмутительно – разговаривать в таком тоне с офицерами флота дружественной страны!

Да, сеньоры, дома, в Италии, я не раз слышал от довольно высокопоставленных лиц, что наш дуче зарвался и следует его... вот только пока он друг фюрера, и немецкие войска стоят у наших границ! И если мы выступим преждевременно, они войдут и сделают из Рима Варшаву! Вот если бы вы, американцы или британцы, были поблизости... Кое кто у нас уже сожалеет, что мы помогли немцам захватить Африку и взять Суэц! А кто-то не стесняется говорить открыто, что и русские были бы приемлемым вариантом, ведь не свергли же они законных монархов ни в Румынии, ни в Болгарии? После авантюры, в которую втравил нас проклятый Гитлер и наш идиот дуче, в Италии не найдется семьи, где кто-то не был бы убит или изувечен – в подавляющем большинстве, на русском фронте, оттуда возвращаются лишь калеки и рассказывают страшные вещи. И немцы, конечно, мерзавцы – но очень может быть, они не врут, когда говорят нам: если

русские придут, то сделают с нами то же, что варвары с тем Великим Римом!

Мы не хотели сражаться с вами, мы помним, как ваши добровольцы помогали нам в ту Великую войну! Но этот мужлан и варвар Тиле приказал нам обстрелять позицию вашей тяжелой батареи – той самой, которая подожгла «Прованс» – и еще одно место к северу, где, как нам сказали, предполагалась такая же замаскированная батарея. И мы сделали это чисто символически, чтобы не подвергаться репрессиям – ну какой вред могли нанести буквально пара снарядов, без всякой корректировки? Но прилетели ваши самолеты, тут уж нам пришлось стрелять, но ведь защита собственной жизни не может являться преступлением?

Ваши пилоты бомбили очень хорошо! Три наших крейсера и эсминец были повреждены очень серьезно, и едва ползли, а «Берсальере» вообще вели на буксире – когда вдруг появилась ваша эскадра! Мы не хотели открывать огонь – если бы вы прошли мимо, мы не выстрелили бы ни разу – но ваш флот повернул с явным намерением нас атаковать! А мы хотели всего лишь сохранить корабли для Италии, ведь кончится же когда-то эта война! Мы отвернули и стали уходить вдоль берега на север, в надежде, что у американского флота найдутся какие-то другие дела, и он оставит нас в покое. Я не знаю, что думал адмирал, может он хотел вести нас в Эль-Ферроль, или же после повернуть в океан и вернуться все-таки в Гибралтар и в Италию!

Нет, немцы ни о чем нас не предупреждали. Конечно, мы знали, что в Лиссабон идет ваш конвой, но нам не сообщали ничего конкретного, когда, какие силы при нем – мы ведь не имели здесь своей разведки, только то, что сообщали немцы! И мы совершенно не думали встретить здесь вашу эскадру! Офицеры «Литторио» открыто возмущались поведением наших немецких союзников, и даже называли это предательством. Но мы понимали, что нас обвинят в трусости, вздумай мы возражать, и скажут, что «солдат должен стоять там, где его поставили, и не бояться внезапной атаки врага». Мы хотели всего лишь спасти свои жизни. Эта война была нам совершенно не нужна!

И первые выстрелы сделали американцы – по нашим поврежденным кораблям! Это было не по-христиански – бросить своих товарищей – и мы ответили; так получилось, что едва ли не первый наш снаряд попал в ваш крейсер. В ответ и мы получили несколько попаданий, но броня пока держала удар. Хотя по числу стволов мы были равны, ваш огонь был гораздо более меток, и ведь говорил я этим тыловым болванам, чтобы партии снарядов, сдаваемых нам, были хотя бы подобраны по маркировке, с одинаковым отклонением по весу – но эти бараньи дети даже не почесались! Ваш флот не отставал, и попадания снарядов были часты, хотя пока не наносили большого ущерба, но повреждения множились, и было ясно, что вопрос лишь времени, когда нас добьют!

Я не знаю, чем руководствовался адмирал, скомандовав

сначала поворот, а затем выход на контркурс, даже со сближением. Могу предположить, что он решил, что вы проявите благоразумие и уйдете с нашей дороги, ну а после мы будем приближаться к дому, пусть и с вашей погоней на корме! А может, в нем проснулась ярость древних римлян, когда ваши расстреляли и потопили последнего из наших калек, не способного даже ответить! Это правда, что на «Савойском» спустили флаг и подняли белый – но вы продолжали стрелять! Когда меня подняли к вам на борт, ваши матросы были очень злы и кричали что-то «за ублюдка Тиле», но мы-то не имеем никакого отношения к кригсмарине, итальянцы никогда не нарушали законов и обычаев войны!

Синьоры, я не немец, не эсэсовец, а добрый католик – и всего лишь делал свою работу. Я управлял огнем по кораблям, стрелявшим в меня. Если бы вы не стреляли, мы разошлись бы миром. И еще могу сказать в свое оправдание, что «Литторио» не вел огня по тому из ваших кораблей, который взорвался. Это была всего лишь случайность, неизбежная на войне! И наш флагман погиб точно так же и раньше – вместе с нашим адмиралом и большей частью команды!

Это был ужас, синьоры! Вблизи ваши снаряды пробивали нашу броню и взрывались внутри, превращая в кашу конструкции корпуса и людей. Одна из наших аварийных партий в полном составе погибла в затопленном машинном отделении, они просто захлебнулись, не успев выбраться наверх! «Литторио» сел почти по палубу, и затем, несмотря на все

принятые меры, вдруг опрокинулся. Мне повезло в это время быть наверху, и меня не затянуло в воронку, но вся машинная команда и персонал погребов так и остались внутри корабля – могу засвидетельствовать, что не был отдан приказ им покинуть свои посты и подниматься наверх. Эсминцы стали было подбирать плавающих – но очень скоро прекратили это занятие и ушли, опасаясь ваших снарядов, от которых гибли наши люди в воде!

А после меня выловил ваш эсминец. И я сказал себе: Франческо, для тебя эта война наконец закончилась, и ты вернешься домой живым. Ведь вы же не расстреляете меня – как офицер итальянского, а не германского флота, я не совершал против вашей страны никаких военных преступлений.

Адмирал Тиле. Линкор «Фридрих Великий».

*Атлантический океан, западнее Лиссабона, 21 ноября
1943 года*

План трещал по швам. Он был построен на скрытности и внезапности – кинуть на отвлечение (и на убой) итальянцев – уж если на севере вот так приходилось посылать русскому Ужасу немецкие субмарины, так с чего здесь жалеть макаронников, которые даже не Еврорейх? И обходом по флангу, пока янки будут добивать потомков римлян (про американскую тактику «линкоры впереди» рассказывал японец), обрушиться на конвой! «Фридрих» связывает боем послед-

ний оставшийся там линкор, в то время как «Шарнгорст» устраивает бойню купцам, «Гнейзенау» присоединяется или помогает флагману, смотря по обстановке, «Зейдлиц» же отбивает атаки эсминцев. Но из-за этого проклятого труса выбыл «Цеппелин», который должен был обеспечить воздушное прикрытие! Да, у янки после того боя тоже должно остаться мало самолетов – но что делать с их разведчиками?

Летают постоянно. Уже два раза вызывали «мессеров» с берега, и они появлялись исправно – вот только и янки сразу становилось больше, и в воздухе завязывалась драка. И аглосаксы несли потери, ну не могли их «бочонки» на равных драться с Me-109 – хотя во второй раз появились «хеллкетты», как назвал их Мори-сан, и тут туго пришлось уже немцам, общий итог воздушных боев, пожалуй, был всё же в пользу рейха – но что толку, если очистить небо от чужих самолетов так и не получалось? А значит, о скрытности не приходилось и мечтать, американцы будут готовы.

Оставалась еще надежда, что итальянцы сумеют продержаться хоть какое-то время. Иллюзий касаясь реальной боеспособности потомков римлян Тиле не испытывал – но надеялся, что они свяжут тот отряд янки, о котором доложил воздушный разведчик до того, как его сбили. Всё было так, как он ожидал: американцы поверили и выслали для преследования быстроходный отряд. И можно было навалиться на него всеми силами, и своя авиация с берега оказала бы большую помощь. Вот только на транспортах конвоя были десят-

ки тысяч жертв! Которые должны были достаться ему, Великому Тиле.

Своя задача была у французов. Они изображали поспешный отход эскадры на юго-восток – ведь локаторы американских «либерейторов» фиксируют лишь цель, а не ее принадлежность? Еще с борта «Дюнкерка» вел передачу спешно пересаженный туда радист с «Гнейзенау», знакомым почерком и давно не сменяемым шифром. Ну и наконец, лягушатников, в отличие от макаронников, следовало побережь, всё же они были Еврорейхом. Впрочем, расстояние и скорость позволяло им при необходимости вмешаться. Четыре корабля против двух (не считая мелочи) позволяло надеяться хоть на какой-то успех, даже с учетом «высокого» боевого духа итальянцев, гораздо худшей их выучки и качества оружия. Всё, что требовалось от них – это не дать янки быстрой и легкой победы. Кригс-комиссары получили строжайший приказ следить за боевым духом командиров и экипажей – так что французы не побегут из боя при первой же возможности, помня, что сражение – это еще не стопроцентная смерть, в отличие от гестапо.

Курс выхода на конвой был рассчитан так, чтобы ударить лоб в лоб. Стадо транспортов смешается в кучу, будет напирать, мешать своему же эскорту. Но янки знали – и успели изменить генеральный курс, повернув всем ордером. И выдвинуть вперед оба линкора: старый «вашингтонец», который вообще нельзя считать за противника, так, пол-едини-

цы; и новейший «суперДакота» – а вот это было очень серьезно! Конвой открылся по пеленгу 320, курсом почти точно на восток, вместо того, чтобы атаковать в лоб, германская эскадра выходила ему на правую раковину (сектор справа-вперед).

Но между конвоем и германскими кораблями шел «вашингтонец». А главные силы янки были видны на севере, но тоже гораздо ближе транспортов – новый линкор, три крейсера, три дивизиона эсминцев.

За «Фридрихом» шел «Гнейзенау», не в кильватер, а правее. За ним таким же строем пеленга «Шарнгорст»; замыкал строй «Зейдлиц». Оперативное время 14:15. Двенадцать миль до «вашингтонца» (это был «Теннеси»). Можно начинать пристрелку – а заодно взглянуть, что такое французская артиллерия с немецкой командой. Полузалпами – по четыре снаряда. Тактика простейшая – быстро потопить и прорываться вперед, к конвою. Если сделать это быстро, янки не сумеют помешать!

Отлично! Уж на втором полузалпе накрытие, на третьем одно попадание! И еще одно! Кстати, пора и «Гнейзенау» вступить, пожалуй, он достанет до второго янки. Великолепно: первым же залпом одно попадание, на «супер-Дакоте» пожар! Тиле почувствовал радость – если такое начало боя, то что же будет в конце?

– Как на маневрах, – произнес Хюффмайер, командир корабля, также пребывая в отличном настроении («Наверное,

уже мысленно примеряет Мечи к своему Рыцарскому кресту, – подумал Тиле. – Дубовые листья наш Фридрих уже получил за Брест»). – Кажется, мы выбили у него четвертую башню. Сейчас взорвется! А, черт!!!

«Фридрих Великий» задрожал от ударов по броне. «Нью-Джерси» наконец открыл огонь. Быстро пристрелявшись, добился подряд сразу нескольких попаданий – хорошо, что все пришлись в броневой пояс, на предельной дистанции выдержавший удар. И это было неприятно, хотя пока терпимо.

– «Шарнгорсту», обход слева, – приказал Тиле. – Надеюсь, герр Кранке не забыл. Всё как обговаривалось. «Зейдлицу» с ним – от него тут толку мало, от эсминцев отобьемся сами, а вот если он врежется в конвой...

Два замыкающих корабля покинули строй эскадры и на полном ходу устремились влево, почти точно на запад.

«Не отпустить ли с ними и «Гнейзенау» – нет, там у янки одни лишь легкие крейсера, для него не противники, а вот здесь он может мне помочь, пушки на нем не слабее моих. Вот только не попадает отчего-то. Черт, черт!!!»

Снова попадание с «Нью-Джерси» – на этот раз не в борт, а в надстройку «Фридриха». Вспыхнул пожар, первая шестидюймовая башня правого борта выведена из строя.

«А этот старый линкор впереди горит, принимая мои снаряды, но не уходит с пути! Он тоже стреляет, но дистанция всё же великовата, и у него работают лишь две башни из четырех. Да когда же он взорвется или утонет?!»

И тут со страшным грохотом будто обрушилось небо или крыша боевой рубки – отправив всех присутствующих в ней в глубокий нокдаун. Было полное ощущение, что весь отсек подняли и с силой встряхнули. Прямое попадание шестнадцатидюймового снаряда «Нью-Джерси» в рубку с правого борта.

– Герр адмирал!

Тиле пришел в себя. Очень болела голова, из ушей текла кровь. Вокруг была суета в тусклом свете аварийного освещения: кто-то стонал, кого-то куда-то несли. Часть оборудования и приборов была разбита, но броня выдержала удар. Увидев Хюффмайера, державшегося на ногах и даже отдающего команды, Тиле испытал облегчение – значит, руководство утеряно не было, бой управлялся.

– Доложите обстановку!

– «Гнейзенау» взорвался, герр адмирал! Попадание в погреб, носовые башни!

Может, кто-то и остался жив – хотя вряд ли. Вопреки распространённому заблуждению, взрыв погреба боезапаса не разносит корабль в мелкие куски – но причиняет такие повреждения, что потеря плавучести и остойчивости происходит очень быстро. И обычно нет времени выскочить наверх даже тем, кто не был ранен, контужен, оглушен, обожжен паром из лопнувших паропроводов. Те, кто остаются в задранных отсеках, еще могут завидовать захлебнувшимся сразу. Впрочем, те, кто успел выпрыгнуть за борт, проживут немно-

гим дольше – нет возможности подобрать их, оставшихся далеко за кормой, янки тоже будет не до того, разве что найдут кого-то после боя.

Так что – к дьяволу! Единственное, что можно сделать – это отомстить за них!

«Фридрих» хорошо держал курс, не получив пока серьезных повреждений, всё же французы сумели построить хороший корабль. «Теннеси» впереди горел весь, от носа до кормы, и на «Нью-Джерси» тоже видны были пожары. Время 15:00 – от начала боя не прошло и часа, всё еще впереди!

Судьба решила пока подыграть немцам. Шесть юнкерсов 6-й эскадры вышли на «Интрепид». «Хеллкеты» отработали великолепно, четыре бомбардировщика были сбиты, но авианосец получил попадание в палубу полутонной бомбой. Большого пожара не было, американцы извлекли должный урок из гибели «Монтерея» – всего лишь дыра в полетной палубе, несколько метров в поперечнике. Это могло быть исправлено в походных условиях, но на то требовалось время, и лучший из авианосцев на несколько часов лишился возможности принимать самолеты. Выпускать же теоретически было можно – катапультами, после чего они должны были садиться на эскортники. Проблема была в том, что для «хеллкетов» и «хеллдайверов» это было далеко не простой задачей, всё ж для них оптимальной была палуба побольше – и на борту эскортных авианосцев был малый запас торпед, причем старого ненадежного образца, Mk-13, а крупнокалибер-

ных бомб не было совсем. Тиле не мог этого видеть, ведь «Интрепид» занимал место в ордере по другую сторону конвоя – но трудно было не заметить, что самолетов янки в небе заметно убавилось.

И начался бой на левом фланге, в хвосте конвоя. «Нью-Джерси» был связан боем с «Фридрихом», находясь к тому же к востоку от него, а у «Теннеси» были выбиты кормовые башни – и остановить прорыв к транспортам «Шарнгорста» и «Зейдлица» могли лишь «Санта Фе» и «Монпелье» – отличные корабли, нового проекта, недавно вошедшие в строй, но всего лишь легкие крейсера, с шестидюймовым главным калибром.

Адмирал Раймонд Спрюэнс.

Линкор «Нью-Джерси»

«Теннеси» горел. Старый корабль принял в себя не меньше двадцати попаданий, сам ни разу не поразив противника – но пока еще держался. Хотя стреляла лишь одна башня из четырех. Спасала, как ни странно, отличная баллистика вражеских пушек, высокая скорость их снарядов – попадания шли по настильной траектории, в борт и надстройки, причиняя страшные разрушения и пожары в небронированных частях, но броневой ящик «цитадели» по ватерлинии не был поврежден. Мачты и труба были снесены, но антенны уцелели – а скорее всего, матросы дивизиона живучести ползают там под огнем, соединяя порванные кабели, чтобы

работали связь и СУО. И страшно было представить, какие там потери в экипаже.

«Но это война, – подумал Спрюэнс. – И ведь «Теннеси» был включен в состав соединения в последний момент, считалось, что его девятнадцать узлов безнадежно свяжут эскадру, а значит, он не примет участия в бою. Немцев считали дичью, а не охотниками, мы строили планы, как поймать Тиле, а не как отразить его атаку. Жаль парней – но если бы не было «Теннеси», все эти снаряды достались бы нам».

Бой поначалу всё же развивался успешно. Казалось, немцы сами лезут в капкан: впереди «Теннеси», в то время как «Нью-Джерси», пользуясь преимуществом в скорости, обходит справа, и эскадра Тиле оказывается зажатой в два огня с разных сторон, поврежденных добыют эсминцы, а хвост конвоя прикроют крейсера. Если же «берсерк» повернет влево, пытаясь обрезать конвою корму, то под удар «Нью-Джерси» сначала попадают слабейшие, «Шарнгорст» и «Зейдлиц», а после их расстрела и «Ришелье» с «Гнейзенау» не уйти. Американцы задержались с пристрелкой и успели даже получить, не слишком, но неприятно – но ответ был сокрушительен: «Гнейзенау» взорвался! И почти одновременно доклад: два последних корабля немцев уходят на запад. А «Ришелье» остается на прежнем курсе, не давая их преследовать!

Где этот чертов Олдендорф? Он должен был спешить сюда, на помощь, так быстро, как только может! Четыре линкора, из которых три новейших, против даже всех семи раз-

нотипных и более слабых кораблей Еврорейха – победа была бы в кармане! Теперь остается лишь скорее потопить флагман Тиле и идти на выручку крейсерам. «Санта Фе» и «Монпелье» сумеют задержать противника, но ненадолго, два легких крейсера против линейного и тяжелого – это слишком разная весовая категория. Есть еще эсминцы – но шанс на успех дневной атаки слишком мал.

Кто там сказал, что планы живут до столкновения с врагом? Черт бы побрал этих гуннов, прорвавшихся к «Интрепиду»! В воздухе творится непонятно что – самолеты, поднятые с эскортных, пытаются атаковать гуннов, те огрызаются зенитным огнем, а еще появляются мессершмиты, и начинается свалка, что не добавляет хладнокровия пилотам – какой-то недоумок на «авенджере» умудрился отбомбиться по «Кросби». Как можно спутать эсминец постройки 1919 года с немецким крейсером? Теперь зенитчики стреляют, как кажется отсюда, почти по любой воздушной цели, оказавшейся в пределах досягаемости, не работает привычная по Тихому океану тактика – истребители в дальней зоне, зенитки над кораблями – слишком близко сошлись противники, прямо над палубами идет воздушный бой, и если артиллеристы боевой эскадры еще как-то отличают своих и чужих, то эскортники этому не обучены! По докладу, уже сбили четверых – не удивлюсь, если половина окажется своими. И этого проклятого «Ришелье» всё не удастся разбить, а два других гунна уже стреляют по крейсерам!

Адмирал принимал доклады, представляя поле боя. И отдавал приказы, подобно шахматисту, передвигающему фигуры:

– «Теннеси» развернуться, полуциркуляция вправо, и на контркурс, идти на выручку крейсерам. А «Нью-Джерси» продолжить движение на юго-восток – если немец будет по-прежнему идти на конвой, то он подставит нам корму, где нет орудийных башен, мертвый сектор, и мы начнем бить его совершенно безнаказанно. Значит, он отвернет вправо от конвоя. И мы сделаем его, черт возьми!

«Ришелье» не отворачивал. Он мог бы уже достать до конвоя, но ему мешала дымовая завеса, поставленная эскортными кораблями. У гуннов не было хороших радаров, тем более связанных с СУО, он не мог стрелять, не видя цель. Теперь он развернул башни вправо, и «Нью-Джерси» начал получать попадания: в носовую часть – хорошо, что выше ватерлинии; в надстройки; в лоб второй башни – без пробития, но несколько человек были убиты и ранены осколками, отлетевшими от брони. Пожалуй, не следует отпускать «Теннеси» – подчинившись переданному приказу, старый линкор начал обратный поворот. Адмирал понимал, что у избитого корабля есть все шансы не пережить этот бой – но другого выхода не видел. Если немецкий линкор, управляемый взбесившимся маньяком-убийцей, врежется в строй транспортов, стреляя на оба борта из всего, включая зенитки, будет бойня, тысячи тел в воде, расстреливаемые и под винта-

ми. Значит, допустить этого нельзя – любой ценой.

Одним из преимуществ американцев была безупречно работающая связь – с более совершенной аппаратурой и лучшей организацией. Спрюэнс знал, что там, за дымом, должна быть оперативная группа TF-52.7 – эскортный авианосец «Кроатан» и четыре корабля ПЛО, бывшие эсминцы еще той войны, те самые «четырёхтрубники», за полсотни которых Америка приобрела у Британии все ее базы в Западном полушарии. По иронии судьбы, этим эсминцам, как и «Теннеси», так и не довелось повоевать тогда, вступив в строй уже в восемнадцатом – девятнадцатом году, а к этой войне они успели устареть. При переоборудовании в противолодочники, с них снимали два трехтрубных торпедных аппарата из четырех и часть артиллерии, взамен ставились новые зенитки и «хеджехоги» – но старички всё еще развивали тридцать узлов и могли дать шеститорпедный залп. А по левому борту «Нью-Джерси» разрезали волну легкий крейсер «Окленд» и восемь «флетчеров» – эсминцы постройки этого года, тридцать два узла и по десять торпед с каждого. И еще восемь торпед с «Окленда». Пока лишь приготовиться – Спрюэнс знал, что такое эсминцам атаковать днем линкор с еще не выбитой артиллерией. Ублюдку Тиле осталось до конвоя всего семь миль, меньше двадцати минут хода. И оставалась еще надежда, что удастся вклепить ему хорошо, сбить ему окончательно ход, просто заставить отвернуть – и не кидать эсминцы в убийственную атаку.

Доклад с «Санта Фе» – крейсерам приходилось очень туго. «Нас рвут снарядами на куски, большие затопления и пожары. Если не будет разрешения на отход, через полчаса погибнем». Разрешения не будет. «Простите, парни, но за вами конвой!»

Что может произойти за полчаса? Например, разберемся с этим большим ублюдком. И подойдет наконец Олдендорф – если опоздает, сделаю всё, чтобы он предстал перед трибуналом, «президентский крестник». Тогда уже гуннам придется думать о своем спасении. А пирату Тиле болтаться на рее – он не заслужил, чтобы с ним обращались как с честным врагом!

И тут очередной немецкий снаряд попал в «Нью-Джерси» и разорвался где-то в глубине корабля. И доклад в ЦП – от сотрясения вышел из строя центральный автомат стрельбы, главный вычислитель. Башни перешли на резервный режим, по таблицам, что ощутимо снижало меткость и скорострельность. Шанс остановить пирата до того, как он ворвется в ордер конвоя, стал призрачным. Значит, эсминцы в бой, и «Америка надеется, что каждый выполнит свой долг».

Это было красивое зрелище – дивизион эсминцев в атаке. А навстречу им, с другого борта, от конвоя, рванулись «четырёхтрубники». Уставная дистанция пуска торпед – две мили, максимум две с половиной, дальше уже нет никакой уверенности попасть, а с пяти миль не попадал никто и никогда. А для артиллерии – пять, это дистанция ниже средней, а две

считается уже накоротке, промахнуться нельзя. Взорвался и затонул «Окленд», засыпанный градом шестидюймовых снарядов из бортовых башен немца, и в завершение получивший два попадания главным калибром. Единственной пользой было, что крейсер отвлек на себя большую часть огня, иначе доставшегося бы эсминцам. Погиб «Ишервуд», разорванный надвое прямым попаданием пятнадцатидюймового снаряда. Затонул «Рингголд» до выпуска торпед. Горящие «Фуллом» и «Хатчинг» свернули с курса, не решившись продолжать атаку. «Льюис», успевший дать залп, с трудом ковылял назад, кренясь на правый борт. На «Коттвее» была снесена за борт рубка вместе с мостиком и командиром, на ее месте бушевал пожар, угрожая погребам носовых орудий. Даже «Тейлор» и «Поттер», пострадавшие меньше других, имели по паре-тройке попаданий. Как ни странно, но «четырёхтрубники» оказались более удачливыми, только один из них, «Кейн», был потоплен, остальные три, с разной степени повреждениями, благополучно укрылись за дымовой завесой, выпустив торпеды.

Шестьдесят четыре «рыбки» ушли к цели с двух сторон. Попали шесть. «Ришелье» имел хорошую ПТЗ, даже с такой экзотикой, как заполнение «резиновой пеной», «Эбонит муссе». Но – целых шесть торпед, причем две почти в одно место. Немец кренился, оседал носом и быстро терял ход. Ему было не до прорыва к конвою.

– Уважающий себя игрок спустил бы флаг, – подумал

Спрюэнс, – и если этот сумасшедший не намерен, то тем хуже для него.

Следующий доклад, однако, не был так хорош. На левом фланге создавалась чрезвычайно опасная ситуация. И надо было немедленно вмешаться, бросив здесь всё. Или ж добивать проклятого пирата – но тогда все усилия по спасению транспортов пошли бы прахом.

Эсминец «Эрбен».

Записано через две недели в Норфолке...

Мы не могли атаковать! Всего четыре эсминца, днем, при хорошей видимости, против линкора и тяжелого крейсера, не имеющих повреждений – это самоубийство, и ничего больше. Мы не добились бы ничего, лишь напрасно погубили бы корабли и людей. Потому мы держались поодаль и лишь смотрели, как дерутся наши крейсера. Им очень доставалось – и когда «Санта Фе» опрокинулся и затонул, «Монпелье» оставался на плаву каким-то чудом, накреньясь и осев носом так, что палуба полубака почти вошла в воду. И оба гунна прошли мимо, к конвою, они почти ворвались бы в него, как волки в отару овец!

Из дыма навстречу выскочили эскортные миноносцы. На что они рассчитывали с их двадцатью узлами, не знаю – «Шарнгорст» играючи разделался с ними огнем носовых башен, я сам видел, как тонул минимум один, и еще несколько горели и поспешили скрыться в дыму. Но гунны приняли их

атаку всерьез и, уворачиваясь от торпед, свернули вправо, сблизившись с нами.

И тогда я приказал: «Торпедная атака!» Просто потому, что нельзя было дальше смотреть, это было неправильно, надо было сделать хоть что-то. Нас встретили бешеным огнем, и «Джон Хенли» получил тяжелый снаряд, загорелся и отвернул. Слава богу, не погиб. А мы выпустили торпеды, дистанция от нас до гуннов была меньше трех миль, и им оставалось пройти не больше мили до стены дыма, за ней уже был конвой.

И ведь мы попали, сэр! Одна торпеда в «Шарнгорст», у самой кормы. И должно быть, мы повредили ему управление, потому что его понесло куда-то вправо, видно было, что он плохо держится на курсе. А второй гунн шел ему в кильватер и отчего-то не стрелял.

И тут за дымом взорвалось. Очень сильно, как солнце загорелось, и столб дыма вверх облаком. Пять тысяч тонн боеприпасов на «Леопольде» – нет, сэр, я не допускаю, что... Дистанция до транспортов была минимум пять миль! Да, сэр, теоретически это возможно, что на третьем «дальнем» режиме наши торпеды могли бы достать, но я приказывал ставить первый, скоростной! Сэр, а отчего вы считаете, что эту злосчастную торпеду не выпустили гунны? Насколько я знаю, у них даже на «Шарнгорсте» есть торпедные аппараты, они ведь и «Айову» топили так. Нет, я не допускаю, что на моем корабле могли перепутать установку режимов торпед.

Примерное совпадение по времени ни о чем не говорит, это могло быть и случайностью! Ведь никто и никогда не попал торпедой на дистанции свыше пяти миль, это общеизвестно! Нам и при желании было трудно попасть в этот злощастный транспорт – а вот гунны вполне могли!

Ну, а после нас накрыло волной. Нет, не взрывной – а настоящей волной, как цунами. Нет, она была не «выше мачт эсминцев», как написал кто-то, но полубак нам накрыло, ударило очень ощутимо. Больше всего досталось подбитому «Хенли» – слава богу, что он и был дальше всех нас, мог бы и затонуть. А гунны скрылись в дыму, и мы больше их не видели – на этом наше участие в битве закончилось, сэр!

Виновным себя не считаю. Так как не доказано, что в «Леопольд» попала именно наша торпеда, а не выстреленная с того же «Шарнгорста» сквозь дым. Скорблю о погибших – но отчего отвечать за все должны мы?

И снова 21 ноября 1943 года.

Линейный корабль «Шарнгорст»

Адмирал Кранке впервые за бой пожалел, что у него нет торпед. Теоретически «Шарнгорст», одной из ипостасей которого было дальнейшее рейдерство, имел два трехтрубных торпедных аппарата. Однако это оружие годилось лишь для добивания врага в упор, а не для настоящего боя – не было не только СУО, но даже штатных расчетов, эта задача возлагалась на матросов зенитного дивизиона, естественно в сво-

бодное от основных обязанностей время. И запасные торпеды должны были храниться здесь же, на палубе, в стальных ящиках – иметь столь взрывоопасный и незащищенный груз на линкоре, ведущем артиллерийский бой, мог бы только сумасшедший. Потому аппараты стояли сейчас не заряженными, а торпеды к ним не принимались на борт с того самого весеннего похода. Но сейчас они пришлось бы очень кстати – с близкого расстояния, по «коробочке» транспортов!

Эти чертовы янки все-таки сумели хорошо попасть не только по своим! Торпеда в левый борт, ближе к корме – левый вал стал «бить», пришлось сбавить на нем обороты, и руль был заклинен, по счастью в положении «вправо», так что можно было управляться машинами, не сильно потеряв в скорости, но очень заметно – в поворотливости.

Было потоплено минимум два американских сторожевых корабля – затонули на виду у немцев. Еще на двух был пожар, причем на одном очень сильный – но янки ушли обратно в дым, остались на плаву или нет, неизвестно. И тут эти проклятые эсминцы, причем на них даже не сразу перенесли огонь, считая более опасными тех, кто мог сейчас вскочить из дыма. Эту атаку удалось отбить, но боже, что будет дальше, бой ведь еще не закончен!

И тут взрыв, на вид очень впечатляющий, даже сквозь дым. Слишком сильно для чьих-то погребов – неужели транспорт с боеприпасами? Затем пришла волна, как от большого океанского шторма, «Шарнгорст» зарылся почти

по носовую башню. Однако малые корабли янки, бывшие к тому же гораздо ближе к месту взрыва, должны были пострадать куда сильнее! И если прикинуть дальность хода американских торпед – выходит, за дымом, совсем близко, жирная дичь, причем подраненная и беззащитная!

– Вперед! – с пафосом воскликнул Кранке. – Покажем унтерменшам истинную арийскую ярость!

И покосился на кригс-комиссара – отметил ли?

Ордер конвоя янки, по крайней мере на ближнем, правом фланге, сейчас больше характеризовался бы словом «куча» с эпитетом «беспорядочная». Злосчастный «Леопольд» шел третьим, предпоследним, во второй от края колонне, и когда он взорвался, соседям досталось тоже. Лишь два судна, шедшие ближе всех, затонули – но еще на нескольких были пожары, причем замыкающим в колонне был танкер, который горел очень сильно, выбрасывая огромные клубы черного дыма. Зато появление в непосредственной близости двух немецких тяжелых кораблей вызвало панику и полное смятие строя. Несколько десятков «купцов» на дистанции досягаемости даже средним калибром – ни один командир немецкого рейдера не мог мечтать о таком даже в «жирные годы»!

Но первой жертвой «Шарнгорста» на этой фазе боя стал не кто-то из торговцев, а «Кроатан». Эскортный авианосец, потерявший свою охрану в атаке на флагмана Тиле, не успел скрыться в дыму, но был потому, на взгляд Кранке, priori-

тетной целью, транспортам же было некуда бежать! Пеленг 90, дистанция три мили – от попаданий одиннадцатидюймовых снарядов на «Кроатане» взрывались самолетные боеприпасы, горел бензин. Затем, оставив позади пылающий авианосец (затонул меньше чем через час), немцы прошли перед конвоем, типичный «кроссинг Т», стреляя беглым огнем на левый борт, из всех стволов, включая зенитки. На «Зейдлице» вскоре закончились снаряды главного калибра, зато «Шарнгорст» свирепствовал, расстреливая транспорта. Однако же затонувших было на удивление мало, хотя на многих были видны взрывы и пожары от попаданий.

– Измените курс! – потребовал кригс-комиссар. – Мы проходим слишком быстро и далеко.

– Мы не можем управляться, – ответил Кранке, – и если потеряем скорость, трудно будет ее набрать. И это вы видите? Если нас догонят, я за наши головы и пфенинга не дам!

Он кивнул на планшет с нанесенной тактической обстановкой – по наблюдениям с КДП, с радара и по сообщениям с «Фридриха». «Нью-Джерси», оставив в покое избитый немецкий флагман, быстро шел курсом на север – прямо на них.

Линейный корабль «Страсбург». Адмирал Дюпен, командующий эскадрой Виши

Чинов захотелось и славы. Забыл, дурак, что адмирал, в отличие от генерала, не посылает в бой, а ведет. Сидел бы на

тихой тыловой должности, незаметной, но дающей все основания надеяться дожить до конца войны, кто бы ни победил! Нет, захотелось наверх – боже, оказывается, командовать эскадрой в бою – это совсем не то, что надрывать глотку на собраниях общества «Шарлемань»! Тогда немцы были на Волге – ну кто же знал, что Сталинград окажется для Гитлера тем же, что Москва для Наполеона! Год всего прошел, а русские уже на Висле, и любому ослу ясно, что немцы проигрывают войну! А наш маршал поступил как идиот – вместо того чтобы прицепиться к победителю, оказаться в обозе у побежденных – в обозе, на который накатываются ордой дикие русские казаки – такое лишь злейшему врагу пожелаешь! Хорошо, если они, как сто с лишним лет назад, просто промаршируют по Парижу и уйдут – стерпим, не впервые. Ну, а если поступят так же, как, по слухам, англичане – контрибуции, оккупация, отторжение территории? Гордым и свободолюбивым французам менять германское порабощение на славянское – не бывать этому никогда!

И выходит, что лучше всего, если бы во Францию вошли американцы! Если бы завтра янки высадились где-нибудь у Бреста или Гавра – вот только боже упаси тогда оказаться даже похожим на «берсерка» Тиле, которого, без всякого сомнения, при поимке немедленно вздернут на рею как самого последнего пирата! Значит, усердствовать в битве нельзя, да и страшно, в бою всякое может случиться, и лучше быть живым трусом, чем мертвым героем! Показать, пострелять

издали, и убежать, пока не догнали!

Вот только что с кригс-комиссарами делать, которых на каждом корабле по нескольку штук? Смотрят высокомерно и с подозрением, «братством по оружию» тут и не пахнет, всюду суют свой нос, высматривая измену – и имеют полномочия вплоть до немедленного расстрела любого, чьи действия сочтут изменническими. И если сейчас по подозрению в нерешительности и нелояльности тащат в гестапо чистокровных немцев – то что же они сделают с нами?

Значит, приказ будет исполнен. Но и только, ни в коем случае не проявлять неуместной инициативы – делать ровно столько, сколько укажут. И помнить, что самому остаться живым куда важнее, чем нанести кому-то ущерб!

Потому французская эскадра до времени тихо и мирно шла вслед за американцами, отходящими на запад. Янки тоже не горели желанием вступить в бой, и Дюпен был доволен. Ведь это не измена, а разумная осторожность – не подставляться под шестнадцатидюймовые снаряды, держаться в отдалении? Американцы отходят к конвою, там, может быть, и нам выпадет случай дать пару залпов – а там и ночь впереди, и полный ход назад, домой. Мы сделали всё, что могли – что еще вы хотите от нас?

Этот сумасшедший «берсерк» уже вступил в бой? Что ж, если его там потопят, не жалко – тогда для нас это будет законный повод отходить. Пока же отвечать на его радиogramмы – спешим как можем! Ну, а что выходит не слишком

быстро, так это военная необходимость. Надеюсь, что и американцы поймут и оценят то, что мы в них не стреляем.

Конвой открылся как-то внезапно. Облако дыма на горизонте, эскорт стремится закрыть транспорта. Канонада слышна далеко на юге. Судя по радиосообщениям, «Шарнгорст» выходит сейчас на тот, дальний фланг каравана! Преследуя янки, мы так и оставались с их левого борта позади – и сейчас подходим к конвою параллельным с ними курсом, но восточнее. Доклад – наблюдаем уход на юг американских крейсеров с эсминцами. Янки поняли, что мы не собираемся драться всерьез, и направляются против этих «бешеных гуннов»?

Адмирал был на мостике «Страсбурга». По одной весо-мой причине: этот корабль был гораздо лучше бронирован, чем «Дюнкерк», считавшийся однотипным. И ход у обоих одинаков: под тридцать узлов, так что удрать успеем всегда! И еще Дюпен благоразумно послал второй линкор вперед – если что случится, так не со мной! Крейсера «Гарисольер» и «Марсельеза» держались по флангам, но позади траверза, «Могадор» с двумя эсминцами выкатился вперед, левее строя эскадры – подальше от пушек «Саут-Дакоты».

И когда вокруг «Дюнкерка» вдруг встали высокие водяные столбы, первой мыслью Дюпена был даже не страх, а удивление и возмущение. Зачем – ведь мы же, кажется, договорились? Неужели янки не поняли, что мы не хотим с ними воевать? Проклятый дым – из-за него не заметили резкий

отворот «Саут-Дакоты» влево, и «Дюнкерк», выскочив из-за края дымзавесы, оказался в опасной близости. Он тоже пытался повернуть, но было поздно, 406-миллиметровые снаряды с такой дистанции пробивали двадцатидвухсантиметровую броню, как картон. Попадание, еще, еще – тут только опомнившийся Дюпен скомандовал к повороту – тоже влево, на курс 90. Зрелище американского линкора, идущего прямо на него и ведущего огонь из носовых башен, было ужасным – хорошо, что янки, пристрелявшись по несчастному «Дюнкерку», не стал менять прицел. «Страсбург» уже уходил на восток самым полным, когда горящий «Дюнкерк», далеко уже за кормой, взорвался и опрокинулся. Что ж, если американцы начали воевать сами, они не обидятся, если и мы немного постреляем в ответ?

Конвой шел в трех милях параллельным курсом на восток. Строй транспортов был плохо виден из-за дыма. Да сколько же его тут? Эскортной мелочи, наверное, с полсотни, и все нещадно дымят! Дюпен приказал открыть огонь, и вроде бы вдали были видны попадания и пожары, но докладов о потопленных не поступало. А идти на юг, имея на фланге быстро накатывающуюся с запада «Саут-Дакоту» – ищите других дураков!

«Страсбург» полным ходом убежал на восток, опережая конвой. Вскоре почти прямо по курсу была замечена крупная цель, в которой опознали тяжелый авианосец. Гонка за такой дичью была оправданной – а то кригс-комиссар уже

неодобрительно косится – черт его знает, какой доклад напишет по возвращении, вдруг обвинит, что не стали сближаться с конвоем? Добыча, однако, оказалась резвой, ход у «эс-сексов» был отличным, а на «Интрепиде», увидев за кормой вражеский линкор, механики выжимали из машин всё – сократить дистанцию никак не удавалось, хотя несколько снарядов со «Страсбурга» легли накрытием, а один или два вроде бы и попали! Затем справа, у конвоя, на параллельном же курсе был замечен второй авианосец, меньшего размера, и тихоходный, Дюпен приказал перенести огонь на него. После пары залпов эскортный авианосец «Сэнгамон» вспыхнул как свечка (спасти корабль не удалось, затонул через полтора часа – что было очень ощутимой потерей, так как с ним погибло двенадцать «хелкетов»). А «Интрепид» тем временем удирал, растворялся в наступавших сумерках на северо-востоке. Зачем его сопровождение, четыре эсминца, решились на самоубийственную атаку против линкора и двух крейсеров, было непонятно, их расстреляли, как на полигоне, один эсминец потоплен, два уходили с пожарами. Но одна торпеда всё же попала в «Марсельезу», и это было очень серьезно, ход крейсера сразу упал до восемнадцати узлов.

А сзади неотвратимо надвигалась «Саут-Дакота», следуя тем же курсом, что и французы. Рисковать ради одного неудачника всеми прочими кораблями, а заодно и собственной головой? Адмирал Дюпен был благоразумным человеком!

Линкор «Фридрих Великий» («Ришелье»)

Только что здесь был эпицентр сражения! И бой не закончился, нет – но ушел куда-то в сторону. Кранке на «Шарнгорсте» добрался наконец до конвоя – и французики, как соизволили доложить по радио, тоже вышли на него, с другой стороны. Сейчас там начнется такое – тысячи беспомощных унтерменшей в волнах! – вот только его, Тиле, пока адмирала и будущего фюрера, там нет! Неужели проклятый демон и это предусмотрел, сегодня поддержав не его, а кого-то другого?

В голове до сих пор звенело, он всё же сильно ударился, когда прямо в рубку попал снаряд. Но в то же время адмирал чувствовал бешеную энергию, наполнявшую его, ощущение себя почти что богом. И очень хотелось кого-нибудь убить – пусть даже кого-то из этих медлительных бестолочей рядом! Любого – кто посмеет встать на его пути!

«Фридрих» еще держался. Конструктивная защита у линкоров типа «Ришелье» была едва ли не лучше, чем у более поздних «Айов» янки. И германский флот всегда славился образцовой борьбой за живучесть – в нижних отсеках матросы аварийного дивизиона по горло в воде ставили упоры, подкрепляя переборки, заливали цементом разошедшиеся швы, тянули шланги, откачивая воду – пожары были уже потушены, машины работали исправно. Пожалуй, был реальный шанс дотянуть до берега – ведь сумел же «Зейдлиц» в ту

войну после Ютланда, страшно избитый огнем британских сверхдредноутов, приняв семь тысяч тонн воды, дойти всё же до базы? Но это значило, что он, Тиле, уже никогда не сможет быть с демоном на равных. Ведь другого такого случая – войсковой конвой в прицеле – может и не быть!

Туда поспешил новый американский линкор. А «вашингтонец» остался всего в четырех милях, даже не стреляет, лишь стережет нас. Солнце уже на закате, скоро будут сумерки. Хватит ли еще на последний бросок к конвою – и когда он, Тиле, вберет в себя жизни еще десятков тысяч низших особей и станет с демоном на равных, что ему какие-то янки?

Так ведь и демон легко не сдастся, не уступит! Пытаться взять его под контроль во время боя – это, пожалуй, перебор! И всё же не хватит там «жертвенных барашков» до заветной сотни тысяч! И доклад механика – после всех повреждений, едва можем держать двенадцать узлов, и то под вопросом. И доклад старшего артиллериста – снарядов главного калибра осталось едва по десятку на ствол. Когда «Нью-Джерси» вернется, мы уже не сможем с ним драться, несколько залпов, и всё!

– Мы возвращаемся, – сказал Тиле. – Идем домой. Курс 120, к Гибралтару.

Был соблазн дать несколько залпов по обнаглевшему «Теннеси». Но нельзя – чтобы не остаться совсем безоружными, если догонит более опасный противник. На северо-западе продолжался бой, «Шарнгорст» стрелял по транспор-

там или янки по «Шарнгорсту»? А «Фридрих», неуклюже развернувшись, отползал прочь, скрываясь из виду на темной стороне горизонта.

Доклад: в воде плотики и люди в спасжилетах. Судя по месту, с потопленных эсминцев – «Гнейзенау» погиб гораздо дальше к югу. Демон решил кинуть подачку – их там едва сотня, но всё же лучше, чем ничего. Янки тщетно пытались отгрести в сторону, чтобы не попасть под винты, трассы зенитных автоматов рвали в клочья плотики и тела, ну а в завершение кок вывалил за борт котел с помоями, хотя акулы и без того должны были появиться, почуяв кровь в воде, но разве помешает?

Странно, но Тиле испытал то же самое чувство через несколько часов, когда в море хоронили погибших. Неужели демон не различает кровавые жертвы, и ему всё равно, с какой они стороны?

Подводная лодка U-1505

Геройствовать надо в меру – ну зачем покойникам слава и награды? А поскольку наукой установлено, что рая и ада нет, то корветтен-капитану Шнее было глубоко наплевать, что скажут о нем после смерти – умереть трусом или героем, по большому счету, разницы никакой. Однако суеверие не есть вера – и Шнее искренне беспокоился, что потопив столь жирную цель, он исчерпал лимит удачи, отпущенный на этот поход, и маятник готов качнуться обратно. Так что

не рисковать, и выбирать лишь верные цели! И если бы не кригс-комиссар, можно было бы и найти причину вернуться домой!

Но когда акустик доложил: цель одиночная, сильно шумящая, быстроходная, пеленг 190, – Шнее решил, что судьба посылает ему еще один сладкий кусок. Судя по изменению пеленга и шуму – линкор или крейсер, идущий полным ходом. И без охранения – шума винтов эсминцев рядом нет.

Хотя это мог быть и кто-то из своих. Как раз на этот случай особым приказом субмаринам запрещалось заходить южнее широты сорок. Но навигация – это наука неточная: в процессе накапливается расхождение между истинным положением корабля и счисленным, и устраняют ее периодически обсервацией по звездам, по радиомаякам, по визуальным ориентирам. Что для подводников проблематично. Так что это более чем вероятно мог быть «Шарнгорст» или «Цепелин» (о гибели единственного немецкого авианосца Шнее еще не знал), выходящий из боя.

А кригс-комиссар уже тут, рядом. И стопроцентно заявит о трусости и нерешительности, если уклонюсь от атаки. А потопить своего – это по завершении похода гестапо и расстрел однозначно. И как свою шкуру спасти?

Пока – сближаемся с целью. И если не удастся – я не виноват! Честно сделал всё, что мог, но не вышло – и это даже комиссару должно быть понятно. Судя по пеленгу, курс цели – восток, почти перпендикулярно нашему, там же побе-

режье милях в шестидесяти – вроде янки там делать нечего, а вот «Шарнгорст» вполне мог быть послан обстрелять что-то, или просто уйти на юг, прижимаясь к берегу. Дистанция пока велика, по оценке уровня сигнала. И тут цель повернула на север, на нас – пеленг почти не меняется, зато шум быстро возрастает!

U-1505 шла навстречу. Если удастся на контркурсах сойтись вблизи, в перископ можно опознать, кто это. Хотя наверху уже солнце село – но всё же различить можно. В перископ пока ничего не было видно. Затем акустик доложил: пеленг смещается вправо, цель поворачивает к западу. Что для своего было бы странно, хотя мало ли какой мог быть расклад в бою, какая там тактическая обстановка, кто победил и с каким счетом?

А, к дьяволу! Моторы – на полный. Но не дольше чем на четверть часа, чтобы батарею не разрядить. Может быть, нам этих четырех миль для визуального контакта как раз и не хватает! Акустик докладывает: цель близко! Всплыть под перископ, сбавить ход. Вот он, черный силуэт на расстоянии мили, пожалуй даже меньше. Шесть торпед в носовых готы, ждут приказа, и ракурс удачный – вот только кто это? Высокий борт, маленькая надстройка посреди, орудийных башен не видно – авианосец? Что делать авианосцу янки без эскорта – а вот на «Цеппелин» это было бы похоже. И он скоро выйдет из положения для стрельбы, у нас заряжены электрические «угри», ими вслед быстроходной цели стрелять бес-

полезно. Хотя у «Цеппелина» надстройка-остров большего размера и сдвинута к носу, а у этого точно посреди корпуса? К дьяволу всё – залп!

Промазать было сложно – авианосец шел хоть и быстро, но постоянным курсом, упреждение можно было рассчитать даже вручную, не то что автоматом стрельбы. Четыре взрыва, четыре попадания из шести! Авианосец еще двигался, но резко сбавил ход и кренился на правый борт. Антенну поднять – если это всё же наши, то должны радировать в штаб на заданной волне! Нет, в эфире чисто. Множественные шумы винтов на юге, пока еще далеко – эсминцы! Успеем еще уйти – а пока рассмотрим поближе, кого поймали!

Авианосец горел и кренился. U-1505 подошла к нему на пять кабельтовых, и Шнее тщательно рассмотрел жертву в перископ – от сердца отлегло, точно не «Цеппелин»! Это что ж выходит, я – единственный подводник, потопивший уже два американских авианосца – у Нарвика и еще вот этот? (про «Йорктаун» Шнее еще не знал). Дубовые листья с Мечами к моему Рыцарскому кресту! А пока надо удирать – сейчас янки здесь всё море перепашут локаторами и глубинками. А командир их эскорта точно пойдет под трибунал.

Адмирал Спрюэнс.

Линкор «Нью-Джерси»

Слава Господу, немцев с французами удалось отогнать! Потеряно всего девять транспортов, но еще полтора десят-

ка имеют повреждения и пожары, причем на некоторых очень тяжелые, можем до Лиссабона не дотянуть. И среди них «Джон Горнсби», перевозивший войска – два попадания одиннадцатидюймовыми с «Шарнгорста», не затонул каким-то чудом, что там с людьми, страшно представить! Погиб «Монпелье», почти со всем экипажем. С эсминцев докладывают, он держался хорошо, когда гунны уже ушли и появилась надежда, что крейсер удастся спасти – ведь так будет по справедливости, если бы не он и «Санта Фе», немцы ворвались бы в конвой как волки в овчарню! – но десятков одиннадцатидюймовых попаданий – слишком много для легкого крейсера. «Монпелье» всё больше садился носом, а когда вода закрыла полубак, вдруг перевернулся, до того как был отдан приказ «оставить корабль», отчего такое число жертв. «Теннеси» избит сильнее, чем в Перл-Харборе, большие потери в экипаже – и очень может быть, корабль и восстанавливать не станут, дешевле обойдется списать в лом. И этот чертов «Балтимор», которым Олдендорф оправдывает свое бездействие – ползет со скоростью десять узлов, медленнее, чем транспорта, как гиря на ногах уже всей эскадры, а ведь в сражении у конвоя не сделал ни одного выстрела, и куда лучше было бы, прикажи Олдендорф его затопить, сняв команду, еще там, после боя с итальяшками, и идти к нам на выручку полным ходом!

Теперь еще и «Интрепид», удирая от французов, растерял свой эскорт и был атакован субмариной! И ему на по-

мощь пришлось послать последние боеспособные эсминцы. Что критично: «берсерк» отползает в свое логово, виден еще на радаре, к юго-востоку, и можно было бы его догнать, добить, и его самого привезти в Норфолк в кандалах – жалко, что не в железной клетке, как когда-то поклялся перед бо-ем сделать со своим врагом какой-то европейский адмирал⁷. Но если немцы развернули здесь завесу подлодок, то запросто можно и «Нью-Джерси» погубить! Олдендорф передает, что на «Саут-Дакоте» заканчивается боезапас – и что тогда будет, если вернуться французы и «Шарнгорст»? Положим, немцы тоже должны растратить снаряды, но «Страсбург» почти не стрелял, у него должны быть полные погреба!

И если я прав, то сейчас мы пойдем сквозь строй подлодок. И нам потребуются все силы, чтобы отбивать их атаки. И пройти надо быстро, уже началась темнота, а с рассветом конвой должен быть разгружен. Только что передали – «Интрепид» затонул. У меня осталось всего пять малых, эскортных авианосцев с ополовиненными авигруппами, причем «хелкеты» погибли все, на «Интрепиде», «Монтерее», «Сэнгамоне» – а «уайлдкеты» немецким истребителям не противники. С рассветом на нас навалится вся немецкая авиация, сколько ее осталось. А самолеты у них лучше японских – впрочем, тут и японцы есть, радисты слышали пере-

⁷ Спрюзнс ошибается. Это обещал султану турецкий адмирал Саид-Али привезти Ушакова в клетке в Стамбул – и был разбит Ушаковым при Калиакрии, едва спасшись с остатками флота. Что после сказал Саиду султан, история умалчивает.

говоры по-японски во время воздушного боя, и на немецкой частоте! Японские морские летчики на немецких самолетах – большей угрозы и представить трудно! Только что мы шли, уверенные в своей победе. Теперь, если мы допустим еще одну оплошность, нас перетопят всех.

Я отвечаю перед президентом и Америкой за те десятки тысяч американских парней, которые я должен в безопасности доставить в Лиссабон. Потому сожалею, но приказа преследовать Тиле не будет. Пусть пока живет, мерзавец, виселица ему будет гарантирована.

До Лиссабона осталось всего шестьдесят миль. Или целых шестьдесят – в зависимости, что у нас на пути.

И боюсь, что «Нью-Джерси» уже не повезет нашего президента на встречу с русскими. По возвращении – если вернемся! – то встанем на ремонт. Надеюсь, что немцам досталось побольше – и Тиле еще с месяц не будет нас беспокоить.

Север Португалии. 1 декабря 1943 года

Эрих Хартман снова радовался жизни. Быть национальным героем – дело не только приятное, но и весьма полезное. Ведь подвиги, совершаемые героем, выгодны и для его начальства, а вот его гибель – совсем наоборот!

На востоке был ад. На востоке и севере Испании – американские бомбардировщики, вдрызг разнеся аэродромы, переключилились на железнодорожные станции, мосты, автодороги, 301-я истребительная эскадра несла тяжелейшие поте-

ри, почти как на русском фронте. Неуютно было и над плацдармом, американцы закопались в землю и вели бешеный зенитный огонь – после прибытия того проклятого конвоя, снарядов им хватало. И в воздухе всё еще появлялись их истребители, не только прилетевшие из Англии, но и базирующиеся где-то здесь. Несколько мест, откуда они вроде бы взлетали, перепахали бомбами – без результата. И где-то среди них был и тот проклятый русский ас – хотя Хартман очень надеялся, что его уже сбили.

После той безобразной сцены на борту «Фридриха», что устроил ему «берсерк», Эрех испытал еще больший ужас, когда узнал, что их группу – то, что от нее осталось – перебрасывают на север, где и был замечен русский. Южный плацдарм был уже практически уничтожен, но на севере у Порту американцы упорно сопротивлялись – говорят, у них там командует генерал, прошедший еще ту войну, успел организовать там едва ли не линию Мажино в полевом исполнении, прорвать оборону быстро никак не выходит, к тому же впервые за всю операцию уже немцы стали испытывать трудности со снабжением, американский воздушный террор по дорогам принес свои плоды, к тому же часть дивизий спешно выводилась на Остфронт, где русские вторглись в Восточную Пруссию и угрожали Кенигсбергу. В итоге, хотя до Порту на некоторых участках фронта осталось пятнадцать километров, преодолеть их немцы не могли – ну а на союзных испанцев надежды было мало.

Бывшая авиагруппа «Цепелина», сократившаяся до двух эскадрилий, занимала полевой аэродром совсем недалеко от океанского побережья. В штабе здраво рассудили, что палубным пилотам привычнее летать над морем – и оттого главным занятием была охота за транспортными самолетами, «Дугласами» и летающими лодками. Это было Хартману по душе – тем более что в первые дни янки иногда появлялись в воздухе днем, и что может сделать транспортник, даже вооруженный пулеметной башней, против четверки «мессов», внезапно свалившихся из-под облаков? Имея сверхострое зрение, Хартман замечал цель издали даже в сумерках, а один раз и ночью, при свете луны. Пять сбитых Си-47 и «каталин» всего за одну неделю, а сколько будет еще?

Проблему с русским асом Эрих отчасти решил, переговорив с кригс-комиссаром. Точное содержание разговора так и осталось в тайне, но после комиссар объявил всем летчикам группы, что их боевой товарищ Эрих Хартман – это национальное достояние Германии, и если с ним что-то случится, это будет не просто пятном на репутации группы, но и предметом расследования гестапо. Так что Хартман, вылетая в составе четверки или восьмерки, надеялся, что от русского аса его будут прикрывать, не жалея себя – русский может промахнуться, а гестапо нет.

В тот день было всё как обычно. Они взлетели еще в темноте, чтобы с рассветом быть над морем, имея шанс поймать припозднившийся транспортник. Как бывало не раз, Харт-

ман первым заметил цель: «Дакота», Си-47, курсом на Порту. Всё было так просто, что стало уже надоедать: доворот, выход в атаку, сейчас этот янки полетит в воду горячей кометой. Здесь, на высоте, уже было светло, и потому Хартман сразу заметил какое-то движение справа и выше. На него летел остроносый истребитель в характерном русском камуфляже.

«Один на четверых, и атакует – подумал Хартман – если это не самоубийца, то ас, тот самый! Откуда они узнали, что я здесь – у них тоже есть разведка, наверное, и этот транспортник был приманкой? И он как бешеный, будет прорываться ко мне, любой ценой, не думая о своей жизни – иначе его расстреляет НКВД за невыполнение приказа, так рассказывали нам на Остфронте. Может, он и погибнет после – но меня убьет! А я не хочу, не надо, жизнь прекрасна, зачем мне эта лотерея!»

Эрих Хартман всё же был отличным пилотом с быстрой реакцией. Крикнув: «Уходим!» – он свалил мессершмит в пике и включил форсаж. Ему хотелось сейчас лишь оказаться как можно дальше от своего убийцы.

Выровнявшись над водой, он мчался так несколько минут, выжимая из мотора всё. Боялся оглянуться и увидеть, что русский гонится за ними. «Только не меня, ведь позади еще трое, более удобные цели, сбей хоть кого-то из них!» Он мчался, пока не услышал по радио голос Шмидта, ведущего второй пары:

– Мы уходим в океан, что мы там забыли?

Эрих наконец решился посмотреть назад. Русского, к счастью, нигде не было видно, зато все трое его звена были налицо. Что они подумают о причинах бегства, Хартмана беспокоило мало – зато сам он остался жив. И в следующий раз будет намного более осторожен – даже увидев одиночный транспортник, сначала тщательно осмотреть небо, не прячутся ли где-то «охотники за охотниками». Неужели он забыл Орел, июнь месяц, когда его подловили именно так?

Самое паршивое, что до аэродрома они не долетели. На форсаже бензин расходуется быстрее в разы, назад хватило лишь дотянуть до берега, а там садиться на первую попавшуюся площадку. Хартман отделался ушибами, но фельдфебель Экерт, ведомый второй пары, погиб. И самолеты были сильно побиты.

Но это, на взгляд Хартмана (доложившего, что вел бой с целой эскадрилей американских палубных истребителей), было самой малой из неприятностей. Ведь не признают же виновным его, национального героя?

То же место и день

Немцев было четверо. Целых четверо или всего четверо – против него одного. Хотя можно не лезть в бой – похоже, немцы еще его не заметили. И облака рядом.

– Su-ka-blyad'... – сквозь зубы сказал Джимми. Несколько дней назад он не мог бы и помышлять принять бой с четырь-

мя. Но всё, что было прежде, сейчас казалось ему бесконечно далеким, будто прошли не дни, а годы.

Для начала, ему очень повезло с техником. Впрочем, техников на этом аэродроме было явно больше, чем самолетов. Стив Белью был мастером своего дела, а еще – веселым и общительным парнем, и главное, он, казалось, совершенно не замечал, что Джимми чернокожий. Что было немыслимо для истинного белого американца.

– А я не американец, – ответил Стив. – Мы за океан в девятьсот двенадцатом приехали, я совсем мальцом был. За лучшей долей. Билеты на пароход третьим классом купили уже, и так вышло, что пришлось следующим ехать, чтобы всей семьей. А тот, первый пароход, на который мы не попали, назывался «Титаник». И мамка, узнав, назад хотела, мол, бог нам знак дает – а батя ей: «Геть, дура! Чем малых, – меня то есть и двух братиков еще, – кормить будем?»

В тот, самый первый день, они сделали три вылета. Армейские на плацдарме с утра обрывали телефоны, требуя прикрытие с воздуха. Их эскадрилье дали квадрат в сорок миль, и велели сбивать всех встречных гуннов. Джимми получил позывной «Иван» – очевидно, из-за красных звезд на своем самолете. В первый вылет наткнулись среди облаков на четверку ФВ-190, те уклонились от боя, и парни приободрились – выходит, кто-то боится и их тоже! Затем заметили десятку «фоккеров», неспешно разворачивающихся над линией фронта, атаковали удачно – один стал падать, другой

задымил, остальные тут же сбросили бомбы, и удирать пришлось «киттихокам». Затем сбили Джека, вот только что они летели восьмеркой среди чистого неба – и вдруг пара «мессеров» свалилась на них сверху, обстреляла и ушла на предельной скорости, гнаться было бесполезно – но истребитель с девяткой на киле беспорядочно кувыркался вниз, без дыма и пламени, и Джек даже не пытался выпрыгнуть, наверное был убит сразу.

Во второй вылет они, снизившись, увидели большую змею немецкой колонны, ползущей через перевал. Джимми доложил, с земли приказали атаковать. Они прошли на бреющем и прочесали дорогу из пулеметов. Гуннам хорошо досталось – идя на второй заход, Джимми видел несколько пылающих машин. Он высадил весь боезапас, и тут появились «мессы» – удачно, что после гибели Джека все очень внимательно смотрели по сторонам, и кто-то вовремя заметил рой приближающихся точек, на вид совсем не страшных. И Джимми заорал: «Уходим!» – было не до геройства, патронные ящики у всех были если не пусты, то близки к этому, а немцы явно горели желанием поквитаться – но облака были рядом, нырнуть в них было делом нескольких секунд.

В третий раз им подвесили по три пятисотфунтовых бомбы, целью была немецкая кампфгруппа, наступающая от Авейру. Танки! «Если они прорвутся, то через пару часов будут здесь, – сказал майор, отчего-то бледный. – И тогда, парни, вам некуда будет садиться». Самолеты еле ползли.

Джимми снова ошибся в расчетах и долго кружил в облаках, пытаясь сориентироваться, а замыкающее звено, Гек с Дилом, так вообще где-то потерялись. Потом Дил вышел на связь, он заметил танки, назвал ориентиры. И почти сразу же раздался крик Гека: «Я подбит! Гунны!» Джимми с парнями рванули туда.

Сначала они увидели ленивые пыльные хвосты на земле – это шли танки. Шли в сторону моря. Наверняка это была та самая кампфгруппа. Бомбы бросали с пологого пике, попала ли в цель хоть одна, в дыму и пыли не было видно. Дил больше не отвечал, наверное тоже был сбит. Не успели они набрать и пять тысяч футов, появились гунны. Две четверки «мессеров» с разных сторон. Джимми скомандовал уходить в облака – он трезво оценивал свои возможности. Слава богу, облака к вечеру стали гуще.

Возвращались поодиночке, на разной высоте, в сумерках. Джимми отпугнул пару охотников, пытавшихся атаковать Энжа, который пришел первым. А потом приполз и Дил, у него отказало радио – разбило осколками. Их бы послали и еще, но стемнело. А Джимми так устал, что уснул прямо в кресле у капонира. В то время как Стив и другие техники спешно латали их самолеты – мелкие повреждения, пробойны от осколков и пуль, были почти у всех.

Утром их подняли затемно, немцы вели артподготовку, значит, вот-вот должны были появиться их штурмовики. Они пробарражировали почти два часа, гунны так и не по-

явились. Потом их самих отправили на штурмовку. С земли стреляли много, и Джимми подумал, вот Стиву снова будет работа – но не сбили никого. А затем появились «мессера», на этот раз не свалились сверху, а выскочили из-за горы – пара, затем еще одна. Дил загорелся, прыгнул. Но и один «сто девятый» тоже попал Джимми в прицел и устремился к земле с хвостом черного дыма, оставшаяся тройка рванулась вверх, в сторону солнца, и быстро пропала из виду. А когда Джимми уже решил, что немцы сбежали, они появились сразу с двух сторон, восемь с одной, восемь с другой. И снова им повезло удрать – немцы были опытными бойцами, если бы догнали, посбивали бы всех. И зенитный огонь в этот раз был точнее – Бак не дотянул до аэродрома, сел на вынужденную, слава богу на своей территории.

И так день за днем. Господи, кто из великих сказал, что трудно в учении, легко в бою – никакой учебный бой не может сравниться с настоящим! Но Джимми недаром был лучшим, уже после второго дня он заметил, что устал меньше, хотя нагрузка была такая же. А еще он вдруг заметил, что *видит* весь бой – замечает и понимает маневры, свои и противника! Раньше он умел управлять своим самолетом – теперь же у него стало получаться управлять эскадрильей!

Четвертый самолет Джимми сбил легко, это был бомбардировщик, «Хейнкель-111», с испанскими опознавательными знаками. А вот с пятым пришлось повозиться, и это было страшно – вспоминая тот бой, Джимми уверен, его убили бы

тогда, если б не Стив.

С механиком он разговорился вечером второго дня – и сам он устал меньше, как уже было сказано, и самолет был почти целый, повезло. Кажется, он спросил тогда Стива, откуда он, поляк или чех, судя по акценту? А Стив усмехнулся. «Полтавские мы, но дом совсем не помню, ну совсем малый был, только отец рассказывал. Язык немного знаю – оттого меня даже в Россию посылали, зимой в Мурманске был, самолеты сопровождал, передавал и обучал их техников. Такие же «киттихоки», только русские воевали на них совсем по-другому. У нас вот предписано мотор держать на таких оборотах, и боже упаси превысить – до войны за нарушение инструкции можно было и под штраф попасть, и даже в тюрьму, за ущерб армейской собственности. А русским что, самолеты не их, истраченное – изношенное дядя Сэм возместит – и они регулятор подкручивали, так что обороты всё время были повышенные, нет, не форсаж, ты что, тут и впрямь, пять минут, и клинит – но заметно сверх номинала. И еще облегчали самолет: или пару пулеметов снимали, ну у тебя и так уже версия «Эль», четыре ствола вместо шести, или направляли бак не до конца. В итоге выходило, что «киттихок» с любым «мессером» не только на равных, но даже превосходит его. Но моторесурс от этого сгорал по-страшному, бывало, один хороший воздушный бой – и движок в переборку, ну а пара боев – меняй мотор совсем!

– А сделай мне так! – попросил Джимми. – Если меня со-

бьют завтра, так мотор с самолетом вместе сторит, что толку с моторесурса?

– Бутылка виски, – ответил Стив, – и сделаю.

Еще Стив зачем-то учил его русским словам. Слова были звучные, непонятные, говорить их надо было свирепо, резко – наверное, крутые ребята эти русские! Еще Стив даже пытался петь русские песни, которые он слышал в Мурманске – но получалось плохо, «тут гитара нужна, а не банджо, музыкальный инструмент принадлежал одному из тех, кто тут до вас были, теперь ничей, когда имущество делили, никто не позарился». А слова песен, в вольном переводе с русского, Джимми понравились: «Двое против восьми и десять вылетов в сутки, я истребитель...» и что-то еще.

– Русские говорят: «Ты должен сделать», – рассказывал Стив. – Тебе ставят задачу, исходя из высших соображений, и ты обязан ее выполнить. Сумел при этом еще и остаться живым – хорошо. Погиб – что делать. Погиб и задачу не выполнил – ну, хоть попытался, как мог. Даже награды не жди – ты ведь делал, что должен! Жестоко выходит – не знаю, сумел бы я так.

Только немцам от такого еще страшнее. Двое против восьми – а пятеро против восьмидесяти не хочешь? А ведь было такое, русские конвой прикрывали и знали, что выходить из боя нельзя!⁸

⁸ Случай реальный! Изменено лишь место действия – Ладога, над Дорогой жизни, 6 мая 1942 года. Пятерка И-16 против 81 немецкого самолета! Командиром

В том бою, на следующий день, их было двое, а немцев шестеро. Джимми крутился, как угорь на сковородке, закладывая такие виражи, что в глазах темнело – его бы точно сбили, если бы Стив не отрегулировал мотор «по-русски», а так он каким-то чудом успевал увернуться за миг до того, как трасса прошивала то место, где он только что был. То и дело в прицеле мелькали хвосты с крестами, но Джимми не всегда успевал дать очередь. Зато он орал, как учил Стив, и плевать, кто его сейчас слышит:

– Urrody! Umrri, padla! Jo-ba-na-vrot! – рычал, произнося звук R не так, как французы, а как грызущиеся собаки.

Один раз он попал хорошо – немец вспыхнул и начал разваливаться прямо в воздухе. И еще двух зацепил – судя по тому, что они поспешили выйти из боя. И тут оставшиеся немцы, хотя их было всё еще трое против двоих, не выдержали и тоже отвалили. Гнаться за ними было бессмысленно – стрелка бензиномера неумолимо ползла к нолю, только-только хватало добраться до дома. Чак был сильно побит, сидел на брюхо – хорошо, что остался жив и не покалечен. А Джимми почувствовал гордость – выходит, в бою он стоит троих немцев?

Хотя, наверное, это были у немцев не самые лучшие бойцы. Когда майор сказал, что по данным разведки, на на-

нашей пятерки был Василий Голубев, «истребитель истребителей», будущий Герой Советского Союза и командир легендарного 4-го Гвардейского ИАП Балтфлота. Всего за войну сбил 51 немецкий самолет (39 лично и 12 в группе), причем среди личных побед – два ФВ-190, сбитых им на И-16!

шем участке фронта воюет немецкий суперас, Джимми стало страшно: если русские так умеют сражаться, как рассказывал Стив, то каким же должен быть ас, сбивший три сотни русских? «Мне против него – всё равно что на ринге драться с самим Джеком Демпси⁹, убьет в первом раунде одной левой и даже не вспотев». Одна надежда, что скорость «подкрученного» Р-40, как успел убедиться Джимми, не уступала таковой у «мессеров» и «фокке-вульфов». Ну, а уклониться от боя с *таким* врагом – это совсем не трусость, а разумная осторожность.

И вот майор вызвал Джимми и сказал: надо встретить транспортный самолет с ценным грузом. По времени, он не успеет сесть до рассвета – и спроси что полегче, отчего там задержались с вылетом. После того конвоя ни одно судно не вошло в порт – слишком велики потери, да и запасов, тогда доставленных, пока хватает. А самолеты прилетают каждую ночь – и слава богу, у гуннов здесь пока не замечены истребители-ночники. Но иногда случается, что кто-то попадает и на светлое время. «Надо, парни – если этот транспорт дойдет, награды всем обещаю».

В эскадрилье оставалось два исправных самолета и четыре пилота. И девятнадцать сбитых немцев на общем счету – лишь те, факт падения которых установлен достоверно. Джимми решил лететь один – в конце концов, задача казалась простой. От точки встречи до аэродрома, где са-

⁹ Знаменитый американский боксер-тяжеловес.

дятся транспорты, лететь не дольше десяти минут. А немцы не очень любят летать над морем – тем более *что* делать там их свержасу? Ведь если он охотник, то пойдет туда, где легче встретить жирную дичь, как, например, группы В-17, регулярно летающие бомбить испанскую территорию. Ну, а Джимми со своим подопечным тихо и незаметно проскользнет в стороне – никаких подвигов, лучше вообще не ввязываться в бой.

Но незаметно – не получилось. Четверо немцев будто ждали в условленном месте. И уже заметили «дуглас», собираясь атаковать.

Еще неделю назад Джимми бы и не вмешался – «а что я могу сделать?» Он не знал, что за груз на борту этого Си-47, и чем он так ценен. Теперь же он чувствовал больше злость, чем страх. Пожалуй, есть шанс и защитить свою собственность, и уцелеть самому. Бить на скорости сверху и делать «качели», как учили еще в школе – вроде бы этот прием против немцев себя не оправдал, так ведь и самолет у него сейчас более быстрый и легкий! А значит, есть шанс сыграть с этими «мессами», как с японцами. По крайней мере стоит попытаться, чтобы было по-русски. Сделай всё, что должен и в силах твоих – и пусть бог и удача рассудят, достаточно ли этого, чтобы выжить.

Джимми повернул самолет и толкнул штурвал от себя. Отвернуть было уже нельзя. Удастся ли зацепить одного, а то и двоих – и уж атаку немцам он точно сорвет. А пока эти будут

с ним разбираться, транспортник успеет уйти, берег уже рядом, своя земля. О том, что будет, если один из немцев окажется сверхасом, Джимми предпочитал не думать. Кажется, он кричал что-то по-русски, как учил Стив – проклятия или молитвы, какая разница?

Заметили! Но вместо того чтобы разомкнуться, уходя из прицела, а затем взять его в клещи, немцы вдруг метнулись прочь, все четверо. Это было настолько невероятно, что Джимми даже оглянулся, ожидая увидеть за собой целую эскадрилью «лайтнингов». Но небо было пустым, если не считать одинокого транспортника, удирающего к берегу на максимальной скорости. Опасаясь подвоха, Джимми не стал гнаться за немцами, а занял позицию выше и позади «дугласа», бешено крутя головой, чтобы не пропустить охотников, готовых ударить и исчезнуть. Больше всего он боялся, что немцы сейчас, наверное, орут по радио о своей неудаче, и если груз такой важный, бросят в бой «тяжелую артиллерию», появится кто-то вроде того сверхаса, и тогда придется умирать, потому что удрать будет ну очень неправильно. Но за оставшиеся минуты ничего не произошло.

И когда самолет уже катился по полосе, Джимми почувствовал покой и умиротворение, как в церкви. И удовольствие от хорошо сделанной работы.

А ведь у него уже пять сбитых на счету! Значит, он может считать себя асом, пусть пока без приставки «супер»?

Встреча в Рейкъявике.

Из кн. Эллиот Рузвельт.

Его глазами (альт-ист.)

Отправляясь во время войны за границу на какую-нибудь конференцию, отец желал иметь при себе человека, которого он хорошо знал и которому доверял, – по возможности кого-нибудь из членов нашей семьи. Я не хочу дать этим повод думать, что отец недостаточно знал своих официальных советников или не доверял им; но только в обществе своих сыновей он чувствовал себя действительно свободно. С ними он мог разговаривать, как бы размышляя вслух. Мне чаще, чем братьям, удавалось быть его адъютантом.

Как адъютант отца я в большинстве случаев присутствовал на совещаниях военного, политического и дипломатического характера, в которых он участвовал. Я сочетал при этом обязанности секретаря, курьера и протоколиста. В этом полуофициальном качестве я имел возможность слышать, как договаривались между собою, официально и неофициально, представители всех воюющих союзных держав. Я видел Черчилля, Сталина, Молотова, генералиссимуса Чан Кай-ши и его жену, членов Объединенного совета начальников штабов, генералов и адмиралов, командовавших всеми театрами военных действий и представлявших все роды оружия, Смэтса, де Голля, Жиро, Гопкинса, Роберта Мэрфи, королей Египта, Греции, Югославии и Англии, эмиров и шахов, султанов и принцев, премьер-министров, послов,

министров, халифов, великих визирей. Я встречал их у входа, провожал к отцу, присутствовал при беседах с ними, а потом отец делился со мной своими впечатлениями.

А когда кончались долгие дни совещаний, когда уходил последний посетитель, мы с отцом почти каждый вечер проводили перед сном несколько часов наедине, обсуждая события прошедшего дня, сравнивая свои впечатления, сопоставляя наблюдения. Отец относился ко мне с таким доверием, что рассказал мне о результатах своих переговоров со Сталиным даже до того, как сообщил об этом своим начальникам штабов и министрам. Между нами сложились хорошие, близкие, товарищеские отношения, и он, мне кажется, не только любил меня как сына, но и уважал как друга.

Таким образом, я присутствовал на этих конференциях, с одной стороны, как официальный адъютант президента, а с другой – как ближайший друг человека, который играл ведущую роль в обеспечении единства Объединенных наций. Именно как друг я был поверенным самых затаенных его мыслей. Он делился со мной заветными мечтами о всеобщем мире, который должен был наступить вслед за нашей победой в войне. Я знал, какие условия он считал решающими для обеспечения всеобщего мира. Я знал о беседах, которые помогли ему сформулировать эти условия. Я знал, какие заключались соглашения, какие давались обещания.

Теперь, по прошествии многих лет, я берусь за перо, чтобы рассказать, чем руководствовался отец, принимая то или

иное политическое решение. Какие были его планы, нацеленные на величие Америки, рассчитанные на много лет вперед – и не вина отца, что он не дожил до их практической реализации, вызывавшей нередко совсем другой результат. Но помыслы его были чисты, и я хочу рассказать вам о них.

В Рейкъявике в ноябре 1943 года отец и Черчилль встретились второй раз. Первая их личная встреча, как я уже написал, состоялась в августе 1941, недалеко отсюда, возле Ньюфаундленда, на борту корабля ВМС США, о ней я подробно рассказал в главе про Атлантическую хартию. Но я вынужден здесь упомянуть про те события еще раз, так как речи Черчилля в Рейкъявике были настолько пронизаны идеей соблюдения духа и буквы Хартии, что при беглом прочтении создается впечатление, эта встреча была продолжением предыдущей, тем более что отец на ней был немногословен, а говорил в основном британский премьер.

– ...согласно Второму и Третьему пунктам Хартии, любые изменения границ и политического строя европейских государств после первого сентября 1939 года могут быть признаны законными лишь с одобрения авторитетной международной конференции, созванной после окончания этой войны. А не по воле кого-то, пожелавшего захватить территорию или установить марионеточное правительство явочным порядком. Единственно законный путь – это плебисцит народов тех стран, при условии свободного волеизлияния и пропаганды – для наблюдения за этим должны быть допущены

наши представители, а в особо оговоренных случаях и наши войска! И перед Сталиным следует поставить вопрос о включении в этот список Прибалтийских государств, Бессарабии и Галиции – Первый пункт Хартии позволяет мне надеяться в этом вопросе на помощь Соединенных Штатов!

– ...чтобы предложенные русским взаимные обязательства не вступать в сепаратные переговоры и требовать исключительно безоговорочной капитуляции Германии, не ограничивали нам пространство для политического маневра, следует принять для нас, что это условие теряет силу, если речь идет не о Гитлере, а о новом демократическом правительстве Германии – чисто юридически сторона-то сменилась? Конечно, русских об этой казуистике предупреждать не следует. Сказанное относится и к случаю, если еще до свержения Гитлера эмиссары этого будущего демократического правительства выйдут с нами на связь.

– ...мы должны успеть встать перед русскими стеной на Рейне, Эльбе или даже Одере! И сказать им: «All right, вы хорошо поработали, русские парни, а теперь идите по домам! Будете хорошо себя вести, может быть мы и позволим вам немного округлить свои границы».

– ...ну какие моральные обязательства могут быть у нас перед тем, кого мы собираемся стричь и использовать? Русские же сейчас играют для нас роль наших сипаев, аскари, пушечного мяса. Веря, что сражаются за себя и свой интерес – но так уж вышло, что в данный конкретный момент он

совпал с нашим, ну зачем нам еще один конкурент – я про Германию говорю. И сейчас нам важно, чтобы русские шли в этом до конца – а не пытались заключить мир с Германией.

– ...согласно Седьмому и Восьмому пунктам Хартии, мы можем вместе требовать от СССР полного роспуска своего флота и армии после окончания этой войны.

И так далее о том же. Он был истинный оратор – но я подумал, что еще и неплохой писатель, журналист: его язык, образы, сравнения были достаточно хороши.

– Истинный тори старой школы, – проворчал отец, когда мы остались одни. – К его несчастью, он немного опоздал родиться. Такая политика привела Британию к величию в восемнадцатом и девятнадцатом веках, но совершенно не подходит для века двадцатого. Для него высшая истина – завоевать, покорить, присоединить, чтобы над владениями Британской империи по-прежнему никогда не заходило солнце. Но мир меняется, и мне страшно представить, что будет, когда он начнет проводить свою политику не в колониях, а в Европе.

Я уже слышал про задуманный Черчиллем план «Евробритания», он казался мне подобием недавней Версальской системы. Огромная контрибуция, изъятие колоний, военные ограничения, даже оккупация вражеской территории длительное время после войны – то, чему была подвергнута Германия в 1919-м, теперь, по замыслу британского премьера, предназначалось для всех европейских стран, поддержав-

ших Гитлера в этой войне. Чисто по-человечески этот план вызывал у меня отвращение своим откровенно грабительским характером, если тогда унижение и разорение Германии всего через четырнадцать лет привело к торжеству фашизма, то что же будет теперь, когда еще большему ограблению и унижению подвергнется значительное число стран и народов Старого Света?

– С экономической точки зрения такая политика разорительна и для Британии, и для мирового хозяйства, – сказал отец. – Вот доклад о положении в Британской Гамбии. Средний заработок туземного рабочего – один шиллинг и девять пенсов, это меньше пятидесяти центов – не в час, а в день! А еще грязь, болезни, огромная смертность... И средняя продолжительность жизни у них – двадцать шесть лет! С этими людьми обращаются хуже, чем со скотом – даже рабочий скот живет дольше! И так повсюду в Африке и Азии – при природном богатстве, множестве плантаций, рудников, железных дорог, настоящей европейской цивилизации на вид, хорошо живется только белым колонистам и нескольким туземным князькам. А удел всех остальных – нищета, болезни, невежество. Ты знаешь, что индусы так и называют одно из времен года – сезон голода? Вот британская политика – самая жестокая эксплуатация Индии, Бирмы, Малайи – выкачивать из этих стран все их богатства и не давать им ничего взамен – ни просвещения, ни приличного жизненного уровня, ни нормального здравоохранения – лишь самый

минимум всего, чтобы туземцы не умирали с голода и могли работать! Так стоит ли удивляться, что результатом будет безудержное накопление горючего материала, способного вызвать пожар войны?

Я пожал плечами. Не так давно, и о том еще не забыла наша американская читающая публика, и наши, и европейские газеты злословили по поводу одного торгово-кредитного соглашения, заключенного нашей страной: «В Гватемале, на деньги гватемальцев и руками гватемальцев построили плантации и рудники, чтобы брать себе богатство Гватемалы, и железную дорогу, чтобы всё это вывозить – и так составили контракт, что гватемальцы еще и остались должны, до конца этого века». И просочившиеся в газеты слова отца про никарагуанского диктатора Сомосу: «Он сукин сын – но наш сукин сын», – и еще там было продолжение, не получившее огласки: «Потому что благодаря ему наши американские избиратели имеют на столе дешевые бананы. А я как американский политик несу ответственность прежде всего перед ними. Что же до этой средневековой жестокости, то это, конечно, ужасно – но для того господь и придумал границы, чтобы у нас не болела голова от творимого на той стороне».

– Ты не понял, – сказал отец, – это не филантропия, не благотворительность! А выгодное вложение капитала, которое требует благоприятных условий. Конечно, в самом начале строгости не избежать, и я как помощник морского министра ни разу не усомнился, посылая нашу морскую пехо-

ту, чтобы прекратить беспорядки и грабежи в какой-нибудь банановой стране. Но нельзя и дальше править жестокими мерами, выживая все соки – просто потому, что нищий раб не будет работать с усердием, не будет покупать наш товар, и требует затрат на вооруженную стражу, чтобы избежать бунта. Очень многие британские колонии или являются убыточными, требуя от метрополии больших затрат, чем приносимый ими доход в казну, или сохраняют прибыльность именно за счет жесточайшей эксплуатации местного населения, терпение которого имеет свойство кончаться. Отчего в Индии с таким восторгом встретили Чандру Босу и пошли за ним? И этот твердолобый тори не имеет иного плана, кроме как умирять мятеж химическим оружием, «даже если Индию придется после снова заселять». Боюсь, что результат будет обратный – вспомни историю Мадагаскара, Индокитая, да и недавних Риффов. А теперь представь, что будет, если он попробует подобную политику – силой выжимать все соки – проводить в Европе? Думаю, лет через пять его будут проклинать еще больше, чем Гитлера – а британским войскам придется бросать участников нового Соппротивления в концлагеря. А теперь вопрос: что в это время будет с американским капиталом? Если рынки сбыта будут пребывать в таком состоянии. С какой стати мы должны нести убытки ради британского интереса?

Я спросил отца, неужели нельзя объяснить это британскому премьеру? Который, при всех своих недостатках, очень

опытный политик и умный человек. Отец усмехнулся.

– Это всё равно, что Саймона Легри из «Хижины дяди Тома» убеждать в выгоде гуманного отношения к своей же рабочей силе. Я пытался доказать нашему дорогому Уинстону, что часто прибыльнее быть не рабовладельцем с кнутом, а добрым дядюшкой, раздающим печенье. Потому что всё потраченное вернется с прибытком. Он даже не понял, ответив: «А если они всё сожрут, а работать не захотят?»

Отец часто был откровенен со мной, как бы обкатывая свою будущую речь, или даже свое собственное понимание проблемы. И наш разговор как-то незаметно сместился на картину будущего мира, который настанет после этой войны.

– Это будет совершенно новый мир! – сказал отец. – В котором не будет войн, эта станет последней. Мир довольных потребителей, а не рабов. И для Америки это будет не благотворительность, а чертовски выгодное предприятие – представь, как если бы французы, индусы, русские покупали исключительно американские товары. А если эти товары произведены на заводах, находящихся в той же Франции, Индии, России, но принадлежащих нам – так это еще выгоднее, нет затрат на транспорт. Вот отчего мне миллион долларов, вложенный в экономику той же Франции, кажется гораздо более выгодным, чем такой же миллион, полученный в качестве контрибуции. Не ограбить чужую страну, а прибрать к рукам контрольный пакет ее хозяйства, торговли и промышленности – и стабильно стричь прибыль, как шерсть с овец.

Войны, милитаризм – фи! Можно будет тем же европейцам распустить свои армии за ненадобностью и оставить лишь полицейские силы. Зачем воевать – если все не больше чем поросята, довольно хрюкающие у нашего корыта? Всецело зависящие от нас – но не ненавидящие, а бесконечно благодарные нам, когда мы щедрой рукой отсыпаем им корм!

Я вспомнил слова британского премьера. Если есть поросята, то обязательно найдутся и серые волки, да и в любом стаде не одни агнцы, но и козлища будут непременно.

– Уинстон – великий военный вождь, – сказал отец, – но в мирное время он абсолютно непригоден. Однако он еще послужит нам на первом этапе. Да, мы добрый пастух для нашего стада – однако если появятся волки, пастух сразу станет суровым охотником с тяжелым ружьем. В будущем новом мире не будет войн, но будет выражение нашего недовольства несогласным. Ради будущего спокойствия и порядка, придется применять силу, особенно поначалу. Но без излишней жестокости – мы же не Гитлер с его «планом Ост», зачем нам трупы вместо потребителей? Не война, но ограниченная акция в виде десяти тысяч «летающих крепостей» на один вражеский город – а после ультиматум: вы считаете себя в состоянии войны с нами и получаете то же самое еще и еще, пока не вбомбим вас в каменный век – или сразу садитесь за стол переговоров? Цель оправдывает средства – если посчитать число жертв таких ограниченных акций (причем все они не с нашей стороны) и потери в полномасштабной

войне, подобной этой. И вот тут нам нужны англичане – даже новейшие В-29 не долетят с нашего побережья с возвратом до большинства европейских столиц – но с британских островов легко достанут и до Урала. А может быть... если умники сделают Бомбу, это сразу решило бы проблему!

Я знал о программе, которая позже стала известна всему миру под именем «проект Манхеттен». В ноябре 1943 он казался весьма далеким от завершения – неясно было, удастся ли сделать Бомбу вообще? А если удастся – то какова будет ее мощность? Стоимость? Масса и габариты? После неудачных экспериментов и огромных затрат без видимого результата, даже у некоторых участников программы исчезала вера в успех – но отец всегда относился с огромным уважением к науке и техническому прогрессу, видя в них инструмент решения многих насущных задач.

– Если бы удалось сделать Бомбу, как обещали, мощностью в тысячи тонн тротила! Тогда, имея несколько эскадрилий бомбардировщиков, можно поставить на колени любую страну, заставить принять наши условия, а если нет, то принудить капитулировать в первый же день, без ужасов мясорубки Вердена или Сталинграда! И это превосходство чрезвычайно легко удерживать: просто объявив, что любой, кто ведет работы по созданию этого бесчеловечного оружия – это враг человеческой цивилизации, готовящий новую мировую войну – а значит, Америка не потерпит, и в случае непринятия нашего ультиматума, немедленно нанесет удар!

Если мы получим Бомбу, то не будут нужны армии – достаточно иметь несколько эскадрилий в ключевых точках земного шара, чтобы при необходимости достать до любых координат! И полагаю, что тогда любой недовольный трижды подумает выступить против – с риском за это без всякого предупреждения получить Бомбу на один из своих городов! Я надеюсь, что умники сдержат обещание дать результат хотя бы к сорок шестому!

Мы не знали тогда, что уже выпустили из бутылки джинна. Если верить русским, которые позже всегда будут твердить, что их атомная программа была ответом на наш «Манхеттен». Я часто спрашиваю себя, что было бы, если бы отец узнал? Можно ли было избежать атомного противостояния, если убедить русских, что наше оружие не направлено против них? Знаю, что у отца были мысли относительно британцев, влившим в наш «Манхеттен» свою программу «Тьюб-Эллой» – создать что-то вроде Объединенных миротворческих сил, кто единственно и будет распоряжаться этим ужасным оружием – с сохранением производства Бомб единственно в Америке, но с включением нескольких британских высших офицеров в состав штаба этих сил. Может быть, и можно было как-то договориться, скооперироваться с русскими, развеять их непонятное и фанатичное убеждение, что мы делали Бомбу исключительно против них. Но теперь бессмысленно рассуждать, могло ли быть иначе!

– Я не думаю, что будет много недовольных, – сказал

отец, – мы же не собираемся никого грабить и убивать, для обывателя любой страны наш новый мир будет весьма комфортен. Ведь вкушать «хлеба и зрелищ», как в древнем Риме, куда легче и приятнее, чем куда-то стремиться? А герои всегда в меньшинстве перед толпой. Вот зачем нужна демократия – толпой управлять гораздо легче. После ужасов этой войны, вряд ли европейцы и русские захотят великих свершений – если мы предложим им помощь с условием, не затрагивающим интерес обывателя, а напротив, ему выгодным? Например, отменить воинскую повинность – да и вообще отказаться от армии, кроме сугубо полицейских сил, доверив нам поддержание мирового порядка? Передать нам свою промышленность, свои финансы, свою науку – если мы сохраним рабочие места? Доверить нам место за штурвалом, самим взяв роль пассажиров – ведь так гораздо спокойнее, чем быть ответственными за что-то? Надеюсь, нам удастся превратить всех этих французов, германцев, русских, индусов в единую массу, электорат – наш электорат. И без всякого насилия с нашей стороны и сопротивления с их – усмирять недовольное население – это не только дорого стоит, но и лишает нас рынка, «бунтовщики не покупают наш товар».

Я представил, и мне стало страшно. Мир сытых, довольных, ни к чему не стремящихся и ни о чем не беспокоящихся... поросят, а не людей!

– Ты не понял! – сказал отец. – В новом мире будут и ученые, и инженеры, и солдаты – и просто беспокойные, с огнем

в душе, кто хочет нового. Но это будут *наши* люди – американцы. Именно они составят экипаж корабля «планета Земля», они будут его штурманами, рулевыми, механиками, да и просто матросами – а пассажирам, согласишься, лучше не лезть к штурвалу! Впрочем, отчего бы не взять на службу в *наш* экипаж и достойных отдельных представителей иных наций? Если же кто-то не согласится – будет жаль. Ничего личного – но анархии на мостике быть не может!

Я спросил отца:

– Так мы собираемся указать Сталину на его место? Или переговоры будут пока еще дружественными?

– Дружественность того, кого используешь – это очень ценный ресурс, – ответил отец, – даже Черчилль, при всем его уме, этого не понимает. Что для друга сделаешь много больше, чем для врага. И чем дальше русские будут считать нас союзниками, тем выгоднее для нас. Хотя русских я бы охотно нанял для грязной полицейской работы – у них хорошо получается воевать на суше. Бомбардировки устрашат цивилизованного противника – но грозить ими толпе голых негров или индусов? Химическое оружие будет тут более эффективно – но боюсь, что и оно полностью проблемы не решит. И вот тут пригодятся храбрые русские парни, чтобы они вместо американских парней погибали за становление нового мирового порядка в джунглях какого-нибудь Индокитая. Да, так будет – когда мы научим и заставим их полюбить нас.

Лазарев Михаил Петрович.

Полярный. Первое декабря 1943 года

Погода мерзейшая. Воспринимаешь ее именно как такую – и это хорошо. Значит, переходим понемногу к мышлению мирного времени, когда ясное небо уже не воспринимается как угроза авианалета. После Нарвика, насколько мне известно, Северный флот боестолкновений с немцами не имел, и появления противника не предвидится, офицеры уже шутят, скоро на мирные нормы выслуги перейдем. Хотя в штабе прорабатывают планы будущих наступательных операций – дальше освободить Норвегию или Шпицберген занять.

Пока же занимаемся текущими делами и боевой учебой. Сформирована Нарвикская военно-морская база, туда перешел дивизион «эсок», бывшие тихоокеанцы, С-51, С-54, С-55 и С-56, которая здесь пока не стала Гвардейской, но Краснознаменной успела – за пять потопленных транспортов. А еще тральщики, катера, авиация. И бывшие немецкие батареи числятся в строю – помня их судьбу в иной истории, тут особо была оговорена сохранность техдокументации, а после помощь нашим артиллеристам, так что семь шестнадцатидюймовых стволов охраняют подходы к Нарвикскому порту. И говорят, что на островах там до сих пор болтаются «робинзоны» – одиночки и мелкие группы из состава немецких гарнизонов или американского десанта – но думаю, что это треп, не тропики ведь, в наших широтах на подножном

корму столько не выжить.

Конвои идут по расписанию. Поначалу очень опасались «двадцать первых» субмарин – но больше их в наших водах ни разу не замечали. То ли у немцев их мало, то ли боятся нас. Потому «Воронеж» и стоит в Полярном в готовности, но в море не выходит, заряд реактора и ресурс механизмов решили поберечь для наиболее важных дел. Честно говоря, скучаю по Северодвинску и моей Анечке, оставшейся там. И «большаковцев» тоже нет сейчас с нами, воюют вроде бы где-то на Висле. А мы стоим, ждем – после расскажу, чего. И вроде бы по завершении вернемся на зиму в Северодвинск – оказывать научную помощь и служить наглядным пособием для изучения. Поскольку те две лодки, что стоят на стапелях Севмаша, хотя и называются «613-й проект», но имеют с тем, что мы знаем под этим именем в иной истории, лишь самое общее сходство – скорее это импровизация на тему нашей информации, отдельных черт «типа XXI», и даже нашего «Воронежа» (касаемо судовых систем, электрооборудования – не копия, конечно, но влияние есть). И первейшее внимание уделено снижению шумности – если расчеты верны, то для этого времени «613-е» вполне заслужат прозвище «черных дыр в океане», не обнаруживаемых акустикой. И это лишь первые ласточки, предсерийные лодки, чтобы получить опыт, внести изменения. Каковы же будут полноценные доатомные субмарины нашего флота?

А что могут лодки, опережающие свое время, сделать с

кораблями этой войны, мы видим у Португалии, где «двадцать первые» немки потопили два американских авианосца. «Ютланд этой войны», – эта фраза какого-то их журнала недалеко от истины – и по кровавым потерям обеих сторон, и по хаотичной бесплановости сражения, и главное, по результату. Флота Еврорейха по сути больше нет, четыре линкора и авианосец погибли, и заменить их нечем. Американцы потеряли линкор, три авианосца, три эскортных авианосца, три легких крейсера, с десятков мелочи, и еще злополучный «Балтимор» по пути в Англию был торпедирован подлодкой, оставлен экипажем. А когда конвой пытался войти в порт – тут сведения очень обрывочные, союзники сообщают, цедя сквозь зубы – один из транспортов в темноте налетел на затопленный французский линкор и сам полузатонул, окончательно блокировав фарватер. И пока янки осторожно и медленно пропихивали транспорта, как через игольное ушко, пока ставили к причалам – а разгрузочное хозяйство было в значительной части выведено из строя немецким десантом, к тому времени уже уничтоженным – наступил рассвет, и появилась немецкая авиация, и немцы успели вытащить артиллерию на берег, а их танки уже врывались в Лиссабон с севера. И наверное, Спрюэнс был абсолютно прав, приказав остаткам конвоя идти в Порту – ну а тот десяток транспортов, что всё же встал к лиссабонским причалам, в конечном счете лишь пополнил список немецких трофеев и пленных. Южно-португальский плацдарм потерян, генерал

Фридендол капитулировал с остатками 5-го американского корпуса – тактически сражение окончилось победой немцев. Ну, а по стратегии – вопрос!

Ведь в нашей истории ноябрь 1943-го – это битва за атолл Бетио, Тарава. Сражение, где против японского гарнизона в четыре тысячи человек при четырнадцати береговых орудиях (самыми крупными среди них были четыре восьмидюймовых, образца русско-японской войны), авиацией и флотом обороняющиеся не располагали совсем, американцы бросили двенадцать линкоров, семнадцать авианосцев (в том числе шесть тяжелых, пять легких, шесть эскортных), двенадцать крейсеров, шестьдесят шесть эсминцев и две десантные дивизии, больше тридцати тысяч солдат с плавающими танками, перевозимыми на тридцати пяти транспортах! В ходе четырехсуточного сражения остров был взят, гарнизон полег весь, в плен были взяты лишь один офицер и шестнадцать солдат, американцы же потеряли убитыми и ранеными свыше трех тысяч человек, весь атолл был буквально перепахан снарядами и бомбами. Это сражение считается этапным в цепи тихоокеанских баталий, «от острова к острову», к победе – Тарава, Иводзима, Филиппины, Окинава.

Здесь же, решительный штурм атолла Тарава выродился в какую-то «разведку боем». Или аналог рейда на Сен-Назер в сорок втором – пришли, постреляли, высадили ограниченные силы (хотя и превосходящие численностью японский гарнизон раза в два), понесли потери, погрузились на

корабли, отошли. Слишком много взяла Атлантика – «Айова», «Алабама», «Лексингтон», «Йорктаун», «Интрепид», «Белью-Вуд», «Монтрей», повреждены «Нью-Джерси», «Саут-Дакота», «Банкер-Хилл». А с меньшим перевесом американцы не воюют. Копят силы – весной поднимет флаг «Миссури» и еще то ли три, то ли четыре, точно не помню, авианосца типа «Эссекс». То есть, с одной стороны, американцы уже дали японцам передышку в лишние полгода – и если учесть, что тут Япония имеет с Еврорейхом прямую и регулярную связь, один конвой уже прошел и вернулся, и собирается следующий – то Тихий океан обещает стать для американцев еще более кровавым. С другой же стороны, флот Еврорейха выбыл из игры, и война в Атлантике обретает привычный вид сражений в основном с субмаринами, а линейные и авианосные эскадры могут быть переброшены на Тихий океан. И всё возвращается на круги своя, только с задержкой на полгода – год, и вместо «Айовы», «Алабамы», «Лексингтона» и «Интрепида» у янки в бой пойдут еще более мощные «монтаны», у нас так и не вступившие в строй, и «мидуэи», не успевшие повоевать.

А как же Спрюэнс, всё ж флотоводец и боевой адмирал, допустил такие потери? Так ведь не приходилось в иной истории американцам сражаться против связки берег – авиация – подлодки – линейная эскадра и при примерно равных силах! Аналогом Лиссабонского сражения в нашем мире мог бы быть удар по японской метрополии – не в сорок пятом,

а в сорок третьем, когда японский флот еще не уничтожен и авиация не выбита – и навстречу американцам с берега взлетают сотни самолетов и выходят «Ямато» и «Мусаси», разворачиваются флотилии субмарин. И результат вполне мог быть примерно таким же.

Так что сию, пишу доклад для Кузнецова – анализ Лиссабонской битвы. И еще одно дело будет сегодня, можно сказать, политическое. Наш «жандарм», старший майор, простите – уже комиссар госбезопасности третьего ранга товарищ Кириллов и раньше нам по-дружески пенял, что мы к союзникам относимся едва ли не хуже, чем к немцам. Но поскольку в поступках своих мы неукоснительно следовали приказу и линии товарища Сталина, на эти настроения внимания обращали мало, лишь советовали придержать языки. А образ мыслей наш, оказывается, тихо проникал в массы. Ладно видяевцы, с нами общающиеся ближе всех, так, оказывается, во всей бригаде подплава уже разговоры ходили, что англо-американцы – это такой друг, что с ним никаких врагов не надо – и не только в подплаве. И после того как чуть было до стрельбы у нас с англичанами не дошло – это когда мы наш трофей из Нарвика вели – так экипажам эсминцев тоже рты не заткнешь, такое началось! И наши, из экипажа гвардейской «моржихи», знаменитой на весь СФ, добавляли: «А мы что говорили, правду ведь, британцы спят и видят, как оттяпать себе, что плохо лежит, чего вы еще хотите от нации воров и пиратов. Да ведь они сами слухи рас-

пускают, что после войны Архангельск им отойдет в концессию, в уплату за ленд-лиз!»¹⁰ В итоге их матросов у нас стали просто бить, поодиночке и толпой – и хорошо еще, что большая часть флота успела перебазироваться в Норвегию, а в Полярном и Мурманске остались лишь тылы. Тут уже обеспокоилось командование флота, и к его чести, предпочло действовать не репрессиями, а убеждением.

Партсобрание, политинформация или просто доклад по текущему моменту – называйте как хотите. В клуб собрали большинство смутьянов – в основном с «Воронежа», Щ-422, «Куйбышева», «Урицкого», но был тут народ еще их многих экипажей и береговых подразделений. А со сцены выступал наш комиссар Елезаров, которому сказали: «Твои начали, ты и выправляй!»

Начал Григорьич с того, что фашистская угроза никуда не делась, и гитлеровский зверь, хоть и сильно побитый, опасен по-прежнему. И не может быть к немцу никакого снисхождения:

– Это нам, товарищи, везет, что мы тут уже как в тылу, а газеты все читают, как в Польше еще один концлагерь освободили, так там были целые рвы трупов, а немногие живые на скелеты похожи, и это были наши, советские граждане, угнанные в фашистскую неволю, и пленные, кто по малодушию руки поднял в бою! Так что нет и не может быть к фашистам пощады и жалости!

¹⁰ Эти слухи британцы распространяли в нашей истории!

– А что же вы их гэдээровцами иногда называете, причем со снисхождением, товарищ капитан первого ранга, что это такое?

– А это, когда мы их победим, не будет больше никакого их поганого рейха, а станет Германская Демократическая Республика, строящая социализм под нашим руководством. И жить там будут исключительно *гэдээровцы*, потому что никому другому, всякой мрази, кто против дела Маркса – Ленина – Сталина, мы вообще на свете жить не позволим! Сегодня будущие гэдээровцы на наших стройках трудятся, порушенное восстанавливая – ну, а с любым фрицем, который против тебя с оружием, надо, как товарищ Симонов писал: «Сколько раз увидишь, столько и убей». И ясно с этим! Еще вопросы по этой части?

Теперь с англичанами (и американцами, поскольку один черт, то или это). Верно считаете, что дружбы у нас с ними нет и быть не может – так ведь они и не друзья нам, а союзники, то есть враги наших врагов! И хрен они против нас сговорятся, поскольку никогда не решат меж собой, кто в Европе будет главным – перегрызлись они насмерть, и лишь когда кто-то сдохнет, драку прекратят. А значит, чем больше фрицев союзники поубивают, или хотя бы отвлекут – тем легче нам! А потому никаких ссор между нами и ними, пока не кончится война с фрицами, быть не должно! Тем более это лишь главарям их, капиталистам и банкирам, будет новая война нужна, уже с нами, поскольку наш социалистиче-

ский строй для них как нож острый своим существованием. А с их пролетариями нам делить нечего – и помните, что они воюют здесь против того же фашистского зверя, что и мы.

– В сорок первом так же верили: «Эй геноссе, я арбайтен». А если завтра их главные буржуи прикажут, эти английские пролетарии против нас пойдут воевать?

– А вот не факт. Фотография в газете – подлинная, не постановка: английские рабочие провожают с завода танки «Валентайн», сделанные по советскому заказу. На танках надписи: «Stalin», и по лицам собравшихся видно, что в большинстве они рады, что Красная Армия фашистов бьет, которые еще недавно Лондон бомбили! Конечно, когда их главборов Черчилль прикажет, и пропаганда заработает, мозги промывая – может, и пойдут. Вот только это пока еще вилами на воде писано – а с немецкими фашистами мы воюем уже сейчас! И не забудьте, что напал на нас Гитлер потому, что к войне мы не были готовы. А если теперь будем готовы, то не найдется дураков на нас напасть! И потому наш долг, каждого на своем месте, делать всё для повышения обороноспособности СССР. Будут тогда английские и все прочие бандиты рядом кругами ходить, как тогда у Нарвика, но начать войну не решатся, увидев, что мы сильнее!

И так далее, еще часа полтора. Старался наш Григорыч, как красный комиссар Гражданской перед революционными матросами. Всё ж был у него талант оратора – не учили это-

му в позднесоветские времена, когда утвержденную выше речь по бумажке читали. Сыпал цитатами не только из классиков марксизма, но и из выступлений Сталина – неужели наш главполитработник добросовестно весь «Краткий курс» прочитал? Закончилось, как водится, за здоровье нашего дорогого и любимого Вождя – и я аплодировал вместе со всеми. Почему? Да потому, что в этом времени у меня ощущение появилось занятости действительно нужным делом. Ну, а кто в будущем станет меня попрекать, если в этой реальности таковые заведутся, «нехай лесом идут», как любит говорить наш старший мичман Сидорчук.

А среди всяких неудобных вопросов, которые задавали в процессе и после не только краснофлотцы, но и комсостав, по счастью не было одного. Который уже по окончании и наедине задал Григорьичу наш мех, Серега Сирий:

– Так значит, закончилась война за выживание Отечества? И началась – за его интересы, в послевоенном мире.

Именно – за интересы! Поскольку зачем мы ждем в Полярном, знают кроме меня даже в нашем экипаже лишь Григорьич, Петрович и командиры БЧ. «Товарищ жандарм» категорически предупредил: пока молчок, даже самым надежным своим – помня о недавней истории с алмазами. В этой истории, вместо встречи в Тегеране, который здесь ну очень опасное место, намечается «саммит» Сталина, Рузвельта и Черчилля то ли в Ленинграде, то ли в Москве – и придут заморские гости в Мурманск по воде. Интересно, на чем –

в нашей истории Рузвельт в Касабланку на «Нью-Джерси» пришел, а уж у англичан для Первого лица что-то меньше линкора – просто несолидно. И вроде даже, как сказал мне Головки, заявлены были «Нью-Джерси» и «Кинг-Георг» – вот только первый из них после Лиссабона во временно нетоварном виде, чем заменяют? И линкоры тоже тонут, и очень хорошо – «Айова» тому пример, которую мы, считай, и не трогали, ну почти – немцы справились сами. Тогда отсутствие немецких субмарин в наших водах – это затишье перед бурей, а когда пойдет эскадра с двумя правителями на борту, выпустят на нее целую волчью стаю породы «двадцать один», и ведь шанс будет кого-то утопить, судя по тому, как они у Португалии отметились!

А нам это совсем не надо. Рузвельт и Черчилль, конечно, сволочи – но с ними хоть дело иметь можно. А если придет какой-нибудь бешеный – Трумен, слава богу, помре уже, волею господ бога и товарища Судоплатова, так например, генерал Макартур в президенты ползет, тот самый псих и отморозок, который в нашей истории всерьез предлагал Китай и Корею атомными бомбами забросать. Или сенатор Маккарти – кто там у них самым ярким антисоветчиком был, вот не помню я их значимых фигур в политике, не интересовался никогда! Но говорят же – даже черт знакомый лучше незнакомого. Так что пусть поживут Вожди, сколько им предназначено. Мы обеспечим!

Тем более что инструмент у фрицев один, и известный –

подводные лодки. В их линейное сражение после лиссабонской мясорубки верится с трудом. А авиация не достанет – именно под маркой обеспечения безопасности гостей наши из Нарвика продвинулись на юг до Буде, теперь лететь фрицам придется далековато, да и летная погода на Севере в это время года редкость. Но вот штук пять-шесть «двадцать первых» на такое дело найти могут.

Так что нам ожидается работа: сбегать до острова Медвежий, границы нашей зоны ответственности, там встретить гостей, конечно же не показываясь, и обеспечить ПЛЮ. Затем точно так же обратно – и идти в Северодвинск. Белое море замерзло уже, ну так нас ледоколом протащат.

И что там моя Аня сейчас делает?

Анна Лазарева. Северодвинск. Этот же день

Этот американец подсел ко мне за столик в «Белых ночах». Сначала сидел чуть поодаль, я подумала, кто-то из преподавов здешней Корабелки, их из Ленинграда столько приехало совсем недавно, что всех я еще не знаю. И лицо его мне смутно показалось знакомым, вроде видела где-то, но вспомнить не могу. А так мужчина вполне приличный на вид, лет сорока, в штатском костюме с галстуком. Нет, в принципе против такого знакомства ничего не имею – для тех, кто не замужем, и если человек хороший. Но не с иностранцем же – это себя надо не уважать! Ведь ясно, что серьезных намерений тогда быть не может – а поматросить и бросить ищите

своих дур!

А он к официантке обратился, по-русски, но с заметным акцентом. И указывает на мой столик, просит что-то передать. Визитная карточка – это у них в приличном обществе так знакомиться принято. И что мне с этим делать? На меня уставился, ждет ответа.

Вообще-то «Белые ночи» – это лучшее заведение здесь. И в смысле порядка тоже – если что, патруль появится через минуту. И знают тут меня очень хорошо – в моей воле устроить этому типу проверку документов и установление личности, пару-тройку часов в холодной. Вот только сильно подозреваю, что это не флирт, а совсем другое. Уж больно всё тихо – англичане после истории с Беннетом никак себя не проявляют, и мистер шимпанзе из госпиталя вышел, но ведет себя тише воды ниже травы, исправно кушает дезу, что ему скармливают. А так быть не должно – значит, процесс идет, вот только мы не видим. Так что стоит разобраться подробнее.

И тут я опускаю взгляд и читаю имя на визитке. Вот это номер! Этого человека здесь быть не должно, ну не приезжал он в СССР, разве что много позже. На известном фото он уже старый, с сединой и бородой – вот почему я сходство уловила, а не узнала. Но здесь-то он что делает? Ленка, стерва, хотя бы предупредила, через нее ведь все документы на приехавших иностранцев проходят – а впрочем, она же не знает ничего, для нее это лишь имя в списке. Сама виновата.

та, надо было внимательнее прочесть! И патруль звать как-то неудобно – зачем нам международный скандал?

Вообще-то он в той истории считался другом СССР, «прогрессивно мыслящим». И в работе на ЦРУ и ФБР замечен не был. В эту войну же, вспоминая его биографию на компе, вот запомнилось: «Участвует в боевых полётах бомбардировщиков над Германией и оккупированной Францией. Во время высадки союзников в Нормандии добивается разрешения участвовать в боевых и разведывательных действиях, встаёт во главе отряда французских партизан численностью около двухсот человек, бои за Париж, Бельгию, Эльзас, прорыв «линии Зигфрида», часто оказывается на передовой впереди основных войск». В Англии он с сорок третьего – а что, вполне мог заинтересоваться, что у нас происходит. Вот только на меня ему кто указал? Или всё ж случай, если по биографии, он четыре раза женат был – вот не понимаю я этих «творческих и духовно богатых»: стало неинтересно, разбежались, с другими сошлись. Не любовь это, а черт знает что! Не нужен мне никто, кроме моего Адмирала – и даже этот, если ухаживать начнет, неприятностей получит, несмотря на имя! Но всё ж интересно, что ему от меня надо? Когда-нибудь своим детям расскажу, как беседовала с самим...

– Миссис Лазарева?

Значит, знает. И кто же ему на меня указал?

– Простите за беспокойство, в этом городе я проездом, в

Ленинград. И один мой друг в Лондоне советовал мне обратиться к вам, отрекомендовав вас как «самую влиятельную особу, которая может там решить любую проблему, или напротив, вам проблему создать». Могу ли я просить вас о небольшом интервью, если, конечно, вы располагаете временем?

Так спрашивайте, мистер.

– Что вы хотите узнать?

Только боюсь, что вы обратились не по адресу. Если вы ищете на свою голову приключений как в осажденном Мадриде, то вам для начала следует поспешить в Ленинград, там вам расскажут очень много такого, что ваши добропорядочные читатели поседеют. Затем вам следует проехать по освобожденной советской территории, взглянуть и послушать, что творили там фашисты. И в завершение, может быть, вам не откажут и в поездке на фронт – увидите, чем эта война отличается от той, вам знакомой. Ну а тут глубокий тыл, где не падают бомбы, не рвутся снаряды, здесь не происходит ничего интересного для вас.

– Мне интересны не события сами по себе, а люди. Сюжет лишь раскрывает психологию персонажей. Мне казалось, что я хорошо узнал русских – по Испании. Теперь я вижу, что это не так.

– Отель «Гавана»?

– Нет, это место называлось «Флорида». Ваши называли меня *товарищ Эрнесто*. Не «дон», как было написано в ка-

ком-то журнале, для республиканцев это было бы, наверное, так же, как для вас «благородие». Кроме Мадрида, была еще Барселона – чтобы написать, надо было видеть своими глазами.

– А герою вы, конечно же, дали некоторые свои черты? Американского профессора, ставшего партизаном-подрывником. Три последних дня его жизни.

– Не знал, что эта вещь издавалась на русском.

– Я прочла на английском. Попала случайно в руки.

– И как вам?

– С правдой написано, – отвечаю, – всё как у нас в сорок первом, когда партизаны только начинались: и анархия, и умения мало. Вот только у вас и на той стороне тоже люди, со своей правдой. А у нас фашисты – вроде чумных крыс, которых и давить надо, без всяких сомнений. И еще, у вас в книге бессмысленно всё – зачем мост взрывали, зачем разведку вели. Только трупы с обеих сторон единственным результатом – и общая идея: «Какое ужасное дело война!»

– Я прежде всего о людях писал. Как человеком остаться. И смысл найти, ради чего жить.

– Общую цель лишь бог знает, если он есть, – говорю я, – а смысл здесь и сейчас, чтобы Победа. Как в песне, что вы слышать у нас могли: «Одна на всех, мы за ценой не постоим». И это справедливо – ведь победа общая, за всех, и значит, ты свою и жизнь, и любовь, и всё другое хорошее спасаешь, после – всё уже приложится.

– Понимаю. Это и есть русский фанатизм.

Я кручу в руке визитку. На которой написано: «Эрнест Миллер Хемингуэй, писатель и журналист».¹¹

– Вы, мистер Хемингуэй, читали Льва Толстого? Как он писал про исход из Москвы, что под французами оставаться нельзя не потому, что плохо, а именно нельзя! И что иначе будет – не по правде. Это ведь только у нас, русских, слово «правда» обозначает и истину, и справедливость. Фанатик – это, скорее, изувер, «пусть тысячи людей сгорят ради идеи». А у нас это просто черта, которую переступить нельзя. Нельзя иначе, и всё, потому что так быть не должно.

– А вам приходилось видеть войну вблизи?

Я ответила не сразу. Пила молча горячий чай, смотрела на собеседника. Он, при всей прогрессивности, ведь всю жизнь именно Цель искал. Первая его книжка, про «потерянное поколение» в Париже двадцатых, утратившее смысл жизни. А самое лучшее, что ты напишешь, на мой взгляд, это про старого рыбака – пусть пойманную рыбу акулы съели, но ты боролся, искал, не сдавался. Не поймешь ты, хоть уже знаменитый – чтобы Цель была, надо при социализме жить, когда завтра непременно будет лучше, ну если только всякие гады не мешают, как эта война – и когда это «лучше», ты видишь, от твоего труда прямо зависит. Видела я это – от пятилетки к пятилетке, а как мы после Победы заживем, если про опасность знаем, и никакой *перестройки* надеюсь, не будет.

¹¹ Роман «По ком звонит колокол» в СССР был впервые издан только в 1968 г.

Жизнь улучшать, не для себя, для всех – это та подлинная Цель, за которую и умереть не страшно. Но буржуазному писателю этого не понять!

– Я мог бы держать пари, что вы воевали, миссис Лазарева. В Испании мне приходилось видеть тех, кто заглядывал в лицо смерти на передовой – и поверьте, их не спутаешь с тыловыми. Даже с теми из тыловых, кто обвешается оружием и говорит очень воинственные речи. Не спрашивайте, как – чисто по ощущениям. Но мне достаточно было взглянуть, чтобы определить: этот солдат, этот нет. И я никогда не ошибался.

Ну что ж мистер, слушай мою историю – может, в свой роман вставишь. Конечно, я рассказала ему не всё, а лишь в рамках моей официальной биографии.

Еще два года назад была студенткой, Ленинградский университет. Лето сорок первого, в деревню к родне – и тут немцы. Они нас, русских, вообще за людей не считали, так что одна дорога была – в лес, к партизанам (ну не рассказывать же про Школу, дядю Сашу и минское подполье). Чем занималась – да по-разному: и разведать – на женщину внимание меньше обращают, и на связи работала, еще до войны зная радиодело, и винтовку в руки брать приходилось – как еще одна героиня того вашего романа, только к врагу не попадала, на последний случай гранату берегла. Повезло, не убили, даже не ранили ни разу – теперь, как партизан нет, вся наша земля освобождена, здесь служу, при штабе, вот и вся моя

история. Одна из многих – вы у Фадеева прочтите, теперь про них вся страна знает, ну а мне не повезло.

Он слушал очень внимательно. Переспрашивал, записывал что-то. Эх, придется мне после дяде Саше рапорт писать – и подробно вспоминать, а что я такого рассказала, и думать, а не принесло ли это вред? Так я, повторяю, ничего и не говорила кроме того, что здесь и так известно – ну, партизанка бывшая, устроилась сейчас в штаб. А польза точно есть – вдруг он что-то вроде «Колокола», но уже про наших партизан напишет? И весь мир будет это читать!

Ой, дура, а вдруг это не Хемингуэй был, а представившийся им какой-нибудь майор американской разведки? Ну, это проверить просто – во-первых, документы есть, сейчас же у Ленки узнаю, есть ли это имя в списках прибывших. А во-вторых, думаю, наши сумеют оперативно найти кого-то, кто знал того, настоящего, по Мадриду, и устроить встречу. И если это не он, то можно и арестовать: «Вы не тот, за кого себя выдаете», – а может, немецкий шпион?

Или другое может быть: писатель Хемингуэй настоящий, но кто-то там сообразил, что тайна людей с «Воронежа» важнее конструкции самого корабля! И кто лучше справится – правильно, не офицер морской разведки, а психолог, писатель, начинавший в свое время полицейским репортером. Не пытаться украсть чертежи, а подбивать мостики к людям – ну, вроде я ничего такого и не рассказала! Неужели он на разведку работает? Хотя могли его и просто попросить по-дру-

жески – встретиться, побеседовать, свое мнение составить. А он мог и согласиться – союзники ведь, и ничего шпионского выяснять не надо?

Остаток дня писала отчет. Сдала дяде Саше, тот быстро просмотрел и спрятал в сейф, сказав лишь:

– Посмотрим, что из этого выйдет. Писатель Хемингуэй, по первой проверке, настоящий, действительно здесь проездом в Ленинград, аккредитован при... впрочем, тебе это знать пока рано. Но если получится, еще один канал передачи нужной нам инфы на запад развернем.

Не поблагодарил, но и не отругал – и на том спасибо!

Э. Хемингуэй. Красный снег. Роман написан в 1945-м, в СССР издан в 1947-м (альт-ист.)

Утренний рассвет озарил черное пятно сожженной деревни, которое казалось страшным и чужеродным на фоне сверкающего розового снега. Посреди стоял совершенно седой человек и о чем-то шептал. Он уже понял, что произошло, хотя по-прежнему отказывался в это верить. Всех – и детей, и женщин, и стариков – согнали в церковь, подгоняя выстрелами. Потом подожгли и церковь, и все дома. И ушли – а он вернулся и увидел всё это. Увидел и запомнил. Они могут ходить только по дорогам, не зная леса и болот. Он может ходить там, где хочет, потому что это его край, его Родина. Их очень много, а он один. Он найдет таких же, как он, и неизвестно, кого станет больше. Они хорошо вооружены. У

него тоже припрятана винтовка, есть и патроны. Они пришли убивать. Ему не впервой охотиться на обезумевших от голода и крови волков. Вместо красных флажков на снегу будет кровь – их кровь. Бог простит. А не простит – значит, не простит, придется жить с грехом на душе¹².

И снова Анна Лазарева

Вечером на тренировку в «Север». Три раза в неделю по полтора часа – это совсем не много, у «песцов» из учебного отряда осназа СФ побольше. Но, как сказал дядя Саша, поддержание тела в тонусе повышает общую работоспособность и укрепляет ум: «Так что считайте это не повинностью, а элементом боевой подготовки, в рабочее время и за казенный счет». Хотя занимаемся там не только мы – есть группы и для флотских, и даже для заводской молодежи (эти – добровольно, по желанию), как на довоенный Осоавиахим.

А ведь прав мистер Хемингуэй, никогда я уже той, довоенной веселой и доброй Анечкой не буду! Тогда я тоже училась: и стрелять из винтовки и нагана, и с парашютом даже прыгала – но всё это было как бы понарошку, хоть и говорили нам: «Будь готов к труду и обороне», – но не думала я, что буду убивать врагов. А теперь на тренировке мне замечания делали – не так резко, ты же своего партнера так

¹² Текст взят из романа Ольги Тониной «Алая кровь на белых крыльях». Но надеюсь, Ольга Игоревна простит меня за то, что в альт-истории я приписал ее слова Хемингуэю.

изувечить можешь, аккуратнее, не фашист же перед тобой! Я и стараюсь, вроде получается. Удары не так страшны, никогда, наверное, у меня не получится рукой кирпичи разбивать, как сам Смоленцев показывал – а вот при проведении приема, если перестараться, сложный перелом или разрыв связок обеспечен, это на всю жизнь можно инвалидом стать!

Уход с линии атаки. Скользящий блок, сразу же переходящий в захват. Отвлекающий, расслабляющий удар. И сразу провести прием.

Уширо-тенкай, маэ-тенкай – вот не привились у нас наши названия, не выходит по-русски коротко и ясно! И тренеру привычнее – Смоленцев сильно занят был, так что большинство занятий с первым составом тех, кто сами сейчас инструктора, вел Логачев. А у него система своя. Если у Смоленцева главное – это «комбо», связки ударов, подсечек, захватов, отрабатываемые до автоматизма, то у Логачева в основе более простые, базовые элементы, сначала удары ногами и руками, как «артподготовка», и после переход к болевому захвату прямо в стойке. Что сильно отличается от того, чему учили нас в школе, там даже стойка была скорее борцовской, фронтально, ноги широко расставлены, и руки в стороны, и схватка большей частью проходила в партере, на земле. А тут стойка под сорок пять, или даже боком, и руки по-боксерски. Причем, что ценно, движения хорошо накладываются на работу ножом, штыком, прикладом, даже против двоих-троих противников. Ну, а наша система была при-

способлена к взятию языка и снятию часовых, «а других задач, чтобы без оружия, у вас и не будет, товарищи курсанты». Что правильно – если, пытаюсь снять часового, махать ногами, так фриц крикнет, и всё!

Так что «северный бой», строго говоря, не является для нас оружием. Ну, если только научиться, как товарищ Смоленцев – показывал он нам, что может сделать безоружный против патруля. Две деревяшки-«ножа» из рукавов, длинный скользящий шаг с разворотом – и удары в сонную артерию, полосующим по горлу, и последнему в печень колющим, настоящим клинком пробило бы насквозь. Как нам показалось, меньше секунды времени на всё – никто из бойцов полка НКВД, игравших роль патрульных, к бою изготавиться не успел.

– Это вам урок тоже, – говорит Смоленцев, – один из вас должен был на дистанции быть и готов стрелять в случае чего. Хотя, – добавил он, – я бы и тут справился, вот так... – тут он откуда-то нож достал, настоящий, не деревянный, и кинул. И нож прямо в яблочко вонзился – на деревянном щите, для того поставленном, и дистанция была шагов в пять.

Ну, чтоб так научиться, десять лет тренироваться нужно! Но кое-что и мы можем. Главное же, это идеально учит в любой ситуации не зевать. Ну и конечно, это уже лично для меня и моих «стервочек», отличная физподготовка – как я прочла, в будущем у женщин это фитнес называется, для идеальной стройности фигуры. Так сказал же товарищ Сталин,

что красота – это закрепленное в памяти совершенство (думаю, фантаст Ефремов что-нибудь новое еще напишет), ну а для всего живого это здоровье и способность к движению, так я понимаю, «Лезвие бритвы» прочитав.

Наконец, упали-отжались, тренировка закончена. И освобождаем зал – сейчас следующая группа придет, а «Север» не резиновый. В душ – мальчики направо, девочки налево. И – домой. Ленка с подружками направо, по Первомайской, тут наше общежитие (где мы английскому Ромео алмазы продавали) рядом совсем, рукой подать. Я тоже иногда с ними, всегда место найдется – но чаще иду в нашу квартиру, на территории «бригады строящихся кораблей» – это за западными воротами завода, за Торфяной. Четыреста метров всего пройти, через пустырь, тут уже дорожки натоптали, а кое-где и аллеи проложены, парк тут и в другой истории после войны был, и здесь намечается.

Темно уже. В прошлом году в это время снег лежал, а сейчас что-то мокрое с неба падает и навстречу летит. Ветер, как здесь говорят, «вмордувинд», довольно сильный, так в лицо и сечет. Открываю зонтик – да, вид у меня откровенно не пролетарский, а впрочем, благодаря вкусам наших потомков, поставкам от мистера шимпанзе и даже тому труду товарища Сталина, у женщин здесь военная форма и телогрейки решительно не в ходу, все стараются быть нарядными, по мере возможности. Даже обувь на мне – «берцы», сшитые уже здесь, по подобию тех, что у Смоленцева, и то отдаленно

похожи на те высокие ботинки на шнуровке, какие дамы в начале века носили. А мундир я с того дня не надевала, как мой Адмирал в море ушел – если тогда я еще иногда перед его кабинетом сидела, изображая секретаршу, то сейчас меня по службе лишь свои видят, и так знающие, кто я. Его слова помню, что я как барышня серебряного века, на какую-то Лизу Боярскую похожа – это его знакомая из будущих времен? А Ленка про «барышню» услышала однажды и подхватила – хотя сама она тоже случай не упускает покрасоваться. И другие мои «стервочки», и даже заводские, на нас глядя.

И вдруг тревога толкнула – уже знакомое ощущение «взгляда в спину». Еще не убийственного, через прицел, а оценивающего, как тогда, с Беннетом, но гораздо сильнее. Оглядываюсь, вижу какую-то фигуру одиночную, шагах в тридцати сзади. Для пистолета слишком далеко, особенно при такой погоде и видимости, а враг с автоматом или винтовкой здесь – это уже немыслимое, до первого патруля. Слежка – а зачем, и так ясно, куда я иду, в двухстах шагах ограда завода, еще столько же вдоль нее влево – проходная. А там не только охрана, но рядом может оказаться и патруль!

Продолжение истории с нашим Ромео? В то, что он захочет мстить за свою дурочку-джульетту, верится слабо. С ним, кстати, встретились еще раз, обменяли алмазы на барахло – что у них груз был уже наготове, удивляться не приходится. Наверное, британцы и мистер шимпанзе – это одна шайка, информацией обмениваются. Тем более что товар, женские

тряпки, аксессуары к ним, отрезки материи, в большинстве даже не английские, а американские – может быть, шимпанзе и одолжил? Но получается, что с самого начала собирались не только про Джульетту узнавать, но и на меня выходить? Или считали, что я точно что-то знаю? Но это точно не Беннет, фигура не похожа, и рост ниже.

В обычную уголовщину не верится тоже. Преступность в Молотовске, конечно, есть, много на завод понаехало всякого народа, но все давно знают, что связываться со «стервочками» и кто с ними дружит – опасно. Было в сентябре, Катерину нашу ограбили, ударили и сумку отняли. Так тех резвых и наглых помимо милиции и УГРО, как положено, еще искали совместно НКВД и наша «тимуровская команда» из «Севера». Отчего НКВД – ну как же, нападение на сотрудницу в военное время! – а когда поймали, после всех законных процедур, уступили на время «песцам» в качестве макивар, чтобы ставить удар в полную силу на живой цели, уворачивающейся и сопротивляющейся. Ну, а после в Норильск, как они там работать будут с отбитыми внутренностями, их проблемы. И еще пара случаев была – в общем, теперь хулиганы и грабители здесь с модно одетыми женщинами предпочитают не связываться, а вдруг на «стервочку» попадешь, выйдет себе дороже. Что имело еще один результат – заводские тоже стали стараться быть нарядными, ну а так как модный товар часто не продавали, а вручали в завкоме передовичкам, производительность труда женской части коллектива замет-

но возросла.

Может, просто прохожий? Нет, это чувство никогда еще меня не обманывало, и в оккупированном Минске, и после, в лесу. Да и должна уже ночная смена на завод пройти. Пытаюсь прибавить шаг, ветер навстречу, зонтик рвет и пальто надувает парусом. Браунинг с собой, вот только спрятан далеко, надо было муфту взять, в нее даже ТТ отлично ложится – не видно, и палец на курке – но неудобно вместе с зонтом, тем более в ветер, расслабилась я непозволительно, вот дура! Резкий порыв вдруг выхватывает у меня зонтик и несет прочь. За ним бежать или к проходной? А преследователь уже рядом.

– Ну куда же вы, фройляйн Бауэр? Или как тебя там по-настоящему?

Вот уж кого не ждала тут встретить, так эту сволочь! Из моей минской жизни, там я Анна Бауэр была, документы на фольксдойче, имя оставили мое, чтобы не путаться. Но это-то как здесь оказался, и не под конвоем?

– Со мной, значит, тогда не захотела, «славянский швайн, во мне арийская кровь, герр майору скажу»? А сама, значит, большевистской шпионкой была, вот сука, мне за тебя после, как ты сбежала, в гестапо морду били. Хорошо, разобрались, что ни при чем. И сейчас я горбачусь, а ты чистенькая ходишь – так за всё платить надо, тварь!

И бьет меня ножом в грудь. Я даже не заметила, как он его достал! Но у меня после тренировки сработал автопилот, и

мышцы еще были в тонусе. И мы отработывали как раз этот прием!

Уширо-тенкай (ну не звучит наше «разворот на сто восемьдесят, назад»). Как Логачев со мной бился, не ногу сначала выставляешь, и уже на нее вес тела, а сразу закрутить себя волчком на опорной ноге. Одновременно руки накрест, на атакующую руку, протягиваю его вперед, так что мы вообще оказываемся плечом к плечу, с линии атаки ушла, своей левой ему меня не достать. Движения корпусом, его вес и инерция, много сильнее, чем рукой – «чтобы удержать, ваш противник должен быть Геркулесом». Но если он сейчас развернется даже на месте, без зашагивания, простой «тенкай», то вырвет у меня свою вооруженную руку – тут полагается мне сделать еще шаг вперед, чтобы вывести его из равновесия, рука протянута вперед и вниз, ноги не успевают, я вместо этого делаю тенкай, тащу его не вперед, а вбок, в принципе, то же самое, успеваю перехватить за кисть руки, и уже маю тенкай вокруг его головы, да как можно резче, болевой на запястье – и он летит наземь, на спину, и прежде чем успевает опомниться, я делаю еще один зашаг, вокруг его головы, не ослабляя захвата, он переворачивается мордой вниз, а рука вытянута назад и вертикально. Теперь нажать вниз, со всей силы – кажется даже, слышу, как рвутся сухожилия в запястье, а плечо выходит из сустава, это, наверное, адски больно, и он дико орет, срываясь на визг, затем резко обмякает, сознание потерял от болевого шока. Вынимаю из его

ослабевших пальцев – не нож, как мне показалось, а арматурный прут, заточенный как штык от мосинской винтовки. Всё заняло времени много меньше, чем этот рассказ.

Много позже и Смоленцев, и Логачев мне пеняли – что приемы сочиняются не просто так. Тенкай вместо шага – и противник имел бы шанс после, когда ему крутишь кисть, коротко дослать клинок вперед, ткнуть острием бы хватило. А что сработала в «уро», а не «омотэ», уход за его спину с линии атаки, а не самой отбрасывать его руку влево, это правильно, когда он заметно крупнее и тяжелее, ну если только совсем на опережение, самое начало атаки поймать. Ну а дальше – мы на тренировке отработывали, его руку обернуть и провести подмышкой, и переход на конвоирование – вставай и иди, куда прикажут, но я ему уже руку свернула напрочь.

Удерживая его левой, правой достаю пистолет. Жутко неудобно и холодно, ветер насквозь продувает, расстегнутое пальто забрасывает выше головы. Делаю шаг назад, дважды стреляю в воздух – может, услышат? Если нет, тогда придется этого, как очнется, самой вести. Ой, холодно как!

Услышали. Двое бегут, от завода. Окликают, я отвечаю, меня узнают – ребята из полка НКВД. Быстро объясняю им, что случилось, показываю заточку, они нагибаются над этой тварью, хотят вздернуть на ноги, но прежде я с размаху бью того ботинком в лицо. Он хрипит что-то:

– Легко бить лежащего, сука?

– Это тебе за то, что зонтик потеряла, – отвечаю, – будет тебе сейчас хуже, чем в гестапо. А мне о тебя руки марать противно!

Теодор Троль. Или пан Троль, как он сам себя предпочитал называть. Или «т. Троль», как он расписывался – отчего-то так, с маленькой буквы. Мелкий гаденыш, на столь же мелкой должности в Минской управе, очень любящий порассуждать о диких русских и культурной Европе, по его словам, русские непригодны даже в рабы – из-за своей лени и тупости. Весь какой-то склизкий, скользкий, угодливый до отвращения, особенно перед немецкими господами.

Именно поэтому, как выяснилось, он и был здесь расконвоирован. Попался нашим в Белоруссии (сбежать не успел), но ни в чем серьезном не был уличен, срок получил мизерный, всего пять лет на стройках народного хозяйства, здесь из кожи вон лез в лояльности перед администрацией, выпячивая свою образованность, отчего и получил место учетчика в рабочей бригаде. Стоп, это всё равно должность подконвойная, как он за воротами и вне казармы оказался? «Так он был, как говорят, подай-принеси, всякие поручения у начальства исполнял». Нарушение внутреннего распорядка?!

Да, устроил же дядя Саша всем, кому надо, веселую ночь! Вот как у него получается – не кричит, даже голос не повышает, а страшно! Несколько человек должностей лишились, а кого-то даже арестовали «до выяснения» – оказалось, пан Троль не один такой был, и выходит, явные враги имели

возможность свободно перемещаться по секретному объекту, собирать шпионскую информацию и передавать ее вовне, и конечно же, вредить. А отчего, собственно, этот Троль проходил по уголовной статье, если он предатель? И кто это решил, что уголовным – меньший надзор и большая свобода, уже полгода как отменены «классово близкие», или кто-то не в курсе про новый Кодекс?

Зам дяди Саши Воронов тоже тут. И я тихо в углу сижу, за секретаршу – учусь, как дядя Саша сказал. Ну, а пана Троля в это время допрашивают, сам он решился или по чьему-то наущению – и спрашивают жестоко, закон об особых методах воздействия к таким, как он, никто не отменял! Воронов после доложил, что как следователи ни старались, следов заговора не выявили. А зная пана Троля, ни за что не поверю, что он стал бы вести себя, как партизан в гестапо, не выдав никого. Вот отомстить по-подлому, незаметно – на него было очень похоже. Мелкий гаденыш – но убить ведь мог вполне! Если бы не тренировка...

– Ну а этому – вышак? – спрашивает дядя Саша. – По закону, нападение на сотрудника НКВД, в военное время.

Я мстительно усмехаюсь.

– Не надо, дядь Саш! Можно его «мешком» сделать – пусть советской науке послужит?

«Мешками» товарищ Сирый, а с его подачи и наши атомщики отчего-то называли подопытных медицинского отряда «арсенала два». Что это такое, знали лишь посвященные – но

ходили слухи, что это страшнее и Норильлага, и даже «вышки».

Из протокола, подшитого к делу

Да, пан следователь, знаю я этого человека. Отчего не знать, если наш городок, как большая деревня, всё на виду? А с этим говнюком мы, считай, в соседних дворах росли. Все его так и звали – за то, что когда его бить хотели, он начинал, вы не поверите, дерьмом швыряться, и откуда он брал его, в карманах, что ли, таскал? За что бить – так он трусоват был, вороват, и всегда по-подлому норовил, а после ржал в лицо – обманули дурака, ну а я умнее!

Еще не нравилось, что он высокородного из себя корчил. Показывал всегда, что нам не ровня – якобы у него родители при царе в Петербурге жили, то ли из благородиев, то ли из образованных. Но у нас его папаша работал счетоводом у пана Микульского и был на вид как все. Его в сороковом НКВД арестовало, что с ним после стало, не знаю, а мамаша еще раньше умерла. А этот сразу от отца отрекся – еще как в тридцать девятом ваши пришли, так он сразу активистом заделался, «за Ленина, за Сталина» орал, на всех собраниях. И даже подписывался всегда перед именем «т.» – «товарищ». А по пьянке говорил – вот было у него, как выпьет, так что на уме, то и на языке: «Завтра я в комсомол вступлю, а затем и в партию, вы все мне будете в ноги кланяться и называть «пан секретарь»!»

Но что-то у него не сложилось с комсомолом, а тут война и немцы. Так он сразу полицейскую повязку надел, ходил с ружьем и говорил: «Поймаю партизана или москальского парашютиста, немцы сразу старшим полицаем сделают!» Но не поймал никого – не было тогда у нас никаких партизан. Да и были бы, не поймал – он же настолько тупой был, что уже при немцах расписывался с буквой «т» в начале, сообразить не мог. А после как-то исхитрился в Минск перебраться – «карьеру делать», как он говорил.

Да, еще стишки писал, что-то там про «коммунячи орды, визга впереди, убегают в Азию, им пинка дадим», «мы костер из марксов дружно разожжем, мерзость коммунячью вылечим огнем». И очень обижался, когда кто-то не восторгался, сразу в драку лез.

Один раз после на побывку приехал важный весь, в кожаном пальто и начищенных сапогах, серебряные часы в кармане, дорогие сигареты курит – и хоть бы угостил! Я ему: «Здорово, Федька!» – а он мне в морду с размаху: «Что гавкаешь, пес, я культурный европеец, а не славянское быдло, не Федька Сруль, а пан Теодор Троль!»

А. И. Солженицын. Багровые зеркала.

Изд. Нью-Йорк, 1970 (альт-ист.)

Свобода – это высшая ценность, высшее право человека. Пусть лучше погибнет весь мир – но восторжествует свобода. И всякий, кто мыслит иначе – тот не человек, а быдло,

достойное лишь рабского ошейника.

Так говорил мне мой сосед по лагерному барaku. Лишь будучи арестованным, я нашел единомышленников, узнал по-настоящему, какие люди еще есть в нашей несчастной стране – и величайшее преступление сталинского режима, что эти творческие личности, подлинная элита нации, гнили за колючей проволокой, вместо того чтобы занимать самые высокие посты. День тяжелой и бессмысленной работы, под окрики конвоя и издевательства уголовной сволочи – и лишь после отбоя мы могли, собравшись в углу, вести беседы на самые высокие философские темы. Наиболее частым моим собеседником был... назовем его П. – очень может быть, что этот человек еще жив и страдает, в заключении или нет: СССР весь, как одна огромная тюрьма. Истинный русский интеллигент старой школы, вся вина которого состояла лишь в нахождении на оккупированной территории во время войны, был брошен за это в лагерь, в разлуке с семьей. И супруга его, полностью разделяющая его убеждения, поделила с ним и его судьбу. В те судьбоносные годы они вместе вели дневник, который отобрали при аресте – однако же П. помнит оттуда каждую строчку. Я позволю себе, также по памяти, привести здесь некоторые записи:

«22 июня 1941 г. Неужели же приближается наше освобождение? Каковы бы ни были немцы – хуже нашего не будет. Я страстно желаю победы любому врагу советской власти, какой бы он там ни был. Этот проклятый строй

украл у нас всё, в том числе и чувство патриотизма.

24 июля 1941 г. Бомбят, а нам не страшно. Бомбы-то освободительные. И так думают и чувствуют все. Никто не боится бомб.

11 сентября 1941 г. Я составил цельную и продуманную теорию насчет большевистских фикций. Будет жалко, если эта теория умрет вместе со мной. Только бы свободы дожидаться... Ведь сколько в России умных и талантливых людей, таких как я – и сколько литературных, художественных, музыкальных, философских шедевров дожидается своего часа! Сколько высокодуховного хлынет в мир, как только совдепия падет! Неужели это время почти уже пришло?

18 сентября 1941 г. Немецкие самолеты сбрасывали пропагандные листовки. Какое убожество, глупость, вульгарный язык, какая бездарность! «Мчатся в небе мессеримиты, сокрушают совок. Пусть бежит усатый в Англию, ужй приходит срок! Ужй по трупам комиссаров панцеры ползут, жиды-оккупанты в панталоны ссут». Кошмарное впечатление – неужели немцы похожи на то, что о них говорит советская пропаганда? Наверное, это большевики, чтобы скомпрометировать немцев, под их марку выпустили листовки!

19 сентября 1941 г. Свершилось. **ПРИШЛИ НЕМЦЫ!
КРАСНЫХ НЕТ! СВОБОДА!**

18 ноября 1941 г. Морозы уже настоящие. Население на-

чинает вымирать... У нас уже бывают дни, когда мы совсем ничего не едим. Надоело всё до смерти. Немцы в подавляющем своем большинстве народ хороший, человечный и понимающий. Но идет война, коммуняки упорно сопротивляются – и даже хорошие люди нередко делают ужасные вещи! И всё же мы рады бесконечно, что с нами немцы, а не наше дорогое и любимое правительство.

26 ноября 1941 г. Продали мои золотые зубы. Зубной врач за то, чтобы их вынуть, взял с меня один хлеб, а получил я за них два хлеба, пачку маргарина и пачку леденцов, и полпачки табаку...

31 января 1942 г. Число умирающих возрастает с каждым днем... Говорим очень слабыми голосами. Всегда на одну и ту же тему: какова будет жизнь, когда немцы наконец победят и закончится эта проклятая война. Пока пишем идеальный план устройства государства, программы народного образования, землеустройства и социальной помощи – стараюсь предусмотреть все случаи жизни.

Но всё же, если бы сейчас пришел к нам какой-нибудь добрый волшебник и предложил бы нам перенестись в советский тыл, где довоенная жизнь и белый хлеб, и молоко, и табак, и всё прочее, или сказал бы, что и до конца дней наших будете жить вот так, как сейчас, я, моя жена и дети, без сомнения, выбрали бы второе. Лучшие голод, чем советская власть!»¹³

¹³ Дневник, к сожалению, подлинный. Авторы, супруги Поляковы, в нашей ре-

Отчего же был упущен уникальный шанс сделать несчастную Россию – свободной и счастливой? Ведь среди русского народа было много людей, кто мог бы восстать, и коммунистическая власть не устояла бы, особенно в первый год, когда всё висело на волоске. Но немецкая политика была поразительно близорукой, «зачем усложнять, если довольно нашего фельдфебеля» – и русские люди, лояльные новой власти, или никак не использовались, или получали мелкие административные должности. А сотни тысяч бывших красноармейцев, попавших в плен – очень многие из-за нежелания сражаться и умирать за сталинский режим! – были бессмысленно загублены, вместо того чтобы создать из них армию Новой России! А ведь, как рассказывал П., «мы надеялись, что очень скоро образуется русское правительство, временное, конечно, отчасти из представителей интеллигенции, отчасти из русских эмигрантов, начнет формироваться армия, и внешняя война перейдет в гражданскую. Немцы будут только давать оружие и поддерживать авиацией, которую нельзя создать скоро». Но Гитлеру были нужны лишь новые земли для Великой Германии и бессловестные рабы. Тем самым был упущен исторический шанс раз и навсегда покончить с русским большевизмом!

Причем часть вины в этом лежит и на нашем несчастном народе. Да, война часто излишне жестока и несправедлива –

альности успели сбежать в Германию с отступившими немцами, стали там активистами НТС.

но после нее настала бы совсем другая жизнь! Если немцы не желали сделать шаг навстречу, значит, нам надо было, в смирении, сделать два. Даже если ты и твои родные неправомерно пострадали – подумай, что немецкая жестокость – это не более чем временный эксцесс, в отличие от большевистской, основополагающей и постоянной. Далеко не все партизанские банды создавались парашютистами из НКВД. Ты хочешь мстить за свою семью, друзей, односельчан? Но подумай, кому конкретно ты отомстишь – скорее всего, совсем другим людям, пусть и одетым в такие же мундиры. И если тебе удастся после убежать в лес, в ответ сожгут еще одну деревню – если и там найдутся свои мстители, это приведет лишь к тому, что маховик жестокости будет раскручиваться всё сильнее!

И если мальчишки из «Молодой Гвардии» просто не думали, кто ответит за их безумное геройство – то образ партизана-героя стал высочайше одобренным образом советской пропаганды! Вопреки общепринятому в цивилизованном мире, что воюет лишь армия, а население не сражается, как бы оно к войне ни относилось. И любой, взявший оружие, но не носящий мундир – преступник, независимо от всех прочих обстоятельств. Партизаны были не героями, а преступниками – потому что каждый выстрел из леса в «оккупантов» убивал возможность диалога, конструктивного сотрудничества с победителями. Что еще укрепляло немцев в их изначально ошибочном отношении ко всему рус-

скому народу как к нации подлых бандитов.

Был один островок в этом море безумия – Локотская республика. Территория, размером превышающая Бельгию – и юридически независимое государственное образование, союзник рейха! У нее был флаг – российский триколор. И суверенная власть – когда немцы полностью возложили именно на нее, а не на свои комендатуры, все государственные функции, как обеспечение порядка, сбор налогов, снабжение проходящих частей вермахта продовольствием, охрану немецкой собственности и грузов. И эта власть была отнюдь не пришлыми «варягами» – среди руководителей Локотской республики были бывший председатель райисполкома, председатель колхоза, директор мастерской, главбух райпотребсоюза, директор школы – в общем, целое собрание бывших коммунистов, весьма статусных в СССР людей! Благодаря их усердию, республика стала стремительно развиваться и восстанавливаться, работали крупные промышленные предприятия – кожевенный, сахарный, спиртовой заводы! – открывались школы, больницы, даже театр. По заверению немцев, население здесь жило лучше всех территорий, оккупированных вермахтом – при том, что исправно выполняло все поставки по требованию германских властей. Такого оживления и расцвета творческой и интеллектуальной жизни, такого подъема Локоть никогда не видел в своей истории ни до сорок первого года, ни после войны!¹⁴

¹⁴ А.Буровский. Великая Гражданская война. М, 2009.

Но пришел Сабуров, офицер НКВД, особист разбитого батальона, и с ним первоначально было девять человек. Всего через три месяца он командовал отрядом из трех сотен партизан, и это еще не имея никакой связи с Москвой. А через полгода в его отряде было уже больше тысячи. «Тащ командир, возьмите к себе, а то поборами задавили, житья нет», – глупцы, сменявшие сиюминутную выгоду на будущую свободу! Ведь в Локотской республике было сделано то, что больше нигде – отменены колхозы! Земля, скот, рабочий инвентарь были розданы в личную собственность, причем с учетом отобранного в 1917 году – если бывший владелец мог предъявить свидетелей или бумаги. Конечно, германское командование, испытывающее в то время большие трудности под Москвой, возложило значительную повинность по поставке продовольствия и теплых вещей на республику в целом – тем самым бежавшие в лес перекладывали свою ношу на соседей! – но эти трудности были сугубо временными, и безусловно, победившая германская сторона даровала бы Локтю щедрые послабления и привилегии, и можно лишь мечтать, какой *Швейцарией* стала бы эта территория, если бы не Сабуров и местечковый эгоизм.

Кровавые подвиги Сабурова после надолго запомнят Галиция и Польша, где его «прославленное» соединение, по заслугам переформированное в дивизию НКВД, искореняло «бандитизм». Но первым преступлением этого генерала-партизана, за свои заслуги награжденного Сталиным Зо-

лотой Звездой, был захват города Локоть и убийство Воскобойникова, законно избранного президента Республики. И главным итогом того налета партизан стало падение доверия немцев даже не конкретно к Локотской Республике, просуществовавшей еще год с лишним, а к самой идее русского самоуправления, отныне воспринимаемого ими как «партизанский заповедник». А жители Белоруссии, Брянщины, Полесья, ставшие безвинными жертвами германских зондеркоманд, должны благодарить Сабурова, что им не довелось жить как в Локте.

Русский характер – к своей беде, не видеть, что завоевание более культурной нацией есть благо для нации менее культурной – один лишь Достоевский вложил в уста своему Смердякову гениальное прозрение! Партизаны 1812 года, с вилами выходящие на большую дорогу, виновны в том, что немцы сто с лишним лет спустя видели в нас варваров, не признающих законов войны. Так же как краснодонские «молдогвардейцы», воспетые Фадеевым, уже виноваты, что к нам станут относиться как к дикарям в войне будущей. И отчего вместо германцев в этой войне нашим противником не был народ англосаксонской расы, с давними традициями Хартии Свободы, всё тогда могло быть совсем иначе!

Я призываю Америку, как самую сильную нацию, вершителя судеб мира, не повторять ошибок Гитлера! Нельзя воевать с русскими, как с единым целым! Сначала разложите, разделите их изнутри, умелой политикой и пропагандой.

Найдите опору в дружественном вам слое, прежде всего интеллигенции, которая в советской реальности лишена всего, она станет вашим верным союзником и проводником ваших идей. И берите себе всё, оставьте нам лишь нашу маленькую швейцарию – по месту компактного проживания русского народа – скажем, в радиусе сто – двести километров от Москвы. Этого хватит для сытого проживания истинно духовного русского народа, хранителя давних традиций и культуры. А судьбой прочих миллионов быдла можете распорядиться по собственному усмотрению, хоть выморив в резервациях, как своих индейцев.

Ведь лучше жить в малом числе на малой территории, но в свободе – чем быть рабами в огромной жестокой Империи, где «служение», «тягло», почитается выше прав и интересов отдельной свободной личности!

Я призываю вас, не тяните! Помните, что каждый день в нашей несчастной стране умирают истинно великие люди, так и не дождавшиеся освобождения. В лагере я знал еще одного, русский самородок, поразивший меня своим талантом, глубиной и остротой своих суждений, у него было готовое, свое, оригинальное мнение на каждый поставленный вопрос. И такого человека, на мой взгляд достойного быть депутатом Государственной Думы (если этот орган власти, существующий при последнем царе, будет когда-либо воссоздан) сталинские палачи не просто гнобили в лагере, а использовали в бесчеловечных медицинских экспериментах, необратимо

подорвав его бесценное здоровье, а после кинули умирать *доходягой* – открыто говоря: «Ну когда же ты подохнешь, на свободу тебе всё равно не светит».

Звали его Теодор Троль. Я призываю вас, народы Америки и всего свободного мира, придите и оккупируйте нас, чтобы спасти если не самого Троля, то таких, как он!

Зенгендзе Георгий Артемьевич, профессор Военно-медицинской академии, главный рентгенолог РККФ

«Всё началось с пакета, доставленного спецкурьером. Что вам известно о влиянии гамма- и нейтронного излучения на живой организм? Какие есть меры профилактики и лечения вредных последствий? Жду от вас подробный доклад», – подписи: член ГКО Берия, нарком ВМФ Кузнецов и последним – начальник Главного медицинского управления флота. А такие приказы положено исполнять точно в срок и без обсуждения.

Известно было очень мало. Всё же основные интересы науки тех лет лежали несколько в иной области, рентгеновское излучение – это совсем другое, а гамма-лучи, не говоря уже о нейтронах, были большой экзотикой, и мощного искусственного источника их просто не существовало. Ранняя смерть многих ученых, занимающихся исследованием радия и ему подобных минералов, позволяла предполагать, что эти лучи оказывают чрезвычайно вредное влияние на биологические объекты – но в настоящий момент эта проблема беспокоила

лишь немногих энтузиастов межпланетных полетов, читавших труды Цандера и «Звезду КЭЦ», то есть такого отдаленного будущего, что в суровое военное время не стоило о том и говорить. И Георгий Артемьевич честно изложил на бумаге всё, известное науке, отправил ответ в Москву и благополучно забыл бы о нем за кучей насущных проблем.

Забыть не дали. В Киров, куда была ВМА эвакуирована из Ленинграда, прилетел сам Лаврентий Палыч Берия, причем именно по душу профессора Зенгенидзе. Никакого неудовольствия скудостью доклада однако не проявил, а сначала разговаривал вроде бы ни о чем, как о деталях биографии Георгия Артемьевича, без всякого сомнения известных всемогущему главе госбезопасности. Будто присматривался, изучал в личной беседе, что за человек. И наконец сказал:

– Было бы лучше, если бы вы, товарищ Зенгенидзе, в ответ на мой запрос прислали бы мне вот это. Только, простите, сначала подписку о неразглашении. И вы всё забудете, если решите мое предложение отклонить!

Предложение, не приказ? Это становилось даже любопытным. Георгий Артемьевич открыл папку со штампом «Сов. секретно», и через минуту забыл обо всем на свете. Этого просто не могло быть – никто в мире, насколько известно, не продвинулся настолько в радиобиологии, чтобы получить такую информацию, с количественными расчетами, данными биохимии, клинической картиной наблюдений. По крайней мере, этого точно не было до войны – и казалось неве-

роятным, чтобы кто-то сумел совершить такой скачок за два года!

– Откуда это?

– Вы откроете, Георгий Артемьевич. Если примете мое предложение возглавить работу по этому направлению. Очень перспективная работа, имеющая огромное значение для СССР. Вот только, простите, с секретностью высшей пробы. Так что с мировым признанием – придется подождать. И очень может быть, что надолго – по причине огромного оборонного значения.

– Простите, товарищ нарком, странно слышать это про медицину, спасение человеческих жизней. Я приму ваше предложение, но мне хотелось бы знать подробнее.

– Георгий Артемьевич, вы слышали, что при распаде атомного ядра теоретически можно извлечь огромное количество энергии? И несколько килограммов атомного вещества может заменить эшелон цистерн с нефтью? Так вот, это не фантастика Беляева, такие работы активно ведутся в Америке, Германии и у нас. Но оказалось, что при работе атомного котла возникает губительное излучение, крайне опасное для всего живого – больше того, под его воздействием посторонние материалы – и самого «котла», и окружающей среды – сами начинают излучать. В то же время некоторые вещества, как, например, свинец, сталь, бетон, это излучение ослабляют. Эту проблему будут решать товарищи физики, вам же будет другая задача – что делать с людьми, которые

уже получили опасную дозу? Как их лечить – и возможно ли какими-то мерами, например медикаментозными, снизить восприимчивость организма к излучению? Я предлагаю вам место ответственного за медико-биологическую часть советского Атоммаша. Поскольку сам я отвечаю перед Правительством СССР и Коммунистической Партией за весь атомный проект целиком.

– Когда приступать к работе? И я так понял, что все бюрократические формальности будут улажены?

– Уже улажены, Георгий Артемьевич, только подписать. Первой вашей задачей будет собрать эффективную и надежную команду, кого вы берете с собой – пока что медицинскую часть программы тянул по сути один человек, который, кстати, и дал мне это Наставление, что вы прочли – но он не может взвалить на себя полностью эту нагрузку, поскольку у него штатных обязанностей хватает – корабельного врача.

– Корабельный доктор написал то, о чем не знаю я?

– Георгий Артемьевич, когда вы включитесь в работу, то узнаете еще очень много нового. И получите ответ на ваши вопросы – естественно, на те из них, на которые мы можем вам ответить. А пока – распишитесь здесь и здесь.

Молотовск поначалу не показался профессору центром науки – даже старая Вятка (она же Киров), выглядела поприличнее. Молодой промышленный город, вроде Магнитки или Кузнецка, жилые кварталы при огромном заводе. Холод, снег, полярная ночь – всё больше напоминало теплолю-

бивому Зенгенидзе нижний круг Дантова ада, где томятся казнимые предатели (он еще не подозревал, насколько окажется прав). Тут был Кораблестроительный институт, уже развернувшийся до размеров полноценного филиала той, ленинградской Корабелки, но не наблюдалось никакой медицины, за исключением обычного госпиталя. Однако, разместив гостей даже не в общежитии, а в квартирах нового дома на улице Полярной, дальше их повезли куда-то от берега и завода, вдоль путей узкоколейки. За окнами мела метель, горели редкие фонари.

– На Второй Арсенал, – сказал капитан ГБ, встретивший и сопровождающий группу, – там теперь будете трудиться, товарищи ученые. Автобус ходит, как в мирное время – впрочем, для вас выделен и отдельный транспорт от места жительства, туда в восемь, обратно в шесть.

Высокий забор с колючей проволокой поверх, блестящей в лучах прожекторов (значит, новая совсем). Широкая полоса вокруг, где между рядами колючки ходят патрули с собаками. Несколько бетонных дотов, зенитные батареи, бетонный КПП с пулеметами, больше похожий на крепость – а весь объект на укрепрайон, способный при необходимости выдержать и нападение, и осаду. И строительство продолжалось: уже по эту сторону периметра были видны коробки новых корпусов, ближние к дороге были почти завершены.

– Тесновато становится, – сказал капитан. – Хотя там, дальше, будет не производство, а жилье. Для вас – отсюда

до железки квартал «литер А», за железкой в плане «литер Б». Пленные немцы в три смены работают – как завершим, к весне вас сюда переселим.

Территория внутри довольно большая – несколько цехов и мастерских, котельная, склады, казарма охраны, еще пара домов, похожих на жилые, у одного из них на окнах решетки. И гостей повели как раз туда.

– Вах! – подумал Зенгенидзе. – Смертью и жутью веет! Куда я попал?

Внутри, однако, оказалось стерильно чисто, тепло и уютно. Обстановка действительно походила на научное учреждение. В кабинете на втором этаже, по виду директорскому, ученых ждали комиссар госбезопасности и штатский, еще молодой, но уже с короткой бородкой. В углу за столиком сидела молодая женщина, в белом халате поверх платья – наверное, секретарша.

– Здравствуйте, товарищи, – сказал комиссар. – Я – Кириллов Александр Михайлович, главноответственный за секретность и безопасность Проекта. Мой заместитель, Лазарева Анна Петровна, в мое отсутствие, все вопросы к ней.

– Такая красивая, и из ГБ – разочарованно подумал Зенгенидзе – и замужем к тому же, судя по кольцу на руке.

Штатский с бородкой тоже представился:

– Курчатов, начальник первой лаборатории Проекта. До вчерашнего дня, волею случая, числился и начальником третьей, хотя в основном руководящие указания давал товарищ

Князев, сейчас его здесь нет. Первая лаборатория – общая физика, вторая – оборудование и приборы, так что сейчас, после осмотра рабочих мест, составите заявку, чего вам не хватает и очень желательно было бы иметь; ну а третья будет ваша, в стадии формирования. Что есть непорядок, поскольку вы обеспечиваете и нашу работу, мы не можем позволить себе терять персонал – нас, ученых и инженеров-атомщиков, и так очень мало в СССР.

Разговор свернул в рабочее русло, затем был осмотр лабораторий, довольно неплохо оснащенных. Помимо научного оборудования, наличествовал и виварий с подопытными животными – белые мыши, морские свинки, кролики, собаки. Опыты были жестокими: предполагалось облучить объект при разных условиях и дальше пытаться вылечить, опробуя разные методы, или просто наблюдать за развитием болезни, а после препарировать, наблюдая патологию. Все эти зверьки, пищание и копошащиеся в клетках, должны будут рано или поздно умереть – во славу науки.

И люди тоже. Оказывается, в подвале этого дома находилась и спецтюрьма. Несколько десятков человек ждали своей очереди в камерах – после, в процессе эксперимента, их переведут наверх, в отдельные палаты, где на окнах решетки, стальные двери запираются, а в коридоре стоит охрана. Их тоже ждала судьба лабораторных крыс.

– Исключительно преступники, приговоренные к высшей мере, – сказал Кириллов. – Эсэсовцы, гестаповцы, украин-

ские националисты, польские и прибалтийские бандиты и наши предатели. На каждом из них висит столько, что расстрел они заслужили по праву – но самый гуманный советский суд, в соответствии с последним дополнением к Уголовному Кодексу, дал им выбор. Который теперь, строго по закону, может быть предложен любому приговоренному к высшей мере – или исполнение приговора, или замена на двадцать пять лет заключения с условием на первом этапе: или десять лет опасных для жизни и здоровья медицинских экспериментов, или пятнадцать лет такой же опасной работы на стройках народного хозяйства. Добровольное письменное согласие – с условием, что собственный отказ в процессе ведет к немедленному исполнению приговора, прекращение же первого этапа по состоянию здоровья независимо от отбытого срока влечет дальнейшие двадцать пять лет от звонка до звонка без права на амнистию.

«И конечно, никто из них свободы не увидит – подумал Кириллов, – мразь, у которой руки по локоть в нашей крови, да еще и привлеченная к секретным работам! Если потомки правы, то после десяти лет экспериментов или пятнадцати лет на урановых рудниках вынести еще десять – пятнадцать лет в лагере никак невозможно. Впрочем, если такой уникам и появится, достаточно телефонного звонка в оперчасть. Или же предусмотреть на будущее спецпометку в личном деле, указывающую, что объект на свободу живым выйти не должен. Но товарищам ученым и вообще широкой публике

о том знать необязательно».

По букве – закон будет строго соблюден. А по сути – жизнь нескольких злостных врагов, палачей и мерзавцев стоит успеха Атоммаша!

Сирый Сергей Николаевич, инженер-капитан 1-го ранга, командир БЧ-5 АПЛ «Воронеж», Полярный, 6 декабря 1943 года

Сейчас наградим непричастных и накажем невиноватых. Позднесоветское армейское правило – но, оказывается, действует и здесь.

У меня на борту своих дел – даже не вагон и маленькая тележка, а целый товарный состав. Поскольку часто приходится заниматься и тем, за что в наше время отвечали береговые службы. И конечно, дневать и ночевать на борту, лично вникая во все проблемы, глаз не спускать с матчасти, чтобы всё работало – нам лавры киношной К-19 ну совершенно не нужны! Предки, надо отдать им должное, охотно идут навстречу – Мыльников, комдив-два по электрике, ходит радостный: дюриты местного изготовления привезли, причем плетенки, на первый взгляд, ничем не хуже «родных». И это не первый случай – осваивают предки наши технологии и материалы, я в Северодвинске видел, какое оборудование на «613-е» планируется, и что-то уже и на «эски» ставят при ремонте, но там по мелочи – по аккумуляторной батарее, водяное охлаждение, механическое перемешивание электро-

лита, печи дожига – что позволяет заметно поднять емкость батареи и безопасность ее работы. Электрокоммутационное оборудование новое, автоматические силовые выключатели вместо рубильников и плавких вставок. А вот на Щ-422, бывшей видяевской, с тех пор от стенки завода выходявшей лишь на полигон, команда конструкторов во главе с Перегудовым и Базилевским, похоже, решила проверить технические решения, перенятые от нас – вскрывали корпус, все механизмы поставили на многоярусную амортизацию, и заменили не только АБ, но и электродвижки – убрали редуктор, главный источник шума под водой, дизель работает только на генератор, и моторы двухъякорные, как было уже на «катушках», что в дополнение к возможности подключение аккумуляторных групп как последовательно, так и параллельно, дает широкий диапазон мощностей и оборотов, от малошумного подкрадывания до полного подводного хода. Получили снижение шумности в разы, а то и на порядок – вот их акустики задолбаются наши лодки искать! Плюс повысили мощность движка и емкость батареи, так что под водой, по расчетам, будем обгонять и «двадцать первые». И гидро- и радиолокаторы уже на уровне английских и американских этих лет.

Так что какое-то техобслуживание, и комплектующие, и ремонт – нам доступны уже сейчас. И пожалуй, еще года три-четыре в строю протянем – а там предки на месте не стоят, еще научатся, так что оптимистически можно рассчитывать

и на десять лет службы нашего «Воронежа». Так это выходит, до 1953 года, когда уже первые атомарины, местной постройки, сойдут со стапелей? А мне ж только полтинник стукнет, вполне реально стать и флагмехом дивизии, а это вполне может быть по штату и контр-адмиральская должность! А после – и флагмехом флотилии, когда советский атомный флот во всю мощь развернется¹⁵.

Если я прежде всего командир БЧ-5, значит, это для меня основное дело? Ну, а всё прочее – «общественная нагрузка». Как и консультирование местных товарищей – отчего бы хорошим людям не помочь и Советскому Союзу не послужить. Ну, было такое, что, когда мы в Северодвинске стояли, я и к заводским, и в хозяйство Курчатова ходил, как к себе на борт. И вдруг в разговоре по ВЧ делает мне внушение сам Лаврентий Палыч – нет, еще не разнос, но «высочайшее неудовольствие». А ему, наверное, Кириллов нажаловался – ну, мать-перемать! И Князь наш, светило медицинское, под раздачу попал тоже.

Связываюсь с Северодвинском, выясняю. По ВЧ – которую, как нас авторитетно заверяли, прослушать невозможно, правительственная связь! Эти великие дела в Проекте еще при нас начались, как раз мы в Полярный уходили. Всего лишь нашли третьего, на медицину – да, непорядок, что этим Курчатов занимался в нагрузку и не по профилю. Фа-

¹⁵ В советском ВМФ атомные лодки сводились в дивизии, дивизии во флотилии. У дизельных лодок были бригады и эскадры.

милия Зенгенидзе мне ничего не говорит – тут Князь мне: «Да ты что, это ж у нас был фигура первой величины, академик, создатель школы советской радиологии, первый директор НИИ радиологии», – и прочая, и прочая. Здесь же, как оказалось, про него вспомнил и включил в Проект сам Лаврентий Палыч. И естественно, после поинтересовался у него самого, как дела.

А Зенгенидзе прежде всего врач. И в отличие даже от Курчатова (нет еще в этом времени страха перед радиацией – читал, что на заре атомной эры даже отцы-основатели работали с материалами буквально голыми руками), хорошо представляет, что такое санитарно-эпидемиологическая опасность, «а ваша радиоактивная зараза, которую вы сапогами разносите, не менее опасна, чем бациллы». Нет, мы с Князем предкам, конечно, говорили, и они вроде бы и сделали, как положено, внутренний периметр для «грязных» работ и проход через санпропускник – вот только «по производственной необходимости» бегали туда-сюда все, включая Курчатова, как бог на душу положит. Зенгенидзе же это вопиющее безобразие прекратил, в соответствии с нашими же писаными наставлениями: «Правила есть, составлены хорошо, отчего не исполняете?» И сразу – многоярусная колючка вокруг внутреннего периметра (вместо забора, в котором уже наделали дыр), и проход только и исключительно через душевую («Как, с горячей водой в нужном количестве проблемы? Обеспечить!»), и переодеваться решитель-

но всем («Как, сменного обмундирования не хватает? Срочно пошить!»), и строжайший дозиметрический контроль и территории, и личного состава («Нет еще «накопительных» индивидуальных дозиметров? Так фотопленку в конверте в карман, после проявить, не потемнеет ли!») – в общем, куча тому подобных мер. Тут уже встал на дыбы Курчатов, усмотрев угрозу снижения темпа работ – короче, дело дошло до Лаврентия Палыча, которому пришлось стать третейским судьей.

Курчатова тоже понять можно. На реакторе сейчас не героика первопроходства, а однообразный «китайский» труд. Как, например, выяснение коррозионной стойкости материала, монолита или сварного шва к конкретному химическому реагенту при изменении физических условий (давление, температура – и гамма- или нейтронное облучение). Нет у нас столь подробных данных, кто ж знал, что мы в 1942 год провалимся – и приходится эту конкретику открывать заново, чтобы построить уже энергетическую или оружейно-плутониевую машину, а не тот лабораторный стенд, именуемый по недоразумению тем же словом «реактор». Чтобы не было тут аналога Чернобыля или «Маяка».

Говорить о таких делах даже по ВЧ не очень рекомендуется. Но из намеков нашего «жандарма» понял, что товарищ Берия рассудил: правы оба. Товарищ Зенгенидзе действовал абсолютно правильно – но и товарищу Курчатову надлежит никаких проволочек не допускать. «Изыскивайте внутрен-

ние резервы, людей и ресурсы при необходимости выделим. Родине надо – значит, исполнять!»

И мне то же самое, что я от Лаврентий Палыча слышал:

– Нет у нас непричастных – всё, к чему вы касаетесь, на благо Советской страны, это должно стать вашим личным делом. Командовали на Объекте не вы, так что прямой вашей вины нет – зато степень опасности представляли больше всех, так отчего же не указали, не обратили общее внимание – а не послушали бы, мне не сообщили? Выходит, что если кто-то пострадает, в том и ваша доля вины есть. Нет у нас правила «моя хата с краю», такая теперь политика Партии, и спрашивать будут со всех, всюду и всегда. Как сам товарищ Сталин в «Правде» указал еще четыре дня назад – вы что, не читали? Делаю вам замечание, товарищ Сирий – и постарайтесь впредь таких ошибок не допускать.

А что есть тут замечание, мы уже усвоили. Первая степень – за ней предупреждение, за ней расстрел. Положим, третье – это если уж совсем сильно или злонамеренно накосячишь – Воронов, зам нашего «жандарма», уже с предупреждением бегаёт, и ничего, живой пока. Но вот что мои контр-адмиральские погоны сейчас стали от меня чуть дальше, это я понял однозначно. И что по приходе в Северодвинск у меня резко прибавится головняков, как у внештатного консультанта – тоже.

В принципе, задача решается чисто организационно. Пересмотреть логистику, чтобы люди и грузы через периметр

перемещались по минимуму – утром туда, вечером обратно. И привыкать теперь вам, товарищи из советского Атоммаша, к полной замкнутости – даже в отпуск ездить исключительно в «свои» дома отдыха, а не куда захочется, про границу вообще молчу! Зато жилье у вас будет комфортное – в иной истории, еще при Сталине, рассказывали мне, не только руководители, но и инженеры Атоммаша жили в семейных коттеджах, затем им квартиры полагались, в девятиэтажках улучшенной планировки, ну а техники, рабочие, молодые специалисты после вуза – в общежитии, но не плотнее чем по двое-трое в комнате, причем санблок с кухней, душем, туалетом полагался один на пару комнат, а не один на коридор. Питание опять же – паек, как при коммунизме, со всеми деликатесами и по копеечной цене. И медицина была своя, что тоже в плюс – уже приспособленная под специфические проблемы со здоровьем, о которых врач в районной поликлинике мог и вовсе не знать. Так что жизнь выходит очень даже комфортная, если не слишком свободу любить!

А что есть свобода? Мое право решать то, в чем я лучше разбираюсь, здесь никто не ограничивает – судя по словам Лаврентий Палыча, совсем наоборот! Ну а то, в чем я не разбираюсь, пусть решают те, кому положено. К нашему «вольнодумству» в словах здесь уже все привыкли, при условии, что не при посторонних. В отпуск поехать, так думаю, не откажется Сталин сделать для нас (и экипажей уже здешних атомарин) дома отдыха хоть в Карелии (ягоды, грибы,

рыбалка), хоть в Крыму (который еще никакой Незалежной не отдали, а теперь и хрен отдадут, даже своей же ССР). Зарплата у меня такая, что точно проблемой не будет и «Победу», и «Волгу» купить, когда их делать начнут. Единственно, как командир мечтал Париж увидеть, мне хотелось бы просто по Европе проехать, посмотреть, как там вживую – но будем реалистами, здесь скорее дозvoлят Кукурузнику генсекoм стать, чем кoгo-тo из нас выпустят за кордон. Ну и ладно, переживу!

Что там еще oстается? Ах, да, на личном фронте. У нас женатые писем ждут, а кoму oсобенно повезло, как командиру, могут и по ВЧ пообщаться – нет, не треп, но пара слов, что всё в порядке, и просто гoлoс услышать – это очень много! Как я вчера с Курчатовым разговаривал, ну а после вдруг Настя:

– Сережа, возвращайся, жду!

Не иначе от Лазаревой замечание получила – вот не поверю, что в меня может двадцатилетняя влюбиться, как в какую-нибудь телезвезду!

– Дурак ты, Серега, – говорит Петрович. – Конечно, кто знает, что у этих женщин на уме? Но ты пойми, в этом времени защитники Отечества, да еще с нашими заслугами – куда выше стоят, чем у нас были всякие там киркоровы и джигурды. И мужиков на войне повыбило – так что не удивляйся, что женщины на нас так смотрят; и народ еще не возвращен квартирным вопросом. Ты, главное, понять поста-

райся, она играет или искренне – если второе, то отчего бы и нет? Мне вот Елена Прекрасная сказала – не знает она, откуда мы, и думает, я Галю свою на этой войне потерял, ну как часто здесь – сорок первый, отступление, она там осталась. Так сказала мне Елена: «Если ваша жена живая найдется, я уйду и слова не скажу». И слезы у нее на глазах – а всегда такая бой-баба, хохотушка. Я ей, что стар уже для тебя – а она улыбается: «Так, Иван Петрович, это куда лучше, когда муж старше, уже крепкий хозяин, а не парень безусый – у нас на севере всегда было принято так».

Сидим в кают-компании, пьем чай. Князь, третий за столом, тоже слово вставляет:

– А в самом деле, чем плохо? Если назад, в свое время, мы уже не вернемся. А монахом быть, авторитетно заявляю, очень часто вредно для здоровья. Тут тебе даже беспокоиться не надо – жену подберут, и точно в твоём вкусе. И главное, ты сам выбираешь – из красивых девушек твоего любимого типажа, кто с тобой вдруг станет пересекаться невзначай. Причем не только внешне – общие интересы, близость характера тоже учтут.

– Так тебя тоже?!

Мы посмотрели друг на друга, и нам отчего-то стало смешно.

– Ну, Лазарева! Вот ведь стерва!

Тулон, 6 декабря 1943 года

В ресторане «Шарлемань» шумно праздновали победу.

Если по правде, американцы еще держались. Ликвидировать северную половину плацдарма так и не удалось – но Пятый американский корпус, оборонявший Лиссабон, был разбит, уничтожен или пленен полностью. Ценой потерь, как указывалось в рапорте, «не больших, чем доблестный вермахт мог себе позволить». И в общем, это было не слишком далеко от истины – потери янки были больше, раза в три. Так что картина напоминала победоносный сороковой год: пленные, трофеи, и очередная столица падает к ногам германского солдата. Вот только в веселье были видны черты пира во время чумы.

Французы, хозяева – офицеры Тулонской эскадры – вместе с какими-то штатскими сидели в стороне. Союзников-итальянцев вообще было почти не видно. Центральные столики зала, разукрашенные флагами со свастикой и большим портретом Гитлера, занимали немцы, в подавляющем большинстве моряки. Люфтваффе вело отчаянные бои с американцами, развернувшими против Испании настоящее воздушное наступление, а армейские части с трудом выводились по разбитым бомбежками дорогам, сначала во Францию, а после пополнения на Восточный фронт, откуда приходили всё более тревожные вести. Русские начали там свое наступление, вышли к берегу Балтики, отрезав Кенигсберг, и прорвались наконец через Карпаты в Словакию, и становились всё активнее на зависленских плацдармах – хотя Геб-

бельс орал, что Висленский рубеж неприступен, все помнили, что всего полгода назад это же утверждалось про Днепр.

– Нас вывели сюда на отдых и переформирование, мы сдали позиции дивизии «новой волны», – громко говорил подвыпивший пехотный оберст, – нас остались ошметки, но мы были привычные, а эти мальчишки еще ничего не умеют! И пока они успеют стать солдатами, их выбьют всех. А ветераны на вес золота, их почти нет. Французики пришли в ужас после той войны, потеряв всего лишь треть молодых мужчин. В Германии после этой войны «цветущих возрастов» не останется совсем. А русские шлют на фронт всё новые и новые дивизии, да сколько же диких монгольских орд болтается в их степях? Хотя их солдаты в большинстве вполне европейского, и даже арийского вида – и столь же умелые и храбрые, как наши ветераны, какой кретин называет их унтерменшами, черт возьми? Безусые юнцы, наслушавшись такой пропаганды, воображают, что сейчас будут убивать русских сотнями, защищая фатерлянд – и гибнут без пользы в первом же бою! Нельзя недооценивать врага!

Офицер СД вопросительно посмотрел на Тиле – прекратить пораженческие речи? Адмирал благодушно махнул рукой – пусть говорит! Мне бы твои проблемы – сформировать и обучить всего лишь дивизию! В сравнении с экипажем корабля!

У Еврорейха больше нет флота. Ремонт «Фридриха» займет не меньше полугода. Даже «Шарнгорст» простоит в до-

ке минимум месяц – с повреждениями не только руля, но и валопровода. У итальянцев вообще не осталось тяжелых кораблей, если не считать совершенного старья и только что спущенного «Имперо». Французики – с этой швалью разговор отдельный! Если итальянцы хотя бы сражались, то лягушатники вообще избегали боя – и какого черта они вообще делали в море, кроме того что умудрились потерять «Дюнкерк» и «Марсельезу»? Причем крейсер даже не погиб в сражении, а спустил флаг!

У Еврорейха не будет флота. «Цеппелин», «Гнейзенау», «Дюнкерк», «Венето», «Литторио» – и это не считая крейсеров и эсминцев! Зато американцы быстро восстановят потери: по сообщениям разведки, через полгода у них будет уже три линкора типа «Нью-Джерси» и шесть авианосцев «Эс-секс». И они просто задавят массой – и даже на субмарины надежды нет. Хотя U-1505 записала на счет сразу два американских авианосца, и это в дополнение к третьему, у Нарвика! Неплохо показала себя и U-1507, добив поврежденный «Балтимор» и потопив два транспорта у Порту. Но U-1504 пропала без вести, не сообщив ни об одной победе – возможно, от аварии, у самых первых лодок этой серии было множество «детских болезней». А подлодки прежних проектов, «семерки» и «девятки», задействованные в этой операции, не добились вообще ничего (по крайней мере, нет точных данных) – зато потеряно целых пять, считая и U-123, пропавшую в этом же районе в тот же период! И даже если в

Берлине решат снова сделать ставку на подводную войну и развернут массовое строительство «двадцать первых» (которых пока в наличии две, 1505-я и 1507-я) – героем там будет не он, Тиле, а Дениц.

Победа? Конвой всё же дошел, ночью, в полном беспорядке, а кто-то даже выбросился на берег, боясь потонуть. И когда первые транспорта разгружались, германские танки ворвались в порт. Рассказывают, там была паника и сумбур, в смеси с отвагой – но на стороне немцев был орднунг, четкое управление боем, вдобавок кто-то из транспортов сел на мель, обходя затопленный «Прованс», еще больше загородив фарватер. И повезло, что линкоры янки не стреляли по берегу – снаряды берегли? Или скорее, ночью не могли разобрать, где свои, где чужие, бой у причалов был совсем коротке. Если считать с потопленными, то американцы потеряли половину конвоя – формально это победа! Вот только океан теперь принадлежит англосаксонским унтерменшам!

– ...солдаты уже не верят в победу! – распинался всё тот же пьяный оберст. – Знаете, что они поют в личное время? «Мертвого барабанщика» и тому подобное – чем русские забивают наш эфир, мешая командам! Хотел бы я знать, русские в сорок первом пели «Лили Марлен»? И откуда идут слухи, среди наших – что как раз русские, это подлинные арийцы, за которых вступились арийские боги? Говорят о том почти в открытую, причем даже в ваффен СС – что в восемьсот двенадцатом, как и в сорок первом, был необыч-

ный мороз, это как раз боги явились в наш мир, и все помнят, что было после? Мы сражаемся, и будем драться хоть с самим дьяволом – но без надежды победить!

«Шваль, шайзе! Если бы французы верили в победу, они бы навалились на конвой с той стороны – и тогда море покраснело бы от крови унтерменшей! Если бы итальянцы верили в победу, они не допустили бы, чтобы вторая американская эскадра сумела бы вмешаться! Только свои, доблестные и непобедимые германские воины, сражались в этой битве, не жалея себя!» Бешеный взгляд Тиле остановился на французах – что они делают здесь и по какому праву празднуют победу, к которой не приложили никаких усилий?

– Эй, лягушатники! Всем встать! Хайль Гитлер!

За немецкими столами все вскочили, вытянув руку, взревели в ответ. Но итальянцы демонстративно остались сидеть молча! И их примеру последовали многие из французов! Бунт?! Неуважение к рейху?! Гестапо сюда!

Французы дрогнули, нестройно встали, протянули руки в приветствии. Адмирал однако остался недоволен – не слышал в голосах рвения, многие из лягушатников едва мычали что-то, а некоторые и вовсе молчали.

– Так, а теперь повторить, и только французам! Хайль Гитлер – и громче, французская шваль!

Подчинились, а куда денутся! Кажется, Бисмарк говорил, что для заключения союза нужны наездник и осел, причем в роли первого всегда Германия. Так и Еврорейх – чтобы

было пушечное мясо, сдохнуть вместо нас за наш интерес, иначе все эти жабоеды нужны нам лишь как рабы! Хорошие, старательные рабы, низшие особи, в которых нет ни капли арийской крови!

– Ну вот, уже почти хорошо – а теперь еще раз хайль, да чтобы стены тряслись! Отлично – теперь почти на людей похожи! Дозволяю сесть!

Сразу полегчало, и настроение поднялось. В конце концов, самое неприятное – это будущий гнев и удивление фюрера: «Как, вы не принесли мне победы?» Так ведь и безусловным поражением это тоже не назвать – и было бы хуже с репутацией победителя получить приказ ловить Полярного Змея! «А я еще не готов – число моих жертвенных барашков явно не дотягивает до ста тысяч! Хотя, может быть, генерала Достлера спросить – а вдруг он такой же, как я? Не только раненых, чтобы не везти и не лечить – но и вполне здоровых пленных расстреливал сотнями по любому поводу, и говорят, что в России он делал то же самое. А вдруг и такие жертвы подойдут – думаю, рейхсфюрер не откажется выделить мне недостающее число пленных? Чтобы их убили перед курганом, на вершине которого буду стоять я, великий и непобедимый, будущий Вождь германской нации – как Аттила полторы тысячи лет назад! А когда я обрету Силу – бойтесь тогда все – и янки, и русские, и этот псих в Берлине! Потому что у великого народа может быть лишь один Вождь!

Ну а флот – что флот? Не всё еще потеряно. Если рек-

визировать «Империо» у макаронников и «Страсбург» у лягушатников, а также все их крейсера и эсминцы, посадить на них германские экипажи. «Цепелин» заменить – у макаронников строится авианосец «Аквила», почти уже готов, в отличие от французского «Жоффра», который пока лишь груда железа на стапеле. Итого выходит, через полгода, пять линкоров (отремонтированный «Фридрих», «Шарнгорст», «Страсбург», «Рома», «Империо»), один авианосец, семь тяжелых крейсеров (французы, четыре тип «Сюффрен», два тип «Турвиль», итальянский «Гориция»), два легких крейсера у французов («Гарисольер» и «Жан-де-Винн»), еще у итальянцев – надо посмотреть, сколько у них в строю – и свыше тридцати эсминцев, считая французские лидеры, которые не слабее «нарвиков». Корабли есть, дело лишь за экипажами (тот оберст из пехоты может заткнуться – подумаешь, всего лишь дивизию сформировать!). Поскольку доверять союзникам категорически нельзя. Особенно итальянцам, они уже на грани бунта, отчего-то убежденные, что я сознательно подставил их под расстрел (вообще-то это так и есть, ну отчего вы не сдохли, прихватив с собой всю американскую эскадру?). Это я и скажу фюреру! Гнусное предательство – и если флот рейха всё равно был на грани победы, что было бы, выполни французы и итальянцы свой долг до конца! Итальянский адмирал, к его счастью, погиб – ну а если Дюпена, это надутое ничтожество, расстреляют, жалеть несколько не буду!»

Застолье плавно перетекало в неофициальную фазу. Становилось откровенно скучно. «Шарлемань» (интересно, как этот кабаk назывался до войны) считался очень приличным заведением, и «дам полусвета» сюда не пускали. Так что единственным женским обществом в зале были жены французских офицеров, немногочисленные связистки-немки и еще меньшее число «приличных» француженок. А что может быть истинной наградой солдату после тягот и лишений в боях и походах? Тиле с неудовольствием подумал, что сейчас придется вернуться в особняк (в охраняемом квартале, выделенном для размещения высших чинов) и провести остаток вечера в одиночестве.

И тут он встретился взглядом с женщиной – довольно красивой, лет тридцати, в эффектном вечернем платье. Она улыбнулась в ответ и, кажется, явно была не против более близкого знакомства. Указав на даму, Тиле спросил у офицера-порученца от СД, кто это такая. На «полусвет» явно не похожа. И замужем ли?

Графиня Мари Липская. Отец у нее был то ли русским, то ли поляком, но перебрался во Францию еще до той Великой войны, женился на француженке. Родилась в 1912-м, в Париже, еще десять лет назад перебралась в Тулон – по слухам, из-за романа с каким-то морским офицером. Образованна, свободно говорит по-немецки и по-итальянски. Благонадежна, в подозрительных и порочащих связях не замечена. Владеет здесь чем-то вроде клуба, где бывает весь высший свет,

и германские офицеры тоже. Этим и живет – перепродажа антиквариата, произведений искусства, старых книг, а также посредничество в торговых сделках и информация, она в Тулоне знает всех сколько-нибудь значимых. Ну и женщины – нет, герр адмирал, не бордель, хотя по сути... У нее есть подруги, такие же приличные дамы, замужние и нет. Им тоже хочется бывать в обществе, а не скучать дома, и они посещают клуб, и нередко находят мужчин, с которыми встречаются постоянно – ясно, что и графиня имеет что-то с этого, за услугу. Живет богато, явно не стесняясь в средствах. Постоянного мужчины не замечено.

Для Тиле всё стало ясно. Он, фактически командуя морскими силами Еврорейха на Западном направлении, держал свой флаг в Нарвике, Бресте, Ферроле, Гибралтаре – но вот в Тулоне не бывал. В то же время «адмирал-берсерк», кавалер всех мыслимых наград кригсмарине – и Рыцарского креста с Мечами, Бриллиантами, Дубовыми листьями и Почетного кортика (который ему вручил в Берлине лично рейхсфюрер, номинально командующий ваффенмарине) – адмирал, принесший Германии «победу, равную Скагерраку», был фигурой, знакомство с которой – уже капитал. А значит, эта курица (умна, образованна – значит, с напыщенным видом может рассуждать о самых заумных материях, и не больше!) – будет безумно горда назавтра рассказывать «в обществе», как беседовала, а может и не только, с самим Тиле. «Что ж, курица, будут у тебя после такие воспоминания! И не только

о беседе».

Дама охотно села к его столику. И то, что было дальше, полностью оправдало ожидания Тиле – любезности, красивые слова обо всем, что в «обществе», согласно этикету, может служить темой пристойной беседы. Дура, неужели неясно, что мне от тебя нужно лишь одно? Ведь старый солдат, давно не слышавший слов любви – заслужил большую награду, чем какие-то слова!

– Куда поедем?

– О, герр адмирал, а разве вы не хотите посмотреть на мой клуб и произведения искусства, что я там собрала – сейчас там никого нет, и никто нам не помешает! И это совсем рядом, буквально в нескольких кварталах!

Графиня сама вела маленький «ситроен»; «мерседес» с Тиле, адъютантом и двумя охранниками от СД ехал следом. Ехать и в самом деле оказалось недалеко: центр города, фешенебельный район, апартаменты графини занимали целый этаж старого дома – это рассказал адмиралу один из офицеров-охранников, там уже бывавший. Тремя кварталами дальше находилось гестапо, по улице мимо прошел немецкий патруль – сама мысль о нападении макизаров казалась невероятной, однако же, как положено по инструкции, двое телохранителей поднялись в дом первыми, чтобы убедиться в отсутствии любой угрозы и подозрительных лиц – вернувшись, доложили, всё чисто. Графиня рассмеялась:

– Ах, герр адмирал, неужели вы думали, что я связана с

маки? Меня же знает весь Тулон, уже столько лет! И поверьте, мне здесь ну совершенно не нужны проблемы!

«У тебя будут проблемы, курица, если ты не замолчишь! – подумал Тиле, на время отпустив охранников (не хватало еще, чтобы они торчали за дверьми). – И мне не интересны твои рассуждения про импрессионизм, или как там называется эта мазня, что развешана по стенам? Предлагаешь пройти в гостиную, где уже сервирован стол? Вино, фрукты, прибор на двоих – но я после ресторана сыт уже! И мне надо совсем другое – спальня где?»

Меч путался в ногах. Настоящий самурайский меч, который всё же вручил ему Мори Танабэ – меч, принадлежащий одному из пилотов: «Вопреки обычаю он ушел на вылет без клинка, несущего удачу – и не вернулся». Японский меч-катана был мало похож на саблю, полагающуюся офицерам кригсмарине при полной парадной форме, а уж носить его вместе с кортиком не укладывалось ни в какой порядок – но кто будет указывать адмиралу, да еще герою с такой репутацией; отчего Тиле пристегнул меч, отправляясь на торжество, не знал он и сам – может быть, из-за иррациональной веры, что японец прав, и Меч действительно дарует владельцу какую-то способность, или просто удачу. Рукоять, приятная на ощупь, удобно лежала в ладони, а тонкий, слегка изогнутый клинок, казалось, сам просил крови – взяв меч в руку, хотелось прочувствовать, как он рассекает плоть; сейчас Тиле отлично понимал самураев, проверявших новый меч на

первом встреченном путнике, а также считавших, что если клинок долго не пил кровь, он теряет не только остроту, но и Силу, даваемую владельцу.

Захотелось вдруг выхватить меч и ударить эту курицу, как учил Танабэ-сан, сверху вниз, «опусканием журавля». Желание было таким сильным, что Тиле даже убрал руку с эфеса, боясь не сдержаться. «Да не хочу я сейчас твоего вина – а, вот это, кажется, спальня! Что за беспорядок, всё разбросано, какой-то чемодан посреди, и свернутая трубкой картина, вынутая из рамы... Курица пищит, что только приехала, не успела распаковаться? А вот на кровать тебя – воистину королевских размеров, с пологом поверх!»

Он взял ее грубо, как матрос, год не видевший берега. Даже разорвал на ней платье, не дожидаясь, пока она его снимет. Она что-то пищала, ему же хотелось ее придушить. «Что у вас есть хорошего, французики, кроме ваших женщин? И лучшие женщины должны принадлежать победителю, во все времена, разве это не так?» Ему не было дела до ее чувств, и даже – жива ли она вообще. Он хотел получить удовольствие и снять напряжение, всё остальное было неважно.

А когда всё закончилось, и он, одевшись, пристегивал меч, то снова отчего-то захотел опробовать клинок на этой курице, но сдержался. Потому что он снова придет в этот дом, когда захочет, и без всякого приглашения – он здесь хозяин, и в его власти отправить эту даму, и всех ее знакомых, в гестапо. Напряжение почти исчезло, какое-то едва замет-

ное беспокойство еще сидело на самом краю его сознания, но он не стал задумываться. Можно теперь и выпить вина. А затем – повторить.

И когда он уже поднес бокал ко рту, в голове его вдруг всё стало четким и ясным, как во время боя, когда Полярный демон касался его сознания.

Она только приехала? Беспорядок в комнате – при собранном чемодане? И нет следов пыли – может, убирает прислуга? И стол, накрытый на двоих – значит, она заранее знала, что я буду здесь? Или она собралась немедленно уехать, сразу после того, как я уйду?

Но он успел проглотить содержимое бокала. И почувствовал, как качается под ногами пол. А графиня смотрела с усмешкой, взглядом умным и жестоким – глазами врага.

– Ты меня отравила, тварь?!

Рукоятка меча будто сама ткнулась в ладонь. Но в глазах уже всё плыло, и не было сил. Кажется, он успел еще выбросить клинок вперед, целясь прямо в ненавистное красивое лицо женщины, и услышал вскрик. Затем паркет стал вертикальным, и сознание померкло.

Он пришел в себя... сколько прошло времени, неизвестно. В той же самой комнате, посаженный в кресло посредине. Еще здесь были двое, в штатском, один молодой, второй постарше. На краю стола лежала медицинская сумка, шприц, ампулы, а тарелки были сдвинуты все в сторону.

– Вы всё видите, слышите, находитесь в полном созна-

нии, – сказал пожилой, – но не можете пошевелить и пальцем. Новейший препарат, разработанный УСО. Как судья, я сейчас зачитаю ваш приговор – ну а после, как доктор медицины, удостоверюсь в вашей смерти и подпишу документ. Эти британцы такие законники – нет бы просто пристрелить или взорвать! Но стрельбу на улице сочли слишком шумной, не меньше десяти человек бы потребовалось, с автоматическим оружием, и несколько автомобилей. Так что проще и дешевле – вот так, заодно и суд по всей форме проведем. За прокурора выступит мсье Гастон – ну а адвоката вы себя лишили сами!

Молодой человек подошел к Тиле и с размаху ударил его по лицу. Странно, но адмирал ничего не почувствовал, лишь голова сильно мотнулась назад.

– Немецкая свинья! – прошипел Гастон. – Та женщина, которую ты изнасиловал и изуродовал – это моя жена! Сейчас я тебе отрежу нос, уши, выну глаза. Чтобы было, как в Библии, око за око, зуб за зуб!

– Не надо, – сказал доктор. – Он всё равно ничего не почувствует, этот препарат работает еще и как анестетик. И через час нас не должно быть в Тулоне. Итак, Август Тиле, родившийся в 1893 году в Шарлотенбурге, обвиняется в военных преступлениях, как то: убийство пятнадцати тысяч человек пассажиров и экипажа лайнера «Куин-Элизабет», двух тысяч человек экипажа линкора «Айова», а также еще в общей сумме двенадцати тысяч человек, терпящих бедствие на

море. В нарушении правил и обычаев войны, никак не вызванных военной необходимостью. В расправе с особой жестокостью с незащитными людьми, гражданами Великобритании и Соединенных Штатов. Факт преступления и вина подсудимого доказаны достоверно. Приговор – смерть! Приведен в исполнение 6 декабря 1943 года. Протокол составлен, подписи: доктор медицины Анри Брокар и лейтенант французского флота Гастон Сенжье. Мадам Сенжье выйти не может, вы изуродовали ее, рассекли лицо, для женщины это хуже, чем если бы мне отрезать руку или ногу – но ее супруг имеет право подписи за нее.

Тиле хотелось взвыть. Не только затем, чтобы его услышал на улице патруль. Он не раз представлял себе русского адмирала, одержимого Полярным Ужасом, или даже управляющего им – без всякого сомнения, это был беспощадный ледяной великан, истинно арийской внешности, живое воплощение скандинавского бога Тора. Однако же смерть в бою с таким врагом – это не позор, а даже почет, в какой-то мере! Но этот старый, толстый, низенький француз («интересно, как он убежал от нас в сороковом!»), презренный унтерменш, грязь на арийском сапоге – как он смеет посягнуть на него, своего господина! «Франция, эта европейская подстилка, может лишь подло бить из-за угла, а не сражаться честно! Или служить шавкой для других, более сильных – пока мы были сильнее, склонились перед нами, стоило же весам качнуться – переметнулись на сторону англичан! И вы за всё

заплатите, вы и ваша ублюдочная страна – мне не придется объяснять фюреру, отчего я не победил, теперь это с охотой сделают другие, сказав: из-за измены, предательства лягушатников! Что после будет с Францией, страшно и представить!»

Вот только ему это, здесь и сейчас, не поможет никак. Мысли метались лихорадочно, пытаюсь найти выход. И не находили.

– Однако, герр Тиле, у нас времени мало, – сказал доктор и достал фотоаппарат-«лейку»: – Это чтобы в доказательство запечатлеть ваш труп. Ну что, Гастон, справимся сами, или кого-нибудь с постов позвать?

– Что вы, мсье, я эту работу за честь сочту! – усмехнулся Гастон. – Мы тебя на британский манер казним, свинья! Ты у нас попляшешь, как на рее. Жаль, что ты не прочувствуешь – чертов препарат!

Они накинули на шею Тиле петлю, прямо в кресле – веревка была уже пропущена через крюк от люстры на потолке. И вместе, дружно, потянули за свободный конец. Адмирал захрипел, боли не было, но перехватило горло и стало нельзя дышать. Затем в глазах поплыли красные круги, как у утопленника.

И наступила тьма.

Берлин, рейхканцелярия. Следующий день

Опять предательство?! Лучшего флотоводца Германии,

моего «берсерка», убили французы! Истинный германский рыцарь, непобедимый в бою, пал, сраженный подлым ударом в спину! Мы не смогли тебя уберечь – но сумеем страшно отомстить!

И вы говорите, до того эти лягушатники предательски уклонились от боя? В то время как Тиле на своем флагмане дрался с двумя американскими линкорами, они пришли, показали, и не вступили в сражение, испугавшись всего одного корабля? А крейсер «Марсельеза» перешел на сторону врага во время битвы? Они украли победу у флота рейха! Я говорил, что французам нельзя доверять – и что они недостойны служить даже добровольцами в частях СС. Вы же настаивали на обратном – и кто оказался прав?!

Измену надо выжигать с корнем! Расстрелять адмирала Дюпена и командиров французских кораблей! А куда смотрели кригс-комиссары? Всех их рядовыми на Восточный фронт! Провести самое тщательное расследование на предмет причастности высшего командования французского флота и французских властей! Решили ударить в спину сражающейся с русскими ордами Германии? Они об этом пожалуют!

Год назад я обещал французам за непокорность режим самой жестокой оккупации. Они решили, что я шучу? Так пусть они это получают!

Берлин, кабинет рейхсфюрера (он же командующий вафф-

фенмарине).

Через час

– Заключенный номер... прибыл.

– Ну, Руди, ты уж прости старого друга. И позволь поздравить с возвращением свободы и чина.

– Генрих, давай без любезностей. И скажи прямо, что тебе снова понадобился мой опыт сыскаря. Что на этот раз случилось?

– Я распорядился, чтобы тебе давали газеты. Что скажешь про убийство нашего «берсерка» Тиле?

– Я так понял, что кого-то уже поймали? Или пока нет?

– Поймать исполнителей – это полдела. Главное – найти тех, кто за ними стоит.

– Подозреваешь заговор? Французы – или наши?

– А вот на это вы, группенфюрер Рудински, и дадите ответ.

– Если рассуждать здраво, собственно макизарам адмирал никак не мешал. Значит – приказ был из Лондона.

– Вот только кому, Руди? Одно дело, если это узкая операция их УСО руками привлеченных маки или собственной агентуры. Второе – если это не одни британцы, но и общеполитический заговор, в чем уверен фюрер. И он сгоряча отдал приказ немедленно расформировать экипажи всей французской эскадры – а я, как командующий ваффенмарине, не могу такого допустить, поскольку сейчас эта эскадра – практически всё, что осталось от флота Еврорейха! Так что

приказ фюрера будет исполнен, но с поправкой – будут изъяты лишь причастные к заговору, которых найдешь мне ты, а не все подряд. Если конечно, этот заговор есть – если же нет, то будет достаточно списка наиболее неблагонадежных и наименее ценных – для показательной расправы. И третье, самое худшее – если в игре кто-то из наших, решивших слить фронт на западе перед англичанами и янки. Такие вот три слоя, три дна – и постарайся нырнуть поглубже, Руди, мне нужно знать, с чем мы имеем дело. Подчиняться будешь мне одному, полномочия у тебя будут самые широкие. Даже сам Модель, который сейчас во Франции всё решает – вместо декоративной фигуры Петена, лишь озвучивающей его волю – может только просить тебя, но не приказывать. Ты только найди – кто?

– Сделаю, Генрих. Если это дела людей, а не поднявшихся богов.

Интервью журналу «Пари матч».

Записано в Париже, 1960 год (альт-ист)

Да, это я, Гастон Сенжье. Участник той самой, «наиболее известной акции французского Сопротивления» – куда уж известнее, после этого фильма! Как видите, совсем не похож на Жана Марэ, сыгравшего там меня.

Количество «Оскаров» – совсем не показатель исторической правды! Не мог я сходить с борта «Страсбурга» после Лиссабонского сражения, поскольку на тот день был дезер-

тиром, живущим в Тулоне по чужим документам – если бы поймали, штрафные батальоны Остфронта – это самое меньшее, что мне грозило. И у моей Мари с Тиле не было романа, и она не терзалась сомнениями, кого предпочесть, меня или его, и что выбрать, патриотический долг или чувство – потому что впервые увидела этого мерзавца всего за час до того, как это случилось. И сам «великий Тиле» вовсе не был похож на древнего викинга, каким он там изображен, гигант безупречной нордической внешности, вполне уместный на палубе драккара в рогатом шлеме – мне он не показался ни великим, ни ужасным, и к тому же был гораздо старше, чем киногерой.

«Убить Берсерка» – и на афише Мари с мечом в руке? Уверяю, она никогда не держала в руках оружия! Жизнь была для нее, как игра, театр, блеск – она просто не воспринимала всерьез опасности, легко порхала, как мотылек у огня! И то, чем мы занимались, было для нее не больше чем очередная роль – «шпионка в стане врага, как это романтично!» Парадоксально, но это ее выручало – наверное, в гестапо были очень серьезные люди, и они не могли представить, что столь легкомысленное на вид существо может быть хоть сколько-то опасно!

Нашим куратором от британского УСО был «месье Поль». Не знаю его настоящего имени и звания, он безупречно говорил по-французски, и по виду и манерам был как настоящий француз. Он уже был с «доком» Андре, когда я и

Мари присоединились к группе. Но это был британец, знаю достоверно. Как – из очень напряженного разговора, как раз перед тем делом. Когда он передал нам приказ – и ясно было, что после все мы, скорее всего, погибнем, ведь гестапо будет очень тщательно искать виновных, а скрыть следы почти невозможно! В то же время мы уже слышали про британские планы после взять с нас огромную контрибуцию, а возможно, и установить свой оккупационный режим, и Андре спросил, ради чего нам идти на смерть – чтобы сменить немцев на англичан? Но «месье Поль» не уклонился от ответа, а честно сказал: «Разве Британия не является пока единственной европейской страной, непримиримо воюющей с немецким фашизмом, единственным островом света в океане тьмы, и несущей тяжелые потери, терпящей огромный урон? Разве не справедливо, что все прочие, поддавшиеся злу, хотя бы возместят Британии эти затраты, вместе с расходами на свое освобождение? Но если Франция восстанет и присоединится к стороне добра, это обязательно будет зачтено – и эта акция нужна прежде всего нам, чтобы показать, что и по эту сторону Пролива злу служат не все». – «Вы рассуждаете как проповедник», – заметил Андре. «А разве эта война не является чем-то большим? – ответил англичанин. – Битва, где решается судьба всей мировой цивилизации, фашизм или демократия, гнет или свобода!»

Наверное, «месье Поль» был священником, миссионером в той, довоенной жизни. Как это было давно!

Я вспоминал, как мы ездили с Мари на Ривьеру летом тридцать девятого. Последний раз мы были счастливы вместе. Ей нравилось быть в центре внимания – помню, как она ответила мне, когда я делал ей выговор по поводу кого-то из ее поклонников: «Если хочешь, вызови его на дуэль, а я посмотрю на это зрелище!» Но она всегда возвращалась ко мне. И всё же была патриоткой – «прекрасная Франция» была для нее не пустым звуком!

Она и была центром нашей группы. Хотя командиром был Андре. Еще в группе были Марселец, бывший матрос; Иван, русский, бежал из лагеря пленных, кажется, летчик, и я не знаю его подлинного имени, мы звали его так; еще Легионер, действительно отслуживший в Иностранном легионе; а также Фернандо, Родриго и Исабель – двое парней и девушка, испанцы, у них были какие-то проблемы с режимом Франко после их гражданской войны. Нет, радиста у нас не было – мы передавали всё Андре, а он «месяц Полю» во время его приездов в Тулон. И основную информацию добывала Мари, а мы были на подхвате. Я даже не мог у нее появляться открыто, ведь по документам я был совсем не ее муж – лишь иногда, не чаще чем раз в месяц или два... Потому я ждал, когда мы, выполнив приказ, должны наконец будем бежать из Тулона. В Швейцарию – и будем жить там до конца войны, а затем долго и счастливо, пока смерть не разлучит нас. Мы были молоды и верили в лучшее.

В тот день мы собрались все в доме Мари. Родриго с Иса-

бель изображали влюбленную пару снаружи, на улице, а мы шестеро ждали в квартире этажом выше. «Месье Поля» не было, он никогда не ходил с нами на акции, лишь передавал приказы, а после принимал рапорт. Мы слышали, как все подъехали, сначала зашли гестаповцы, осмотрели внизу – и поднялись к нам, позвонили в дверь. Тут выглянула соседка напротив, мадам Тарваль, и сказала, что «это квартира месье Дефанжа из интендантства (на это имя были документы у Андре), но сейчас он в отъезде, там никого нет». Она отвечала искренне – мы зашли с черного хода и сидели тихо, не зажигая свет. Милейшая старушка, чуждая войне и политике – я узнал, что ее после арестовали и отправили в концлагерь, всего лишь за то, что она невольно выручила нас!

Мы сидели и слушали. Так как в квартире-«клубе» Мари нередко бывали интересующие нас лица, то мы сделали прослушку – скрытые микрофоны в нескольких комнатах, а наверху не репродуктор, а телефонный аппарат, и если снять трубку и нажать одну из кнопок под ним, то слышно, что происходит в выбранном помещении. И тогда слушал я – как этот подонок насиловал Мари! Но Андре приказал ждать, не вмешиваться! Мы должны были войти, лишь когда мерзавец уснет после бокала вина. Снадобье дал «месье Поль», и несколько раз повторил, всё должно быть по всей форме, не просто труп, но с фотографиями и подписанным приговором. И если бы поднялся шум – по улице даже в этот час ездили и ходили немцы, нам было бы не уйти.

А после мы не поняли что случилось. Затем Мари сказала странным и спокойным голосом – заходите, я открою. Она прижимала к лицу окровавленное полотенце – и упала в обморок, лишь отперев дверь. Эта немецкая скотина ударила ее саблей, снизу вверх, вот сюда, в скулу – и клинок был острый, как бритва, слава богу, череп не рассек, но снес ей щеку, ухо, нос, левый глаз – как она не упала сразу от боли, а еще сумела нас впустить, не знаю! Андре наложил повязку, что еще мы могли сделать? Затем мы разошлись, как было оговорено, Иван с Марсельцем в подъезд, Легионер с Фернандо к черному ходу, Родриго с Исабель так и прогуливались вниз, ну а я и Андре приступили к исполнению приговора, эта фашистская свинья уже пришла в себя, но не могла шевелиться, так и было задумано, чтобы он всё видел и понимал.

Так что не было сцены из фильма – когда он всего лишь бьет Мари кулаком, не успев выпить вина, тут вбегаем мы, он выхватывает саблю, а мы пытаемся одолеть его приемами французского бокса сават. И тем более не могло быть – когда он хочет добить меня, раненого, и тут очнувшаяся Мари хватает со стены рыцарский меч и отважно вступает в бой. Там было оружие, развешанное по стенам – но не в этой гостиной. И конечно, женщина не может так легко и долго махать громадным двуручником – это лишь кино. Не говоря о том, что эпизод явно затянут – и такой шум был бы слышен на улице первому же немецкому патрулю. И что в таком слу-

чае делали наши товарищи на лестнице? Но сама сцена снята эффектно. Эх, если бы всё было так!

Ну а после нам надо было бежать как можно скорее и дальше. Порознь – так легче было затеряться. Я сопровождал Мари, «несчастную жертву мужа-ревнивца», мы ехали к швейцарской границе, вместе, но при проверке документов не показывая, что знакомы. Это спасло ее, когда меня сняли с поезда. На вторые сутки немцы уже устраивали по всей Франции облавы, проверку с личным досмотром и обыском багажа, не ограничиваясь одними документами. Я взял кортик Тиле – по бумагам, я был отставным офицером, мог иметь кортик в вещах. Из глупого самолюбия – кортик того самого адмирала, которого так боятся британцы. Если бы не слухи о британской контрибуции, и если бы я не был моряком... Глупость, мальчишество, погубившее всех нас! Но я сделал это – и уже не повернуть назад.

Это был наградной кортик – Почетный кортик кригсмарине, украшенный бриллиантами, с золотым эфесом и дамасским клинком. Всего их было сделано, кажется, полсотни, и награжденные были наперечет, ведь кортики вручал, по уставу, лично командующий немецким флотом. И эта вещь никак не могла оказаться у французского отставного офицера! Немецкие жандармы не были знатоками флотских наград, но, не разьясняя причины, предложили мне сойти, вежливо предложили, «формальность, месье, уладим – и поедете следующим». А Мари поехала дальше одна – слава бо-

гу, немцы не поняли, что мы были вместе! Затем приехал немец-флотский, увидел кортик – и для меня начался ад!

Не верьте, что попав в гестапо, можно молчать. Меня сломали через сутки. Я рассказал всё, что знал, про всех – и про Мари тоже, надеясь, что она уже в Женеве! Странно, но немцы не знали про ее ранение – а ведь в квартире осталась ее кровь, и полотенце, и бинты! И окровавленный меч – это лишь в фильме она носит катану в зонтике, ну как бы это было возможно, у японского меча клинок не только длиннее, но и изогнут, и спрятать его так, переделать зонтик под ручку-ножны, просто нельзя! И не было никогда сцен, где она, в секунду выхватив меч, рубит немецкий патруль или убивает их офицеров, подошедших к одинокой даме на вечерней улице – если бы всё было так ярко, просто и красочно, как в фильме! Но она сумела уйти в Швейцарию, в ее состоянии и не попасться – вот это был подвиг!

А у меня были очные ставки с теми, кого поймали. С Марсельцем, с Фернандо, с Легионером – и хочу верить, что не я первый заговорил, выдав всех. Слышал, что Иван был убит, пытаюсь перейти границу в Швейцарию. Андре был арестован позже, уже в сорок четвертом. Про Родриго и Исабель ничего не знаю, но никогда после не слышал о них как о живых – хочу надеяться, что их не поймали, и они живут где-то, долго и счастливо. Как не вышло у меня.

Я не знаю, отчего меня не расстреляли – как всех моих товарищей. Может быть, считали более важной фигурой –

если привезли в Берлин и допрашивали уже там. И каждый день я ждал смерти – ну а после пришли русские.

Блистательный Жан Марэ – это я в фильме. И полуслепой инвалид, неспособный сделать шаг без костылей – живу на пенсию от французского правительства, едва хватает на эту квартиру и чтобы не помереть с голода. И так шестнадцать лет – как закончилась война.

И Мари... Как я разыскал ее после, это отдельная история. Благодарю за всё еще одну святую женщину, Веру Аткинс¹⁶. Именно она вытащила меня из лагеря для «перемещенных лиц», куда я попал после репатриации от русских, находясь под подозрением, не был ли я перевербован сначала гестапо, затем НКВД. А после она же дала мне адрес Мари – перебравшись в Париж, я сразу написал ей. Это всё, что я мог сделать, ведь даже путь до продуктовой лавки давался мне с трудом. И моя Мари вернулась ко мне в сорок седьмом, и мы прожили вместе еще пять лет.

Тогда еще не умели делать хорошей пластики. Боже, что эти коновалы сделали с ее лицом! После той светской жизни, к которой она привыкла – сидеть со мной безвылазно в этой квартирке, умирая от скуки и безденежья! А я не мог дать ей того, что она заслуживает – видите, на кого я похож после гестаповских пыток? И она еще боялась, что я встречу

¹⁶ Зам. командира сектора Ф1 (французского) УСО. После войны добровольно взяла обязанность поиска всех пропавших без вести и уточнения судьбы погибших агентов. Увековечена Яном Флемингом в образе секретарши мистера М.

другую, не изуродованную, и ее брошу! Кончилось тем, что она приняла яд и не проснулась. И всё было, как мы мечтали когда-то: «Вместе, пока смерть не разлучит нас». Ну, а я еще доживаю.

Вот, последняя наша хорошая фотография, сохранившаяся, несмотря на всё. Ривьера, август тридцать девятого. Мы молоды, красивы – и нет еще войны.

Лазарев Михаил Петрович.

Подводная лодка «Воронеж», 14 декабря 1943 года

«От диких фиордов, от гулких скал, от северных берегов. Норманнский ветер ладьи погнал, надул щиты парусов...»

Эта песня из нашего времени, запускаемая по корабельной трансляции при выходе в боевой поход (не на учения), уже стала нашей традицией. В отличие от «Растаял в далеком тумане Рыбачий...», которую сейчас, наверное, так же крутят на эсминцах, сопровождающих нас. Мы еще помним, что мы не отсюда, и хотим сохранить что-то из наших родных времен, чтобы напомидало нам о доме.

Но эта война – наша война.

Вместе выходим из Главной базы, курс на север, до изобаты триста, тут наши пути разделяются – на время. Эсминцы уходят на запад, пойдут привычным уже путем в шхерах, мимо Печенги, Киркенеса, Вадсо, Варде, Лаксэльва и до Нарвика – теперь у нас в дополнение к Печенгской и Порсангерской сформирована еще и Нарвикская ВМБ (для сухо-

путных поясню, что военно-морская база в данном случае – не синоним военного порта, а скорее аналог военного округа, со своей территорией ответственности и прикрепленными силами). Ну а мы, погрузившись, идем в Норвежское море, осмотрим там на предмет немецких лодок, встречаемся с эсминцами в установленной точке рандеву, и идем к острову Медвежий – встречать гостей.

Такого Мурманск, наверное, еще не видел – ну разве в восемнадцатом году, в британскую интервенцию! Но теперь они идут к нам именно как гости, как союзники – пока! Какие корабли? От американцев линкор «Массачусетс», тяжелые авианосцы «Уосп» и «Хорнет» (не те, довоенные с этими названиями, успевшие уже отличиться и погибнуть в боях на Тихом океане, а новейшие «эссексы», оба только что вступили в строй), тяжелые крейсера «Уичита» и «Канберра», легкие «Хьюстон» и «Майами», две дюжины эсминцев... и целый дивизион – восемь больших подлодок типа «Балао», эти-то какого черта здесь? От британцев – линкор «Кинг-Эдвард», тяжелые крейсера «Норфолк», «Лондон», «Девоншир», легкие крейсера «Роялист» и «Беллона», десять эсминцев... и тоже подлодки – пять штук? Это с кем же союзники воевать собрались – у немцев, насколько нам известно, от Арктического флота в Тронхейме осталось три эсминца (и то «нарвик» всего один), пять «больших миноносцев» тип Т и всякая мелочь, внимания не заслуживающая – хотя бы потому, что ей дальности хода не хватит до маршрута со-

юзной эскадры. Субмарины – это серьезнее, но и их в 11-й (арктической) флотилии кригсмарине, по данным разведки, осталось десятка полтора, причем новейшие «тип XXI» не замечены вовсе – хотя могли из Германии прийти. Так ведь «лодки с лодками не воюют», не изобрели пока в этом времени противолодочных торпед?

Мы – это совсем другой разговор. И имеем приказ, переданный мне комфлота Головкин, но исходящий из Москвы. Поскольку единственная в ВМФ СССР (и в этом времени вообще) атомарина подчинена непосредственно Ставке, а Северному флоту лишь оперативно придается на время конкретной операции. А значит, боевая задача, перед нами поставленная, – это дело политическое, а не просто утопить несколько боевых единиц противника.

Первое – быстро пробежаться по району, при обнаружении немцев – топить. Там, конечно, и наши силы ПЛО смотрят – но если проскочит кто, та же «двадцать первая» неучтенная? Вторая – встретить союзную эскадру, на которой, как нам сообщили, следуют в Мурманск и дальше в Ленинград Рузвельт и Черчилль (да, если в будущем станут снимать кино, то выйдет не «Тегеран-43», а «Ленинград-43»). И третья, «полуофициальная», – присмотреть, чтобы союзники хорошо себя вели. Надеюсь, что власти не идиоты – но ведь это вполне по-английски, не война, а «ограниченный инцидент», недоразумение, силу показать, а что кого-то при этом убили, ай эм сорри, извинении прими-

те – в диких странах вроде Занзибара такое сплошь и рядом было. Это, конечно, если их президент с премьером дружно спятили, мы всё ж не какая-нибудь Нигерия – но лучше быть параноиком, чем благодушным!

Хотя весьма вероятно, что всё это – работа на публику. Показать до переговоров, какие мы сильные – страшно, аж жуть! Ну а подлодки – читал, что в нашей истории англичане посылали свои субмарины на наш театр, «чтобы с условиями ознакомить» – наверное, на случай, если завтра воевать.

Нам, в общем, по барабану. Топить союзников нам дозволено или по получении особого на то приказа, или же если они первыми откроют по нашим огонь. Даже две «шестьдесят пятых» под этот случай в аппаратах так и лежат – родные еще торпеды, нашего времени. А чтобы контролировать правомерность наших действий, с нами идет Кириллов – без санкции которого я применить оружие по англо-американцам права не имею.

Выйдя в Норвежское море, получили сводку из штаба – немцы зашевелились! Их лодки идут из Тронхейма на северо-запад, дальше ПЛО Нарвикской базы уже потопило две штуки, а обнаружено было больше. Так, значит тут и наши «катюши» должны быть, ведь «дальнее ПЛО» – это самолеты обнаруживают, сообщают место, курс и скорость, а большие лодки типа К, первый дивизион, выходят на перехват, без всяких противолодочных изысков – обычными торпедами по надводной цели. Но ситуация «своя своих не позна-

ша» нам не грозит, сигнатура «катюш» у нас записана, а нас на поверхности никто не увидит. Так что – обнаруживаем и топим.

Ничего героического не было. Похоже на отработку учебно-боевой задачи – доклад с ГАК, «контакт, пеленг, предположительно ПЛ, дизельная». Сближение, уточнение сигнатуры. И выход в атаку. Немцы шли под шнорхелем, это, может быть, и спасало их от обнаружения нашими самолетами – но в таком виде лодка мало того что слепая и глухая, так еще и сама гремит дизелем на всё море. Они обычно не замечали нас, идущих на двадцати узлах наперехват – и даже до самого последнего момента не слышали наши торпеды.

Буров, наш торпедист, был недоволен – ему опять по каждому случаю подробный доклад писать. Поскольку наши «целевые» торпеды пока еще малосерийные, почти штучного изготовления – зато управляются по проводам. Причем наши из БЧ-3 так наловчились, что ГАК в активном включают на последнем этапе, а до того наводят по совмещению пеленга. И немцы ничего не успевают понять. Но Бурому от этого не легче – конструктора систем наведения требуют, чтобы были указано подробно все условия стрельбы, а также гидрология, и как работала техника, не было ли сбоев – как иначе узнать, отчего мы этими торпедами здешнего производства попадаем более-менее стабильно, а «катюши» через раз – да оттого, что компьютерная БИУС не чета здешним «Бусям», погрешность ниже в разы, и торпеда с гарантией

подходит к цели на радиус сработки неконтактного взрывателя, а с местными выходит лотерея. Но всё равно выше, чем прямоходными болванками стрелять. Но менее эффективно, поскольку болванки стоят на порядок дешевле.

Потопили уже четвертую «немку», по сигнатуре «семерки», ни одной «двадцать первой». Саныч после сказал, что я стоял в ЦП с видом киплинговского полковника – Африка или Индия, девятнадцатый век, и смотрит полковник со стены крепости, как внизу несется в атаку громаднейшая орда, с дикими воплями, тряся железом. А полковнику скучно, потому что на стене пулеметчики уже закладывают ленты в «максимы», а за воротами строятся солдаты, примкнув штыки – и будет сейчас, как много раз прежде, сначала грохот очередей, а затем ворота открыть и добить уцелевших – и одна лишь у полковника мысль: «Господи, где ж их столько хоронить, опять же вонять будет, хоть святых выноси!» Так и я, слыша доклад об очередной цели, думал с раздражением: да сколько же вас – скорее бы потопить и идти, наконец, к Медвежьему! А то, ей-богу, надоело уже!

Помню, как в моем времени, где-то в девяностых, в день Победы по телящику показывали встречу с ветеранами. Ведущий, насквозь демократический, какой-то вонидзе, журналисты – и несколько стариков с орденами. И одному из них, отрекомендовавшемуся как снайпер, убил двести фашистов – какая-то демократическая журналисточка, встав, задала вопрос: «А вы не думали, что они такие же люди? Что

у них там семьи есть? Неужели после вас никогда не было стыдно?» И я очень хотел бы услышать ответ вскинувшегося деда – но ведущий тут же вмешался, заткнув всем рот словами «о памяти павших в той войне», длинной такой тирадой, в завершение которой «павших солдат *всех* воюющих сторон». Интересно, что сказал бы этот козел, попав вместе с нами в это время? Нет, мне не доводилось самому видеть зверств фашистов на нашей земле – но Большаков и его ребята видели. И Аня рассказывала – а уж она-то в своем партизанстве насмотрелась... Бывают ли добрые и хорошие фашисты – я скорее в волков-вегетарианцев поверю!

Знаю, что скажут мне: в вермахте и кригсмарине, в отличие от нас, на время службы приостанавливалось даже членство в нацистской партии. С поправкой: в этой истории уже такого нет, после Сталинграда Гитлер такой порядок упразднил, вместе с введением кригс-комиссаров. И какая разница, носит или нет этот конкретный фриц партбилет в кармане, если он воюет за установление своего фашистского порядка? Отличие будет после: когда победим, беспартийные будут воевать уже за наш порядок, под флагом ГДР, ну а партийные как минимум поедут далеко и надолго, в теплые места вроде Норильска или Магадана. Ну, а пока вы не сдались – как сказали не только Симонов и Эренбург, но и (в этой истории) патриарх Алексей, глава нашей Церкви – убийство фашистской твари грехом считаться не может.

На четвертом утопленнике немцы наконец закончились.

Ну всё, идем к Медвежьему!

Подводная лодка U-1505. Западнее острова Медвежий.

Этот же день

Шайзе! Швайне! И это офицер кригсмарине?

Сначала всё было хорошо: фанфары, награды. Вернувшись в Брест, корветтен-капитан Шнее узнал, что, оказывается, на его счету не два, а целых три американских авианосца, если считать первым еще тот, у Нарвика. И еще «папой» Деницем было установлено, что при награждении подводников никакой бюрократии и волокиты не было, так что Шнее получил Мечи к своему Рыцарскому кресту с Дубовыми листьями (еще Бриллианты – и будет сверхгерой кригсмарине!). А на завтра его портрет был на обложке журнала, где напечатан и рассказ о его подвигах – что было, если подумать, не совсем хорошо, зачем нужна слава как у Тиле, которого взбешенные янки вместе с британцами клятвенно обещали повесить?

Но пока ведь жизнь прекрасна? Была, в течение двух дней! Вопреки ожидаемому отдыху в прекрасной Франции по случаю такой победы, экипаж U-1505 совместно с U-1507 получил приказ идти на север. U-1507 командовал этот неудачник и трус Штрель – и за что он получил Дубовые листья к своему Рыцарскому кресту, подумаешь, добил уже поврежденный «Балтимор», а затем долго прятался и удирал от эскорта, и вернулся, не одержав больше ни одной победы –

но тяжелый крейсер был сочтен в штабе достаточной причиной для награды, и еще два транспорта, потопленные по всей видимости пропавшей U-1504, приписали этому слабонервному, который, услышав, что надо снова на север, первым делом предпринял попытку опять напиться до белой горячки, и был доставлен на борт под конвоем, со строжайшим приказом кригс-комиссару особо следить, чтобы командир не брал в рот ни капли спиртного!

Адальберт Шнее тоже боялся. Но гестапо казалось ему еще страшнее. Значит, надо всё же как-то выполнить приказ – и остаться живым.

Цель – англо-еврейская эскадра, идущая из Рейкьявика в Мурманск. Любой ценой, не считаясь с потерями, потопить один или оба линкора в ее составе. «Отказ от атаки будет считаться трусостью в бою, запомните особо, герр Шнее». И никому не интересно, что за демона русские выпустили в море – германский офицер должен сражаться за свой фатерланд даже против всех чертей ада! Сделай всё – а не сумеешь, так сдохни!

В наличии лишь две лодки нового проекта – U-1505 и U-1507, командиром которой назначен этот Штрель, как имеющий боевой опыт, старший в чине и награжденный Рыцарским крестом. Тот болван в штабе, отдавая приказ, не видел лица Штреля – ясно было, что этот «герой» всеми силами мечтает оказаться где угодно, но только не на Севере! Какой решимости, инициативы от него следует ждать – проще

отстранить сразу. Есть еще лодки Арктической флотилии – но в данном случае они скорее «мясо», массовка, исключительно для отвлечения на себя сил англичан или русских. Поскольку если эта эскадра так важна, то, наверное, русский «змей» тоже в игре?

И как всего лишь двумя лодками организовать завесу в океане? Как лодке, имея всего лишь пятнадцать узлов полного хода (над водой, длительное время – что уже нереально) найти и перехватить эскадру, идущую со скоростью даже двадцать узлов? А ведь решение есть – и подскажут его русские!

Точка встречи их флота с янки где-то на границе «зон ответственности». Могут ли «кондоры» из Тронхейма засечь русскую эскадру и передать ее курс? У русских нет авианосцев, и значит, для разведчика риск невелик. И атаковать надо в английской зоне, где не будет «змея». Занять позицию заранее и патрулировать на малом ходу, не поднимая ни перископ, ни антенну. Парижский узел связи уже вступил в строй, его передачи на длинных волнах можно принять на глубине десять-пятнадцать, без всплытия на перископную. Штабы предупреждены – самолет скинет информацию на берег, где она немедленно будет передана в Париж, а оттуда нам в море.

А дальше – помоги бог унести ноги! Надеюсь, будет не труднее, чем авианосцы топить!

И если вернусь... Рейху нужны герои! Жалко адмирала-берсерка, проклятые французы! – но это значит, что ме-

сто первого героя кригсмарине вакантно! И если в люфтваффе кричат: «Будь таким, как Хартман, белокурый рыцарь рейха», – то отчего же в кригсмарине нет равной фигуры, ведь это не только чины и награды – первого героя и гестапо тронуть не решится! А то каждый раз выходить в море под топором, «если не сделаешь – во враги», это никаких нервов не хватит!

Не знаю, кто там плывет в Мурманск – не сам же Черчилль или Рузвельт, а может быть, оба? Но вот Бриллианты, а главное, дальнейшую спокойную жизнь, они мне обеспечат!

Если вернемся живыми.

Лазарев Михаил Петрович.

Подводная лодка «Воронеж».

К востоку от острова Медвежий

И что это было?!

Идем, тихо-мирно, никого не трогаем, глубина сто пятьдесят, ход четырнадцать. И вдруг за кормой, на правой раковине (по-сухопутному, сзади-справа) грохот, да такой, словно целый дивизион эсминцев кого-то бомбит! Мы, естественно, действуем по тактике – курс изменить, увеличить глубину до трехсот, ход полный – свою задачу имеем, и непонятки нам не нужны. Затем стали разбираться, а что, собственно, случилось? Акустики клянутся, что наверху не было никого. Без хода стояли, в засаде? А как тогда нас вычислить сумели, и отчего не преследуют? Не нас бомбили, а кого-то

другого – так нет тут никого, уж подлодку бы точно не прозевали! Глубины тут уже под километр, так что в самоподрыв (или управляемый подрыв) минного поля верится с трудом, не изобрели еще ни «кэпторов», ни даже наших реактивно-всплывающих.

Ну и ладно. Корабль никаких повреждений не получил, непосредственной опасности не наблюдается. А в то, что у немцев вдруг появились средства, способные поймать атомарину на такой глубине и скорости... ну, если только те же «зеленые человечки», что нас сюда перебросили, теперь и фрицам что-то одолжили. А хрен его разберет, с них станется! Так что бдить, и докладывать немедленно, если что-то необычное засечем! Хотя если у этих, из будущего, такая техника, что ж они так плохо стреляют – хотели бы восстановить равновесие, так не промазали бы настолько!

В общем, обошлось нам это еще в столько-то сожженных нервов. И лишь когда всплыли под перископную в точке рандеву и связались с «Куйбышевым», то узнали, что сами того не желая, устроили переполох на весь Северный флот – ну, включая штаб, командование ВВС и Нарвикскую базу точно!

Ведь знали же, что у фрицев есть летающие магнитометры! И даже сбивали этих уродцев – летающая лодка «Блом и Фосс» с огромным кольцом антенны под фюзеляжем. Появились они в прошлую зиму, и именно после наших дел – но уже с лета их было незаметно, и пользы мало, уж очень мал радиус обнаружения, надо совсем над лодкой проско-

чить, какова вероятность? И слишком уязвимы, и ценны – а наши дальние истребители над морем уже летают, скольких фрицев отправили рыбу кормить!

Но вот сейчас немцы снова взялись за свое. И совсем по еврейскому счастью, один такой проскочил прямо над нами. И дал засечку. А вот дальше всё пошло не так, как фрицы думали. Прибор срабатывает, когда дистанция до лодки минимальна. А вот курс ее – не определить! И скорость самолета даже в поисковом режиме, под триста км/ч, и такая же инерция у бомбы, или буя-маркера, даже если бросать немедленно по сработке аппаратуры. А еще добавьте время, необходимое следующей позади эскадрилье юнкерсов отрабатывать глубинными бомбами по площади вокруг маркера, который еще и ветром и волнами сносит. В общем, промахнулись почти на километр, а второй раз засечь нас уже не повезло. И не одно везение – на ста метрах глубины нас еще могли как-то заметить, но на трехстах под водой аппаратуры этого времени точно не хватит!

Тут спохватился штаб Северного флота, перехватив немецкий радиообмен. И представив, что будет, если «моржиху», не дай бог, потопят, поднял в воздух не только истребителей, но и торпедоносцы, «Бостоны-Ж», скорость как у «пешки» и батарея крупнокалиберных в носу. И именно «бостоны» перехватили возвращающихся немцев, а истребители уже к самому концу подошли – короче, из девятки бомберов ушли лишь трое, и магнитометр тоже свалили. Но

вот живы мы или нет, не имели понятия, пока мы не вышли на связь. И теперь, как заверил Кириллов, обязательно последуют «оргвыводы» – ведь могли же по тому же радиообмену и раньше понять, кто над морем шастает? И без всякого милосердия к виновным – а вдруг завтра так кого-то из наших потопят? «Вы же, товарищ Лазарев, сами рассказывали, что у вас так в сорок четвертом свои же по халатности штаба авиаполка Щ-402 утопили со всем экипажем, Гвардейскую и Краснознаменную? Мы про ту историю тоже помним – и подобную халатность каленым железом выжигаем, чтобы и думать никто про нее не смел!»

Да, если так пойдет, то и меня по возвращении спросят: «А отчего на недостаточной глубине и малой скорости шел?» Так отвечу – чтобы металл не перегружать! Ресурс же наш не бесконечен, хочется подольше СССР послужить – и ясно, что на трехстах метрах и полном ходу нагрузка и на корпус, и на всю арматуру, и на механизмы гораздо больше? А полноценно сделать ремонт, если всерьез что поломается, вот очень сомневаюсь, что сумеют, на здешней технологии и материалах. Хотя и говорил мне Сирий, что в металлургии и сварке тут здорово продвинулись вперед, уже марки стали есть, которые в нашей истории лишь в пятидесятые пошли. Но надеюсь, примут такое объяснение за уважительную причину?

Ходим в точке встречи уже с американцами. Вот-вот они уже должны быть, слышим их по акустике, до них миль пять-

десять. Наверху наши эсминцы, связь с ними уже установлена. И – «не поход боевой, а шикарный круиз», как в песне, которая в этом времени тоже успела стать известной, если бы еще солнышко, свежий воздух и тепло, а не сто метров арктической воды над головой! Условия наверху, как нам передали: волна балла в четыре, и видимость плохая, скоро сумерки – эта информация для нас не роскошь, а необходимость, насколько перископ и выдвижные устройства будут заметны. Противника не наблюдается – немецкой авиации наши хорошо дали прикурить, корабли их ждем с нетерпением, и лодку тоже издали услышим. Сколько у нас боевой счет – уже шестьдесят с чем-то? Может, всё же успеем до конца войны и трехзначную цифру набрать.

Ну, накаркал! Акустик докладывает – поймал контакт! Не захватил уверенно, а удалось ухватить на какую-то секунду, и пропал. Компьютер идентифицирует по сигнатуре – с шестидесятипроцентной вероятностью, «двадцать первая», пеленг 260, вероятная дистанция свыше десяти миль. Гидроакустика – это наука не точная, тут очень много факторов влияют, как гидрологических, так и курсовой угол относительно наших антенн, отчего помимо уверенного радиуса обнаружения возможны единичные случаи таких вот «проблесков» на дистанции, большей в разы. Но ситуацию понять легко: немец, держась от нас в чужой зоне, подкрадывается к союзникам. И очень может быть, атакует удачно. Слышали мы уже «двадцать первую» у Нарвика в бою против эскадры

янки – и асдики ее не брали.

Так ведь линия разделения зон ответственности – это не госграница? И никто нас за ее пересечение не покарает. Хотя формально пока еще мы ни за что не отвечаем, и американский президент с британским премьером – это мерзавцы еще те, но вот гибель кого-то из них в настоящий момент СССР категорически не выгодна! И что нам стоит быстро пробежаться на ту сторону, найти фрицев и потопить – тут главное, под американские бомбы не попасть, ну так не надо к эсминцам вплотную подходить, противолодочное оружие у них очень недальнобойное, слава богу, ракето-торпеды «Саброк» (примерный аналог – наша «Метель») изобретут лет через двадцать – да и мы постараемся, чтобы нас не заметили! Излагаю это Кириллову, тот кивает, соглашаясь: «Под вашу ответственность, товарищ Лазарев!»

Боевая тревога. Реактор на полную, курс 265, погрузиться на триста – чтоб меньше шуметь. Мы не надводники, снизу хорошо слышим, даже на таком ходу. Идем почти в лоб союзной эскадре, дистанция очень быстро сокращается. Саныч отмечает обстановку на планшете.

Есть контакт, устойчивый! Пеленг 243, «двадцать первая», уточнить дистанцию – короткий «пинг» в активном режиме. Куда ты сейчас денешься, попалась – и на глубину не уйдешь, как тогда у Нарвика, после того боя наши ЭТ-80СН доработали, теперь они и погружение на триста терпят. Три мили всего, вот чудесно, и некогда мне с тобой возиться,

«ход сбавить, и, аппараты, товсь», – это лишь в Голливуде лодки торпедами с полного хода стреляют, можно, конечно, и с двадцати узлов, если подопрет, но лучше все-таки с меньшего хода, чтобы торпеды вышли нормально. Кажется, заметил, судя по изменению пеленга, резко увеличил скорость и пошел на глубину, снова подсветить его ГАС активным – не стоит, до американцев меньше десяти миль, работу локатора услышат. Так тоже услышат, когда мы на последнем участке будем ход торпед корректировать – но гораздо меньше. Нет еще у нас гидролокаторов на торпедах, и чтобы по проводу на лодку картину передавала, и по тому же проводу шли корректирующие команды – приходится лодочной ГАС светить, определяя координаты цели и торпед, и выдавать команды, у нас они автоматически идут, рассчитанные компом, а на «катюшах» вручную, особому номеру торпедного расчета приходится ручки крутить, отметки совмещая – и то, для сороковых годов двадцатого века, хайтек невероятный, в иной истории что-то похожее в начале шестидесятых появилось, а тут предки сумели нашу информацию использовать. Интересно, как там наши молодые гении из «Региона», фирмы-разработчика торпедного оружия в 2012 году, Гоша и Родик, приписанные к экипажу и провалившиеся в это время вместе с нами? Их после первого же похода с корабля сняли, и больше мы их не видели – станут, наверное, здесь академиками и лауреатами, ну если Родик свои «демократические» заблуждения уже излечить успел.

Ну всё, залп! Попадем или не попадем? Два взрыва – но доклада «слышу звук разрушения корпуса» нет. Бурый, однако, сообщает, что точно, рвануло вблизи, так что достаться ему должно, и неслабо. А немец всплывает – не понял, это ж выйдет прямо на виду у янки, даже если наверху уже стемнело, то радары его точно возьмут на такой дистанции! Американцы, там, или англичане уже засекали такой шум под водой, теперь слышны винты эсминцев, идут прямо на нас! Но торпеды быстрее – получай, фашист проклятый, еще залп!

На этот раз мы его достали хорошо – у самой поверхности или уже всплывшего, сказать уверенно нельзя. И поворот на контркурс, и ходу! Эсминцы от нас были в полтора милях – но мы уже легли на курс отхода и разгонялись на глубине, и вряд ли нас слышали, шумим мы меньше, чем «двадцать первая», и их локаторы, благодаря нашему покрытию на корпусе, засекут нас совсем уж в упор. Мы уходили, а за кормой гремели взрывы глубиннок, эсминцы старательно перепахивали море. Между прочим, судя по сигнатурам, британцы, а не янки. А позади них отчетливо различались шумы винтов больших кораблей.

Оторвались мы без происшествий. И через час уже нарежали глубину под нашей эскадрой – всё, как и должно быть. А со стороны союзной эскадры акустики слышали взрывы – да с кем они там воюют, черт побери? Еще одна лодка – так медведи стаями не охотятся, кого они там бомбят?

Из протокола допроса

Я, корветтен-капитан Зигфрид Штрель, командир субмарины U-1507. Прошу об отношении к себе согласно конвенции о военнопленных. Ваши матросы, едва выловив меня из воды, жестоко избили и угрожали при этом, что «будет хуже, чем в гестапо». Но я всё же офицер и кавалер Рыцарского креста. И, признавая свой статус пленного, готов дать показания без всяких пыток.

Да, я получил Дубовые листья к своему Кресту за бой у Нарвика. Но я всего лишь исполнял свой долг как солдат, как немец. После был арестован гестапо за потерю своего корабля. Тогда я командовал лодкой U-1506, захваченной русскими прямо на базе. Заявляю, что это были русские диверсанты – среди моего экипажа не было предателей. Хотя я сочувствовал идеям Свободной Германии, считая, что фюрер ведет нас к пропасти. Но не считал возможным идти против воинской чести.

Да, «тысяча пятисотые» – это лодки нового типа. Увеличена глубина погружения и подводная скорость, снижена шумность, могут гораздо дольше оставаться под водой. Насколько мне известно, разработка их была ускорена после появления у русских сверхсубмарины, намного превосходящей наши «семерки». И эти новые лодки, «тип XXI», первоначально были задуманы как противовес этой угрозе. Но русские и здесь оказались сильнее.

Да, я абсолютно убежден, что то, что у нас называют По-

лярный Ужас, это всего лишь подлодка с невероятно высокими боевыми качествами, а не что-то сверхъестественное. Поскольку я, наверное, единственный в кригсмарине встречался с ней в море четырежды. И полагаю, что сверхъестественной сущности вовсе не было нужды стрелять в нас торпедами и привлекать в помощь другие русские корабли.

Первый раз это было в октябре прошлого года, я тогда командовал лодкой U-435. Это случилось у Киркенеса, нас атаковали русские эсминцы, они отлично видели цель. А когда меня с остатком экипажа подобрал гидроплан, что-то прошло прямо под нами на огромной скорости, подняв волну, и мы едва спаслись! А две другие лодки, бывшие в завесе рядом с нами, исчезли бесследно.

Второй раз это случилось три месяца назад. Я уже командовал U-1506, вместе с U-1503 мы были первыми лодками этого типа, перешедшими на север, в Нарвик. После к нам присоединилась U-1505, а U-1504 пришла уже в Тронхейм, когда в Нарвике всё закончилось. Мы вели поиск в русской зоне, когда были внезапно атакованы, и спаслись лишь благодаря моему умению и опыту, погрузившись на трехсотметровую глубину – а вот русские так не смогли.

Да, я считаю, что двести – это максимальная глубина, на которую может идти русская сверхлодка. Зато она развивает под водой скорость свыше сорока узлов, насколько мы могли судить по изменению пеленга и дистанции. Нет, мы не включали локатор в активном, мы не самоубийцы – но поверьте,

что такой опытный подводник как я, вполне способен приблизительно оценить расстояние по уровню шума. И замечу, что русская лодка очень тихая, услышать ее можно лишь на короткое время, когда она идет максимальным ходом и еще не вышла за радиус слышимости. И когда мы лежали на грунте, а русские прошли почти над нами, мне показалось, что у них турбина, а не электромотор. Мы спаслись – а U-1503 не вернулась. Насколько мне известно, первые лодки этого проекта, с U-1501 по U-1504, имели конструктивный дефект, из-за которого глубина их погружения была ограничена ста двадцатью метрами, они не могли нырнуть так глубоко, как мы.

Третий раз это случилось, когда мне было приказано вместе с корветтен-капитаном Шнее выйти на U-1505 на перехват уводимой русскими из Нарвика «пятьсот шестой». И мы сумели занять позицию на пути русского конвоя, но когда уже готовились выйти в атаку, мой акустик, Петер Цише услышал и опознал шум сверхлодки. Он был очень хороший акустик, ну разве только у Маркса на U-376 был лучший, с прозвищем Моцарт – но и 376-я тоже сгинула в русских морях, еще в прошлом году. И мы лежали на грунте и молились, заглушив всё, что можно, зная, что выдать себя – это смерть. По утверждению акустика, сигнал был очень характерный – кроме шума винтов, можно было различить низкочастотный звук турбины, но это если очень хорошо слушать, с близкого расстояния, и когда русская лодка идет большим ходом, ме-

няя свое положение в ордере – когда же она шла наравне с конвоем, четырнадцатиузловым ходом, мы не слышали ничего.

И четвертый раз это произошло здесь. Против вашей эскадры были посланы U-1505 под командой Шнее, и U-1507, командовать которой назначили меня. Это были пока все боееспособные лодки нового типа – U-1501, самая первая в серии, считается учебной – из-за множества дефектов; U-1502 погибла на Балтике при испытаниях; U-1504 пропала без вести у португальского побережья; про судьбу U-1503 и U-1506 я уже рассказал. Мерзавец Шнее – это он настоял, чтобы я занимал позицию восточнее и атаковал первым: «Вам нужно оправдаться за потерю корабля, Зигфрид», – прикрылся мной, свинья, как приманкой – не здесь ли русский Ужас?

И когда мы уже готовились выйти в атаку, мой Моцарт сказал: «Пеленг 85, это Он! Идет большим ходом, прямо на нас». Что нам было делать – уходить под эскадру, как мы поступили бы с конвоем? Но мы не знали, насколько вы и русские договорились – что, если Ужас погонится за нами и там? Мы пытались нырнуть на предельную глубину, но в этот раз русские торпеды достали нас, взрывы были близко. Хорошо, что чуть выше, основной удар пошел вверх – но в кормовом отсеке началась течь, если бы она расширилась – на глубине это смерть! И мы помнили – те, кто был со мной на 1506-й – как Ужас охотился за нами почти сутки, и выдержать это бы-

ло выше человеческих сил! Мы солдаты, а не самоубийцы, и готовы выполнить свой долг, а не идти на верную гибель!

Да, я приказал всплывать и готовиться покинуть лодку. Поскольку знал, что сейчас будет – и британский плен казался не самым худшим выходом. Я оказался прав, торпеда попала в нас, когда я открывал верхний рубочный люк – первым выходя наверх, как положено командиру. Я успел выскочить, про судьбу остального экипажа не знаю. И бог дал мне силы продержаться в ледяной воде, пока меня не заметили и не подняли на борт вашего эсминца.

Хочу спросить лишь об одном. Удалось ли вам потопить этого ублюдка Шнее?

И снова подводная лодка U-1505

«Ну вот, отбегался Штрель, – подумал Шнее, выслушав доклад акустика. – Удача, значит, такая – попасться этому русскому неизвестно чему. А тот сожрал и не подавился – нет, лучше быть живым трусом, чем мертвым героем! Тем более что и героями стать не успеем – пока будем занимать позицию для атаки, Ужас нас услышит и пошлет вслед за Штрелем! Так что – полная тишина, как под бомбами, отключить всё, что можно. И ждать».

Наверху был слышен визг винтов эсминцев. И более низкий шум – больших кораблей. Судя по пеленгу, они проходили перед лодкой. Может быть, их можно было достать торпедами, даже не всплывая под перископ, рассчитать положение

по акустике, примерно оценив эскадренную скорость и, по изменению пеленга, дистанцию? Но для залпа требовалось как минимум всплыть со ста метров на десять-пятнадцать. И быть замеченными – даже если Ужас не успеет перехватить во время этого маневра, он после уже не выпустит. Так что лучше – не делать глупостей. Что там будет на берегу, это после – а здесь конец настанет немедленно.

Шнее был опытен и умен. И считал, что дожил до четвертого года войны (что не удалось даже его учителю, великому подводному асу Отто Кречмеру), исключительно благодаря своему благоразумию, заменяющему азарт. Играть лишь верную игру – и пас, когда положение сомнительно. Пусть рискуют и гибнут дураки.

Русского Нечто не слышно. Но вряд ли он сунется прямо к эскадре, у янки есть привычка сначала стрелять, разбираться потом. Судя по пеленгу, американцы (или англичане) уже прошли вперед, мы почти сзади, от них справа за кормой. И кригс-комиссар молчит – наверняка по возвращении донесет об уклонении от атаки! Значит, атака должна быть – теперь, когда это безопасно. Всплывать под перископ, цель по пеленгу... готовить полный залп (веером, задав торпедам угол растворения – может, в кого-нибудь да попадет!). И позаботиться, чтобы в журнале, на схеме маневрирования, объектом атаки значился вражеский линкор – кригс-комиссар, эта береговая крыса, не подводник, нестыковок не заметит! Залп – и сразу на глубину, и снова полная тишина – а вдруг

Ужас вернется?

Это же место и время. Союзная эскадра

Эскадра – или целый флот! – шла двумя отрядами. Линкор «Кинг-Эдвард», в окружении тяжелых крейсеров, завесы эсминцев впереди, с двумя легкими крейсерами, и по флангам, замыкали строй подводные лодки. Позади и левее в десяти милях в подобном же ордере шли американцы.

Одна торпеда с U-1505 попала в «Джавелин», замыкающий из эсминцев правофланговой завесы. Остальные ушли в молоко, из-за веера растворения, заданного автоматом стрельбы, и слишком большого расстояния – немецкие электрические торпеды имели максимальную скорость всего двадцать восемь узлов, а Шнее стрелял уже вслед уходящей эскадре, не конвою, залп просто не успевал догнать цели. Но «Джавелину» не повезло – судьба такая у корабля, однажды он уже перенес попадание двух немецких торпед, оторвавших ему и нос и корму – и больше года провел в доке, с ноября сорокового по январь сорок второго. Сейчас же и одной торпеды хватило, чтобы эсминец потерял ход – через сутки, когда корпус буксируемого корабля начнет переламываться на штормовой волне, британский адмирал прикажет снять экипаж, людские потери будут минимальны – всего восемь человек, погибших при попадании торпеды. И Шнее, услышав взрыв, с чистой совестью приказал записать: «Поражен британский (или американский) линкор, миссия выполнена,

и пора уносить ноги».

Доклад с «Ашанти», одного из головных: «Немецкая подлодка потоплена неизвестно кем, или погибла от взрыва своей же торпеды. Спустя короткое время торпедирован «Джавелин», явно другой лодкой». Значит, эскадра попала в зону охоты «волчьей стаи» – ситуация была хорошо известна англичанам, и меры защиты отработаны: увеличить ход и отворот в сторону (в данном случае, влево), чтобы оставить прочие лодки стаи за кормой. И передать оповещение американцам!

Всё могло быть иначе, не задержись американский отряд с поворотом всего на десять минут. Подчинение не было установлено, и в радиограмме от англичан было «рекомендую», а не «приказываю». По замыслу, американцы тоже должны были отвернуть на шестьдесят градусов влево, сохраняя прежнее положение относительно британского отряда, ну а после, пройдя миль двадцать на север, так же синхронно повернуть на прежний курс.

Так и не удалось узнать, отчего подводные лодки «Тюдор» и «Тайрлес» отвернули чуть круче, чем должно. Эскадра шла без огней, радары были включены лишь на эсминцах, но не на лодках. И две английские субмарины, оторвавшись от своих, выкатились влево из общего строя, пройдя за кормой эсминцев левофланговой завесы – никто не подумал, что скорость подлодок чуть меньше заданного по эскадре «в маневре уклонения», они неизбежно отстанут – на короткое вре-

мя, и ничего бы не случилось, по завершении маневра они заняли бы свое место в строю.

Но из-за задержки с поворотом американского отряда, идущая концевой «Тюдор» была замечена с «Мелвина», самого правофлангового из эсминцев американской головной «завесы». Расследование показало, что на «Мелвине» ничего не знали о повороте англичан, зато приняли предупреждение о подводной угрозе. И, как изрек один из национальных героев янки: «Пусть лучше меня судят двенадцать присяжных, чем несут на кладбище двенадцать могильщиков – всегда стреляй первым!» Разрывы пятидюймовых легли недолетом, на «Тюдор» сделали правильные выводы и поспешили погрузиться «от этих сумасшедших янки», тем самым, по мнению американцев, обозначив себя как врага. И в то время как «Мелвин» совместно с пришедшим на помощь «Мак-Дермутом», бомбили «Тюдор», быстро обнаруженную сонарами, третий эсминец, «Хелси-Пауэл», заметив «Тайрлес», атаковал немедленно. Британцы пытались передать опознавательные, помня об инструкции, не погружаться, чтобы не приняли за немцев – но уже вторым залпом «Пауэлл» добился прямого попадания в рубку лодки, затем еще и еще, и наконец, протаранил «обнаруженную немецкую субмари-ну», пока она не ушла на глубину. Только восемь человек из экипажа «Тайрлесс» успели выскочить наверх, и были подобраны эсминцем, остальные пятьдесят три погибли, как и весь экипаж «Тюдор». И лишь тогда американцы разобра-

лись в обстановке.

После Уинстон Черчилль скажет, что это было символично: по пути на переговоры с СССР пролилась английская кровь от рук американцев. По утверждению биографов, он до конца жизни так и не простил бывшим союзникам «предательства общих англосаксонских интересов» – что, на взгляд *старшины Уинни*, было не меньшим грехом, чем мировой коммунизм.

А в это время на Германию...

...густо падали американские бомбы. Это началось с первых чисел декабря, но целями тогда еще были не города, а объекты ПВО – радиолокационные станции, аэродромы. Кажется странным, что тогда американцы еще гордились: «Мы бомбим не мирных жителей, а военные объекты – в отличие от англичан, этих ночных убийц». Англичане же в оправдание вспоминали сороковой год – Лондон, Ковентри, Роттердам: «Гунны начали первыми». Но сами же признают, что эти бомбежки английских городов оказались спасением для своей же ПВО, получившей передышку – если бы немецкие удары по аэродромам и авиазаводам продолжились в то лето еще две недели, у Англии бы закончились самолеты-истребители и пилоты для них. И ничто бы тогда не мешало немцам, завоевавшим господство в воздухе, сделать «Морского Льва» из плана реальностью, ничего не стоило бы тогда британское морское превосходство, применительно к от-

дельно взятому проливу Ла-Манш, ну а что из себя представляла английская сухопутная армия сорокового года, в сравнении с вермахтом, только что раздавившим Францию, это даже не смешно! Тем более что большая часть техники и тяжелого вооружения этой армии было потеряно в дюнкерской катастрофе, и против немецких танков будущего Вторжения британское командование всерьез рассчитывало на обычные грузовики, наспех покрытые котельным железом, просто потому, что не было ничего другого!

Теперь настал час мести за пережитый тогда страх. За норы в огородах – наспех выкопанные бомбоубежища. И за клетки из толстых стальных прутьев, которые ставились под стол – предполагалось, что если спрятаться там при бомбежке, то когда дом рухнет, тебя не раздавит, и спасатели смогут после откопать. Уже были разрушенные Гамбург и Эссен, и разбитые плотины на Рейне. Колбасники – бояться теперь, пришел ваш черед!

Американцы поначалу брезгливо сторонились такой меры ведения войны. Но решение уже было принято. Война была тотальной – и очень многие, надевшие генеральские погоны, сохранили мышление штатских политиков. Чтобы победить врага, надо заставить его электорат понять, что капитуляция – это самый лучший выход. И если в самом начале войны на Германию с самолетов падали миллионы листовок, по воспоминаниям современников, «обеспечившие потребность рейха в туалетной бумаге на десять лет вперед»,

то очень скоро аргументы стали гораздо более убийственными. «Мы разрушим твой дом и убьем твою семью – чтобы ты, если тебе, конечно, повезло остаться живым, понял: нашей мощи противиться бесполезно – и сдался бы на нашу милость, победителей».

В то же время бомбить города куда легче, чем военные объекты – просто невозможно сделать там столь же мощную ПВО. И экипажи бомбардировщиков, а значит, и уровень собственных потерь – мизер в сравнении с численностью сухопутной армии. Так что выгоднее: устроить новый Верден и слать домой похоронки сотнями тысяч – или заменить потери своих солдат потерями чужого гражданского населения? Для любого политика ответ очевиден.

Считалось, что В-17 в плотном строю сумеют отбить атаку истребителей. Война показала тщетность этих надежд – и существенным оказалось еще и то, что хотя плотный строй «летающих крепостей» действительно был трудной мишенью для немецких асов, сохранить его монолитность было практически невозможно, пройдя сквозь зону интенсивного зенитного огня.

Как сейчас – несколько сотен «крепостей» накатывались на обреченный город, «меркло солнце, и бомбы падали как дождь». Головные эскадрильи бросали тяжелые фугаски, стряхивающие дома с фундаментов, сносящие стены и крыши, выворачивая наружу легко возгорающееся содержимое комнат и чердаков. Вторая волна бомбардировщиков несла

зажигательные бомбы и напалм. И меркло солнце от дыма пожаров, и зоны поражения на земле сливались в один очаг – а если пожары были особенно сильны, возникал «огненный шторм» – единый костер шириной и высотой в несколько километров.

И бешено стреляли зенитки. В-17 были живучими машинами, и редко поражались насмерть прямо над целью – но многие были повреждены осколками и близкими разрывами, и отставали от строя. И тогда на них набрасывались немецкие истребители, до того кружащиеся вдаль в ожидании: «Будь как Хартман, белокурый рыцарь рейха, набивай больше свой боевой счет», – а сбивать подбитых одиночек намного легче и безопаснее, чем атаковать «коробочки» эскадрилий, простреливающие из крупнокалиберных «кольт-браунингов» каждую точку пространства вокруг. И асы люфтваффе брали с американцев цену, после рапортуя о десятках сбитых – вот только тем, кто на земле, это не помогало уже никак.

Ночью прилетали англичане, по той же схеме – фугаски, напалм, и снова фугаски, чтобы не давать тушить начавшиеся пожары. И стреляли зенитки, будто стараясь в ответ поджечь небеса, и устремлялись вслед бомбардировщикам истребители-ночники. И те из экипажей сбитых самолетов, кого брали в плен немецкие солдаты, могли считать, что им крупно повезло – попавших в руки толпе обычно забивали насмерть. Немцы – это законопослушный народ... Скажите

это тем, кто только что потерял своих родных и свои жилища!

По городу каждую неделю – ценой потери нескольких десятков бомбардировщиков. На взгляд англо-американского командования, приемлемые потери! Надо же показать, и не одним немцам, но и русским, слишком много возомнившим о себе, истинную военную силу!

Встреча в Ленинграде.

Из кн. Эллиот Рузвельт. Его глазами (альт-ист.)

Если войны меняют ткань нашего мира, то дипломаты закрепляют эти изменения. Париж 1815 года дал Европе почти полвека мира, Версаль 1919-го – всего два десятилетия. Я хочу здесь рассказать о Договоре великих держав, одним из авторов которого был мой отец. Ленинград 1943 года и Стокгольм 1944-го в значительной мере сформировали тот мир, в котором мы живем сейчас. Даже в незавершенном виде – и я часто спрашиваю себя, что было бы, проживи отец еще хотя бы десяток лет? Наивно было надеяться, что участники Договора будут думать о соблюдении его условий больше, чем о собственных интересах – однако в том и состоит мудрость политика: построить такую систему, что подчиняться ей будет выгодно для всех ее ключевых участников.

Необходимость встречи глав воюющих держав стала очевидной еще летом 1943 года. США, Англия и Россия напрягали все силы в битве со страшным врагом – но победа рус-

ских на Днестре показала, что Еврорейху не суждено пережить эту войну, прежде же в высших политических кругах допускалось, что будет заключен мир на тех или иных условиях, с сохранением прежнего состава мировых игроков. Это создавало иную политическую ситуацию, чем в 1941 году, что потребовало от Трех держав скоординировать усилия по окончательному разгрому германского фашизма, с решением принципиальных вопросов.

По внутривнутриполитическим причинам, Сталин категорически не мог покинуть территорию своей воюющей страны. Поэтому было решено, что мой отец и сэр Уинстон будут его гостями. Место встречи было выбрано – не Москва, а Петербург (вернее, Ленинград), бывшая, еще имперская, русская столица; был ли в этом намек на послевоенный политический курс СССР? А также это один из крупнейших в России промышленных центров, куда в последний год направлялось очень много закупаемого русскими оборудования для срочно восстанавливаемых заводов – отчего в нашей свите кроме военных и политиков присутствовали еще и представители американских деловых кругов.

Наш путь в Россию начался снова в Рейкьявике, где совсем недавно отец встречался с сэром Уинстоном. По морю или по воздуху – окончательно решили, что оба способа должны быть задействованы. Летная погода в этих широтах зимой – явление весьма относительное, а в Мурманске, бывшем первым пунктом нашего маршрута на русской террито-

рии, стояла полярная ночь. Также, чтобы произвести впечатление на русских и до известной степени компенсировать отвернувшуюся от нас в это время военную удачу, было решено послать не просто эскадру, а Флот – это было возможно, благодаря победе у Лиссабона, после которого Еврорейх не имел в Атлантике значительных военно-морских сил. И отец склонялся к морскому варианту – если бы «Нью-Джерси», новейший мощный линкор, по замыслу должный выступить в роли президентской яхты, не отправился на ремонт после того боя... Его роль флагмана эскадры была срочно передана «Массачусетсу», но отец решил, что путешествовать самолетом быстрее и лично для него комфортнее. При этом командование ВВС предлагало воспользоваться не штатным президентским самолетом – С-54, имеющим собственное имя «священная корова», а также лифт для инвалидного кресла отца и президентские апартаменты со спальней на борту, – а одним из переоборудованных новейших бомбардировщиков В-29, чтобы показать русским нашу воздушную мощь, а заодно испытать новую технику в дальнем перелете – но риск был признан чрезмерным, первые «суперфортрессы» имели проблемы с двигателями – и в итоге из Рейкьявика вылетел С-54 в сопровождении эскадрильи – шести В-29, имевших на борту часть сопровождающих отца лиц, а также личный самолет британского премьера (примечательно, что это был не «ланкастер», переоборудованный в ВИП-класс, а такой же американский С-54), свита сэра Уинстона была го-

раздо меньше числом, и к тому же на борту английского самолета был де Голль, на участии которого в переговорах стоял сам Сталин. Что до флота, то он должен был выйти заблаговременно, играя роль подстраховки, если что-то случится над неприветливым северным морем.

Полет не обошелся без приключений. Уже над Норвежским морем у самолета с бортовым номером 6 возник пожар в мотогондоле четвертого двигателя, возгорание удалось потушить, но было принято решение посадить этот бомбардировщик на русской базе Банак, не имеющей полосы достаточного качества и размера, в результате при посадке самолет был значительно поврежден – к счастью, все бывшие на борту люди остались живы. Остальные самолеты без помех достигли русского аэродрома Ягодник, как было предусмотрено планом. Предполагалось, что нашим воздушным эскортом на пути до Ленинграда станут палубные истребители с «Уоспа», по согласованию с русскими – но отец не захотел ждать полутора суток, когда наш флот прибудет в Полярное. К нашему приятному удивлению, у русских оказалась полностью готова как раз на этот случай целая авиагруппа (три эскадрильи) истребителей Ла-7, внешне похожих на наши «хеллкеты». Они и стали нашим сопровождением, больше для почета, чем для охраны – так как Финляндия стала русским сателлитом, разместившим у себя русские военные базы, а Эстляндия и Лифляндия были уже освобождены русскими от немцев, так что германские истребители появиться

не могли даже теоретически.

Впрочем, русские умели нас удивлять. Так, парни с эскадры, с которым мне довелось встретиться уже в Ленинграде, рассказали, что были удивлены слабостью русского флота на севере, наше и английское корабельные соединения встречали всего пять русских эсминцев! Однако по пути от Рейкьявика до русской зоны ответственности, несмотря на то что кроме нашей эскадры были развернуты и привлечены для обеспечения дополнительные силы флота и авиации (еще четыре авианесущие корабельные группы, завеса подводных лодок, базовая патрульная авиация), были отражены четыре попытки немецких субмарин атаковать эскадру, причем в последний раз был потоплен британский эсминец и, к сожалению, две английские подлодки – «дружественным огнем». В русской же зоне, несмотря на видимую слабость русских морских сил и близость немецких баз в Норвегии, никаких инцидентов не произошло!

Мы приземлились на аэродроме, носящем имя «Шоссейная»¹⁷. Нам сказали, что еще прошлой зимой тут недалеко была линия фронта, но сейчас всё было восстановлено, специально к нашему прилету. Машины и охрана были уже готовы, нас повезли по шоссе, идущему строго на север, по Пулковскому меридиану, от знаменитой обсерватории, сейчас полностью разрушенной – передний край проходил как раз по ее территории, по гребню высот. Запомнился по пу-

¹⁷ Так до войны назывался аэродром Пулково, основанный в 1932 году.

ти какой-то громадный дом посреди заснеженного пустыря – нам сказали, что это Дом Советов, до войны предполагалось перенести сюда центр города, пока же тут еще недавно был штаб Ленинградского фронта, и это здание было среди предложенных для нашего размещения и переговоров – однако же было решено от него отказаться, «на случай, если наши гости захотят посмотреть Ленинград». Действительно, дворец, стоящий на пустом месте, никак не ассоциировался с бывшей русской столицей – с таким же успехом он мог быть расположен хоть в Сибири.

Помню огромную площадь и столь же величественный собор, куполом напомнивший мне Капитолий. Напротив него располагался дворец, в котором и должны были происходить переговоры, нас разместили частью в самом дворце, частью в отеле «Англетер» рядом с собором. Всё вокруг было оцеплено солдатами НКВД. Помню памятник посреди, конная статуя – как нам сказали, единственная в мире, стоящая на двух ногах (я удивился, вспомнив памятник Эндрю Джексону перед Белым Домом). «Кто это?» – «Император Николай». – «Тот, которого свергли?» – «Нет, его прадед, подавивший восстание декабристов». – «Какое восстание?» – «Это когда гвардейские офицеры при его коронации потребовали вольностей». Так это обычное «пронунсиамiento», причем неудавшееся – если в каком-нибудь Уругвае или Гаити ставить монументы каждому правителю, устроившему или подавившему подобное, не хватило бы площадей! Рус-

ские странный народ – даже свергнув монархию, не могут забыть своих царей, очевидно, не умея жить без сильной власти – человеку подлинно свободного мира их не понять! Но сейчас они нужны нам, чтобы победить еще более страшную тиранию!

Я читал о страшных бедах, пережитых этим городом в немецкую Блокаду. Однако же сейчас Ленинград выглядел не хуже, чем Лондон. Сохранялось затемнение, и на многих домах были видны следы обстрелов и бомбежек, как и надписи на стенах, указывающие что «эта сторона при обстреле наиболее опасна». Но велась и очень большая стройка, почти на каждом поврежденном здании были строительные леса, и возводились новые, не дома, а целые кварталы – понятно, отец и сэр Уинстон не покидали предоставленного нам дворца по соображения безопасности – однако люди из нашей свиты, в том числе журналисты, имели гораздо большую свободу перемещений, и рассказывали и мне, и отцу всё, что видели, да и сам я не раз выезжал в город. Работали заводы и учреждения, и театры, ходили трамваи и автобусы, и повсюду поддерживался идеальный порядок – казалось, русские превзошли немцев даже в этом. И очень много было пленных немецких солдат, которых русские называли пренебрежительным словом «гастарбайтеры» – они представляли здесь наиболее неприятное зрелище: физически здоровые и не старые, но какие-то неопрятные, опустившиеся, многие без зубов – если они не перемещались куда-то строем и под

конвоем, то непременно были заняты, работали на стройках, или убирали с улиц снег. Глядя на эту толпу, я был удивлен – неужели это те самые непобедимые легионы Гитлера, что за год прошли всю Европу, не зная поражений?

Относительно мер безопасности. Все знают кадры, когда сэр Уинстон на улице Лондона, вместе с толпой, осматривает разрушения от немецкой бомбежки. Я слышал, что до войны и Сталин, случалось, ходил по улицам совсем без охраны, не прячась и не боясь. Не знаю, насколько это соответствует истине – но могу сказать, что неправы те, кто называет Россию полицейским государством, лично я и другие из делегации вообще не видели на улицах полицейских, кроме тех, кто регулировали уличное движение, хотя часто встречались военные патрули, причем вооруженные автоматами. Также было оцепление вокруг площади и дворца – но на вид, не слишком густое, лишь чтобы заворачивать заблудившихся прохожих, никаких танков рядом, как позже писали иные газеты, мы не видели, как и бетонных дотов. Ленинград на время нашего визита вовсе не был превращен в крепость, откуда были выселены все жители. Вообще недоверчивость и подозрительность русских сильно преувеличена – так, когда я дважды выезжал на нашей машине с американским шофером, сзади так и не появилось автомобиля с агентами, ведущими слежку, более того, у нас и документы не проверили ни разу! Но простим русским эту беспечность, поскольку наше пребывание в Ленинграде не было омрачено ни одним неприятным

инцидентом.

Ленинград, это же время, разговоры по радио

– Центр, я 14-й! Объект проследовал мимо, свернул на Невский. Двадцать первому и Двадцать второму, принять!

– Центр, я 22-й, Объект движется к Гостиному двору.

– Центр, я 27-й. Стою у Дворца пионеров, заглох, не могу завестись! Если что – я не мобилен!

– Мля! 34-й, я Центр, срочно выдвинуться на замену Двадцать седьмому!

– Центр, я 25-й, интерес к Объекту, мужчина в полушубке, с мешком. 252-й, видишь? Пешим группам, приготовить-ся!

– Я 252-й, цель вижу, готов работать!

– Центр, я 25-й, Объект проследовал мимо, порядок. 252-й, оптикой не блести, тебя видно!

– Центр, я 34-й, Объект проследовал мимо.

– Центр, я 25-й, документы у подозрительного проверили, пустышка. Машиной заинтересовался, «паккард» больно приметный. Надо было Объекту «эмку» дать.

– Зато нам проще. И прекратить посторонние разговоры в эфире!

– Центр, я 29-й, Объект поворачивает на Литейный.

– 58-й, я Центр, доложите!

– Центр, я 58-й, стоим перед Литейным мостом.

– Центр, я 54-й, Объект проследовал мимо, прямо.

– Я Центр, колонне «сотых», готовность к выезду, развернуть сеть на Выборгской, по плану. 58-й, если Объект появится раньше, притормози его.

– Центр, я 56-й, Объект свернул на Пестеля. 71-й, прими!

– Я Центр, «сотым» на выезд, по набережной, готовиться перекрыть Кировский мост.

– Центр, я 71-й, подозрительная активность, «газон», номер...

– Вижу, я 72-й! Сейчас остановим.

– Центр, я 74-й, Объект проехал Летний сад, свернул на Садовую, к Неве.

– 90-му Центр, готовиться тормознуть Объект у моста.

Пока «сотые» не подойдут.

– Центр, я 90-й, объект проехал по Халтурина, на мост не пошел. Опять, наверное, даст круг и назад.

– Я Центр, 42-му и 43-му, готовьтесь принять, как только на Мойку свернет!

И снова Элиот Рузвельт. Из воспоминаний

В зале переговоров кроме Большой Тройки (и де Голля) присутствовали лишь переводчики: я, как доверенное лицо и адъютант отца, и секретарь-референт Сталина, молчаливый молодой человек в штатском, который не произнес ни слова, лишь стоял позади своего босса с папой в руке, и когда русскому Вождю был нужен какой-то документ, то он тотчас оказывался в его руке. Вопреки моему ожиданию, Ста-

лин был без трубки, в простом генеральском мундире с золотыми погонами, без единой награды. После обычного обмена приветствиями и общих слов, Сталин взял инициативу в свои руки, заявив:

– У нас, русских, есть поговорка: «Не делите шкуру неубитого медведя». Я предлагаю главной темой нашей встречи принять координацию наших действий по разгрому Европ-рейха. А политические реалии послевоенного мира будем обсуждать после победы, на особой конференции – вы ведь это предлагали, мистер Черчилль?

Это было так. Сэр Уинстон в разговорах с отцом раньше неоднократно выражал свое опасение, что «русские захватят всю Европу». Действительно, положение их выглядело необычайно выигрышным – после Днепра, и Висла (за которой у них уже были захвачены плацдармы), и Одер, и даже Рейн вовсе не казались неодолимыми. И ясно было, что с выходом русских армий на Рейн и занятием всей собственно германской территории, Францию Гитлеру не удержать, а Италия и Испания вовсе не выглядели сильными противниками, и вся Европа была готова упасть в руки СССР как спелый плод, по праву победителя. В этих условиях, с точки зрения геополитики, открытие нашего фронта в Европе было больше нужно британцам, русские вполне могли обойтись и без него. Сталин продолжил:

– Первым вопросом я предлагаю обсудить, что мы должны поставить за цель этой войны. Безоговорочная капитуля-

ция Германии – с категорическим недопущением сепаратного мира ни с кем из нас. Вы что-то хотите сказать, мистер Черчилль?

Сэр Уинстон напомнил Сталину его же слова, что «гитлеры приходят и уходят, а германский народ остается». Следует ли отнестись предложение о безоговорочной капитуляции и запрете на сепаратный мир к демократическому германскому правительству, если таковое придет к власти?

Сталин ответил:

– А можете ли вы, мистер Черчилль, назвать хотя бы одного авторитетного германского политика-демократа, не связанного с гитлеровским режимом? И если, допустим, в Германии завтра случится успешное покушение на Гитлера и к власти придут Гиммлер или Геббельс, или кто-то из генералов, будете ли вы их считать демократическим правительством, независимо от лозунгов, которые они при этом провозгласят? За что сражались и умирали советские солдаты под Сталинградом, американские в Лиссабоне, английские в Каире и Гибралтаре? Виновные в разжигании агрессивной войны должны будут понести суровое наказание! Только и исключительно безоговорочная капитуляция Германии перед СССР, США, Британией – а дальше уже будем совместно решать вопрос о демократичности германского правительства.

Тут заговорил де Голль.

– Франция – это формально член Еврорейха, однако

должна ли она нести ответственность за Гитлера, втянувшего французов в войну на своей стороне? Знаете ли вы, что происходит во Франции сейчас? В южной ее части установлен самый жестокий оккупационный режим, и назначенный генерал-губернатором Достлер, тот самый «лиссабонский палач», творит там неслыханные зверства! Число расстрелянных уже достигло многих тысяч, людей арестовывают по малейшему подозрению или доносу, даже за нахождение вдали от места жительства без причины, уважительной для германских властей! Уже не хватает тюрем – и схваченных французских патриотов держат, как скотину, под открытым небом за колючей проволокой, в городах для этого часто используют стадионы. Широко практикуется взятие заложников, причем в их число часто попадают даже семьи тех, кто числится на службе у оккупантов. В городах практически повсеместно введен комендантский час, идут обыски и облавы, запрещено собираться группами больше трех, забастовки и любые иные формы протеста подавляются с предельной жестокостью, организаторам и активным участникам расстрел, прочим же концлагерь. Причем больше всего зверствуют ваши бывшие подданные, маршал Сталин – головорезы из «варшавского корпуса», а также «вспомогательная полиция» из мусульман. Так неужели Франция, понеся такие жертвы, еще и будет считаться перед вами врагом?

Сталин ответил:

– Мы скорбим, конечно, о безвинных жертвах француз-

ского народа. Вот только как быть с без малого миллионом французских солдат, которых Петен отправил на Восточный фронт? С военной продукцией, идущей в вермахт с французских заводов? Вы говорите о нескольких тысячах расстрелянных, а сколько до того было казнено немцами участников французского Сопротивления – десять, двадцать тысяч, и это с начала войны? А на Восточном фронте погибло в боях против Красной Армии полмиллиона – причем в это число входят сто тысяч французских добровольцев ваффен СС! И все они – подданные Французской Республики, в отличие от бандитов корпуса Каминского, которые, попади они в наши руки, будут поголовно повешены за свои гнусные преступления против мирных жителей на оккупированной советской, польской, а теперь и французской территориях. Что до мусульманских легионов, то СССР не имеет к ним никакого отношения, все претензии к президенту Инению, впрочем, если там действительно есть какое-то количество предателей из нашей страны – чеченцев, калмыков, крымских татар – то это именно изменники Родины, заочно приговоренные к смерти. Да и французы, арестованные «за нелояльность», часто направляются не в концлагеря, а в штрафные батальоны на Восточный Фронт, искупать вину, у нас уже есть пленные и перебежчики из этих частей – вам это известно? Так на какой стороне, исходя из сказанного, фактически воюет Франция, и как мы должны, в свете этого, к ней относиться?

Гордому французу нечего было ответить, и он промолчал.

Тогда Сталин обратился с вопросом ко всем нам, ожидается ли Второй фронт в Европе в обозримом будущем. Отец ответил, что в Португалии сражались с немцами лучшие дивизии американской сухопутной армии, и, к сожалению, военная удача там была не на нашей стороне. На что Сталин возразил, что дело не в удаче, а в малости сил – всего десяток дивизий, любой из советских фронтов, хоть Второй Прибалтийский, хоть Четвертый Украинский, имеет больше.

– И каковы, кстати, военные перспективы португальского театра? Сколько времени вы собираетесь идти от Порту хотя бы до Мадрида, про Париж уже не спрашиваю? Отчего освобождение Европы от фашистского ига должно быть оплачено исключительно русской кровью? Нет, если надо, мы дойдем до Гибралтара – но хотелось бы, чтобы и наши союзники что-то сделали, со своей стороны!

При стратегической выгоде для СССР закончить войну исключительно своими силами, и я, и отец поняли беспокойство Сталина так, что он не надеется удержать всё захваченное, и больше думает о том, чтобы завершить войну в кратчайшие сроки. Прикрываясь словами о сбережении жизней своих подданных – что в устах тотального диктатора выглядело лицемерием, известна русская поговорка: «Бабы еще нарожают», подобно английской: «У короля много». Странно, что многоопытнейший сэр Уинстон этого не понял, восприняв слова Сталина как изощренный азиатский сарказм, насмешку лично над собой и «успехами» британского

оружия. В оправдание можно сказать, что положение Британской империи на тот момент было не просто плохим, а очень плохим. «Жемчужина империи», Индия, была охвачена японской оккупацией и гражданской войной – единственным светлым пятном был анклав в Пенджабе и вдоль долины Инда, где вице-королю лорду Маунтбеттену удалось сохранить поддержку воинственных раджпутов и сингхов, удержать территорию и мобилизовать промышленность, успешно отражая атаки японцев и нападения банд. Гонконг, Малайя, Сингапур, Бирма, а также Мальта, Гибралтар, Египет, Судан, большая часть Кении, кроме узкой прибрежной полосы с портом Момбаса, – были утрачены. Канада и Австралия в значительной части переориентировались на наш, американский рынок, сильно ослабив связь с метрополией. Кажется весьма вероятным, что послевоенная Британия будет низведена до роли какой-нибудь Швеции, развитой, но сугубо европейской страны. И можно представить, какую боль при взгляде на всё это испытывал сэр Уинстон, без преувеличения – один из создателей великой империи, «над которой никогда не заходит солнце»!

Тогда же Черчилль стал весьма возбужденно доказывать, что дела Британии не столь плохи. В битве у деревни (или оазиса?) Кокамунга (где-то на границе Кении и Танганьики), британские войска нанесли решительное поражение итальянцам, «подобно тому, как вы под Сталинградом», и теперь начнется изгнание подлого агрессора из британских

пределов, «и уж вы должны помнить, как всего год назад немцы были на Волге, и положение казалось катастрофой». На что Сталин ответил:

– Это прекрасно, что Кокамунга войдет в анналы славных побед британского оружия, однако как это повлияет на положение в Европе? Особенно если учесть, что там с обеих сторон сражались, как нам известно, всего по несколько рот, причем в значительной части, а со сторон итальянцев больше чем наполовину, туземных – которые сами разбежались, поголовно дезертировав, еще в начале сражения. Потери собственно британской армии составили: один офицер, трое сержантов и полтора десятка рядовых. А заявленные многотысячные потери итальянцев – это в подавляющем большинстве взятые в плен негры-носильщики, правда с итальянским военным имуществом, что тоже неплохо. Хотя итальянцы, посчитав потерю этого пункта опасным, отступили – но вы это называете своим Сталинградом? Так я вам напомню, что в Сталинградской битве, от Волги до Днепра, не итальянцы, а немцы потеряли два миллиона своих лучших солдат! И сколько же вам, мистер Черчилль, еще потребуется таких побед, пока не закончатся итальянцы?

Сэр Уинстон ответил:

– И вы, русские, не сразу научились воевать, вспомните свой сорок первый. Так и британская армия постепенно повышает свое мастерство.

Сталин ответил:

– Вы воюете дольше нас, с сорокового года пора бы и научиться.

Сэр Уинстон процедил сквозь зубы, что по причинам чисто географическим – Англия отделена от континента водами океана – британские войска не в состоянии вступить с немцами в бой, современное же состояние военного дела таково, что стратегический десант против укрепившегося на берегу противника заведомо обречен на неудачу, что показали как Галлиполи прошлой войны, так и Дьепп и Нарвик войны этой. На что Сталин возразил, что Советская Армия успешно высаживала десанты – в Печенге, на Моонзундские острова, на Тамань – да и форсирование Днепра имело все черты десантной операции, и вся советская морская пехота готовится одинаково, быть силами «первого броска» на вражеский берег, что реки, что моря. Черчилль ответил:

– Вероятно, вам не жалко своих солдат, а я несу ответственность за пролитую кровь британских подданных.

Тут Сталин удивился:

– Неужели затягивание войны уменьшает людские потери? И помните, мы собрались здесь, чтобы совместно выработать план военных действий против общего врага. Так я хочу услышать, что конкретно вы собираетесь делать – и собираетесь ли вообще? В последнем случае мне неясен смысл нашей встречи.

Тут слово взял отец. Он сказал, что американские вооруженные силы взяли на себя задачу стратегических бомбар-

дировок Германии, должны привести к полному разрушению ее промышленности и параличу немецкого тыла.

– Десять дней назад полностью уничтожен город Нюрнберг, позавчера – Регенсбург. Мы намерены и дальше разрушать по городу в неделю, вбомбив Германию в каменный век, если понадобится. Сколько потребуется для того, чтобы принудить немцев к капитуляции – два, три месяца, полгода? Современная война носит иной характер, чем прошлая – повинуюсь строго научному подходу, решающему обычную транспортную задачу доставки боеприпасов на головы врагов. Кровавые мясорубки Вердена или Сталинграда уходят в прошлое, бомбам всё равно, падать на головы трусов или героев, обученных или новобранцев. И как Наполеон говорил, побеждают «большие батальоны», так и сейчас – сильнее тот, кто может поднять в воздух больше бомбардировщиков. Вы, мистер Сталин, можете видеть, на каких самолетах мы прилетели, равных им в мире нет, с Британских островов они долетают до вашего Урала, и абсолютно неуязвимы для средств ПВО. И через год мы будем иметь в строю тысячи таких машин!

Сталин был не напуган этой завуалированной угрозой, а скорее удивлен. Он сказал:

– Взгляните в окно. Этот город был в осаде полтора года, и в самую страшную зиму, холод и тьму, в нем не было продовольствия, тепла, света и воды, зато во множестве падали немецкие снаряды и бомбы. Немцы делали всё, чтобы *вбом-*

бить Ленинград в *каменный век*, как вы сказали, но это лишь заставляло нас драться насмерть, даже не думая о сдаче, зато желая отомстить. Вы считаете, что тот, у кого ваша бомба убьет семью, поспешит перед вами капитулировать? Не надо недооценивать врага, считая его малодушным! Единственное, чего вы добьетесь, массово истребляя гражданское население, это ненависть к вам. Или в цивилизованной Европе уже не так? Впрочем, – сказал Сталин, не дожидаясь ответа, – мы обсуждаем сейчас не гипотетическую войну между СССР и вашими странами. Но я прошу у вас ответа на вопрос, что вы намерены предпринять для разгрома немецкого фашизма? Я не требую конкретных мер и сроков – а всего лишь желаю знать, какую часть общей работы придется делать нам, и что берете на себя вы. Это необходимо для планирования военных действий со стороны СССР и вашей.

Черчилль хотел что-то сказать, но отец его опередил:

– Мы готовы начать вторжение во Францию не позднее весны этого года. После общепольского восстания, в результате которого будет захвачен один из крупных портов, куда высадятся войска – поскольку, как верно замечено, десант на необорудованный берег, активно защищаемый противником, по *нашему* опыту, равнозначен самоубийству. Высаженные силы надо как-то снабжать, а сделать это при отсутствии портовых сооружений сложно, если только вообще возможно – и причина успешности ваших десантов, мистер Сталин, в том, что они были сравнительно невелики, и

снабжение можно было подвозить на малых плавсредствах, но что делать с армией, а не с парой полков? Наше УСС совместно с англичанами уже провело необходимую подготовку, снабдив французских повстанцев оружием, боеприпасами, средствами связи и послав достаточное количество инструкторов. У нас готовы для высадки больше двадцати дивизий, включая две парашютно-десантные, это без учета британских частей. Мы имеем достаточные воздушные силы, развернутые на английских аэродромах – в час икс они будут полностью переключены на цели во Франции. Есть лишь некоторая проблема – во время битвы за Португалию наш флот понес значительные потери, и пока они не будут возмещены...

Я заметил, как Черчилль посмотрел на отца, его взгляд пылал ненавистью – на какое-то мгновение. Ничего личного, сэр Уинстон, это всего лишь бизнес – если Британской империи суждено пасть, то пусть это произойдет с пользой для более удачливого, кто займет в мире ее место. Если ты был автором плана «Евробритания», то это не значит, что у тебя есть на него исключительный патент. Этот план должен быть реализован нами, с дополнениями и улучшениями. Без всяких контрибуций – ну зачем нам нагло грабить того, кого можно долго и методично стричь?

Сталин возразил, что судя по тому, на чем мы пришли в Мурманск, флота у нас достаточно. Отец ответил, что, при всей мощи ВМС США, его совершенно не достаточно, чтобы

контролировать весь Мировой океан ввиду насущной задачи разгрома Японии. На что Сталин ответил:

– В данном случае речь идет не об океане, а о проливе Ла-Манш. И советскому флоту, притом что он в сумме меньше одной вашей эскадры в Мурманске, вполне хватило сил, чтобы навести порядок во всех прилегающих к советской территории европейских морях – Норвежском, Балтийском, Черном – в чем тогда проблема у вас?

Отец ответил, что не хватает определенных классов кораблей. Например, требуемый десантный тоннаж, с учетом необходимости в нем еще и на Тихом океане, никак не может быть обеспечен раньше февраля. Это касается и особого типа штурмовых десантных транспортов, и десантных кораблей-докков, в дополнение к очень удачной серии «Эшланд», улучшенных «Каса-Гранде» – девять тысяч тонн, трюм-док-камера, откуда vyplывают десантные катера с полной загрузкой, включая танки, «что позволяет за самое короткое время высаживать на вражеский берег танковую дивизию со средствами усиления». Но согласно разведанным, немцы построили на французском побережье достаточно мощные укрепления, и потому высаживать там войска, когда у Гитлера еще остались резервы, не связанные на Восточном фронте, это всё равно, что бросить в мясорубку! В общем, мы будем готовы – но начните вы, а мы подключимся, ударим гуннов в затылок, когда они обернутся к вам.

Сталин выслушал, задал несколько уточняющих вопро-

сов. Затем обратился к сэру Уинстону, сидевшему, как мне показалось, с оскорбленным видом.

– Британия обеспокоена затянувшейся африканской кампанией и желает при этом сберечь жизни своих солдат? Желание похвальное, но вот методы его решения никуда не годятся. Чем возиться где-то на периферии, лучше ударить по центру вашей проблемы. Нам известно, что в Италии, даже среди верхов – королевского двора, армейского командования и даже верхушки фашистской партии – растет недовольство фигурой дуче и его политическим курсом. А если главы трех воюющих держав сделают совместное заявление, потребовав от королевского правительства Италии отстранения Муссолини от власти и как минимум объявления нейтралитета? Сказав, что в противном случае Италия получит на своей территории полновесную сухопутную войну, после которой Сталинград им покажется раем – советские войска уже стоят на итальянской границе по линии Любляна – Триест, и готовы к наступлению. Вы полагаете, потомки легионеров покажут подлинно римский дух – или предпочтут капитулировать? Нет, СССР может обратиться к Риму и в одиночку – но согласитесь, что требование, исходящее не от одной стороны, а от трех, куда более весомо. И ровно в три раза больше вероятность, что к нему прислушаются, и британцы перестанут погибать в Африке, поскольку африканский фронт исчезнет. Также имеет смысл в подобном заявлении в адрес Турции, а то непорядок, когда какая-то страна поддер-

живает наших врагов, нападает на наших союзников, и в то же время считается нейтральной! В Анкаре должны наконец определиться, сделать выбор, с кем они, на чьей стороне.

– Поддерживаю! – сказал отец. – Пора, наконец, прекратить этот нелепый конфликт, я про Африку и Ближний Восток говорю. Италия колониальная держава – это, простите, смешно! Ну, а Турции следует указать, что в случае ее несогласия на послевоенной мирной конференции вопрос о ее границах и даже самом существовании независимого турецкого государства будет решаться без ее участия. К тому же мы обеспокоены сведениями о дикой резне мирного арабского населения в Аравии, Йемене и Омане, равно как и осквернением христианских святынь в Сирии и Палестине. Турецкие солдаты в арабских поселениях ведут себя как зондеркоманды СС – но сейчас, слава богу, не шестнадцатый век, и никто не потерпит новую Османскую империю! Я полагаю, сэр Уинстон, что это заявление будет более действенным шагом, чем посредничество, с просьбой о котором турки успели уже надоесть и вам, и мне? Сразу решатся все проблемы Британской империи к западу от Инда – ну а с японцами придется повозиться подольше. Вы что-то хотите сказать?

На Черчилля было жалко смотреть. Я-то знал, что посредничество, о котором просил турецкий посол, касалось занятых русскими Проливов – и ради требования к русским от нас и англичан турки даже соглашались немедленно вернуть

Британии часть захваченных ими территорий. И просьба к Сталину от одних англичан в этом вопросе звучала бы просто смешно – из-за очевидного ответа: «А как насчет посредничества СССР, к туркам же, по иракской проблеме?» – и потому сэр Уинстон настаивал, что инициатива должна исходить от отца, а Британия лишь присоединится. И вот, отец недвусмысленно дал понять, что в этой игре англичане могут рассчитывать лишь на себя.

Легко было также понять ход мыслей сэра Уинстона. Отказаться от столь выгодного предложения – избиратели категорически не поймут, на политической карьере можно ставить жирный крест. Но принять – значит отдать в русскую «зону влияния» Италию точно, а Турцию весьма вероятно, хватит ли войск в британском Пенджабе, чтобы быстро занять арабские территории, прежде русских?

А отец был спокоен. Поскольку истинный хозяин территории – не тот, чьи войска и администрация там находятся, а тот, кто управляет товарно-денежными потоками и получает с этого прибыль. И в этом смысле Соединенным Штатам будет принадлежать и Европа, и Аравия, и Африка, и даже сами Британия и Россия. Лишь бы держатель территории обеспечивал порядок, способствующий сбыту американских товаров. И все конфликты критичны лишь в той мере, поскольку они мешают выгодной торговле. Эта политика безупречно работала уже сто лет в Латинской Америке. Доктрина Монро нужна была тогда, поскольку в Европе была це-

лая команда более сильных игроков – теперь же, когда они все повыбиты, и Соединенные Штаты решительно выходят в высшую лигу, те же принципы могут быть распространены и на Азию, Африку... а отчего бы не на Европу, чем Россия в принципе отличается от Бразилии?

А что до сэра Уинстона – то его время ушло. Вместе с когда-то великой империей, над которой никогда не заходило солнце – и от которой сейчас не осталось почти ничего.

Север против Юга, джентльмены! Рабовладение экономически неэффективно. А когда оно мешает прибыли других, то уже не имеет права жить.

Уинстон Черчилль.

То, что вошло в мемуары (и то, что не вошло)

Сорок третий год Англия прошла с чрезмерным напряжением сил. Оглядываясь назад, на бесконечную сумятицу войны, я не могу вспомнить другого периода, когда связанное с ней напряжение и обилие нахлынувших проблем были столь тягостными для меня и моих коллег, как в сорок третьем году. Нас постигли ещё более тяжкие катастрофы, но к этому времени наши судьбы были связаны с судьбами Великого союза. Ни одна из проблем, стоящих перед нами, не могла быть разрешена вне связи с остальными проблемами.

(еще бы! Сила нашей англосаксонской расы – в дарованной нам Господом способности манипулировать другими народами. Без различия – дикий негр или цивилизованный

француз, или полуварвар-русский. Так сложилось исторически – островной народ, живущий на весьма ограниченной территории с достаточно суровым климатом и без природных ресурсов, не сумел бы выжить без умения ловко стравливать между собой более сильных врагов и внушать им, что работая на наш интерес, они работают на себя. Политика, доступная лишь для островной державы – чем кончила Византия, пытавшаяся вести себя подобным образом; можно также вспомнить Геную, да и Нидерланды – как в китайской притче, стоит дерущимся тиграм оглянуться, и умной обезьяне придется очень плохо, если только она не сидит на очень высоком дереве. Но Британия – это владычица морей! А кто владеет морями, тот владеет мировой торговлей – владеет миром!

Но в мемуарах о том лучше не писать! Там всё должно быть гладко и благопристойно)

Неудача в Португалии, как до того в Норвегии, показала всю сложность десанта на континент. Англия напрягала все силы, помогая нашим американским союзникам, но сложность переброски подкреплений для нас и лёгкость для Германии поставили союзные войска в чрезвычайно серьёзное положение, вынудив население свободолюбивых стран и четвёртый год безропотно нести тяжкий груз войны. Однако же мы сумели удержать за собой море, у Лиссабона уничтожив объединенный флот Еврорейха. Затем, в результате блестяще проведенной операции британских спецслужб, при помо-

щи французского Сопротивления, был убит адмирал Тиле, кровожадный монстр, убийца, но безусловно, лучший флотоводец Германии и самый опасный из наших противников.

(снова не для мемуаров: Несмотря на тяжелейшие потери ВМС США и гибель лучших дивизий американской армии, по завершении сражения янки не скрывали своей радости – всего лишь тому, что даже сам великий и ужасный Тиле *не сумел их победить!* Впрочем, если вспомнить, как год назад после Тобрука наш Монти особым приказом по североафриканской армии запрещал бояться Роммеля, «который не более чем человек, а не дьявол»...)

На этом фоне мы готовились к конференции, решавшей судьбу послевоенного мироустройства. Мы были едины как в целях, так и в намерениях отдать все силы общему делу – но имели серьёзные расхождения касаясь методов, тактики, очередности решения задач. Это было неизбежно, потому что три партнёра подходили к принятию необходимых решений с различных точек зрения.

(не для мемуаров: скорее, с диаметрального различия уже своих послевоенных интересов. После русских побед было очевидно, что Еврорейх этой войны не переживет. Конечно, основной дележ его наследства был намечен на уже послевоенной конференции великих держав – но кое-какие точки над *i* надо было расставить немедленно. По одной причине – очень трудно отнять у кого-то взятое им с боем. И как сказал мой друг Бэзил, «отбирать землю, на которую уже

вступила лапа русского медведя, выйдет себе дорожке». К сожалению, мы слишком поздно поняли, что великой империи необходимы и сильный флот, и могучая армия. У нас же перед войной даже флот страдал от пресловутой «экономии» – в результате мы оказались не в состоянии одновременно прикрыть метрополию от вторжения, защитить наши коммуникации в Атлантике и обеспечить наши интересы в Средиземноморье, Индийском океане и на Дальнем Востоке. Даже какие-то турки соблазнились отнять у нас Ирак, Иорданию, Кувейт – и мы стерпели, сделав вид, что «передаем им территории под охрану», куда дальше?! Британия потеряла лицо среди туземных народов, показав свою слабость. И если Индию, Бирму и Малаю еще оставалась надежда усмирить, то Ближний Восток оказался под угрозой русского вторжения. Исмет-паша – идиот и мерзавец, как он смел покуситься на британскую собственность в благодарность за то, что мы столетиями защищали Турцию от русского аппетита? И русский медведь в один миг откусил от бедных османов и Проливы, и Армению – поделом дуракам, но ведь теперь для русских открыта дорога к Суэцу! Чувствую, на послевоенной конференции за Проливы будет битва страшнее, чем Эль-Аламейн!)

Мы договорились встретиться с президентом Рузвельтом в Рейкьявике, чтобы обменяться мнениями по возникшим вопросам и обсудить будущее Атлантической хартии, которую я предложил положить в основу послевоенного ми-

роустройства. Президент благожелательно отнёсся к моему предложению приложить все усилия к тому, чтобы не только разоружить Германию и разделить её на несколько государств, дабы искоренить прусскую агрессивность, но и предложить Сталину присоединиться к хартии с обязательным её исполнением. Это дало бы страдающим народам вечный мир, в котором нет места агрессии.

(именно так – на чем держалась империя! Не одним кнутом – но убеждением: белый командовал, негры работали – и были при этом счастливы, что работают на белого! Примерно так же, только более утонченно, обстояло дело в Европе. В течение веков – британское золото легко создавало и разрушало коалиции, свергало королей, меняло границы. И именно с русскими эта политика прежде не давала осечки – стремление этой варварской страны быть признанной за свою в «европейском концерте» было самой действенной струной, на которой можно было играть!)

На встрече в Ленинграде мною были выдвинуты предложения по скорейшему завершению этой разрушительной войны. Прежде всего, мы все, от лица трех великих держав и будущей Французской демократической республики в лице генерала де Голля, обратились к Турции, потребовав от нее объявить войну Еврорейху, на подконтрольной ей территории разоружив его войска, арестовав всех его подданных и собственность, передав их нам в качестве пленных и трофеев, открыть свою территорию для нашего военного транзи-

та и уступить, по нашему выбору, свои военно-воздушные и военно-морские базы, с размещением там войск, авиации и флота Британии и СССР (с обязательным выводом после войны). Также Британия берет на себя обязательство по своим каналам передать аналогичное (от Трех держав) обращение к Италии с требованием немедленно сместить Муссолини и перейти на сторону антигитлеровской коалиции (что обязательно зачтется Италии и ее народу по окончании войны). В перспективе такое же предложение может быть сделано Испании. Наконец, Британия, совместно с СССР, настоятельно рекомендует всем сторонам внутриюгославского конфликта (кроме, естественно, немцев и их сторонников) оказывать всякое содействие Советской Армии при ее движении в Италию для помощи законному итальянскому правительству и разоружения германских войск – или, в случае прискорбного отказа Италии признать предложения Большой тройки, содействовать в продвижении советского фронта на территорию Италии по ходу боевых действий. В дальнейшем же СССР и Британия выступают гарантами соглашения между всеми антифашистскими силами в Югославии, и содействуют образованию там правительства Национального Согласия.

(Не для бумаги: но побудем пока честными союзниками! В конце концов, разместив в Турции «галифаксы» Берегового командования, мы можем засыпать минами подходы к Суэцкому каналу и Порт-Саиду, прервав опасную для нас

связь рейха с Японией. Ну а «вывести после войны» можно потребовать заодно и русских из зоны Проливов! Также, новое правительство Италии после свержения Муссолини будет, с большой степенью вероятности, проанглийским. Как и в Югославии, мы получим у власти не единолично русскую марионетку Ранковича, но и нашего Тито, и даже, возможно, представителей законного короля Александра, он ведь не отрекался, убегая в Лондон от немцев в сорок первом – какие еще здоровые политические силы мы сумеем подключить?

И это не будет стоить Британии ничего! Югославы подчинятся – поскольку без нашей помощи и поддержки они никто. А в Италии и Турции, при их несогласии, всю работу сделают русские, которым после мы предложим убраться домой.

Авторство этих предложений? Простите, а какая разница, чья была идея? Важно лишь то, что окончательная редакция принадлежала нам!)

К сожалению, не все конструктивные и миролюбивые предложения, исходящие от нашей и американской стороны, были приняты русским. Следует отметить, что Сталин, хотя и был, бесспорно, одним из великих русских правителей, в большей мере оставался азиатским вождем с исконно азиатской психологией, недоверчивостью и подозрительностью. Диктатор по своей сути, он не мог понять самих принципов свободы, либерализма и демократии. И слишком часто видел в наших предложениях мнимое ущемление русских ин-

тересов. Так поднятый мной вопрос о послевоенной Дунайской конфедерации под управлением Объединённых наций встретил с его стороны весьма прохладное отношение, Сталин посчитал подобное объединение нежизнеспособным. С такой же неприязнью он отнёсся и к планам разделения Германии на несколько частей. И хотя нам удалось получить гарантии независимости Финляндии и Швеции, вопрос о послевоенных границах Норвегии оставался пока открытым.

(О чем не напишу: когда я предложил для Польши то же, что для Югославии – «правительство национального согласия», включающее все политические силы – Сталин не только ответил довольно резко, что так называемая Польская Объединенная Рабочая Партия и есть по сути коалиция всех здоровых – читай, просоветских! – политических сил, но и прямо обвинил британскую сторону в грязной политической игре, граничащей с предательством. На мое категорическое требование объясниться, он ответил, что у него есть очень авторитетный свидетель, и спросил, настаиваю ли я, чтобы этот свидетель был представлен? Поскольку отказ был сходен с потерей лица, то я подтвердил свое требование, лишь выразив беспокойство, сколько времени это у нас отнимет. Сталин ответил, что не больше получаса. Я согласился, Рузвельт и де Голль не протестовали.

О дальнейшем лучше не вспоминать! В зал ввели Бур-Комаровского, и это ничтожество, этот опереточный генерал, подобранный мной буквально в лондонской канаве, этот

предатель, всем обязанный мне, этот подлый трус, у которого даже не хватило духа застрелиться, обрушил на нас целый поток грязи – на вполне понятном английском языке! Он подробно рассказал обо всех инструкциях, которые я ему давал накануне Варшавского восстания – клянусь, в действительности там не могло быть слов про «новый санитарный кордон против большевизма», это не произносилось вслух! Тем более я не могу нести ответственности за все требования, которые этот недоносок из Варшавы успел выдвинуть к русским «от лица польской нации», присочинив, что этот бред редактировался лично мной полностью, а не отчасти! И конечно же, я не мог знать, что этот негодяй по совместительству является еще и немецким агентом!

Тут Сталин с удивлением спросил:

– Неужели лучшая в мире британская разведка не знала о связи Коморовского с группенфюрером СС Фегеляйном, занимающим нынче должность представителя СД в ставке фюрера? Притом что сам Коморовский факта своей еще доверенной дружбы с этим человеком отнюдь не скрывал, как и то, что переписка между ними, через доверенных лиц, продолжалась до времени восстания! Неужели в МИ-6 сидят столь наивные люди, что верят, будто назначенный вами предводитель восстания обсуждал с высокопоставленным гитлеровцем всего лишь прошлые конноспортивные дела?¹⁸ А как вы тогда объясните, что немцы в Варшаве явно были готовы к

¹⁸ Коморовский и Фегеляйн вместе были участниками Олимпиады 1924 года.

началу восстания, приняв эффективные предупредительные меры, как, например, арест многих офицеров АК, а особенно АЛ – в последний момент, по неизвестно откуда взявшимся спискам? Если Коморовский прямо указывает, что предупредил Фегеляйна, «чтобы избежать лишних жертв» – чьих, немецких военнослужащих и штатского персонала? И после столь «удачного» начала восстания, британская сторона сохранила к Коморовскому доверие – тогда проверьте, мистер Черчилль, не сидит ли у вас в Лондоне еще один немецкий агент!

Был редчайший случай, когда я сорвался:

– Достаточно, уберите это ничтожество! Признаю, что совершил величайшую ошибку в жизни, доверившись мерзавцу! Заверяю, что он, прикрываясь моим именем и полученными от меня полномочиями преследовал свои собственные, гнусные цели! Ни я, ни Британия больше не желают иметь с этим подонком ничего общего! И если вы его расстреляете – туда этой сволочи и дорога!

Тут Сталин ответил, что Коморовский, конечно, получит, что заслужил.

– Но у вас в Британии есть понятие «прецедент». И если имеет место один случай, когда некто, прикрываясь вами, совершал действия, никак не приближающие победу над немецким фашизмом, то советская сторона в будущем имеет право иметь подобное в виду и принимать те меры предосторожности, какие найдет нужным. Конкретно же, касаемо,

например, Югославии – мы принимаем ваше предложение. С оговоркой, что любое лицо, уличенное в связях с фашистами или в своей деятельности способствующее им, должно быть осуждено как военный преступник, и это не подлежит обсуждению!

Британский джентльмен играет честно. Это значит – никогда и никому не прощает своих поражений! Первое правило мудрости англосаксонской расы: не покоряющийся, не управляемый нами должен считаться врагом, даже если в данный конкретный момент никак нам не угрожает или формально является союзником. Второе правило: с врагом совершенно не обязательно воевать оружием, тайная работа по разъеданию его изнутри, ослаблению его мощи, одновременно с внешней улыбкой и заверением в дружбе, бывает гораздо действеннее! И третье правило общеизвестно: у Британии нет друзей, а есть интересы. Что следует понимать: даже контролируемый нами союзник должен быть уничтожен без всякого сожаления, если это будет нам выгодно! Понятия подлости и предательства в политике не может существовать по определению! Это называется «реалполитик», джентльмены! Я никогда не прощу России даже не своего личного унижения – а того, что она осмелилась играть по своим правилам! Это исключительно наше право – менять правила во время игры.

И потому – я уничтожу Россию! Мы с ними разные цивилизации, мира между нами не может быть никогда. Как толь-

ко завершится эта война – начнется следующая, и не обязательно с громом пушек!

А если я не успею завершить дело – закончат мои наследники. Но эти слова никогда не будут доверены бумаге.)

Ленинградская конференция была вершиной в развитии сотрудничества трёх великих держав. Мы искренне желали всеобщего благоденствия и мира – и не вина Запада, что послевоенное мироустройство пошло по другому пути. Было принято, что важнейший вопрос об обращении победителей с Германией подвергнется предварительному обзору, как колоссальной политической проблеме, и, как выразился Сталин, «весьма предварительному». Политические аспекты были и более отдалёнными, и более гадательными. Они явно зависели от результатов великих битв, которые ещё предстояли, а затем и от настроений каждого из союзников после победы. Также были достигнуты предварительные, но принципиальные соглашения по чисто техническим вопросам, в преддверии будущей встречи наших войск – установление оперативных каналов связи, возможный обмен офицерами связи, даже ознакомление с силуэтами военной техники друг друга, чтобы избежать «дружественного огня».

(Ну вот, вполне прилично звучит для мемуаров)

Лазарев Михаил Петрович. Подводная лодка «Воронеж», Норвежское море, 21 декабря 1943 года

Вот не было печали – купила баба поросё!

Это я про янки и англичан, конкретно – про их подводников. Оказывается, они с их флотом шли не просто так – а должны на время пребывания эскадры в Полярном развернуться в море, обеспечив ближний базовый дозор. А по жизни – ежу понятно, что хотят изучить наш театр. Чем наши руководствовались, разрешив это безобразие, не знаю, возможно, ссориться не захотели. Но командование СФ рассудило здраво:

– Так, орлы, возле Кольского залива вы нахрен никому не нужны, это давно уже тыловой район, где немцев год как не видели. Если хотите реально помочь – пожалуйста, в Нарвик, там вам поставят боевую задачу (всё подспорье!). Там ближайший порт у немцев – это Тронхейм, наши на него по суше посматривают, но пока еще не добрались. А значит, есть и немецкая коммуникация по морю туда, и Арктическая флотилия их У-ботов – вот для вас и цели!

Ну а мы болтаемся в море. Вместе с «Куйбышевым» и «Урицким», принявшим в Нарвике топливо, идем встречать очередной конвой – вдруг немцы рассудили, что страшная «моржиха» союзную эскадру охраняет? Значит, по транспортам можно отработать, и сколько еще у них лодок «тип XXI» может найтись? По автономности, в принципе, терпимо – до Конго весной ходили гораздо дольше. А светиться в Полярном, пока их эскадра назад не уйдет, нам не с руки. Будут всякие вопросы задавать, а то и попросятся на борт посмотреть и познакомиться, так что отказать будет неудоб-

но – ну зачем нам это? Так что «чтоб вас в Главной базе пока не было», и нет пока еще у СФ оборудованных баз в дальних бухтах вроде Видяево и Гаджиево, там в лучшем случае причал с парой домиков рядом.

В Тегеране нашей истории они вроде как за три дня обо всем договорились? Думаю, и тут не задержатся. Как раз и мы вернемся. И если не будет новых заданий – то домой, в Северодвинск!

Уж очень Серегу Сирого арматура в реакторе беспокоит. Высоконапорные трубки – самое слабое наше место. Лопнет – и получим местную версию голливудского блокбастера «К-19»! И ведь при технологии этого времени починить вряд ли удастся – так что придется капитально стать на прикол. А у руководства СССР в отношении нас, судя по всему, есть еще планы – так что приказано заводской осмотр и текущий ремонт с техобслуживанием проходить при первой возможности. И спокойной жизни не будет – Сирого с Князем Курчатов и Зенгенидзе в оборот возьмут, Бурому по торпедам отписываться, и с Видяевым на его «щуке» на полигон выходить, «три ЭС», наш ракетчик, еще летом с корабля исчез – «граниты» давно из шахт выгрузили, ходим как чисто торпедная лодка-истребитель. И у меня забот будет двадцать пять часов в сутки. Одно хорошо – Аня будет рядом. Как мы в прошлый Новый год с ней в клубе танцевали... И вот почти четыре месяца, как расписались, а виделись в сумме дай бог пару недель! Она, как фильм «Адмираль» посмотрела, так

старается внешне на Тимиреву походить в исполнении Лизы Боярской – не знаю, как та, настоящая выглядела, а ведь и она жива еще, в семидесятом умрет, в последние годы работая на «Мосфильме», даже слышал, снималась она там в эпизодах и «Войны и мира», и какой-то комедии с Никулиным, там она уборщицу, в кадре мелькнувшую, сыграла.

А, наплевать – мне моя Анна Петровна нужна, и никто больше! И дожить я с ней надеюсь до преклонных лет, увидев и детей, и внуков – не то что киношный герой, отличный моряк, но никуда не годный политик. Так ведь не ожидается больше революции в этой стране, до конца века – а до всяких «оппозиций» мне дела нет.

Лодка идет ровно, на глубине сто десять, четырнадцать узлов. Только винты эсминцев наверху, всё та же пара «новинок», Головки уже шутит – их с нами в один дивизион объединить можно. Так корпуса еще крепкие, машины тянут, ПВО им усилили, радар поставили, от надводного и подводного врага мы прикроем – и вся работа: немецкую субмарину бомбами закидать по нашей наводке, да мелочь отогнать вроде «шнелльботов», на которую нам торпеды тратить жаль. Есть на СФ и третий «новик», с именем «Карл Либкнехт», но он умудрился с сорок первого и до сих пор просачковать в ремонт (правда, в той истории, откуда мы родом, он всё ж успел под самый конец отметиться, в апреле сорок пятого потопив U-286 у входа в Кольский залив). Ну, а здесь, очень может быть, так и не успеет повоевать.

Вхожу в ЦП, принимаю доклад от Петровича, непорядка не усматриваю, сажусь на свое командирское место. До Медвежьего, значит, и назад – а наверху штормит и полярная ночь. Сегодня ведь день зимнего солнцеворота, как на севере говорят. Солнце уходит под горизонт ниже всего – и сейчас начинает подниматься, выглянет наружу через месяц-другой. С берега авиация еще летает, а вот с палубы даже пытаться не стоит при такой волне. Так что, будь там наверху хоть «Эссекс», хоть «Мидуэй» и Третья мировая – сделали бы мы его однозначно. А за каким еще чертом янки этот театр изучают, если намерений не имеют? Значит, кто-то у них в высоком штабе задал себе такой вопрос.

Хотя их лодки, эти «балао», или более поздние «тенчи» – тут не подходят совершенно! «Бегемоты» крупнее и немецких «девяток», и наших «катюш». Над водой двадцать узлов при громадной дальности в одиннадцать тысяч миль на крейсерском ходу, и две пятидюймовых пушки, как на эсминцах, и бофорс, и несколько эрликонов – зато под водой восемь узлов полного хода и аж два экономического, при дальности в девяносто, у немецких «семерок» столько же, но на четырех узлах (когда надо отползти после атаки из зоны поиска ПЛО, то разница огромная). И конечно, маневренность заметно хуже, и сонаром легче засечь. Из плюсов же – великолепные условия обитаемости, по меркам подплава этих лет (не мелочь – а меньшая вероятность, что кто-то «откроет не тот клапан»), хороший радар, сонар, приборы

управления торпедной стрельбой. Идеальны для Тихого океана с его огромными расстояниями и слабой японской ПЛО. У нас же – похожи на «тип П», «эскадренные лодки», построенные перед войной в количестве трех штук и признанные неудачными. Для европейских вод гораздо лучше подходят средние субмарины, вроде той же «семерки», да и у англичан самыми удачными (и самыми массовыми) в эту войну оказались «тип U», которые замышлялись как «ПЛ-цели для тренировки экипажей противолодочных кораблей», маленькие (меньше наших «щук»), дешевые и простые в постройке – а главное, оказавшиеся очень удобными для Северного моря и Средиземки, в знакомой нам истории три такие лодки были переданы нам на СФ в сорок четвертом, и одна из них, В-4, даже успела стать Краснознаменной, после их вернули англичанам.

Но это лирика. А нам головная боль – хотя их сигнатуры мы записали, и американцев, и всех трех англичан («Трешер», «Сатир» и «Санфиш») разных типов. Ё-мое, последняя – это же та самая, которую в нашей истории под номером В-1 в сорок четвертом также передали нам, но до Полярного она не дошла, «по ошибке» потопленная британцами, вместе с нашим экипажем, и командиром там был Фисанович, Герой Советского Союза, один из лучших наших подводников на СФ, ну с-суки! «Ай эм сорри, трагическая случайность», – а наших, сорок восемь человек, уже не вернешь. Знаем ваши «ошибки», сам так же «ошибался», целых три раза: у Канина

носа, когда «Шеер» тащили, затем «Трайидент» у Киркенеса, и еще один, у Ньюфаунленда. И черт знает, какие инструкции вам дали сейчас – мне же недвусмысленно приказано, если их лодка в подводном положении попытается сблизиться с охраняемым нами конвоем, топить! Паранойя, конечно – но вдруг и тут кто-то озаботился, чтобы какой-то ценный груз (например, для Атоммаша) до нас не дошел? Ну, а виноватыми во всем, конечно, окажутся немцы – «неопознанная субмарина». Так ведь и мы можем за нее сработать – по противоположной цели.

Так что идем в полной готовности отработать по любому варианту. Или – нету нас вовсе, мы призрак, бесшумно (для акустики этого времени) скользящий на недостижимой для здешних лодок глубине. Или станем Подводным Ужасом, как нас прозвали немцы, и кто не спрятался, мы не виноваты. Если ничего не изменится, через полсутки у Медвежьего встречаем конвой, и с ним назад, до дома.

Вот только сны опять снятся – и хотелось бы надеяться, что просто игра воображения. Князь с Серегой Сирым всерьез предполагают, что после провала сквозь «дырку во времени» у кого-то из нас мозг стал сродни радиоприемнику – принимает информацию из иного пространственно-временного континуума. Третье предположение – что начинает понемногу ехать крыша – Князь назвал очень маловероятным, поскольку подобные сны отмечены уже у нескольких человек из экипажа, отнюдь не страдающих нервным расстройством.

Ну что вы мне на этот раз принесли? Я вас спрашиваю – кого интересует историческая правда, точное соответствие давно прошедшим событиям? Это, возможно, интересно узкому кругу специалистов, но никак не широкой зрительской массе! И не надо следовать моде позапрошлого века, сегодня никто не будет следить за умствованиями великого същика, стандарт уже полвека задан русским Индианой Джонсом – драйв, погоня, стрельба, драки и, конечно же, многочисленные злодеи в экзотических декорациях, можно еще и мистики добавить – так зачем менять давно проверенное?

Значит, так: всю лабуду с Большой Тройкой, при всем уважении к этим персонам, вышивырните вон! Главным героем будет... ну пусть тот матрос-хлеборез из прошлого фильма про пароход с ураном – раз там был хороший кассовый сбор, то и продолжение посмотреть захотят! Сами придумайте, как он в персонале американской миссии оказался – это вы можете, если не совсем бездарность? Ленинград в эту войну, зима, снег, холод, света и воды нет, всё разрушено – прочтите хоть что-нибудь, написанное русскими про Блокаду, как там было. Итак, трое хозяев мира совещаются, а наш герой отправляется с каким-то поручением на линкор «Лев Троцкий» (был, кажется, у русских такой вождь в их революцию), стоящий в порту. Поручение тоже придумайте сами!

Не знаете, как у русских выглядели линкоры? Изобразите «Нью-Джерси», лишь дорисуйте на компе русский флаг!

И никто не знал, что командир линкора Мариус Рамиус, литовец (был знаком мне парень с этим именем здесь, в Нью-Йорке), ненавидел Сталина за свою семью, сосланную в ГУ-Лаг! И он подобрал себе в экипаж офицеров, или таких же, как он сам, из репрессированных национальностей, или из бывших белогвардейцев. И вступил в сговор с немцами, чтобы убить Сталина, когда он будет в этом городе. И вот: ночь, рядом всплывают немецкие субмарины и высаживают на линкор десант эсэсовцев – а матросы получили приказ заговорщиков-офицеров не сопротивляться, и немцы убивают весь экипаж, а затем перегружают с подлодок химические снаряды, которыми намерены обстрелять дворец, где собрались Дžo, Фрэнки и Уинни. И вот тут наш герой начинает с немцами на корабле ту же игру, что тогда, на пароходе с ураном. А когда эсэсовцы заканчиваются, то пробирается на мостик, или в рубку, ну где там командиру положено быть, и говорит Рамиусу, что его отношение к своему Воздю – это его дело, «но там и мой президент!»

И тогда Мариус Рамиус, не знавший, что там кроме Сталина еще и президент Соединенных Штатов, переходит на сторону демократии, вместе со своими офицерами! Все вместе они сначала разворачивают пушки и расстреливают немецкие субмарины. Но оказывается, у немцев был и резервный план – в ночи над Балтийским морем летят сто

юнкерсов с крылатыми ракетами «фау», начиненными заринном. И тут им навстречу взлетают американские истребители – читал, что парни с «Уоспа» должны были нашего Фрэнки на ту встречу сопровождать. Воздушный бой – тут уж на компграфику не скупитесь! – и все немцы сбиты. Музыка, и кажется, уже финал – но нет, вдали всплывает японская подлодка и выпускает самолет с камикадзе. И он, решив отомстить, врывается в линкор – взрыв, корабль тонет, а наш герой вместе с русскими союзниками плывет к берегу.

Ну и финал – русский вождь Сталин за свое спасение вручает герою высшую русскую награду, как она называлась – Бронзовая Звезда? А Фрэнки производит героя в чин командера и просит Сталина не наказывать офицеров «Льва Троцкого», искупивших вину, а отпустить их на службу демократии.

И самый финал: Норфолк, наш герой в парадной форме и с орденами, а позади в строю те русские: «Лучше быть матросом ВМС США, чем офицером в русском флоте».

Ну вот, я фактически сделал за вас вашу работу! Теперь распишите сценарий подробно, и чтобы через неделю был у меня на столе! И если этот фильм возьмет меньше трех «Оскаров», я ставлю вам ящик самого лучшего виски!

Да, и не забудьте где-нибудь вставить и лав-стори. Чтобы и женская часть аудитории была не забыта. И не забудьте о квоте на афроамериканцев, а также секс-мень-

шинства, если не хотите после разориться на одних судебных издержках, Гильдия киноактеров – это та же мафия! Что значит, не было чернокожих русских и чернокожих эсэсовцев? Помните, вы мне то же самое про викингов говорили – и кто оказался прав?!

И клянусь, это будет самый правдивый фильм, снятый в Голливуде, о встрече Большой Тройки полвека назад!

Свят, свят! Попа на борту нет – а то обязательно попросил бы изгнать вселившуюся нечистую силу. Или это уже в *здешнем* будущем такие фильмы станут снимать? Если еще полвека проживу, то может, и удостоверюсь в своей правоте, и посмеюсь заодно.

Генерал де Голль. Ленинград, 22 декабря 1943 года

Генерал де Голль чувствовал себя униженным и оскорбленным – как персонаж романа какого-то русского писателя. Не понимая, зачем он вообще нужен на этих переговорах! Все протокольные приличия были соблюдены – но разговор вели исключительно Сталин, Рузвельт, Черчилль между собой, обращая на присутствующего здесь француза внимания не больше, чем на пустое место! Даже когда разговор зашел об «общезанцузском восстании», это в его присутствии прозвучало как издевательство – потому что первую скрипку в этом оркестре должна была сыграть не «Сражающаяся Франция», а американское УСС и британское УСО.

Что еще обиднее, при поддержке многих его соотечественников.

Кто был прав в этом споре? Англичане с американцами, рассматривающие французов как расходный материал в собственных шпионских играх? Или он, считавший, что важнее сохранить силы для послевоенного мироустройства, а не растрачивать ради мелких тактических успехов? Уверенный в своей правоте, он не мог не видеть, что его политика отталкивает от него многих французов, желающих сражаться; иные горячие головы издевательски добавляли к названию его организации частицу «не». С предателями разговор был короткий – доходило до того, что еще год назад Черчилль самолично выразил неудовольствие тем фактом, что служба безопасности «Сражающейся Франции» на английской территории стала слишком походить на гестапо, с тюрьмами и пыточными камерами – куда бросали своих же соотечественников, заподозренных в работе на англичан; это было, когда отток людей из Организации в УСО принял катастрофические размеры. В оккупированной Франции же существовали «территории влияния» соответственно УСО и свободофранцузов – где людей из конкурирующей фирмы легко могли убить или сдать немцам. Однако же генерал ни в чем не раскаивался – оправдывая свою политику тем, что она, в конечном счете, ради прекрасной Франции и в ее истинное благо.

Неужели Франция безвозвратно выброшена из числа мировых держав? И ей отныне суждено играть лишь подчинен-

ную роль? Франция, всего двадцать четыре года назад, в Версале, считавшаяся первой силой на европейском континенте, имеющая лучшую в мире сухопутную армию, одолевшую германцев в прошлой Великой войне! А что будет теперь, с учетом, как смотрят британцы, янки и русские на Францию, страдающую под германским сапогом – дележ ее имущества, как разделили тогда в Версале «наследство больного человека – Османской империи»? В колониях, еще не оккупированных державами Оси – не только британские войска, но и британские губернаторы (называются иначе, но не в этом суть). И мало извечного врага и конкурента, англичан, так еще и русские проявляют интерес – в Индокитае активизировались коммунисты, а в самой Франции одними из самых боеспособных считаются отряды из бежавших русских пленных.

Когда де Голль просил о личной встрече со Сталиным, то не исключал, что последует отказ, всё же СССР и «Сражающаяся Франция» находились в слишком разных весовых категориях. Хотя тот факт, что именно Сталин настоял на приглашении французской стороны на эту конференцию, внушал оптимизм.

В Малой гостиной кроме Сталина были переводчик и секретарь, всё тот же, или очень похожий на него молчаливый человек в штатском, с неизменной папкой в руке, стоящий за креслом босса. Де Голль был один. Что ж, когда нет уверенности, куда идти – иди вперед. И наступление – это лучший

вид обороны, а де Голль недаром был танковым генералом¹⁹.

Обменялись приветствиями. Затем де Голль, гордо вскинув голову, предпочел сразу взять быка за рога. Представив, что, как в тридцать девятом, перед ним сидит премьер Даладье, по иронии судьбы имеющий прозвище «вогезский бык».

– Господин маршал, – де Голль решил, что ему привычнее называть русского правителя по его воинскому званию, – ваша политика сейчас показывает явное уважение к русскому имперскому прошлому. Я хотел бы узнать о признании вами царских долгов Франции – которые ваши предшественники в Генуе, в 1922 году, соглашались вернуть. И в Лозанне, 1923 год, вы не отказывались от обязательств.

Сталин молчал секунду, затем ответил – медленно, размеренно, негромко:

– Вы, генерал, спрашиваете меня об этом сейчас. Однако до того вы неоднократно говорили и своим соратникам, и англичанам, и лично мистеру Черчиллю об этих обязательствах СССР перед вами. Интересно, на чем основывались ваши предположения, если я слышу о них от вас открыто впервые?

¹⁹ Вообще-то звание бригадного генерала командиру 4-й танковой дивизии полковнику де Голлю в 1940 году до капитуляции Франции и бегства де Голля в Лондон – формально дезертирства! – утвердить не успели. И официально, после выхода в отставку, он получал пенсию как полковник. Однако же обращение к нему «генерал» было общепотребительным во время войны. Ведь неудобно, когда Виши возглавляет Петен, имеющий чин маршал Франции, признанный герой прошлой Великой войны – а ему противостоит даже не генерал?

Вы ссылаетесь на Геную? Так я напомним, что наше согласие там предполагалось взаимным – вы признаете нас, установив дипломатические отношения, заключаете торговый договор и даете кредит. Тогда этого не было сделано – одна лишь Германия пошла нам навстречу. Следовательно, то обещание не могло иметь силы.

Вы вспоминаете Лозанну? И там мы соглашались на уплату долгов – при условии, что режим Черноморских проливов будет выгоден нам. Вы же не только отказались это обсуждать, но еще и организовали убийство нашего посла на конференции, товарища Воровского. Однако требуете, чтобы мы заплатили?

Что вы можете предложить сейчас? Учитывая, что из трех политических сил, действующих во Франции – режима Петена, «английской» партии, и вас – вы, пожалуй, находитесь на третьем и последнем месте? По какому, собственно, праву вы говорите от лица Франции – если даже для англичан ваш приход к власти после войны далеко не очевиден? И очень может быть, ваша страна после свержения Петена и изгнания немцев станет британским протекторатом? Что тогда – снова будете сто лет ждать новую Жанну д'Арк?

– Господин маршал, – прищурился де Голль, – неужели вам в Европе будет выгоднее еще один британский протекторат, а не независимая, сильная и дружественная вам Франция?

– Второе, – сказал Сталин, – но и первое мы как-нибудь

перетерпим. А вот вы?

– И что же вы от нас хотите? Вы понимаете, я не могу сейчас слишком многого обещать. А тем более дать реально прямо сейчас.

Сталин, не глядя, протянул руку назад, и секретарь тотчас же вложил ему извлеченный из папки конверт. Сталин мельком взглянул и протянул де Голлю. Это было письмо из Лиона, от девочки Жанны, двенадцати лет: «Мой папа пропал без вести в России. Может быть, он жив и в плену? Можно ли, когда война кончится, отпустить его поскорее? Мы с мамой возвращаем вам это – всё, что у нас было». И пачка бумажек внутри – облигации русского, еще царского, займа.

– Письмо подлинное, – сказал Сталин. – Фамилия, адрес – можете приказать проверить своим людям. Адресовано лично мне, как и через кого оно сюда попало, к делу не относится. Отец ее жив, его имя есть в списках взятых в плен на Днестре – среди прочих четырехсот тысяч французских солдат, находящихся сейчас на нашем иждивении, а оно, между прочим, денег стоит. Вот калькуляция, сумма выходит почти вдвое больше, чем вы пытаетесь нам предъявить. Так как, господин де Голь, не будем обижать ребенка?

Француз был потрясен таким изощренным коварством, ударом поддых! Конечно, сейчас Франция не в том положении, чтобы требовать у СССР возврата тех долгов, и облигации царских займов стоят не дороже нарезанной бумаги – но кто знает, как обернется политическая ситуация через два-

дцать, тридцать лет, полвека? А проценты по займу растут – и проценты на неполученный процент тоже. Теперь же оказывается, что Франция не только никогда не получит этот долг, но еще и сама должна столько же, причем «под обеспечение» жизнями сотен тысяч своих граждан, которые в случае отказа сгинут в ледяной русской Сибири!

– Неужели вы не понимаете, что у нас просто нет денег расплатиться с вами сейчас?

– Мы не настолько жестоки, генерал. И зачем убивать тех, кто может работать на наше благо? Добровольно работать – знаете ли вы, сколько из пленных солдат великой армии Наполеона так и остались в России, никогда не вернувшись во Францию, бывшую тогда весьма неудобным и голодным местом? Последний из них – и, наверное, вообще последний солдат той армии – умер в Саратове в 1894 году²⁰. Сибирь – это не только снег и медведи, это еще и заводы, стройки, быстро растущие города. И если кто-то из ваших пленных проявит усердие в работе и будет лоялен, мы вполне можем предоставить ему наше подданство. Но несомненно, многим захочется вернуться на родину. Мы знаем, что держателем основной массы бумаг царских займов является не французская казна, а частные лица, так что аннулировать этот долг вы не можете, даже если бы хотели. Но мы согласны на упла-

²⁰ История подлинная, задокументирована! Лейтенант 2-го гусарского полка 3-го корпуса маршала Нея Жан-Батист Николя Савен, родился в Руане в 1768 году, был взят в плен, остался в России, с 1814 служил учителем французского языка в Саратовской гимназии, умер в возрасте 126 лет.

ту нам суммы за содержание ваших пленных – такими же облигациями. И когда вы после окончания войны вернетесь в Париж, то обратитесь к своим гражданам – кто хочет скорее увидеть своих мужей, отцов, братьев? И, наверное, многие добрые французы согласятся отдать свои ничего не стоящие ценные бумаги ради возвращения соотечественников – или вы настолько плохо думаете о своем народе? Надеюсь, во Франции не найдется таких же ловкачей, как у Гитлера, кто завалил швейцарские банки фальшивыми долларами и фунтами. И также, вы понимаете, о военных преступниках, запятнавших себя кровью нашего мирного населения, речь идти не может.

Де Голль пожал плечами.

– У меня нет выбора, маршал Сталин. Но вы – дьявол. Если наживаетесь на чужой беде. Признаюсь, я очень рассчитывал хоть на малую возможность получить этот долг. Вы ведь знаете, что с нами собираются сделать британцы?

– Это был выбор Франции, генерал. «Виши» было не группой каких-то самозванцев, а Национальным Собранием Франции, бежавшим в этот город из Парижа при наступлении немцев – то есть законной французской властью. И именно оно столь же законно дало диктаторские полномочия Петену, так что он не узурпатор, а законный правитель Франции. Значит, решение капитулировать, когда еще можно было сражаться – было не его личной волей, а выбором Франции. Как и присоединение к Еврорейху. Вы дважды са-

ми сделали свой выбор – и теперь не хотите принять последствия?

– Меня не было в Виши. И это было не моим выбором!

– Ну так сделайте свой выбор сейчас, генерал. Желаете по окончании войны оказаться в положении побежденного – или всё же войти по праву в лагерь победителей? Тогда, думаю, и Уинстону Черчиллю придется поубавить свой аппетит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.